БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ

БАСНЯМЪ КРЫЛОВА.

СОСТАВИЛЪ

В. КЕНЕВИЧЪ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ БІОГРАФІИ И. А. КРЫЛОВА, ИМЪ ЖЕ СОБРАННЫХЪ.

Продается въ книжныхъ магазинахъ издателя И. И. Глазунова.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: По Большой Садовой ул., въ домѣ Публичной Библіотеки, подъ №№ 21 и 22.

ВЪ МОСКВѢ: На Петровкѣ, противъ Кузнецкаго Моста, въ домѣ бр. Хомяковыхъ, № 20.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1878.

На память отъ В. М. [illegible]
10 Ноября 1871 г. СПб.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛИЦА, № 8.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ 1-му ИЗДАНІЮ.

Крыловъ, какъ баснописецъ, представляетъ замѣчательное и въ нашей литературѣ безпримѣрное явленіе. Почти съ выхода въ свѣтъ первой его басни онъ дѣлается любимцемъ всей читающей публики; журналисты почитаютъ его басни украшеніемъ своихъ журналовъ, и сѣтуютъ, если его лѣнивая муза на время умолкаетъ. При жизни его, ему не было сдѣлано ни одного серьознаго замѣчанія ни относительно содержанія его басенъ, ни относительно ихъ внѣшней отдѣлки. Рѣзкая статья Каченовскаго (1812 г.) должна была возбудить въ читателѣ только негодованіе, а замѣтки А. Измайлова въ статьѣ «О разсказѣ басни», по своей мелочности, не могли имѣть замѣтнаго вліянія на баснописца.

Такимъ образомъ Крыловъ, восхищая своихъ современниковъ, не нашелъ у нихъ строгой, безпристрастной, правильной оцѣнки. Съ 1844 до 1847 года напечатано было о Крыловѣ нѣсколько обширныхъ статей. Большая часть изъ нихъ посвящена біографическимъ свѣдѣніямъ; и дѣйствительно, эта сторона предмета такъ полно обработана, что къ ней почти нечего прибавить. Что же касается до оцѣнки басенъ, то въ этихъ статьяхъ обращено вниманіе преимущественно на ихъ литературное достоинство, опредѣляется отношеніе русскаго баснописца къ Ла Фонтену и доказывается его самобытность; но вопросъ объ историческомъ значеніи его произведеній почти не затрогивается.

Правда, Лобановъ, Плетневъ, Гоголь и наконецъ Булгаринъ высказали мысль, что почти каждая оригинальная басня его была вызвана какимъ-нибудь современнымъ

*

общественнымъ явленіемъ; что каждая изъ нихъ рѣшаетъ какой-нибудь вопросъ, занимавшій умы его современниковъ; но три случая, подавшіе поводъ къ сочиненію басни, разсказанные Лобановымъ; общія замѣчанія о цѣлыхъ группахъ басенъ однороднаго содержанія, Плетнева; три-четыре замѣтки Гоголя; разсказъ Булгарина о литературныхъ партіяхъ, — все это слишкомъ скудно, обще и представляетъ слишкомъ мало данныхъ для опредѣленія отношенія басенъ Крылова къ современной ему дѣйствительности.

Между тѣмъ многія басни, оторванныя отъ исторической почвы, лишаясь своего настоящаго значенія, пріобрѣтаютъ совершенно другой смыслъ; многіе нравоучительные выводы кажутся до того общими мѣстами, что повидимому даже не могутъ найти примѣненія къ дѣйствительности. Оно и не можетъ быть иначе: забывъ или вовсе не зная тѣхъ обстоятельствъ, съ которыми связано литературное произведеніе, мы не можемъ ни правильно понять его, ни вѣрно опредѣлить направленіе дѣятельности писателя.

Такое неудовлетворительное состояніе одного изъ существеннѣйшихъ вопросовъ нашей науки побудило насъ къ собиранію матеріаловъ, которые могли бы послужить основаніемъ для его рѣшенія.

Прежде всего представилась необходимость привести всѣ басни въ возможно строгій хронологическій порядокъ. Тотъ порядокъ, въ какомъ обыкновенно печатаются басни Крылова, избранъ имъ самимъ въ изданіи 1843 года. Кажется, баснописецъ заботился преимущественно о томъ, чтобы избѣжать однообразія: басни, близкія другъ къ другу по содержанію и по времени, онъ помѣстилъ въ различныхъ книгахъ, и такимъ образомъ совершенно разрушилъ ихъ хронологическую послѣдовательность.

Для возстановленія хронологическаго порядка оказалось необходимымъ разсмотрѣть всѣ изданія басенъ, появившіяся въ свѣтъ, при жизни баснописца, потому что каждое послѣдующее изданіе пополнялось цѣлою новою книгою басенъ. Эти изданія слѣдующія:

I. Басни И. А. Крылова, С. П.-бургъ, въ типогр. губернскаго правленія, 1809 г. 8°, съ надписью: «Съ дозволенія Санктпетербургскаго цензурнаго комитета», безъ означенія числа (54 стр.).

Это изданіе, заключающее двадцать-три басни, было привѣтствовано извѣстною статьею Жуковскаго и повторено въ 1811 г. Въ новомъ тисненіи авторъ многое измѣнилъ и исправилъ. Полное его заглавіе слѣдующее: Басни И. Крылова, С. П.-бургъ, 1811 г., въ типографіи губернскаго правленія (одобрено цензоромъ въ сентябрѣ).

II. Новыя басни Ивана Крылова, С. П.-бургъ, 1811 г., въ типографіи губернскаго правленія, 8° (цензорская отмѣтка 8-го марта). Это такъ же брошюра въ 42 стр., заключающая двадцать одну басню.

III. Басни Ивана Крылова, 1815 г. Это заглавіе съ виньеткою работы Ив. Иванова, составляетъ фронтисписъ; на слѣдующемъ листѣ помѣщено полное заглавіе: Басни Ивана Крылова въ трехъ частяхъ. Въ Санктпетербургѣ, въ типографіи правит. сената, 1815 г. 8°. На третьемъ листѣ помѣщено слѣдующее посвященіе: «Его Императорскому Величеству Государю Императору съ благоговѣніемъ и душевною благодарностію всеподданнѣйше посвящаетъ Иванъ Крыловъ». (Цензорская отмѣтка отъ 28 марта). Къ каждой изъ трехъ частей приложено оглавленіе и въ каждой особая пагинація *. Въ дополненіе къ нимъ въ 1816 году напечатаны были отдѣльно еще двѣ части: 4-я, подъ заглавіемъ: Новыя басни И. А. Крылова, часть четвертая, иждиве-

---

* Въ письмѣ А. Измайлова къ Н. Грамматину (отъ 13 января 1813 г.) сохранилось интересное свѣдѣніе, которое, кажется, должно отнести къ этому изданію. Авторъ письма, перечисляя, что кому изъ литераторовъ пожаловано государемъ императоромъ, говоритъ: «Крыловъ на изданіе своихъ басенъ получилъ отъ государя черезъ предстателя своего Оленина 4,000 рублей». Перечисленіе заключается словами: «Скажите послѣ этого, что худо быть словесникомъ». (Библіографич. записки, 1859 г., столб. 419).

ніемъ содержателя типографіи, А. Похорскаго. С.-Пбргъ, въ типогр. имп. театра, 1816 г. (форматъ предыдущихъ трехъ частей; цензорская отмѣтка отъ 25 февраля 1816 г.), и 5-я: Новыя басни И. А. Крылова, часть пятая, С.-Пбргъ, въ типографіи имп. театра, 1816 г. (въ томъ же форматѣ; цензорская отмѣтка отъ 7-го марта 1816 г.).

IV. **Басни Ивана Крылова, въ шести частяхъ,** иждивеніемъ содержателя театральной типогр., А. Похорскаго. С. П.-бргъ, въ тип. имп. театра, 1819, 8°. При каждой части приложено особое оглавленіе, и съ третьей, при которой другой заглавный листъ, начинается новая пагинація; цензорская отмѣтка отъ 18-го октября 1816 г. *

Съ 1819 по 1823 г. Крыловъ ничего не печаталъ; но съ 1823 г. вновь стали появляться его басни, которыя составили новую книгу въ слѣдующемъ изданіи, вышедшемъ въ 1825 году.

V. **Басни И. А. Крылова, въ семи книгахъ.** Новое исправленное и дополненное изданіе. С.-Пбргъ. У книгопродавца Сленина, въ тип. департ. нар. просвѣщенія 1825. Оно посвящено императору Александру и украшено прекраснымъ портретомъ баснописца, рисованнымъ съ натуры П. Оленинымъ **, виньеткою и семью картинками, приложенными къ первой баснѣ каждой книги. Первая изъ нихъ, при б. »Конь и Всадникъ«, которою открывается изданіе, работы Зауэрвейта, остальныя шесть — Ив. Иванова. Въ этомъ изданіи Крыловъ въ первый разъ отмѣтилъ въ оглавленіи басни, переводныя и заимствованныя, которыхъ, по его счету, оказалось тридцать четыре.

---

* Объ этомъ изд. см. въ Указателѣ объявленіе С. Петербургскихъ Вѣдомостей, 1819 г. Въ имп. публичн. библіотекѣ хранится весьма интересный экземпляръ изданія 1819 г., проложенный чистыми листами, на которыхъ Крыловъ дѣлалъ поправки, приготовляя свои басни къ изданію 1825. Этотъ экземпляръ, какъ видно изъ собственноручной надписи Гнѣдича, былъ подаренъ ему Крыловымъ, а онъ въ свою очередь подарилъ его библіотекѣ.

** Сыномъ Алексѣя Николаевича, Петромъ Алексѣевичемъ.

VI. Басни Ивана Крылова, въ осьми книгахъ. Новое изданіе вновь исправленное и умноженное. С.-Пбргъ, въ тип. А. Смирдина, 1830 г. Заимствованныхъ басенъ показано такъ же тридцать четыре.

За этимъ изданіемъ слѣдуетъ цѣлый рядъ изданій Смирдина, который, по свидѣтельству Лобанова, съ 1830 по 1840 г., напечаталъ въ различныхъ форматахъ 40,000 экземпляровъ. Замѣчательнѣйшее изъ нихъ вышло въ 1834 г., съ картинками Сапожникова, въ двухъ частяхъ, 4°.

VII. Басни И. А. Крылова, въ девяти книгахъ. С.-Пбргъ, въ типогр. военно-учебныхъ заведеній, 1843 г. Число заимствованныхъ басенъ показано то же.—Это то сáмое изданіе, которое предпринялъ и окончилъ самъ Крыловъ, но только не успѣлъ его выпустить въ свѣтъ, и которое душеприкащикъ его Я. И. Ростовцевъ, послѣ смерти баснописца, исполняя его волю, разослалъ въ числѣ болѣе тысячи экземпляровъ лицамъ, участвовавшимъ въ 1838 г. въ составленіи для него юбилейнаго торжества * и присутствовавшимъ на похоронахъ поэта. На траурной оберткѣ разосланныхъ экземпляровъ было напечатано: »Приношеніе. На память объ Иванѣ Андреевичѣ. По его желанію. Санктпетербургъ, 1844 г. 9 ноября $^{3}/_{4}$ 8 утромъ«.

Съ 1847 года »Полнымъ собраніемъ сочиненій Крылова« начинается длинный рядъ изданій гг. Юнгмейстера и Веймара; но эти изданія, представляя болѣе или менѣе неисправное повтореніе текста 1843 г., не имѣютъ никакого значенія при изученіи нашего баснописца.

Сравнительный пересмотръ исчисленныхъ изданій доставилъ существенныя данныя, на которыхъ долженъ былъ основаться хронологическій списокъ басенъ. Независимо отъ того, извлечены изъ періодическихъ изданій свѣдѣнія о времени появленія въ свѣтъ тѣхъ басенъ, которыя, прежде чѣмъ входили въ изданія, печатались отдѣльно. При этомъ обраща-

* Жизнь и соч. И. А. Крылова, П. А. Плетнева, стр. LXLII.

лось вниманіе на время цензорской отмѣтки, такъ-какъ оно иногда приблизительно опредѣляетъ время сочиненія басни.

Весьма важнымъ пособіемъ при опредѣленіи хронологіи басенъ, равно какъ и въ другихъ отношеніяхъ, служили рукописи. Онѣ могутъ быть раздѣлены на два отдѣла: 1) рукописи, принадлежащія имп. публ. библіотекѣ, и 2) рукописи, принадлежащія г. Савельеву. *

Рукописи перваго отдѣла гораздо малочисленнѣе втораго.

I. На первой изъ нихъ, заключающей только четыре полныя басни (*Огородникъ и Философъ*, *Оселъ и Соловей*, *Квартетъ* и *Слонъ и Моська*), рукою Гнѣдича сдѣлана надпись: »Экземпляръ басенъ, сколотый булавкою, который И. А. Крыловъ въ такомъ видѣ имѣлъ съ собою, когда читалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ Зимнемъ дворцѣ, 1813 года, будучи у Нея вмѣстѣ со мною«.

II. На второй, тщательно переписанной рукою баснописца и заключающей десять басенъ (*Лягушка и Юпитеръ*, *Лжецъ*, *Орелъ и Пчела*, *Собаки и Прохожіе*, *Лисица и Сурокъ*, *Тѣнь и Человѣкъ*, *Безбожники*, *Крестьяне и Рѣка*, *Пожаръ и Алмазъ*, *Лань и Дервишъ*), имъ самимъ сдѣлана надпись: »По сей рукописи сочинитель имѣлъ счастіе читать свои басни ея императорскому величеству Маріи Федоровнѣ, генваря 11 дня 1814 г.«

III. Въ третьей, такъ же переписанной рукою Крылова, находится тринадцать басенъ (*Прудъ и Рѣка*, *Дерево*, *Камень и Червякъ*, *Чижъ и Голубь*, *Орелъ и Кротъ*, *Комаръ и Пастухъ*, *Крестьянинъ и Разбойникъ*, *Лебедь*, *Щука и Ракъ*, *Клеветникъ и Змѣя*, *Конь и Всадникъ* (въ двухъ спискахъ), *Собаки и Прохожіе*, *Чижъ и Ежъ* (въ двухъ спискахъ), *Добрая Лисица*), а въ концѣ ея приписано рукою А. Н. Оленина: »Басни были читаны самимъ авторомъ у государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, по требованію ея величества въ 12 день маія 1814 г. На сей конецъ авторъ

* Г. Савельевъ всѣ эти рукописи подарилъ въ прошломъ году Императорской Академіи Наукъ, членомъ которой Крыловъ состоялъ со времени учрежденія въ ней II отдѣленія.

тщательно старался ихъ переписать своею рукою, какъ то доказываетъ сія рукопись«. *

IV. Сверхъ того, въ 1841 году Лобановъ, по выѣздѣ Крылова изъ дома публичной библіотеки, собралъ въ сору на чердакѣ черновые листы; многіе изъ нихъ изорваны, другіе такъ пострадали отъ сырости и грязи, что многаго въ нихъ вовсе нельзя разобрать. Въ этой коллекціи находится двадцать одна басня (*Огородникъ и Философъ*, *Волкъ и Мышенокъ*, черновое заключеніе басни *Безбожники*, *Собачья Дружба*, *Волкъ на Псарнѣ* (три ред.), *Мальчикъ и Червякъ*, *Мотъ и Ласточка*, *Булыжникъ и Алмазъ*, *Тѣнь и Человѣкъ*, *Зеркало и Обезьяна* (двѣ редакціи), *Тришкинъ Кафтанъ* (двѣ редакціи), *Два Мужика*, *Безбожники*, *Муха и Пчела*, *Двѣ Собаки*, *Чижъ и Ежъ*, *Ручей*, *Клеветникъ и Змѣя*, *Мышь и Крыса*, *Медвѣдь у Пчелъ*, *Любопытный*); но къ сожалѣнію, ни на одной изъ этихъ рукописей не означено года.

Рукописи втораго отдѣла, по словамъ ихъ владѣльца, г. Савельева, были собраны самимъ баснописцемъ за нѣсколько лѣтъ до смерти, сложены въ извѣстномъ порядкѣ и переданы ему на храненіе. Это почти полный экземпляръ басенъ, написанный рукою самого автора. Видно, что нѣкоторыя изъ нихъ были списаны имъ съ печатнаго изданія, неизвѣстно, для какой цѣли: одна тетрадь въ четвертку содержитъ всѣ басни, заключающіяся въ изданіи 1819 года, безъ всякихъ перемѣнъ сравнительно съ печатною редакціею. Другія же представляютъ всю работу баснописца, отъ черновой накидки нѣсколькихъ отрывочныхъ мыслей до окончательной редакціи; послѣднія принадлежатъ позднѣйшему времени; именно: періоду отъ 1823 года до 1835. **

* На той же страницѣ находится стихотвореніе кн. Вяземскаго «Къ портрету Государя Императора», переписанное съ дозволенія императрицы Оленинымъ.

** Послѣднія двѣ басни: «Два Мальчика» и «Кукушка и Пѣтухъ» мы помѣстили подъ 1836 г., потому что въ этомъ году онѣ явились въ печати, но судя по рукописямъ, онѣ, вѣроятно, были написаны одновременно съ б. «Вельможа»; къ такому заключенію приводитъ одинаковость почерка, чернилъ, бумаги; всѣ онѣ набросаны въ одной тетради in folio въ 12 стр.

Кромѣ данныхъ для опредѣленія хронологической послѣдовательности басенъ, тщательный пересмотръ рукописей доставилъ множество варіантовъ, которые при изученіи нашего поэта имѣютъ особенную важность.

Извѣстно, что Крыловъ былъ къ себѣ несравненно строже, чѣмъ его читатели: онъ по-многу разъ переписывалъ одну и ту же басню, всякій разъ передѣлывалъ ее и удовлетворялся только тогда, когда въ ней не оставалось ни одного слова, которое, какъ онъ выражался, »ему пріѣдалось«. Этого рода варіанты даютъ богатый матеріалъ для изученія языка, и если бы впослѣдствіи представилась надобность въ спеціальномъ словарѣ къ баснямъ Крылова, то они нашли бы въ немъ видное мѣсто. Но надо замѣтить, что нерѣдко, обработывая языкъ, поэтъ нашъ измѣнялъ многіе оттѣнки мысли, подробности въ сценахъ и картинахъ, и такимъ образомъ придавалъ своему сочиненію совершенно иной характеръ. Подобные варіанты имѣютъ еще большую важность: они иногда приводятъ къ уразумѣнію той задней мысли, которую поэтъ скрывалъ за своимъ вымысломъ, или прямо намекаютъ на современныя явленія.

Такое важное значеніе варіантовъ побудило насъ къ самому тщательному сличенію окончательнаго текста басенъ (1843 года) со всѣми предшествовавшими изданіями и рукописями; и мы скорѣе опасаемся упрека въ излишней мелочности, чѣмъ въ невниманіи къ этой сторонѣ предмета. При собираніи варіантовъ по рукописямъ (особенно позднѣйшей эпохи) нерѣдко представлялось неодолимое препятствіе—крайняя неразборчивость черновыхъ рукописей, изъ коихъ нѣкоторыя написаны карандашемъ и отъ времени почти совершенно стерлись. Но мы заносили на наши страницы и тѣ стихи, которые хотя и были зачеркнуты, однако еще могли быть прочитаны. Мы не рѣшались пренебречь и такими стихами.

Приведеніе басенъ въ хронологическій порядокъ и собраніе варіантовъ составляли собственно приготовительную работу. Теперь надлежало бы каждую басню (разумѣется, ори-

гинальную) обставить тѣми историческими данными, которыя могли бы опредѣлить отношеніе ея къ современной дѣйствительности. Если бы это было выполнено, то, конечно, ничего болѣе не оставалось бы желать; но, къ сожалѣнію, исторія текущаго столѣтія еще такъ мало извѣстна въ своихъ подробностяхъ, которыя могли имѣть и, конечно, имѣли важное значеніе; свидѣтельства современниковъ, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя намъ были доступны, такъ недостаточны, что выполненіе этой задачи остается пока невозможнымъ.

Отрывочныя замѣчанія нѣкоторыхъ писателей и свѣдѣнія, сообщенныя намъ нѣсколькими лицами, знавшими Крылова или имѣвшими возможность узнавать о немъ изъ первыхъ источниковъ, указывали иногда на факты, съ которыми связано появленіе той или другой басни; но и эти свѣдѣнія весьма скудны и требовали строгой повѣрки, которая нерѣдко приводила къ отрицанію установившагося мнѣнія.

Всѣ имѣвшіяся у насъ данныя, по своей скудости, могли привести къ полному уразумѣнію историческаго значенія далеко не всѣхъ басенъ; очень многія ожидаютъ новаго изслѣдованія, которое, какъ надо надѣяться, съ теченіемъ времени, при болѣе подробной и разносторонней обработкѣ исторіи той эпохи, когда писалъ Крыловъ, сдѣлается возможнѣе.

При изученіи Крылова представляется еще одинъ вопросъ, не только не рѣшенный, но почти не тронутый критикою: дѣйствительно ли оригинальны всѣ тѣ басни, которыя онъ самъ призналъ оригинальными? Изслѣдованіе его басенъ въ этомъ отношеніи привело насъ къ отрицательному отвѣту. Сверхъ Ла Фонтена, котораго преимущественно изучалъ нашъ баснописецъ, ему были знакомы и другіе писатели, особенно Эзопъ, изъ котораго онъ непосредственно почерпнулъ нѣсколько сюжетовъ. Тутъ мы старались быть какъ можно осторожнѣе: только тогда рѣшались признать басню заимствованною, когда заимствованіе было очевидно.

Такъ какъ басня во всѣ времена и у всѣхъ народовъ имѣла цѣлью исправленіе недостатковъ и заблужденій, ко-

торые повсюду болѣе или менѣе общи, то, естественно, нравоучительные выводы у разныхъ баснописцевъ должны имѣть нѣкоторое, хотя иногда весьма отдаленное сходство. Можетъ быть, сличеніе произведеній нашего баснописца съ произведеніями писателей другихъ народовъ и могло бы быть интересно, но едва ли оно содѣйствовало бы къ болѣе глубокому пониманію его басенъ. Поэтому мы останавливаемся только на тѣхъ писателяхъ, изъ которыхъ онъ могъ заимствовать непосредственно, и переходимъ къ болѣе отдаленнымъ источникамъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда находимъ у Крылова что-либо общее съ ними.

Критика безусловно признала Крылова писателемъ самостоятельнымъ; даже въ заимствованныхъ басняхъ онъ умѣетъ сохранить свою самостоятельность, перенося чужой сюжетъ на родную почву, обставляя его чисто русскими условіями жизни и примѣняя выводы по возможности къ русскому строю общества. Но такое заключеніе, хотя и совершенно справедливое, высказывалось бездоказательно; никто изъ критиковъ не задалъ себѣ задачи отдѣлить въ его басняхъ свое отъ чужаго и опредѣлить, въ чемъ именно заключается то, что всѣ русскіе съ дѣтства привыкаютъ называть народностію въ басняхъ Крылова.

Сопоставленіе заимствованныхъ его басенъ съ ихъ оригиналами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они сходятся, или совершенно расходятся, можетъ, какъ полагаемъ, дать обильный запасъ данныхъ для повѣрки установившагося мнѣнія. Оттого всюду, гдѣ оказывалась надобность, приведены подлинныя мѣста изъ тѣхъ произведеній, изъ которыхъ заимствовалъ Крыловъ, а иногда приведены басни вполнѣ.

Басни Крылова, какъ извѣстно, доставили русскому языку множество пословицъ и поговорокъ; но съ другой стороны, онъ самъ почерпнулъ много изъ народныхъ пословицъ; у него есть даже басни, составляющія какъ бы развитіе мысли,

выраженной въ пословицѣ. Если онъ въ изображеніи звѣрей иногда расходится съ народною сказкою, за то его нравственные выводы во многихъ случаяхъ совпадаютъ съ народнымъ взглядомъ на вещи, какъ онъ выразился въ пословицахъ. Указаніе такихъ заимствованій * не только не лишено интереса, но имѣетъ первостепенную важность. Съ одинаковою точностію мы отмѣчали и тѣ изреченія **Крылова**, которыя вошли въ сборники народныхъ пословицъ.

Въ русской литературѣ **Крыловъ** является первымъ баснописцемъ по достоинству, но послѣднимъ по времени. Хотя ни одинъ изъ его предшественниковъ не можетъ быть поставленъ съ нимъ наравнѣ, однакожъ нельзя предположить, чтобы онъ не былъ хорошо знакомъ съ ними и не заимствовалъ чего-либо у нихъ. Чтобы опредѣлить отношеніе его къ своимъ предшественникамъ, здѣсь сопоставлено все, что можно было найти общаго между баснями **Крылова** и другихъ русскихъ писателей, и указано, который изъ нихъ занимался обработкою сюжетовъ, возбудившихъ его вниманіе.

Хотя нѣкоторые отрывочные отзывы о басняхъ помѣщены непосредственно при самыхъ басняхъ; однакожъ для большаго удобства прилагаемъ указатель статей о **Крыловѣ** и его произведеніяхъ съ изложеніемъ ихъ содержанія; нѣкоторыя же изъ нихъ перепечатываемъ вполнѣ. Въ указатель не внесены только тѣ статьи, которыя по своей незначительности не заслуживаютъ вниманія. Изъ статей о **Крыловѣ**, написанныхъ на иностранныхъ языкахъ, мы указываемъ только тѣ, которыя были переведены на русскій языкъ. Мы не могли взять на себя обширнаго труда — собрать все, что было писано за границею о нашемъ баснописцѣ, во-первыхъ, по-

---

* Мы пользовались сборниками пословицъ: **Курганова** (Писмовникъ), Д(митрія) К(няжевича) (1822 г.), **Снегирева** (Русскіе въ своихъ пословицахъ и Русскія народныя пословицы и притчи) и **Даля** (Пословицы русскаго народа).

тому, что ни въ одной изъ здѣшнихъ библіотекъ нѣтъ полной коллекціи иностранныхъ періодическихъ изданій; во-вторыхъ, потому, что это значило бы вступить въ неравное соперничество съ С. Д. Полторацкимъ, который въ заграничныхъ библіотекахъ собралъ все, что было писано о Крыловѣ, а равно и всѣ переводы его басенъ, и вѣроятно, со временемъ напечатаетъ свою коллекцію.

Сознаемъ, что трудъ нашъ и неполонъ и недостаточенъ; но онъ не могъ бы достигнуть и настоящей полноты безъ обязательнаго содѣйствія многихъ лицъ, и преимущественно К. С. Савельева, предоставившаго въ наше распоряженіе всѣ хранящіяся у него рукописи.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-му ИЗДАНІЮ.

Первое изданіе этой книги, удостоившейся одобренія Императорской Академіи Наукъ, было напечатано ко дню столѣтней годовщины рожденія И. А. Крылова (2-го февраля 1868 года). Быстрое исчезновеніе ея изъ книжныхъ магазиновъ, приписываемъ тому живому интересу, который возбужденъ былъ этимъ празднествомъ въ образованной части всего русскаго общества. Съ тѣхъ поръ прошло ужъ десять лѣтъ. Съ возможнымъ вниманіемъ старались мы слѣдить за всѣмъ, что появлялось въ нашей литературѣ о Крыловѣ и его сочиненіяхъ, и теперь считаемъ полезнымъ, не вдаваясь ни въ какія личныя препирательства, внести въ настоящее изданіе важнѣйшее изъ того, что можетъ послужить къ установленію правильнаго, безпристрастнаго взгляда на нашего баснописца *.

* Этими статьями и замѣтками мы дополнили Указатель статей о Крыловѣ и его сочиненіяхъ, не излагая ихъ содержанія, такъ какъ онѣ помѣщены въ изданіяхъ общедоступныхъ.

Къ настоящему изданію приложены Матеріалы для Біографіи И. А. Крылова, которые были напечатаны въ *VI томѣ Сборника статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*. Присоединеніе ихъ къ нашимъ *Примѣчаніямъ* намъ казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ прекрасно написанной Плетневымъ біографіи Крылова встрѣчаются неточности, которыя объясняются тѣмъ, что покойному автору не доставало подлинныхъ документовъ, и онъ волей-неволей принужденъ былъ полагаться на свидѣтельства современниковъ, иногда не вполнѣ согласныя между собою.

Намъ удалось также прибавить два-три факта къ свѣдѣніямъ объ Андреѣ Прохоровичѣ Крыловѣ, отцѣ баснописца, тоже историческомъ лицѣ, по нашему мнѣнію, заслуживающемъ полнаго вниманія и уваженія историка.

Искреннее желаніе наше состоитъ въ томъ, чтобы появленіе настоящаго изданія возбудило новое вниманіе и къ баснописцу и къ той эпохѣ, которую онъ изображалъ въ своихъ басняхъ.

В. Кеневичъ.

1806.

—

I. Дубъ и Трость.

По времени появленія въ печати это первая басня Крылова. Еще въ 1781 г., на четырнадцатомъ отъ рожденія, онъ испробовалъ свои силы въ этомъ родѣ поэзіи — перевелъ одну б. изъ Ла Фонтена; знатоки того времени и между прочими И. И. Бецкій хвалили этотъ переводъ (М. Лобановъ, стр. 4). Съ тѣхъ поръ онъ посвящалъ свою дѣятельность преимущественно театру и только въ 1805 г., когда ему было 37 лѣтъ, снова обратился къ баснѣ: «перечитывая Ла Фонтена, онъ вдругъ почувствовалъ желаніе передать нѣкоторыя изъ его басенъ своимъ языкомъ русскому народу» (Лобановъ, стр. 48). И. И. Дмитріевъ первый радушно привѣтствовалъ будущаго великаго баснописца: «Это истинный вашъ родъ», сказалъ онъ ему: «наконецъ вы нашли его» (тамъ же). Эти басни были: «Дубъ и Трость» и «Разборчивая Невѣста», напечатанныя въ «Московскомъ Зрителѣ», изд. кн. П. Шаликовымъ, 1806 г. ч. I, стр. 73, подъ общимъ заглавіемъ: «Двѣ басни для С. К. Бкндрфвой», съ полною подписью и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя: «Я получилъ сіи прекрасныя басни отъ И* И* Д*. Онъ отдаетъ имъ справедливую похвалу и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и другимъ то удовольствіе, которое онѣ принесли ему. . . Имя любезнаго поэта обрадуетъ конечно и читателей моего журнала такъ, какъ обрадовало меня». «Всего замѣчательнѣе, говоритъ М. А. Дмитріевъ въ своей статьѣ: «Мелочи изъ запаса моей памяти» («Москвитянинъ», 1854. Мартъ, № 6, кн. 2, стр. 92),

что одна изъ этихъ басенъ была «Дубъ и Трость», въ которой Крыловъ (переводя ее послѣ Дмитріева) именно вступалъ съ нимъ въ соперничество».

Въ «Московскомъ Зрителѣ» «Дубъ и Трость» напечатана въ такомъ видѣ:

Тростинкѣ какъ-то Дубъ изволилъ сдѣлать честь —
Съ ней разговоръ завесть. — [1]
«Куда тебя обидѣла Природа!
(Онъ началъ) вѣдь тебѣ овсянка ужь тяжка; [2]
Чуть мелкой рябью лишь погода
Подернетъ по водѣ слегка,
Нагнешься такъ ты сиротливо!.. [3]
Не такъ, какъ я! Чело подъемля горделиво
До мѣстъ, гдѣ видишь ты небесную лазурь:
Спокойно вѣтви тамъ мои распространяю,
Долинамъ цѣлымъ здѣсь я солнце заслоняю
И посмѣваюся порывамъ злѣйшихъ бурь; [4]
Я наслаждаюсь тихимъ миромъ
Среди стихійныя войны...
Какъ розно мы съ тобой сотворены!
Тебѣ все бурей — мнѣ все кажется зефиромъ. [5]
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Моею тѣнію покрытой:
Отъ вѣтровъ и отъ бурь я бъ былъ тебѣ защитой! [6]
Но васъ природа разнесла

[1] У Ла Фонтена: «Le chêne un jour dit au roseau.—Измѣнить этотъ простой стихъ Крылову, вѣроятно, подало поводъ выраженіе Дмитріева: «Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры», которымъ первый переводчикъ желалъ съ самаго начала опредѣлить отношеніе между дѣйствующими лицами.

[2] У Ла Фонтена: Un roitelet pour vous est un pesant fardeau. У Дмитріева: Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей.

[3] Эти три стиха ближе къ Ла Фонтену, чѣмъ Дмитріева; у перваго:

Le moindre vent qui d'aventure
Fait rider la face de l'eau
Vous oblige à baisser la tête.

[4] Этотъ и предыдущій стихи у Ла Фонтена:

Non content d'arrêter les rayons du soleil,
Brave l'effort de la tempête.

[5] У Ла Фонтена: Tout vous est aquilon, tout me semble zéphyr. У Дмитріева: Все для меня зефиръ, тебѣ жъ все аквилонъ.

[6] У Ла Фонтена: Encor si vous naissiez à l'abri du feuillage

По влажнымъ берегамъ Эолова владѣнья: [7]
Конечно, въ ней о васъ ни мало нѣтъ радѣнья!» — [8]
«Ты очень жалостливъ» [9] — сказала Трость въ отвѣтъ —
«Однако не крушись! [10] мнѣ столько худа нѣтъ;
Не за себя я вихрей опасаюсь —
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь: [11]
А ты еще во вѣкъ не уклонялъ лица,
Какъ сдерживалъ порывы ихъ ужасны;
Погнуть тебя досель всѣ силы ихъ напрасны! [12]
Но подождемъ конца,» — [13]
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
Взвивая пыль столбомъ, ревущій Аквилонъ. [14]
Уперся Дубъ; къ землѣ Тростиночка припала; — [15]

Dont je couvre le voisinage,
Vous n'auriez pas tant à souffrir:
Je vous défendrais de l'orage.

3-й изъ приведенныхъ стиховъ опущенъ и у Дмитріева, который эту мысль передаетъ такъ:

Блаженна бъ ты была, когда бъ росла со мною:
Подъ тѣнію моей густою
Ты бъ не страшилась бурь . . .

[7] У Ла Фонтена: Mais vous naissez le plus souvent
Sur les humides bords des royaumes du vent.

Стихи Крылова болѣе приближаются къ стихамъ Дмитріева:

. . . . но рокъ тебѣ судилъ
Расти на мѣстѣ злачна дола
На топкихъ берегахъ владычества Эола.

[8] У Ла Фонтена: La nature envers vous me semble bien injuste.

[9] У Дмитріева такъ же.

[10] У Ла Фонтена: . . . . mais quittez ce souci.

[11] У Ла Фонтена: Je plie, et ne romps pas.

[12] У Ла Фонтена: . . . . . Vous avez jusqu'ici
Contre leurs coups épouvantables
Résisté sans courber le dos.

[13] У Ла Фонтена: Mais attendons la fin. У Дмитріева то же.

[14] Наступленіе грозы у Ла Фонтена изображено нѣсколько иначе:

. . . . Comme il disait ces mots,
Du bout de l'horizon accourt avec furie
Le plus terrible des enfants
Que le nord eût portés jusque-là dans ses flancs.

[15] У Ла Фонтена: L'arbre tient bon; le roseau plie. У Дмитріева: Трость гнется—Дубъ стоитъ.

*

Бунтуетъ вѣтръ, — удвоилъ силы онъ
И вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался. [16]

[16] Послѣдніе 4 стиха составляютъ весьма близкій переводъ слѣдующихъ стиховъ Ла Фонтена:

Le vent redouble ses efforts,
Et fait si bien qu'il déracine
Celui de qui la tête au ciel était voisine,
Et dont les pieds touchaient à l'empire des morts.

Въ 1808 году «Дубъ и Трость» снова была напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» (часть I, № 2, стр. 22, съ подписью *К.*). Здѣсь находимъ только двѣ незначительныя перемѣны: въ 14 стихѣ устарѣлая форма ***стихійныя*** замѣнена — ***стихій*** и 27 стихъ читается такъ: А ты, — такъ ты еще не уклонялъ лица.

Въ первомъ изданіи басенъ Крылова (1809 г.) находимъ новыя перемѣны: вм. 3-го стиха: Какъ мало о тебѣ заботится природа; въ 8-мъ стихѣ: вм. *Не такъ какъ я* — Тогда какъ я*; вм. 19-го стиха: То былъ бы я тебѣ защитой; въ 35 стихѣ: . . . всѣ силы собралъ онъ.

Въ изданіи 1811 «Дубъ и Трость» подверглась болѣе значительнымъ перемѣнамъ: въ 10 ст. вм. *тамъ* — вкругъ; вм. 11 ст. Отъ солнца цѣлыя долины заслоняю; вм. 13 и 14 ст.

Какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ
Стою неколебимъ среди стихій войны;

въ 21 ст. вм. *берегамъ* — рубежамъ;

Въ изд. 1815 г. второй изъ приведенныхъ стиховъ:

Ни вихремъ, ни грозой стою неколебимъ.

вм. 15 ст. Какъ розенъ жребій мой съ твоимъ; въ 21 ст. По тинистымъ брегамъ . . . ; въ 27 ст. А ты хотя еще . . . ; въ 28 ст. вм. *ихъ* — бурь; вм. 29 ст. И всѣ усилья ихъ погнуть тебя . . ; въ 35 ст. вм. *Бунтуетъ* — бушуетъ.

* У Ла Фонтена: Cependant que...

Въ изд. 1819 года не находимъ никакихъ перемѣнъ сравнительно съ предыдущимъ.

При изданіи 1825 года Крыловъ совершенно переработалъ свой первый переводъ*. Семь передѣлокъ его сохранились въ рукописяхъ, принадлежащихъ г. Савельеву; одна изъ нихъ написана карандашемъ, который отъ времени почти совершенно стерся; другая, хотя и написана чернилами, но такъ неразборчиво, что трехъ строкъ вовсе нельзя прочитать; въ ней поэтъ остановился на словахъ: «хоть я и гнусь, но не ломаюсь»; третья также доведена до словъ: «но подождемъ конца». Остальныя четыре совершенно полны. Приводимъ вполнѣ редакцію 1825 года, а въ выноскахъ варіанты по рукописямъ и изданіямъ; въ приложеніи же для удобнѣйшаго сравненія помѣщаемъ всѣ басню Ла Фонтена.

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ. [a]
Поистинѣ роптать ты въ правѣ на природу, [b]
Сказалъ онъ: воробей [c], и тотъ тебѣ тяжелъ. [d]
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть. [e]

[a] Дубъ съ Тростью нѣкогда такую рѣчь завелъ (рукоп.).
— Дубъ нѣкогда съ Тростинкой рѣчь завелъ.

[b] По истинѣ пенять ты можешь на природу. [c]. . . снигирь . . . .

[d] . . . . ты такъ тонка, мала, хила,
Что для тебя овсянка тяжела.

[e] Едва лишь легкой рябью воду
Подернетъ вѣтеръ въ непогоду,
Нагнешься ты такъ сиротливо!
— Въ легкую погоду
Едва отъ вѣтерка начнетъ вода рябѣть
Нагнешься . . . .
— И въ легкую погоду
Едва вода начнетъ рябить,
Ты такъ нагнешься . . . .

* Въ экземплярѣ изд. 1819 г., принадлежащемъ Имп. публ. библ., эта басня написана Крыловымъ вполнѣ такъ, какъ напечатана въ изд. 1825 г.

Межъ тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, гордѣливо,
Не только солнца я препятствую лучамъ; [f]
Но, посмѣваяся и вихрямъ и грозамъ,
Стою и твердъ и прямъ,
Какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ все буреи, — мнѣ все кажется зефиромъ. [g]
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнью вѣтвей моихъ покрытой,
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой; [h]
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго Эолова владѣнья: [i]
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья. [k]
Я вижу, какъ ты добръ [l], сказала Трость въ отвѣтъ.
Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Я гнусь [m], но не ломаюсь:
И [n] бури мало мнѣ вредятъ;
Едва не болѣе ль [o] тебѣ онѣ грозятъ! [p]

[f] . . . . гордѣливо
Я возношу главу въ небесную лазурь,
Спокойно вѣтви здѣсь распространяю
И солнце заслоняю.
— Я, возносясь главой до тучъ,
Не только солнечный останавляю лучъ,
Но, будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ,
При вихряхъ и грозахъ стою и твердъ и прямъ,
Всю ярость презирая ихъ.

[g] Послѣ этого стиха:—Какъ розна жизнь моя съ твоей.

[h] Тебѣ бы могъ быть покровомъ и защитой.
— Отъ бурь былъ я тебѣ защитой.

[i] Но вамъ, какъ на бѣду, природа отвела
Брега Эолова владѣнія бурлива.
— Но вамъ рости природа отвела . . .

[k] Признаться, къ вамъ она совсѣмъ несправедлива.

[l] Ты очень жалостливъ (изд. 1830). [m] Хоть я и гнусь . . .

[n] Такъ . . . [o] Едва ль не болѣе . . .

[p] Я вижу, Трость на то сказала: съ доброты
Такъ живо выразилъ межъ насъ всю разность ты;
Но сожалѣнія твои напрасны:
Мнѣ менѣ, чѣмъ тебѣ, набѣги бурь опасны:
Хоть я гибка,
Но не ломка.
— Я вижу, съ доброты
Такъ живо выразилъ межъ насъ всю разность ты,
Трость Дубу отвѣчаетъ:
Но жребій мой тебя напрасно огорчаетъ;
Подумай лучше о себѣ.
А мнѣ чего робѣть? Благодарю судьбинѣ:
Легко погнуть меня — за то я не ломаюсь.

То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость [ч]
Твою не одолѣла крѣпость
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но подождемъ конца!
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ и съ дождемъ шумящій [г] аквилонъ.
Дубъ держится, — къ землѣ Тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался. [1]

— Я вижу, Тростиночка сказала: съ доброты
Такъ живо выразилъ межъ насъ всю разность ты.
Но сожалѣніе твое напрасно:
Хоть я и гнусь,
Но не ломаюсь.
— Я чувствую ко мнѣ твою всю доброту,
Трость Дубу отвѣчала.
. . . .
Тебѣ едва ли вѣтръ не болѣе угрожаетъ,
Чѣмъ мнѣ: хотя и гнусь,
Но не ломаюсь.

[ч] То правда, ты еще не уклонялъ лица,
Какъ вѣтры здѣсь бушуя выли;
Тебя погнуть всѣ ихъ порывы тщетны были;
Но подождемъ конца (рукоп.).
[г] . . . ревущій.

---

[1] Басня, говоритъ Измайловъ, есть поэма; слѣдовательно всѣ стихотворные обороты, всѣ почти риторическія украшенія, тропы и фигуры могутъ имѣть въ ней мѣсто. Надобно только употреблять ихъ съ особеннымъ искусствомъ и благоразуміемъ, смотря по важности предмета и по тому, самъ ли въ баснѣ говоритъ сочинитель, или животныя и другія актеры». Какъ образецъ такого искуснаго употребленія риторическихъ украшеній онъ приводитъ послѣдніе три стиха (*Соч.* т. II, стр. 678).

Такимъ образомъ переводъ, сдѣланный въ 1806 году, Крыловъ обработалъ окончательно только въ 1830; при этомъ должно замѣтить, что послѣдняя редакція гораздо ближе къ Ла Фонтеновой баснѣ, чѣмъ первая.

Ла Фонтенъ заимствовалъ эту басню у Эзопа, у котораго она носитъ заглавіе: «Трость и Олива» (переводъ Мар-

тынова, № 142); уже Ла Фонтенъ замѣнилъ Оливу Дубомъ и озаглавилъ басню: «Le Chêne et le Roseau» (l. I, f. XXII). Изъ русскихъ писателей переводили ее: Сумароковъ (кн. I, притча 5), Княжнинъ («Сочиненія», изд. Смирдина, 1848 г. II, стр. 537,) и Дмитріевъ (кн. I, б. 1) подъ тѣмъ же заглавіемъ: «Дубъ и Трость».

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Le Chêne et le Roseau.

(Ла Фонтена).

Le chêne un jour dit au roseau:
Vous avez bien sujet d'accuser la nature;
Un roitelet pour vous est un pesant fardeau:
Le moindre vent qui d'aventure
Fait rider la face de l'eau
Vous oblige à baisser la tête;
Cependant que mon front, au Caucase pareil,
Non content d'arrêter les rayons du soleil,
Brave l'effort de la tempête.
Tout vous est aquilon, tout me semble zéphyr.
Encor si vous naissiez à l'abri du feuillage
Dont je couvre le voisinage,
Vous n'auriez pas tant à souffrir:
Je vous défendrais de l'orage;
Mais vous naissez le plus souvent
Sur les humides bords des royaumes du vent.
La nature envers vous me semble bien injuste.
Votre compassion, lui répondit l'arbuste,
Part d'un bon naturel; mais quittez ce souci:
Les vents me sont moins qu'à vous redoutables;
Je plie, et ne romps pas. Vous avez jusqu'ici
Contre leurs coups épouvantables
Résisté sans courber le dos;
Mais attendons la fin. Comme il disait ces mots,
Du bout de l'horizon accourt avec furie
Le plus terrible des enfants
Que le nord eût portés jusque-là dans ses flancs.
L'arbre tient bon; le roseau plie.
Le vent redouble ses efforts,
Et fait si bien qu'il déracine
Celui de qui la tête au ciel était voisine,
Et dont les pieds touchaient à l'empire des morts.

II. Разборчивая невѣста.

О появленіи въ печати этой б. см. примѣч. I. Идею б. «La Fille», которую Крыловъ перевелъ подъ означеннымъ заглавіемъ, Ла Фонтенъ заимствовалъ, какъ думаетъ Валькнэеръ, изъ слѣдующей эпиграммы Марціала (l. V, f, 17):

In Gelliam.

Dum proavos, atavosque refers, et nomina magna;
Dum tibi noster eques sordida conditio est;
Dum te posse negas nisi lato, Gellia, clavo
Nubere: nupsisti, Gellia, cistifero. *

Въ изданіи басенъ Ла Фонтена, явившемся при его жизни, эта басня соединена съ другою: «Le Héron»**, и только въ посмертныхъ изданіяхъ стали ихъ раздѣлять, не смотря на то, что заключительные стихи б. «Le Héron»:

. . . Ce n'est pas aux hérons
Que je parle: ecoutez, humains, un autre conte:
Vous verrez quo chez vous j'ai puisé ces leçons.—

органически связываютъ ее съ б. «La Fille».

Вслѣдствіе такого раздѣленія эта басня и въ нашей литературѣ является независимою отъ предыдущей.

Гр. Хвостовъ, также переводившій ее, замѣчаетъ (т. 4, б. VII; примѣч. 5), что она была переведена имъ «около 1785 года и напечатана во всѣхъ изданіяхъ». Но надо думать, что Крыловъ вовсе не имѣлъ въ виду этого перевода, когда самъ переводилъ; потому что при самомъ тщательномъ сличеніи невозможно уловить ни одной общей черты, кромѣ развѣ риѳмы: *спесива* и *прихотлива*, которую находимъ у

---

* Т. е. между тѣмъ, какъ ты, Геллія, толкуешь о прадѣдахъ и прапрадѣдахъ и великихъ именахъ; между тѣмъ какъ (званіе) нашего всадника (кажется) тебѣ низкимъ положеніемъ; между тѣмъ какъ тебѣ, по твоимъ словамъ, не возможно выйдти иначе за-мужъ, какъ за сенатора; (на самомъ дѣлѣ) Геллія, вышла ты за носильщика.

** Содержаніе ея слѣдующее: Проходя вдоль рѣки, цапля увидѣла карпій и щуку; но такъ какъ для нея не наступило еще время обѣда, то она оставила ихъ безъ вниманія. Когда же у нея явился апетитъ, она снова подошла къ рѣкѣ; но на этотъ разъ стали являться все рыбы низшаго достоинства, такъ что цапля заключила, что на такую дрянь и клюва разѣвать не стоитъ. Кончилось тѣмъ, что ей пришлось удовлетвориться улиткою (l. VII, f. IV).

обоихъ писателей, что впрочемъ можетъ быть объяснено простою случайностію.

Въ содержаніи и въ расположеніи Крыловъ не сдѣлалъ никакого существеннаго измѣненія; онъ внесъ нѣсколько національныхъ чертъ, которыя легко усматриваются при сличеніи съ подлинникомъ. Жуковскій причислилъ ее къ разряду лучшихъ изъ 23 басенъ, явившихся въ 1809 г., но не вошелъ въ подробный разборъ ея достоинствъ («Сочиненія», т. VII, стр. 98).

Невѣста-дѣвушка смышляла [a] жениха.
Тутъ нѣтъ еще грѣха;
Да [b] вотъ что грѣхъ: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ [c]
(Красавица была немножко прихотлива): [d]
Ну, чтобы все имѣлъ. Кто жъ можетъ все имѣть?
Еще и то замѣть,
Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть. [1]
Хоть чудно, только такъ была она счастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,
Презнатные катили къ ней на дворъ. [2]
Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ;
А ей они на взглядъ

[a] . . . смѣкала . . . (Моск. Зр.). [b] А . . .
[c] Не вѣтренъ, не угрюмъ, имѣлъ бы милліонъ, *
И въ лентахъ . . .
[d] Вм. этого стиха: Къ середнему всему была она брюзглива.

---

[1] Эти девять строкъ у Ла Фонтена нѣсколько иначе, хотя общій смыслъ остается тотъ же:

Certaine fille, un peu trop fière,
Prétendait trouver un mari
Jeune, bien fait, et beau, d'agréable manière,
Point froid et point jaloux: notes ces deux points-ci.
Cette fille voulait aussi
Qu'il eût du bien, de la naissance,
De l'esprit, enfin tout. Mais qui peut tout avoir?

[2] У Ла Фонтена: Le Destin se montra soigneux de la pourvoir:
Il vint des partis d'importance.

---

* Ср. съ 6-мъ стихомъ Ла Фонтена.

Не женихи, а женишонки![3]
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ?[e]
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ;
А тотъ бы и въ чинахъ, да жаль[f], карманы пусты;
То носъ широкъ[4], то брови густы;
Тутъ этакъ, тамъ не такъ;[5]
Ну, не придетъ никто по мысли ей никакъ.
Посмолкли женихи, — годка два перепали;
Другіе новыхъ свахъ заслали:
Да только женихи середней[g] ужъ руки.[6]
Какіе простаки![h]
Твердитъ красавица: по нихъ ли я невѣста!
Ну, право, ихъ затѣи не у мѣста![i]
И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойду ль я за кого изъ этихъ чудаковъ?[j]
Какъ будто бъ я себя замужствомъ торопила;
Мнѣ жизнь девическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;[7]

[e] . . . . . изъ этихъ жениховъ?
И думать смѣхъ: тотъ малъ, а тотъ безъ орденовъ;
У этого въ мозгу всѣ норки пусты,
То носъ широкъ *и проч.* (Моск. Зр.)

[f] . . . всѣ . . . (1809).
[g] . . . средней . . . (1811).
[h] . . . дураки. (1809, 11).
[i] . . . Затѣи, право, не у мѣста (Моск. Зр.)
[j] Пойду ли я за этихъ чудаковъ. (Моск. Зр.)

«*Размышленія* (les Réflexions) должны быть кратки, а болѣе всего естественны», замѣчаетъ Измайловъ. «Хотя главная истина въ баснѣ должна быть всегда одна, но сіе не препятствуетъ баснописцу въ продолженіе повѣствованія упоминать краткимъ образомъ въ приличныхъ мѣстахъ и о другихъ постороннихъ истинахъ. Надобно только дѣлать сіе такъ, чтобы вовсе не было видно тутъ ни малѣйшаго принужденія, чтобы сіи постороннія истины, или размышленія, казались необходимо нужными и заключались въ немногихъ словахъ». Какъ образецъ такихъ *размышленій* онъ приводитъ ст. 6—7 и ниже 45 (*Соч.*, т. II, стр. 666).

[3] Эта мысль у Ла Фонтена выражена такъ:
La belle les trouva trop chétifs de moitié.

[4] У Ла Фонтена: L'autre avait le nez fait de cette façon-lá.

[5] У Ла Фонтена: C'était ceci, c'était cela.

[6] У Ла Фонтена: Aprés les bons partis, les médiocres gens
Vinrent se mettre sur les rangs.

[7] У Ла Фонтена: . . . . Ils pensent que je suis
Fort en peine de ma personne:
Grâce à Dieu, je passe les nuits
Sans chagrin, quoique en solitude.

Такъ за-мужъ кинуться ничуть [k] мнѣ не пристойно.
Толпа и эта уплыла.
Потомъ, отказы слыша тѣ же,
Ужъ стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ,
Никто нейдетъ [8]
Еще минулъ годокъ [l]; еще уплылъ годъ цѣлой:
Къ ней свахъ никто не шлетъ. [m]
Вотъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.
Зачнетъ считать своихъ подругъ
(А ей считать большой досугъ):
Та за-мужемъ давно, другую [n] сговорили;
Ее какъ будто позабыли.
Закралась грусть [o] въ красавицыну грудь. [9]
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что нибудь
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ; тамъ живости въ глазахъ;
Умильны ямочки пропали на щекахъ;
Веселость [p], рѣзвости какъ будто ускользнули;
Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули:
Бѣда со всѣхъ сторонъ!
Бывало, безъ нея собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно:
А нынѣ, ахъ! ее зовутъ ужъ на бостонъ! [10]
Вотъ тутъ спесивица [q] перемѣняетъ тонъ. [11]
Разсудокъ ей велитъ замужствомъ торопиться: [12]
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядитъ, [r]
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.

[k] . . . совсѣмъ. (Моск. Зр.) [l] Еще скончался годъ. . . (М. Зр.).
[m] Въ изд. 1809 г. этотъ стихъ пропущенъ.
[n] . . . иную . . . (М. Зр.). [o] Закралася тоска . . . (М. Зр.).
[p] Улыбки . . . до изд. 1825). [q] . . . красавица . . . (М. Зр.).
[r] Какъ женщина на насъ ни искоса глядитъ (до изд. 1815 г.).

---

[8] У Ла Фонтена: этотъ и слѣдующій стихи:

. . . . adieu tous les amants.
Un an se passe, et deux . . .

[9] У Ла Фонтена: Le chagrin vient ensuite. (Ср. вар. o).

[10] Все это изображеніе перемѣнъ у Ла Фонтена сжато въ слѣд. три стихи:

. . . . elle sent chaque jour
Déloger quelques Ris, quelques Jeux, puis l'Amour;
Puis ses traits choquer et déplaire.

[11] У Ла Фонтена: Sa préciosité changea lors de langage.

[12] У Ла Фонтена: Son miroir lui disait: Prenez vite un mari.

Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку, [8]
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался, пошла:
И рада-рада ужъ была, [13]
Что вышла за калѣку.

[8] Заключительные 5 стиховъ, редактированные окончательно при изд. 1815 г., были измѣнены два раза:
— Соскуча жизнь вести уныллу, одинову,
Красавица ко браку
Кратчайшій путь взяла —
И рада *и проч.* (Моск. Зр.)
— Соскуча жизнь вести унылу, одиноку,
Съ калѣкой наконецъ она вступила въ бракъ
И ужъ судила такъ:
Не всяко лыко въ строку (1811).

---

[13] У Ла Фонтена: Se trouvant à la fin tout aise et tout heureuse
De rencontrer un malotru.

III. Старикъ и трое молодыхъ. *

Переводъ б. Ла Фонтена Le Vieillard et les trois jeunes Hommes, содержаніе которой, по указанію Велькнэера, заимствовано у Абстеміуса (De Viro decrepito arbores inserente). Басня Крылова напечатана въ первый разъ съ полною подписью въ «Московскомъ Зрителѣ» за Февраль 1806 г. ч. 2, стр. 70; потомъ съ весьма значительными перемѣнами въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. ч. I, № 10, стр. 88, гдѣ подписана буквою *К.*; отсюда перешла въ изданіе 1809 г. и послѣдующія, и подобно б. «Дубъ и Трость», окончательно редактирована въ 1825 г. Приводимъ послѣднюю редакцію, отмѣчая варіанты, заимствованные изъ всѣхъ перепечатокъ, начиная съ 1808 года, и изъ двухъ рукописей, изъ коихъ одна содержитъ переработку первыхъ 27 строкъ, а вторая 22. Первую же редакцію, напечатанную въ «Московскомъ Зрителѣ», имѣющую мало общаго съ послѣдней, для большаго удобства, помѣщаемъ въ концѣ.

---

* Заглавіе взято у Дмитріева (кн. IV, б. XVIII).

Старикъ садить сбирался деревцо. [a] [1]
Ужъ пусть бы строиться, да какъ садить въ тѣ лѣта, [b]
Когда ужъ смотришь вонъ [c] изъ свѣта!
Такъ, старику смѣясь въ лицо, [d]
Три взрослыхъ юноши сосѣднихъ разсуждали. [e]
Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный дали, [f]

[a] Какой-то старичекъ развесть задумалъ садъ (до 1815).
— Старикъ сажалъ, копаясь, деревца (ркп.).
[b] Пускай бы строиться! да какъ сажать въ тѣ лѣта (до 1815).
— Добро бы (р.). У Дмитріева то же.
[c] . . . вонъ глядишь . . . (до 1815).
[d] Вмѣсто 11 стиховъ, отъ 4 до 14:
Какой тутъ скадъ?
Ну, право, дожилъ ты, старинушка, до дѣтства!
Не двѣсти жъ лѣтъ въ твоемъ написано вѣку!
Такъ говорили старику
Три взрослыхъ молодца изъ ближняго сосѣдства,
И продолжали такъ, смѣясь его трудамъ:
Признайся самъ,
Что эти замыслы не по твоимъ годамъ;
А лучше бы тебѣ молиться дома Богу
Объ отпускѣ грѣхамъ своимъ.
Да собираться понемногу
Очистить мѣсто здѣсь другимъ.
Оставь ты молодымъ заботы,
Гдѣ такъ медлительно идутъ къ концу работы;
Намъ можно-таки отъ трудовъ
Черезъ полвѣка ждать плодовъ;
А въ старости глубокой, хилой
Приличнѣе всего знакомиться съ могилой. (Др. В.)
— Съ 10 до 16 изъ приведенныхъ стиховъ въ изд. 1809 г.:
Объ отпускѣ грѣховъ своихъ,
Да собираться по немногу
Очистить мѣсто для другихъ.
Ну что тебѣ охоты
Черезъ полвѣка ждать успѣха отъ работы.
Оставь ужъ молодымъ такія ты заботы.
Намъ можно позволять
Себя столь дальнею надеждою ласкать.
— Да собираться бы въ могилу понемногу,
А мѣсто бъ здѣсь свое очистить для другихъ, *и проч.* (изд. 1811).
[e] Три говорятъ ему сосѣднихъ молодца (1-ая р.).
— Смѣялись три ему сосѣднихъ молодца (1-ая р.).
[f] Чтобъ пользу принесла тебѣ работа эта (р.).

---

[1] У Ла Фонтена: Un octogénaire plantait.
[2] У Ла Фонтена: Passe encor de bâtir; mais planter à cet âge!

То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ. [3]
Не ужъ ли будешь ты второй Маѳусаилъ?
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебѣ ли затѣвать толь дальніе разсчеты? [4]
Едва ли для тебя текущій вѣренъ часъ. [g] [5]
Такіе замыслы простительны [h] для насъ: [6]
Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпостью и силой, [i]
А старику пора знакомиться съ могилой. -
Друзья, смиренно имъ отвѣтствуетъ старикъ:
Издѣтства я къ трудамъ привыкъ; [k]
А если отъ того, что дѣлать начинаю, [l]
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю;
То, признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣе берусь. [m]
Кто добръ, не все къ своей лишь прибыли трудится; [n]
Сажая деревцо, [o] и тѣмъ я веселюсь,
Что если отъ него самъ тѣни [p] не дождусь;
То внукъ мой нѣкогда сей тѣнью насладится, [q] [7]
И это для меня ужъ плодъ. [r] [8]
Да можно ль [s] и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ? [9]
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лицъ?
Ахъ, въ старости моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу!
Кто знаетъ: можетъ быть, [t] что вашъ и ближе часъ,

[g] Когда и будущій тебѣ не вѣренъ часъ (р.).
Ср. Дмитріева: Ровесникамъ твоимъ и настоящій часъ не вѣренъ.
[h] . . . годятся лишь . . . [i] Мы въ цвѣтѣ юности и силы (р.).
[k] Къ трудамъ изъ дѣтства я привыкъ (до 1819).
[l] А если отъ трудовъ, которы начинаю (1809).
[m] За тѣ труды еще охотнѣй я берусь (1819).
[n] Вмѣсто этого стиха:
Но что же вамъ дивиться (Др. В.)
Чему же вамъ дивиться (до 1819).
[o] Садъ этотъ разводя. . . . (до 1819).
[p] Что если тѣни сихъ деревьевъ . . . (до 1819).
[q] . . . прохладится (до 1819).
[r] Въ изд. до 1819 г. этого стиха нѣтъ.
[s] Да льзя ли . . . (1811). [t] А можетъ быть . . . (Др. В).

[3] У Ла Фонтена: Quel fruit de ce labeur pouvez-vous recueillir?
Autant qu'un patriarche il vous faudrait viellir.
[4] У Ла Фонтена: Quittez le long espoir et les vastes pensées.
[5] Ср. варіантъ g.
[6] У Ла Фонтена: Tout cela ne convient qu'à nous.
[7] У Ла Фонтена: Mes arrière-neveux me devront cet ombrage.
[8] У Ла Фонтена: Cela même est un fruit que je goûte aujourd'hui.
[9] У Ла Фонтена эта мысль выражена иначе:
Qui de nous des clartés de la voûte azurée
Doit jouir le dernier?

И что сыра земля покроетъ прежде васъ. —
Какъ имъ сказалъ старикъ, такъ послѣ то и было: [10]
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ.
Надеждой счастіе сперва ему польстило;
Но бурею корабль разбило:
Надежду и пловца, — все море поглотило.
Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока [u] власти,
За роскошь, нѣгу и за страсти
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.
А третій въ жаркій день холоднаго испилъ
И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,
А тѣ его до смерти залѣчили. [11]
Узнавши о кончинѣ ихъ, [v]
Нашъ добрый старичекъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

[u] . . . пороковъ . . . [v] Узнавъ кончину ихъ.

---

[10] Заключеніе совершенно сходно съ оригиналомъ по мысли, но различается въ выраженіи ея:

Le vieillard eut raison: l'un des trois jouvenceaux
Se noya dès le port, allant à l'Amérique;
L'autre, afin de monter aux grandes dignités,
Dans les emplois de Mars servant la république,
Par un coup imprévu vit ses jours emportés;
Le troisième tomba d'un arbre
Que lui-même il voulut enter;
Et, pleurés du vieillard, il grava sur leur marbre
Ce que je viens de raconter.

[11] Въ этомъ саркастическомъ замѣчаніи о докторахъ выразилось недовѣріе, съ которымъ Крыловъ во всю жизнь относился къ медикамъ и ихъ теоріямъ (см. Лобанова, стр. 62, а также Быстрова, который замѣчаетъ, что «Иванъ Андреевичъ не любилъ медицины; чтеніе глупыхъ романовъ замѣняло ему лѣкарства» (Сѣверн. Пчела, 1845, № 63); это впрочемъ не мѣшало ему вѣрить въ симпатіи и исполнять самые нелѣпые совѣты старухъ. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но еще до выхода въ отставку Крыловъ заболѣлъ рожей, которая помѣстилась у него на лицѣ. Приглашенный поутру врачъ прописалъ ему лѣкарства и вечеромъ, проѣзжая мимо дома публичной библіотеки, пожелалъ взглянуть на своего знаменитаго паціента. Что жъ онъ увидѣлъ? Больной сидѣлъ на томъ же креслѣ, гдѣ онъ его оставилъ утромъ; но все его лицо было завѣшено краснымъ сукномъ, въ которомъ были прорѣзаны двѣ дырочки для глазъ.—Къ чему вы это дѣлаете? спросилъ его докторъ.—Да вотъ онѣ говорятъ, что это помогаетъ, отвѣчалъ Крыловъ, указывая на какихъ-то женщинъ, сидѣвшихъ въ сосѣдней комнатѣ. Доктору стоило большаго труда увѣрить его, что лѣкарства дѣйствительнѣе краснаго сукна. (Слышано отъ доктора, къ которому Крыловъ обратился въ этомъ случаѣ).

Старикъ и трое молодыхъ.

(Первая редакція, напечатанная въ «Московскомъ Зритель»).

Какой-то старичекъ развить задумалъ садъ. [1]
«Пускай бы строиться — да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда уже нога занесена изъ свѣта? [2]
Какой тутъ складъ!
Ну, право, дѣдушка, ты дожилъ ужъ до дѣтства: [3]
Не двѣсти жъ лѣтъ въ твоемъ написано вѣку!» [4]
Такъ говорили старику
Три взрослыхъ молодца изъ ближняго сосѣдства — [5]
И продолжали такъ, смѣясь его трудамъ:
«Затѣялъ дѣло ты не по своимъ годамъ,
А лучше бъ ты молился дома Богу
Объ отпускѣ грѣхамъ своимъ,
Да сбирался бъ понемногу
Очистить мѣсто здѣсь другимъ;
И замыслы свои, держась разсудка правилъ,
Для нашихъ ты бъ ровесниковъ оставилъ. [6]
Лишь въ нашемъ возрастѣ не бѣгають работъ,
Съ которыхъ надобно полвѣка ждать плодовъ;
А въ старости глубокой, хилой
Приличнѣе всего знакомиться съ могилой.»
«Друзья!» смиренно имъ отвѣтствуетъ старикъ:
Къ трудамъ отъ мягкихъ я ногтей моихъ привыкъ; [7]

[1] У Ла Фонтена: Un octogénaire plantait.

[2] У Ла Фонтена: Passe encor de bâtir; mais planter à cet âge!

[3] У Ла Фонтена: Assurement il radotait.

[4] Эта мысль у Ла Фонтена выражена слѣдующимъ стихомъ:
Autant qu'un patriarche il vous faudrait vieillir.

[5] У Ла Фонтена: Disaient trois jouvenceaux, enfants du voisinage.

[6] Предыдущіе семь стиховъ Крылова соотвѣтствуютъ слѣдующимъ пяти Ла Фонтена:

A quoi bon charger votre vie
Des soins d'un avenir qui n'est pas fait pour vous?
Ne songez désormais qu'à vos erreurs passées;
Quittez le long espoir et les vastes pensées;
Tout cela ne convient qu'à nous.

[7] Отъ мягкихъ . . . ногтей.—Это выраженіе, нѣсколько впрочемъ измѣненное: *отъ младыхъ ногтей*, Снегиревъ относитъ къ числу нашихъ старинныхъ выраженій, заимствованныхъ изъ греческихъ (ἀπὸ τῶν ἁπαλῶν ὀνύχων) и латинскихъ писателей (a teneris unguiculis) (*Русск. въ своихъ послов.* кн. I, стр. 87, М. 1831). Такое выраженіе, дѣйствительно, встрѣчается въ древнихъ памятникахъ, напр. въ «Посланіи Никыфора, митр. кіевск. къ в. к. Володимиру» * и въ «Пов. объ Ульяніи Муром.» *Пам. стар. русск. литер.*, вып. I) **.

* ...изъ младъ ногтій очисти. ** ...отъ младыхъ ногтей Бога возлюби...

По часто не себѣ я только въ вѣкъ свой сѣялъ,
Не одного себя я въ жизнь мою лелѣялъ;
И трудъ тотъ былъ всегда по сердцу моему,
Гдѣ видѣлъ пользу я не мнѣ лишь одному.
Чему же вамъ дивиться?
Садя теперь, и той я мыслью веселюсь,
Что если тѣни сихъ деревьевъ не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда ихъ тѣнью прохладится. [8]
Да льзя ли и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ: [9]
Смерть смотритъ ли на младость, на силу
Иль на пригожство лицъ?
Ахъ! сколько въ старости прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я проводилъ въ могилу . . .
Не смѣйтеся!.. а можетъ быть,
Вамъ прежде моего лежать въ земной утробѣ! . .
И можетъ быть, на вашемъ сидя гробѣ,
Придется нѣсколько зарей мнѣ проводить.» — [10]
Какъ напрорекъ старикъ, такъ точно послѣ было; [11]
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ;
Улыбкой счастіе сперва ему польстило;
Но бурею карабль разбило:
Надежду и пловца, — все море поглотило;
Другой, за славою гонясь, въ чужой землѣ
Палъ въ брани — въ честь себѣ, а матери — къ страданью;
А третій въ жаркій день холоднаго испилъ
И занемогъ; быть можетъ, живъ бы былъ,
Но добрый врачъ его поторопилъ
Послѣднею природѣ данью.
Нашъ старичекъ на гробѣ ихъ
Оплакалъ всѣхъ троихъ.

[8] У Ла Фонтена: Mes arrière-neveux me devront cet ombrage.
[9] Ср. выше прим. 9-е.
[10] У Ла Фонтена: Je puis enfin compter l'aurore.
Plus d'une fois sur vos tombeaux.
[11] Ср. выше примѣчаніе 10.

1808.

—

IV. Ворона и Лисица.

Сюжетъ этой б. заимствованъ у Ла Фонтена (Le Corbeau et le Renard, кн. I, б. 2), который въ свою очередь заимствовалъ ее у Эзопа (см. № 204, переводъ Мартынова) и Федра (кн. I, б. 13); изъ русскихъ писателей раньше Крылова переводили эту б. Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: «Воронъ и Лисица» («Сочиненія», т. I, стр. 218), и Сумароковъ два раза, подъ заглавіемъ: «Ворона и Лисица» (кн. II, притча XXX) и «Ворона и Лиса» (кн. V; притча VI). Басня Крылова* въ первый разъ напечатана въ «Драмати-

* Кенигъ въ своихъ «Очеркахъ русской литературы» (68 стр. русск. перев.) говоритъ, что Крыловъ въ отношеніяхъ своихъ къ гр. Хвостову уподоблялся этой Лисицѣ: онъ долго и терпѣливо выслушивалъ его стихи, похваливалъ ихъ, а потомъ «у довольнаго графа выпрашивалъ въ-займы денегъ». Къ такому разсказу, ничѣмъ не подтверждающемуся, Кенигу, вѣроятно, подалъ поводъ слѣдующій анекдотъ, разсказанный Бантышомъ-Каменскимъ, со словъ Дмитрія Ивановича Языкова, слышавшаго его отъ самого Крылова: «Однажды пришелъ къ послѣднему пріятель его Ок. и уговорилъ Крылова отправиться вмѣстѣ къ гр. Хвостову. Посѣщеніе ихъ чрезвычайно обрадовало неутомимаго стихотворца. «Садитесь, господа», сказалъ онъ въ кабинетѣ: «я прочту вамъ новое свое произведеніе». «Нѣтъ, не сядемъ», отвѣчалъ Ок. «пока не ссудишь ты меня двумя стами рублями». — Хвостовъ отговаривался. — «Прощай», сказалъ Ок. съ досадою, и пригласилъ Крылова послѣдовать его примѣру. — «Останьтесь, выслушайте!» сказалъ хозяинъ еще съ большимъ неудовольствіемъ: «право не будете раскаяваться». — «Дай двѣсти рублей», продолжалъ Ок.: «останемся.» — «Дамъ, но выслушайте напередъ.» — «Нѣтъ, братъ, не проведешь: дай двѣсти рублей, а тамъ читай, сколько тебѣ будетъ угодно». — «И вы останетесь у меня, будете слушать»? — «Останемся и будемъ слушать». — Деньги отсчитаны, гости усѣлись у окна, близъ двери, хозяинъ началъ чтеніе съ жаромъ, свойственнымъ поэту. Долго продолжалось оно. Выведенный изъ терпѣнія Ок. сказалъ на ухо Крылову: «Уйдемъ, право, нѣтъ силъ!» — Крыловъ совѣтовалъ дождаться конца. Ок. удалился потихоньку, потомъ Крыловъ; но послѣдній, вышедши, оста-

ческомъ Вѣстникѣ» 1808 г. ч. I, № 1, стр. 16, и окончательно редактирована при изданіи 1815 г. Въ предыдущихъ перепечаткахъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 4—6: Ворона, сидя на лугу,
Сбиралась ужъ клевать кусочекъ свой сырку [1808, 9).
17: Какой умильненькій носокъ (1808, 9).
21: Спой, свѣтикъ, не стыдись! Будь съ Лисынькой дружнѣе.
Я чай, вѣдь соловья ты чище и нѣжнѣе.—
Вѣщуньина *и проч*. (1808).
—Я чай, вѣдь ты поешь и соловья нѣжнѣе (1809, 11).
23: ....духъ.... (1809).
24: И, вздумавъ оправдать Лисицыны слова (1808).
—Тутъ на привѣтливы Лисицыны слова (1811).

Къ ст. 2: На ель ворона....

Уже Сумароковъ замѣнилъ въ этой баснѣ *Во́рона* прежнихъ баснописцевъ, болѣе подходящею къ этому сюжету птицею, *Вороною*, что совершенно согласно съ народнымъ представленіемъ. (См. *Словарь* Даля, вып. II, стр. 215).

Къ ст. 4–7: Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру....
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.

У Ла Фонтена: Maître corbeau, sur un arbre perché,
Tenait en son bec un fromage.

Къ ст. 9: Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:

У Ла Фонтена: Maître renard, par l'odeur alléché, ...

Къ ст. 14: Голубушка, какъ хороша!

У Ла Фонтена: Que vous êtes joli!

Къ ст. 19–21: Что, ежели, сестрица....
Вѣдь ты бъ была у насъ царь-птица!

У Ла Фонтена: .... si votre ramage
Se rapporte à votre plumage,
Vous êtes le phénix des hôtes de ces bois.

новился за дверью, ожидая развязки. — «Не правда ли, друзья», произнесъ наконецъ стихотворецъ, прервавъ свое чтеніе, «что это стихъ геніальный!» и не слыша отвѣта, оглянулся, вскрикнувъ съ сердцемъ: «Ахъ, проклятые, они ушли!» Тогда Крыловъ бросился бѣжать, не оглядываясь назадъ». (Библ. для Чт. 1845, т. 69, отд. III, стр. 11). Очень можетъ быть, что Кёнигу былъ не точно переданъ этотъ разсказъ, и онъ приписалъ Крылову поступокъ его пріятеля, въ которомъ также нельзя видѣть сходства со вкрадчивою Лисицею.

Для сравненія приводимъ стихи Сумарокова, соотвѣтствующіе 14—21 стихамъ б. Крылова:

Дружокъ, воронушка, названная сестрица:
Прекрасная ты птица,
Какія ноженьки, какой носокъ;
И можно то сказать тебѣ безъ лицемѣрья,
Что паче всѣхъ ты мѣръ, мой свѣтикъ, хороша;
И попугай ничто передъ тобой, душа;
Прекраснѣе сто кратъ твои павлиныхъ перья:
Нелѣстны похвалы пріятно намъ терпѣть:
Естьли бы еще умѣла ты и пѣть!
Такъ и не былобъ тебѣ подобной птицы въ мірѣ.

Къ ст. 22—23. Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло...

Эти два стиха передаютъ слѣдующую мысль Ла Фонтена:

A ces mots le corbeau ne se sent pas de joie.

V. Лягушка и Волъ.

Переводъ б. Ла Фонтена: La Grenouille qui veut se faire aussi grosse que le Boeuf, который могъ заимствовать ее у Федра (кн. I, б. 24) или у Горація (кн. II, sat. 3)*. Изъ русскихъ писателей Сумароковъ перевелъ ее два раза подъ слѣдующими заглавіями: «Лягушка» (кн. IV, пр. XXXI) и

---

* Вотъ это мѣсто Гораціевой сатиры:

Разъ лягушонка теленокъ ногой раздавилъ; ускользнувши
Въ сильномъ испугѣ, другой разсказывать матери началъ,
Что товарища звѣрь растопталъ! — «А великъ ли?» спросила
Мать, надуваясь: «будетъ такой?» — Нѣтъ! тотъ вдвое былъ больше!
«А такой?» мать спросила, надувшись еще. — Нѣтъ! хоть лопни,
Все не будешь съ него.
(Сатиры Горація, переводъ Дмитріева, М. 1858).

Въ сатирѣ педантъ Дамазиппъ сравниваетъ съ надувающеюся лягушкою Горація, укоряя его въ страсти строить (откуда у Ла Фонтена: bâtir), т. е. подражать людямъ высокимъ.

Ср. такъ же пословицу: «Не бывать бычкомъ лягушкѣ, больше въ деньгѣ есть цѣны, нежели въ полушкѣ». (*Русск. нар. послов.* Снегирева, стр. 260).

«Возгордѣвшая Лягушка» (кн. VI, пр. XXIII). Переводъ Крылова въ первый разъ напечатанъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808, ч. I, № 2, стр. 2, съ подписью *К.* и безъ нравоученія, которое появилось въ изд. 1815 г. Въ предшествующихъ изд. находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Смотрит-ко...: (1809, 11). 8: Что каково? (Др. В.).
9: Прибавилась ли я? 10: Ну, а теперь? (Др. В.).
13: Съ натуги околѣла (Др. В. и изд. 1809).

Къ ст. 1—4: Лягушка на лугу увидѣвши вола....
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.

У Ла Фонтена: Une grenouille vit un boeuf
Qui lui sembla d'une belle taille,
Elle, qui n'était pas grosse en tout comme un oeuf.
Envieuse, s'étend, et s'enfle, et se travaille
Pour égaler l'animal en grosseur.

Къ ст. 5—10: Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я съ него?...
Ну какъ теперь? — Все то жъ. —

Эта часть разсказа довольно близка къ подлиннику, какъ по содержанію, такъ и по формѣ:

.... Regardez bien, ma soeur:
Est-ce asses? dites-moi; n'y suis-je point encore?
Nenni.—M'y voici donc?—Point du tout.—M'y voila?
Vous n'en approchez point.

Къ ст. 13: Съ натуги лопнула, и околѣла.

У Ла Фонтена: .... La chétive pécore
S'enfla si bien qu'elle creva.

Къ ст. 14—17: Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ....
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

Мысль нравоученія та же, но выражена въ другой формѣ:

Le monde est plein de gens qui ne sont pas plus sages:
Tout bourgeois veut bâtir comme les grands seigneurs,
Tout petit prince a des ambassadeurs
Tout marquis veut avoir des pages.

VI. Ларчикъ.

По времени появленія въ печати это первая оригинальная басня Крылова. Въ первый разъ она была напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808 г. ч. I, № 6, стр. 56, и, подобно всѣмъ другимъ баснямъ, явившимся въ этомъ журналѣ, подписана буквою *К*. По словамъ С. П. Жихарева («Дневникъ Чиновника, Отеч. Зап.». 1855 г. за октябрь, стр. 363), Крыло́въ написалъ эту басню въ 1807 г. и читалъ ее около 19 мая у кн. Шаховскаго. Замѣчательно, что первое оригинальное произведеніе Крылова подверглось гораздо меньшимъ перемѣнамъ, чѣмъ всѣ предыдущія, заимствованныя басни и многія послѣдующія.

Ст. 5-й: Къ кому-то принесли Ларецъ (Др. В.).
6-й: .... метался (до изд. 1819).
8-й: Какъ.... (см. *Вотъ*....) (1819).

VII. Левъ на ловлѣ.

Содержаніе и форму разсказа Крыловъ заимствовалъ изъ б. Ла Фонтена: La Genisse, la Chèvre, et la Brebis, en société avec le Lion, которую въ свою очередь Ла Фонтенъ заимствовалъ у Федра (кн. I, б. 5); б. послѣдняго имѣетъ близкое сродство съ б. Эзопа: «Левъ и дикій Оселъ» (№ 225, перев. Мартынова); но Крыловъ измѣнилъ дѣйствующихъ лицъ, и въ первомъ изданіи, въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. (ч. I, № 12, стр. 95), его басня явилась подъ заглавіемъ: «Левъ, Собака, Лисица и Волкъ»; настоящее же заглавіе выставлено въ изданіи 1809 г. Замѣнивъ корову, овцу и козу собакою, лисицею и волкомъ, Крыловъ избѣжалъ порицаній критики, которымъ часто подвергался Ла Фонтенъ, и приблизилъ нѣсколько свою басню къ слѣдующему эпизоду въ «Roman du Renart»: Со львомъ въ обществѣ были

волкъ и лисица, и пришлось имъ дѣлить быка, корову и теленка. Волкъ предложилъ отдать быка льву, ягненка лисицѣ, а корову предназначилъ себѣ. Въ отвѣтъ на это, левъ растерзалъ его и предложилъ дѣлежъ лисицѣ. Та отдала быка льву, корову — львицѣ, а теленка — ихъ сыну. Левъ остался очень доволенъ и спросилъ ее, какъ она научилась такъ хорошо дѣлить. Лисица отвѣчала ему, указывая на волка, у котораго голова была растерзана и висѣла кожа: «Мой учитель тотъ, котораго вы видите съ краснымъ воротникомъ». Эпизодъ этотъ заимствованъ изъ басни Эзопа: «Левъ, Лисица и Оселъ» (№ 38 перев. Мартынова), которая передѣлана Сумароковымъ подъ заглавіемъ «Раздѣлъ» (кн. III, притча XVI). Эту басню перевели: Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: Левъ, Телица, Коза и Овца («Сочиненія», т. I, стр. 223), Сумароковъ «Левъ, Корова, Овца и Коза» (кн. I, пр. XXXV) и Хемницеръ, который озаглавилъ ее «Дѣлежъ Львиный» (изд. Акад. Наукъ, ч. II, стр. 203, б. LXIII) и ввелъ въ разсказъ новое лицо — Осла, почему Льву пришлось дѣлить добычу на пять частей. Подобнаго содержанія басни находимъ у В. Н. Майкова, подъ заглавіемъ: «Медвѣдь, Волкъ и Лисица» (ч. I, б. 9), и у Державина, для котораго, по мнѣнію Я. К. Грота, первая послужила источникомъ (см. «Сочиненія Державина», академич. изд., т. III, стр. 540—1); но обѣ онѣ значительно отличаются отъ б. Федра обстановкою и тѣмъ, что Лиса предлагаетъ найденный полоть ветчины отдать тому, кто старше. — При перепечаткахъ б. эта подверглась слѣдующимъ незначительнымъ измѣненіямъ:

Ст. 5: Зарокъ всѣ положили (1808, 9),
— Они зарокъ всѣ положили (1811).
10: И ну скорѣй къ товарищамъ пословъ (1808—19).

Къ ст. 7: И что наловится, то по-ровну дѣлить.

У Ла Фонтена эта мысль выражена общѣе:
.... mirent en commun le gain et le dommage.

Къ ст. 8—9: Не знаю, какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала.

У Ла Фонтена: Dans les lacs de la chèvre un cerf se trouva pris.

Къ ст. 10: И шлетъ къ товарищамъ пословъ.

У Ла Фонтена: Vers ses associés aussitôt elle envoie.

Къ ст. 16—17: И говоритъ: мы, братцы, вчетверомъ,
И на четверо онъ оленя раздираетъ.

У Ла Фонтена:

Et dit: Nous sommes quatre à partager la proie.
Puis en autant de parts le cerf il dépeça.

Къ ст. 19—24: Вотъ эта часть моя....
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ.

Разсказъ о дѣлежѣ довольно близокъ подлиннику:

Prit pour lui la première en qualité de sire.
Elle doit être à moi, dit-il; et la raison,
C'est que je m'appelle lion;
A cela l'on n'a rien à dire.
La seconde, par droit, me doit échoir encor:
Ce droit, vous le savez, c'est le droit du plus fort.
Comme le plus vaillant, je prétends le troisième.
Si quelqu'une de vous touche à la quatrième,
Je l'étranglerai tout d'abord.

Ср. также у Хемницера:

А за послѣднюю лишь только кто примись,
То тутъ же съ жизнію простись.

VIII. Обезьяны.

Напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808 г. (ч. I, № 12, стр. 103), съ подписью: *К.*

Хотя Крыловъ не отнесъ этой басни къ числу заимствованныхъ, однакожъ нельзя не замѣтить, что въ индѣйской «Панчатантрѣ» и у Эзопа находимъ басни, основанныя на страсти обезьянъ къ подражанію. Въ «Нравоучительныхъ и политическихъ басняхъ Пильпая» (объ этой книгѣ, см. прим. къ б. XI) разсказывается о столярѣ и обезьянѣ: увидѣвъ, что столяръ кололъ бревно двумя большими клиньями, обезьяна, воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда онъ отошелъ отъ работы, задумала подражать ему; она вынула одинъ клинъ,

но не вложила другаго, и бревно защемило ей обѣ ноги. Столяръ, возвратясь, убилъ обезьяну. Отсюда выводится заключеніе: не должно мѣшаться въ постороннія дѣла (стр. 58). Содержаніе б. Эзопа слѣдующее: обезьяна съ высокаго дерева увидѣла, что рыбаки закинули въ рѣку неводъ, и стала замѣчать, что́ и какъ они дѣлали. Когда они пошли обѣдать, обезьяна попробовала имъ подражать; но запуталась въ сѣти и чуть было не утонула. Отсюда выводъ: «предпринимающій себѣ неприличное не только не получаетъ успѣха, но и вредъ себѣ причиняетъ. (См. переводъ Мартынова, № 293).

Г. Флёри (Krylov et ses Fables, p. 122—125 находитъ во французской литературѣ два разсказа, по содержанію и смыслу похожіе на б. «Обезьяны». Первый принадлежитъ Бонавентуру Деперье, писателю XVI вѣка, второй Ла Мотту. Содержаніе перваго слѣдующее: По сосѣдству съ сапожникомъ Блондо жила обезьяна, которая, во время его отсутствія, входила въ его мастерскую и, подражая ему, рѣзала ножомъ кожу и готовую уже обувь. Сапожникъ не смѣлъ наказывать обезьяну, потому что боялся ея хозяина, который могъ ему повредить. Онъ придумалъ такой способъ мести: однажды онъ взялъ свой ножъ и началъ имъ водить по горлу, какъ будто брился; за тѣмъ, оставивъ ножъ, онъ вышелъ изъ лавки. Обезьяна, видѣвшая эти движенія, тотчасъ схватила ножъ и тоже начала имъ водить по горлу, но такъ неосторожно, что порѣзалась и черезъ часъ умерла.

Отсюда, по мнѣнію г. Флёри, Крыловъ могъ извлечь нравоученіе своей басни:

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать,
И Боже сохрани, какъ худо.

Впрочемъ самъ г. Флёри того мнѣнія, что Крыловъ, по всей вѣроятности, вовсе не читалъ этого разсказа, а сочиняя свою басню, имѣлъ въ виду басню Ла Мотта les Singes matelots. Приводимъ эту басню для сравненія, какъ она помѣщена у г. Флёри:

Корабль, нагруженный обезьянами, остановился въ какомъ-то портѣ:

L'équipage était allé boire;
Les singes restaient et rien plus,
Leur doyen se leva, capable personnage:
— Camarades, dit-il, je médite un bon tour:
Dérobons-nous à l'esclavage;
L'occasion nous rit, hâtons notre retour:
Vous avez vu quelle maneuvre
Gouverne les vents et les flots.
Pour notre apprentissage essayons ce chef-d'oeuvre;
Je serai le pilote et vous les matelots.
— Vivent les bons conseils! s'écria l'assemblée;
Partons, liberté! liberté!
On démarre aussitôt; la voile est etalée,
Et voilà par les vents le navire emporté.
Tout allait bien d'abord, plus d'un zéphir le pousse;
Vous eussieuz vu maint petit mousse
Courant de vergue en vergue, et grimpant sur les mâts,
Tandis qu'au gouvernail le vieux singe se place.
D'un pilote inquiet affectant la grimace.
On l'eût pris pour Tiphis a son grave embarras.
— Messieurs, leur disait-il, l'orage nous menace
Je vois un nuage là-bas;
Déjà des mers se ride et se noircit la face.
Nous aurons du gros temps; mais ne le craignez pas.
Il disait vrai quant à l'orage,
Quant à son art c'etait un autre cas.
Les vents dans le moment déployèrent leur rage,
Des foudres redoublés un horible fracas
Alarme le pauvre equipage,
Qui se soit à toute heure à deux doigts du trépas.
Ils font à tout hasard ce qu'ils avaient vu faire;
Mais ils le font en imprudents.
Il faut caler la voile, ils font tout de contraire;
Voulant fuir les rochers, ils vont donner dedans.
Comme ils ont vu dans pareille aventure
Les matelots jurant, d'autres faisant des voeux;
Les singes font de même entre eux;
Celui-là prie et l'autre jure.
Priant, jurant, chacun travaille à qui mieux, mieux
On bien à qui plus mal; c'est pure étourderie.
Et que leur aveugle industrie?
Le vaisseau héurte un roc et se brise à leur yeux,
Et la mer abima toute la singerie.

При перепечаткахъ эта басня подверглась слѣдующимъ перемѣнамъ:

Ст. 5: Я вамъ скажу тому примѣръ.... (Др. В.).
28: .... тутъ .... (вм. *имъ*) (до 1819 г.).
29: Что жъ время, говорятъ, терять? (до 1811).
32: Премножество внизу разостлано сѣтей (Др. В.).
34: .... обвиваться (вм. *завиваться*) (Др. В.).
35: Кричать, шумѣть.... (1809).
— Кричатъ, шумятъ.... (1809).

Въ этой баснѣ Крыловъ возвратился къ темѣ, которая въ первомъ періодѣ его литературной дѣятельности давала обильную пищу его сатирѣ. Пристрастіе къ иностранцамъ и слѣпое подражаніе имъ онъ осмѣялъ и въ своихъ прозаическихъ статьяхъ (см. «Почта Духовъ» изд. 1847, т. I) и въ комедіяхъ. Нѣтъ возможности положительно сказать, что именно подало ему поводъ возвратиться къ этому предмету; всего вѣроятнѣе, что онъ осмѣиваетъ здѣсь страсть къ французскимъ модамъ и пристрастіе къ французамъ, усилившееся послѣ Тальзитскаго мира. Къ этому же времени относится и перемѣна формы военныхъ по французскому образцу. «Подражаніе обычаямъ или одѣянію какого нибудь народа всегда въ Россіи есть вѣрнѣйшій признакъ добраго съ нимъ согласія», говоритъ Вигель. «Уже съ сентября мѣсяца начали всю гвардію переодѣвать по-французски; въ слѣдующемъ году это сдѣлано и со всею арміею.... Они (военные) были недовольны: въ новыхъ мундирахъ своихъ они видѣли французскую ливрею, и съ насмѣшливою досадой поглядывая на новое украшеніе свое, на эполеты, говорили, что Наполеонъ у всѣхъ русскихъ офицеровъ сидитъ на плечахъ» («Воспом.», т. III, стр. 7).

IX. Музыканты.

Напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808, ч. I, № 15, стр. 128, и подписана буквою *К.*

Гоголь придавалъ этой баснѣ особенно важное значеніе, находя въ ней выраженіе здраваго взгляда на практическую дѣятельность. Его школьный учитель, большой любитель тишины и порядка, на смерть не любилъ Крылова за то, что тотъ сказалъ: По мнѣ ужъ пей, да дѣло разумѣй («Мертвыя Души», ч. I, гл. XI). Впослѣдствіи онъ весьма опредѣлительно высказалъ свое мнѣніе: «Особенно слышно, какъ

онъ (Крыловъ) держитъ сторону ума, какъ проситъ не пренебрегать умнаго человѣка, но умѣть съ нимъ обращаться. Это отозвалось въ баснѣ «Музыканты», которую онъ заключилъ словами: «По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй». Не потому онъ это сказалъ, чтобы хотѣлъ похвалить пьянство, но потому, что заболѣла его душа при видѣ, какъ нѣкоторые, набравши къ себѣ, на мѣсто мастеровъ дѣла, людей Богъ вѣсть какихъ, еще и хвастаются тѣмъ, говоря, что хоть мастерства они не смыслятъ, за то отличнѣйшаго поведенія. Онъ зналъ, что съ умнымъ человѣкомъ все можно сдѣлать и не трудно его обратить къ хорошему поведенію, если сумѣешь умно говорить съ нимъ; но дурака трудно сдѣлать умнымъ, какъ ни говори съ нимъ. «Въ ворѣ, что въ морѣ, а въ дуракѣ, что въ прѣсномъ молокѣ», говоритъ наша пословица («Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, Собр. сочин.» Т. III, стр. 463). Замѣчаніе Плетнева объ этой б. см. при б. «Огородникъ и Философъ».

При перепечаткахъ только два стиха этой басни подверглись измѣненіямъ:

Ст. 8-й: И завертѣлась голова (до 1811 г.).
15-й: И я не нахвалюсь ихъ добрымъ поведеніемъ (до 1815).

Къ 16—17. Измѣненная народная пословица: Пей, да дѣло разумѣй! (См. «*Русскія народныя пословицы и притчи*», изд. И. Снегиревымъ, 1848, М. стр. 320). Впрочемъ въ изд. 1831 г., кн. II, стр. 12, Снегиревъ приводитъ эту же пословицу тѣми же почти словами, какъ у Крылова: «По мнѣ хоть пей, да дѣло разумѣй».

X. Парнасъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г., ч. I, № 16, стр. 135; подписана буквою *К*. Въ послѣдствіи значительно измѣнена.

Ст. 1—2: Какъ въ Греціи богамъ пришли минуты грозны
И сталъ ихъ колебаться тронъ;
Иль, такъ сказать, простѣе взявши тонъ,
Какъ боги выходить изъ моды стали вонъ,
То начали богамъ прижимки дѣлать розны:
Ни храмовъ не чинить, ни жертвъ не отпускать;
Что Боги ни скажи, всему смѣяться;
И даже, гдѣ они изъ дерева случатся,
Самихъ ихъ на дрова таскать.
Богамъ худыя шутки:
Житье тѣснѣе каждый годъ,
И наконецъ имъ сказанъ въ сутки
Совсѣмъ изъ Греціи походъ.
Какъ ни были они упрямы,
Пришло очистить храмы;
Но это не конецъ: давай съ боговъ лупить
Все, что они успѣли накопить.
Не дай Богъ изъ боговъ разжаловану быть!
Угодья божески міряна расхватали.
Когда дѣлить ихъ стали,
Безъ дальнихъ выписокъ и словъ
Кому-то и Парнасъ.... (Др. В.).

4: Хозяинъ сталъ пасти на немъ ословъ (Др. В.).

10: И хочетъ свѣтъ.... (Др. В.).

11—16: Одинъ изъ нихъ, кто болѣ былъ востеръ,
Кричитъ: друзья, робѣть не надо;
Вы видите: насъ цѣлое здѣсь стадо;
То какъ не замѣнить намъ девяти сестеръ?
Подымемъ музыку, составимъ свой мы хоръ.
Первые три стиха измѣнены при изданіи 1815 г.; послѣдніе при изд. 1825).

18: То выдадимъ указъ (Др. В.).

20: Тому быть приняту не-можно па Парнасъ (Др. В.).

24: Какъ будто заскрипѣлъ обозъ (до 1811).

Въ первомъ изданіи настоящихъ «Примѣчаній» мы отнесли эту басню къ удаленію отъ дѣлъ сотрудниковъ и товарищей юности имп. Александра I, которые своею страстью къ преобразованіямъ и торопливостію возбуждали повсемѣстное неудовольствіе и громкія порицанія. Высказывая эту догадку, мы основывались какъ на свидѣтельствѣ современниковъ, такъ и на отзывахъ позднѣйшихъ изслѣдователей Александровой эпохи; сверхъ того мы принимали во вниманіе и слѣдующія соображенія: басня появилась только четыре мѣсяца спустя послѣ перемѣны министерства, и первая редакція ея заключаетъ многочисленные намеки на современность. Подобно всѣмъ своимъ сверстникамъ, развившимся въ царствова-

ніе императрицы Екатерины и руководствовавшимся воззрѣніями, усвоенными въ молодости, Крыловъ, которому было тогда уже 40 лѣтъ, не могъ перемѣнить своихъ убѣжденій и присоединиться къ молодежи, смутно понимавшей, что необходимо что-то перемѣнить, улучшить. По самому свойству своего характера, не расположенный къ перемѣнамъ, онъ не могъ стать на сторону реформаторовъ, дѣятельность которыхъ не оправдалась никакими положительными результатами, а повлекла только новыя перемѣны. Благоразумный, разсудительный и осторожный, онъ не могъ сочувствовать людямъ, которые взялись за дѣло безъ основательнаго знакомства съ нимъ, безъ необходимой подготовки, безъ выработаннаго заранѣе плана. Эти люди должны были казаться ему людьми пустыми, которымъ никакое мѣсто не придастъ ума. Такого недостатка не могли искупить въ глазахъ нашего баснописца никакія ихъ личныя достоинства.

Г. Галаховъ во 2-мъ томѣ своей Исторіи русской Словесности (стр. 322) отвергаетъ высказанное нами мнѣніе, но ничего не предлагаетъ взамѣнъ его. По мнѣнію же Я. К. Грота подъ Парнасомъ Крыловъ разумѣлъ Россійскую Академію (*Сборникъ статей, читанныхъ во 2-мъ отд. Академіи наукъ*, т. VI, стр. 284—285). Приводимъ это мѣсто: «Вспомнимъ, во-первыхъ, что Крыловъ уже въ сатирическихъ журналахъ своихъ часто подшучивалъ надъ академіями и академиками; такъ напр., онъ говорилъ, что Каибъ многихъ попугаевъ сдѣлалъ членами своей академіи только за то, что они умѣли чистенько выговаривать то, что выдумалъ другой. Въ сказкѣ *Ночи* есть такъ же выходка противъ Академіи, а вслѣдъ за тѣмъ Момусъ, потрунивъ надъ Мельпоменою и Таліей, обращается къ Фебу съ такой насмѣшкой: «что до другихъ твоихъ музъ, то есть надежда, что онѣ скоро обратятъ Парнасъ въ богадѣльню. Послѣдняя мысль уже довольно близка къ содержанію разсматриваемой басни. Во-вторыхъ, обратимъ вниманіе на отношенія, въ какихъ Крыловъ при сочиненіи этой басни могъ находиться къ Россійской Академіи. Басня написана въ 1808 году; она въ хронологическомъ спискѣ сочиненій Крылова въ этомъ родѣ значится 10-я. Не многія басни, написанныя имъ до нея, были помѣщены въ журналахъ *Московскій Зритель* и *Драматическій Вѣстникъ*; извѣстно, что Крыловъ уже при первомъ появленіи своемъ въ качествѣ баснописца возбудилъ вниманіе, которое, конечно, выражалось разными о немъ толками. Разумѣется, о его басняхъ судили и академики, можетъ быть, даже въ стѣнахъ академіи. Кто же были тогда члены Россійской Академіи? Не будемъ исчислять всѣхъ, но назовемъ между прочими Захарова (Ив. Сем.), графа Хвостова, Мальгина, Соколова (Петра Ив.), Шишкова, Нартова, Кутузова (Павла Ив.), Львова (Павла Юрьев.) и пожалуй Ив. Ив. Мартынова, избраннаго въ академики не задолго передъ тѣмъ, именно въ 1807 году. Изъ нихъ нѣкоторые писывали басни; къ числу такихъ лицъ принадлежалъ особенно

гр. Хвостовъ, который не далѣе какъ 1807 году издалъ свои *Притчи* и, конечно, встрѣтилъ враждебно опаснаго себѣ соперника на этомъ поприщѣ. Отношенія между нимъ и Крыловымъ навсегда остались таковы. Зная духъ и дѣятельность остальныхъ исчисленныхъ нами академиковъ, можно навѣрное сказать, что большинство изъ нихъ неблагосклонно смотрѣло на новыя басни, въ которыхъ отражался оригинальный и свѣжій талантъ. Отзывы одного или нѣсколькихъ изъ этихъ лицъ могли дойти до Крылова и въ отплату имъ онъ естественно могъ написать басню о Парнасѣ, на которомъ живутъ ослы и принимаютъ такое рѣшеніе:

А чтобы нашего не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго пріятства,
Не принимать тѣхъ на Парнасъ.

Нашему предположенію не противорѣчитъ, кажется, и заключеніе басни:

Мнѣ хочется невѣждамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣніе:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

Къ ст. 30—31: Послѣднія два стиха басни Снегиревъ внесъ въ свое собраніе пословицъ: «Когда у кого голова пуста, то головѣ ума не придадутъ мѣста». (стр. 174).

XI. Пустынникъ и Медвѣдь.

Содержаніе этой б. заимствовано у Ла Фонтена, который свою б. L'Ours et l'Amateur des jardins заимствовалъ изъ le Livre des Lumières, ou la Conduite des roys composé par le sage Pilpay, Indien; traduit en françois par David Sahid d'Ispahan, ville capitale de la Perse. A Paris, chez Siméon Piget, 1644*. Это переводъ сокращенной передѣлки первыхъ четырехъ главъ пространной персидской книги, называемой Anvar-i

* Эта книга переведена на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Политическія и нравоучительныя басни Пильпая, философа индейскаго, съ французскаго переведена Академіи Наукъ переводчикомъ Борисомъ Волковымъ, Спб. 1762 г.

Suhailí*. Этимъ сочиненіемъ персидская литература обязана Гусайнъ-Ваицу (въ началѣ XV в.), который переработалъ трудъ знаменитаго своимъ краснорѣчіемъ «ритора» Наср-Аллага, переложившаго на персидскій языкъ арабскій переводъ сборника басенъ подъ заглавіемъ «Калила и Димна», по имени двухъ шакаловъ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ (въ санскритскомъ имъ соотвѣтствуютъ Катарака и Данамака). Что же касается до арабскаго перевода, то онъ, какъ говоритъ преданіе, былъ сдѣланъ знаменитымъ ученымъ Абдаллагомъ бенъ-Конкаффа, во времена халифа Мансура, основателя Багдада, съ древняго персидскаго или пельвискаго языка, на которомъ говорили султаны Ирана. О послѣднемъ переводѣ сохранилось преданіе, что во времена Нуширвана (531—579) распространился слухъ, будто въ сокровищахъ индустанскихъ царей хранится книга, составленная изъ рѣчей животныхъ и заключающая въ себѣ все необходимое царямъ въ дѣлѣ правленія и охраненія своей власти. Нуширванъ поручилъ своему врачу Берзуегу отправиться въ Индустанъ и добыть эту книгу. Посольство увѣнчалось успѣхомъ: Барзуегъ привезъ изъ Индіи книгу, извѣстную подъ именемъ: «Панчатантра» и перевелъ ее на языкъ пельви. (Подробности о переработкахъ «Панчитантры», см. Pantschatantra, fünf Bücher indischer, Fabeln, Märchen und Erzählungen, 2 Th. Leipzig, 1859). Въ le Livre des Lumières эта басня носитъ заглавіе: «О садовникѣ и медвѣдѣ» (№ XXX, стр. 134 русск. перев.). Содержаніе ея слѣдующее: «Какой-то садовникъ такъ любилъ сады, что удалился отъ человѣческаго общества и предался единственно заботамъ о своихъ деревьяхъ. Онъ былъ одинокъ, а

* Полное заглавіе этой книги въ англійскомъ переводѣ, которымъ мы пользовались, слѣдующее: The Anvàr-i Suhailí, or the lights of Canopus; being the Persian version of the Fables of Pilpay; or the Book «Kalilah and Dimnah», rendered into Persian, by Husain Và'iz ùl-Kashifi; Literally translated into prose and verse by Edward B. Eastwich; Hertford. 1856. 1 v. — Странность заглавія объясняется однимъ стихомъ персидскаго переводчика: «Мудрость исходитъ изъ Аравіи, — такъ сказалъ царь арабовъ», т. е. Магомедъ. Если смотрѣть изъ Герата, то Канопусъ восходитъ на правой сторонѣ неба, слѣдовательно, по направленію Аравіи; а такъ какъ пророкъ сказалъ, что мудрость исходитъ изъ Аравіи, то мудрость можно разсматривать, какъ бы состоящею въ связи съ этимъ свѣтиломъ. (См. Anvàr-i Suhailí, стр. 11).

потому ему наскучило жить въ уединеніи; вслѣдствіе этого онъ рѣшился идти искать общества. Прогуливаясь однажды у какой-то горы, онъ увидѣлъ медвѣдя, видъ котораго привелъ его въ ужасъ. Но этому звѣрю также наскучило быть одному, и онъ сошелъ съ своей горы съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ и садовникъ. Лишь только они увидѣли другъ друга, то почувствовали взаимную любовь. Медвѣдь весьма учтиво поклонился садовнику, а тотъ знаками пригласилъ его слѣдовать за нимъ и, придя въ садъ, угостилъ его лучшими плодами. Съ этого времени они не разлучались. Когда садовникъ, утомясь отъ работы, ложился спать, то медвѣдь отгонялъ мухъ, опасаясь, чтобы онѣ его не разбудили. Однажды садовникъ заснулъ подъ тѣнью дерева, а медвѣдь по обыкновенію отгонялъ мухъ. Замѣтивъ, что одна изъ нихъ сѣла садовнику на ротъ, онъ согналъ ее; но она тотчасъ же сѣла съ другой стороны; это такъ его разсердило, что онъ схватилъ большой камень и убилъ ее; но вмѣстѣ съ тѣмъ разбилъ черепъ своему другу». Отсюда нравоученіе: «лучше имѣть разумнаго непріятеля, чѣмъ глупаго друга». (О дальнѣйшемъ развитіи этого сюжета въ народныхъ сказаніяхъ и литературѣ, см. упомянутое сочиненіе Бенфея, ч. I, § 106 и Nachträge zum ersten Theil, S. 538—9)*.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808, ч. I, № 17, стр. 142; но, по словамъ Жихарева («От. Зап.» 1855, сентябрь, стр. 157), онъ перевелъ ее въ 1807 году и читалъ на литературномъ вечерѣ у А. С. Хвостова, 5-го мая. Кромѣ Крылова басню Ла Фонтена переводилъ Сумароковъ, подъ заглавіемъ: «Другъ Невѣжа» (кн. IV, пр. XIV), и гр. Хвостовъ — подъ заглавіемъ: «Медвѣдь и Огородникъ» (кн. III, б. 3); послѣдній перевелъ позже Крылова, что видно изъ примѣчанія (58-го) къ этой баснѣ: «она прекрасно переведена у И. А. Крылова». Сверхъ того передѣлка этой б. напечатана въ журналѣ

* Объ этомъ предметѣ см. мою статью въ «Учителѣ», 1865 г., № 2 и 3, въ которой указано также отношеніе этого сюжета къ русскимъ народнымъ сказаніямъ.

Подшивалова: «Покоящійся Трудолюбецъ», 1784 г., ч. II, стр. 221, подъ заглавіемъ: «Пустынникъ и Медвѣдь», безъ имени автора.

Замѣчательно, что эта басня подверглась самымъ ничтожнымъ перемѣнамъ.

Ст. 7: .... складно.... (до 1811 г.).
39: Вотъ какъ-то.... (Др. В.). 48: .... усни. 62: ...ужъ я-жъ...

Къ ст. 1—4: Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога....
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Нравоученіе, которымъ у Ла Фонтена заключается басня, выражено слѣдующимъ двустишіемъ:

Rien n'est si dangereux qu'un ignorant ami;
Mieux vaudrait un sage ennemi.

3-й и 4-й стихи Крылова внесены Далемъ въ «Сборникъ народныхъ пословицъ» (стр. 557).

Къ ст. 5—13: Жилъ нѣкто человѣкъ безродный одинокой....
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.

Въ изд. 1809 г. и во всѣхъ послѣдующихъ до 1830 г. неправильно печаталось: *одинакой*, хотя уже въ 1809 году Жуковскій въ своей статьѣ замѣтилъ эту ошибку (*Соч.*, т. VII, стр. 107).

Выписавъ эти стихи, Жуковскій замѣчаетъ: «Вотъ истинное простодушіе Ла Фонтена, который не могъ бы выразиться лучше, когда бы родился русскимъ» (тамъ же стр. 107).

Къ ст. отъ 50 до 57: Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ....
У друга на носу.

Жуковскій говоритъ: «Здѣсь подражаніе несравненно лучше подлинника». Ла Фонтенъ сказалъ просто:

Sur le bout de son nez une (муха) allant se placer
Mit l'ours an désespoir—il eut beau la chasser!

«Какая разница! Въ переводѣ картина, и картина совершенная. Стихи летаютъ вмѣстѣ съ мухою» (тамъ же). Въ словарѣ Академіи Наукъ вторая половина 56-го и 57-й стихъ приведены въ примѣръ подъ словомъ *спахивать*, причемъ слово *согналъ* замѣнено словомъ *спахнулъ;* но такая замѣна не оправдывается ни однимъ изданіемъ.

Къ ст. 59—66: Вотъ Мишенька, не говоря ни слова....
Что силы есть, хвать друга камнемъ въ лобъ.

*

Противопоставляя эти стихи, изображающіе медлительность медвѣдя, предыдущимъ, Жуковскій говоритъ: «здѣсь всѣ слова длинныя, стихи тянутся. Всѣ эти слова: *мишенька*, *увѣсистый*, *булыжникъ*, *корточки*, *переводитъ*, *думаетъ*, *и у друга*, *подкарауля*, прекрасно изображаютъ медлительность и осторожность за пятью длинными, тяжелыми стихами слѣдуетъ быстро полустишье:

Хвать друга камнемъ въ лобъ —

Это молнія, это ударъ! Вотъ истинная живопись, и какая противоположность послѣдней картины съ первою». (Тамъ же).

Къ ст. 63: И, у друга на лбу подкарауля муху.

Этотъ стихъ въ измѣненномъ видѣ сдѣлался народною пословицею, какъ видно изъ «Сборника» Даля: «Подсидѣлъ у друга муху» (стр. 557).

Вообще должно замѣтить, что если возможно въ этой б. Крылова находить что либо общее съ б. Ла Фонтена, то развѣ только основной фактъ; все же остальное: расположеніе разсказа, характеристика дѣйствующихъ лицъ и отношенія между ними, обстановка, изображеніе самаго факта,—все это вполнѣ принадлежитъ русскому баснописцу. Сверхъ того нельзя оставить безъ вниманія и искусства, съ какимъ Крыловъ избѣжалъ нѣкоторыхъ недостатковъ, замѣтныхъ во французской баснѣ. Любитель садовъ Ла Фонтена значительно отличается отъ восточнаго садовника, о которомъ въ le Livre des lumières сказано глухо: «у него не было ни жены, ни дѣтей, и онъ съ утра до вечера трудился въ своемъ саду, который сдѣлалъ такимъ прекраснымъ, какъ земной рай»; между тѣмъ у Ла Фонтена онъ поставленъ совершенно въ другія условія: Seigneur, говоритъ онъ медвѣдю:

Vous voyez mon logis; si vous vouliez faire
Tant d'honneur que d'y prendre un champêtre repas,
J'ai des fruits, j'ai du lait....

Во всѣхъ восточныхъ передѣлкахъ этой басни животныя (въ санскритскихъ обязьяна, въ персидскихъ медвѣдь) являются равноправными съ человѣкомъ; въ le Livre des lumières садовникъ и медвѣдь при первой встрѣчѣ предлагаютъ другъ другу узы дружбы, какъ равный равному. У Ла Фонтена эти отношенія нарушены:

L'homme eut peur: mais comment esquiver? et que faire?...

и потомъ:

.... il sut donc dissimuler sa peur.

Такое нарушеніе отношенія между человѣкомъ и міромъ животныхъ, устанавливаемаго первобытною поэзіею, разрушаетъ кажущееся правдоподобіе всего разсказа.

Замѣнивъ ла-фонтеновскаго любителя садовъ «пустынникомъ, человѣкомъ безроднымъ, одинокимъ, живущимъ вдали отъ города, въ глуши», Крыловъ уже самою неопредѣленностію этихъ выраженій далъ волю воображенію читателя перенести дѣйствіе въ такую эпоху и въ такую мѣстность, въ которыхъ дружественныя отношенія между человѣкомъ и животнымъ могли представляться возможными.

XII. Оракулъ.

Хотя по свидѣтельству С. П. Жихарева («От. Зап.», 1855, сентябрь, стр. 164), Крыловъ написалъ эту б. въ 1807 г. и читалъ ее 9 мая на вечерѣ у кн. Шаховскаго, однако она была напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. (ч. I, № 22, стр. 183) съ подписью *К.*

Основная мысль этой басни была высказана Крыловымъ въ «Почтѣ Духовъ»: танцмейстеръ Фурбиній совѣтуетъ Плутону не отставлять отъ должности повредившихся судій, во уваженіе ихъ долговременной службы, но «приставить къ нимъ умнаго секретаря, который бы вмѣсто ихъ разсматривалъ дѣла, а они бы подписывали то, что онъ имъ скажетъ». (См. IX письмо, «Полное собраніе сочиненій», т. I, стр. 84). Почти тоже повторено въ первой статьѣ подъ заглавіемъ «Ночи»: «Его превосходительство, валяясь въ пышныхъ пуховикахъ, изволитъ заниматься хорошими сновидѣніями, между тѣмъ какъ секретарь его готовитъ ему къ завтраму политическія разсужденія, которыя, конечно, онъ выдастъ за свои; ибо этотъ господинъ уже привыкъ думать секретарскою головою, которая есть его душа, а вельможа этотъ ея тѣло». (Тамъ же, стр. 215—16).

По поводу этой басни г. Флёри (Krylov et ses Fables, p. 136) цитируетъ стихи Ла Фонтена, въ которыхъ онъ смѣется надъ вдовою стихотворца Коллета (Colletet), сочинявшей стихи при жизни мужа и прекратившей это занятіе съ его смертью:

Les oracles ont cessé:
Colletet est trépassé,
Des qu'il eut la bouche close
Sa femme ne dit plus rien,
Elle enterra vers et prose
Avec le pauvre chrétien.

Въ перепечаткахъ этой б. находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 7: оглушенъ (вм. *заглушенъ*) (Др. В.).
13: И кто за чѣмъ къ нему ни подойдетъ.
16: Куда въ немъ умъ дѣвался (до изд. 1811).

XIII. Волкъ и Ягненокъ.

Заимствована у Ла Фонтена, который содержаніе своей б. le Loup et l'Agneau могъ почерпнуть у Эзопа (№ 229, пер. Мартынова) или у Федра (кн. I, б. 1)*. Раньше Крылова переводилъ ее Тредьяковскій («Сочиненія», т. I, стр. 221), потомъ Сумароковъ подъ тѣмъ же заглавіемъ (кн. I, притча II). Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808 г. (ч. I, № 24, стр. 199 и подписана буквою *К.*). Въ V части того же журнала была напечатана статья Шишкова: «Сравненіе Сумарокова съ Ла Фонтеномъ», въ которой между прочимъ разбирается притча «Волкъ и Ягненокъ». Это обстоятельство, по мнѣнію Я. К.

* Эта басня напоминаетъ апологъ Гезіода въ его поэмѣ: «Труды и Дни», о копчикѣ и соловьѣ. Изъ него выводится то нравоученіе, что слабѣйшій долженъ уступать сильнѣйшему и не раздражать его безполезнымъ противодѣйствіемъ. Этимъ сюжетомъ Ла Фонтенъ воспользовался въ своей баснѣ le Milan et le Rossignol. Приводимъ апологъ Гезіода: «Вотъ что сказалъ однажды копчикъ гармоническому соловью, котораго онъ въ своихъ загнутыхъ когтяхъ уносилъ въ нѣдра облаковъ. Когда несчастный, пронзенный жестокими когтями похитителя, жаловался и стоналъ, тотъ обратился къ нему съ такими суровыми словами: «Несчастный! зачѣмъ эти жалобы? Тотъ, кто держитъ тебя въ своей власти, сильнѣе тебя. Ты идешь, куда я тебя веду, какова бы ни была сладость твоихъ пѣсенъ. Если захочу, я могу съѣсть тебя, могу и отпустить». Такъ говорилъ быстрый копчикъ, съ распростертыми крыльями. Безуменъ тотъ, кто хотѣлъ бы противустать волѣ сильнѣйшаго! онъ не побѣдилъ бы, но навлекъ бы стыдъ и несчастіе» (см. Fables de La Fontaine, édit. variorum Paris, 1861.).

Грота, подало поводъ Державину написать басню на тотъ же предметъ (см. «Сочиненія Державина», академ. изд. т. III, стр. 566 и слѣд.). — Приводимъ варіанты:

Ст. 6: ....надо же.... (до изд. 1825).
10—13: Съ пескомъ и съ иломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое (Др. В.).
14—15: эти стихи явились въ изд. 1809 г.
16—17: Когда свѣтлѣйшій волкъ замѣтить удостоитъ,
Ягненокъ отвѣчалъ, что.... *и проч.* (до изд. 1811).
19—20: То гнѣвомъ онъ себя напрасно безпокоитъ —
И вамъ питья мутить никакъ я не могу (до изд. 1811).
22: Бездѣльникъ!.... (до 1819).
25: Я этого, другъ мой.... (Др. В.),
27—28: Въ изд. 1815, 19 и 25 г. вторая половина 27 и первая 28-го стиховъ пропущены, вѣроятно, по ошибкѣ.
— Нѣтъ брата.... (до 1811).
34: .... мнѣ скучно слушать (Др. В.).

Къ ст. 1: У сильнаго всегда безсильный виноватъ.

Этотъ стихъ обратился въ пословицу и внесенъ въ сборникъ Снегирева (стр. 422).

У Ла Фонтена:
La raison du plus fort est toujours la meilleure.

Къ ст. 5: Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться:

У Ла Фонтена: Un agneau se désaltérait
Dans le courant d'une onde pure.

Къ ст. 6 и 7: И надобно жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ Волкъ.

У Ла Фонтена: Un loup survient à jeun, qui cherchait aventure
Et que la faim en ces lieux attirait.

Къ ст. 10: ....Какъ смѣешь, ты наглецъ, нечистымъ рыломъ...

Обращеніе волка у Ла Фонтена выражено въ болѣе сжатой формѣ:

Qui te rend si hardi de troubler mon breuvage?
Dit cet animal plein de rage:
Tu seras châtié de ta témérité.

Къ ст. 16—20: Когда свѣтлѣйшій волкъ позволитъ....
Питья мутить ему никакъ я не могу.

Оправданіе ягненка весьма близко къ оригиналу:

У Ла Фонтена: Sire, répond l'agneau, que Votre Majesté
Ne se mette pas en colère;
Mais plutôt qu'elle considère
Que je me vas désaltérant
Dans le courant,
Plus de vingt pas au-dessous d'elle;
Et que, par conséquent, en aucune façon,
Je ne puis troubler sa boisson.

Къ ст. 23—32: Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ...
И если можете, то мнѣ всегда вредите.

Весь разговоръ только въ подробностяхъ отличается отъ слѣд. стиховъ Ла Фонтена:

Et je sais que de moi tu médis l'an passé!
Comment l'aurais-je fait si je n'étais pas né!
Reprit l'agneau; je tette encor ma mère.—
Si ce n'est toi, c'est donc ton frère.—
Je n'en ai point.—C'est donc quelqu'un des tiens;
Car vous ne m'épargnez guère,
Vous, vos bergers, et vos chiens.

Къ ст. 37: Сказалъ—и въ темный лѣсъ Ягненка поволокъ.

У Ла Фонтена:

Là-dessus, au fond des forêts
Le loup l'emporte...

Басня Ла Фонтена оканчивается иронической фразой: et puis le mange sans autre forme de procès; Крыловъ измѣнилъ заключеніе; но дополнилъ разсказъ одною чертою, которой нѣтъ у французскаго баснописца:

Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится;
Но дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ....

Эти строки придаютъ всему разсказу оттѣнокъ ироніи. Такой же тонъ придаетъ своей басенкѣ и Тредьяковскій:

Сего (ягненка) какъ съѣсть ему (волку) намѣреніе вспало,
А справедливымъ бы казалось дѣло то,
Онъ говорилъ...

Это совершенно согласно съ Эзопомъ, у котораго сказано, что волкъ хотѣлъ съѣсть ягненка «подъ благовиднымъ предлогомъ».

Съ этой басней Ла Фонтена связывается разсказъ о Наполеонѣ I, который однажды на островѣ св. Елены высказалъ свое мнѣніе объ его басняхъ вообще и объ этой въ особенности. Полагаемъ, что этотъ разсказъ не будетъ здѣсь неумѣстенъ, потому что сужденіе Наполеона такъ же можетъ быть примѣнено къ Крылову, какъ и къ Ла Фонтену. «Императоръ встрѣтилъ маленькаго Тристана, старшаго сына де-Монтолона, которому было

только семь лѣтъ. Онъ поставилъ его между колѣнъ и заставилъ говорить басни, въ которыхъ бѣдное дитя изъ десяти словъ не понимало двухъ. Императоръ много смѣялся, осуждалъ то, что даютъ Ла Фонтена дѣтямъ, которыя не могутъ его понимать, и началъ объяснять ихъ Тристану, желая сдѣлать ихъ понятными ему.... Императоръ нашелъ, что въ б. «Волкъ и Ягненокъ» слишкомъ много ироніи, почему она не можетъ быть доступна пониманію дѣтей; сверхъ того она грѣшитъ въ своемъ принципѣ и въ нравоученіи, и это въ первый разъ его поразило. Несправедливо, que la raison du plus fort fût toujours la meilleure, и если такъ случается на самомъ дѣлѣ, то это зло, говорилъ онъ, злоупотребленіе, достойное порицанія. Волкъ долженъ былъ бы подавиться, пожирая ягненка». (Mémorial de Sainte-Hélène; 1842, t. I, p. 780—1. См. Галахова Ист. русск. слов., т. II, стр. 324—325).

XIV. Стрекоза и Муравей.

Ла Фонтенъ заимствовалъ свою б. la Cigale et la Fourmi у Эзопа, у котораго дѣйствующими лицами являются «Кузнечикъ и Муравей» (№ 133, перев. Мартынова*). Въ первый разъ на русскій языкъ она была переведена Сумароковымъ, подъ заглавіемъ «Стрекоза» (кн. II, пр. LXVII), потомъ подъ тѣмъ же заглавіемъ Хемницеромъ («Сочиненія», академ. изд. б. LIX) и наконецъ Крыловымъ. Въ первый разъ эта б. напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808, ч. I, № 34, стр. 61, и подписана буквою *К.* Въ послѣдующихъ изданіяхъ перемѣнено только одно слово: придетъ, вм. *пойдетъ* (1809). Жуковскій отнесъ ее къ числу лучшихъ изъ 23 басенъ, вошедшихъ въ изданіе 1809 г. («Сочиненія», т. VII, стр. 98).

* Сверхъ того у Эзопа есть другая басня, весьма сходная съ этой по содержанію и по нравоученію: «Муравей и Жукъ». Содержаніе ея слѣдующее: Жукъ, увидѣлъ муравья, бѣгавшаго по пашнѣ и собиравшаго зерна въ запасъ на зиму, и назвалъ его жалкимъ бѣднякомъ, который весь вѣкъ трудится болѣе всѣхъ животныхъ. Муравей перенесъ упрекъ, не сказавъ ни слова. Когда же настала зима и навозъ потопило разлитіемъ рѣкъ, то голодный жукъ пришелъ къ муравью просить у него взаймы пищи. Но муравей сказалъ ему: «о Жукъ! если бы ты работалъ въ то время, какъ поносилъ меня, то не терпѣлъ бы теперь недостатка въ пищѣ». Баснь учитъ насъ не лѣниться въ пріобрѣтеніи нужнаго, но заблаговременно заботиться о необходимомъ для сохраненія жизни. (№ 244, пер. Мартынова).

Къ ст. 1—4: Попрыгунья Стрекоза....
Какъ зима катитъ въ глаза.

У Ла Фонтена:

La cigale, ayant chanté
Tout l'été,
Se trouva fort dépourvue
Quand la bise fut venue.

Къ ст. 5—13: Помертвѣло чисто поле...
На желудокъ пѣть голодный!

Эти стихи составляютъ развитіе слѣдующей мысли Ла Фонтена:

Pas un seul petit morceau
De mouche ou de vermisseau.

Къ ст. 16: Не оставь меня, кумъ милой!

Начиная съ этого стиха вторую половину басни, которая почти ничего не имѣетъ общаго съ французскою, кромѣ заключенія, Жуковскій приводитъ въ своей статьѣ, какъ образецъ разговора. («Сочиненія», т. VII, стр. 104).

Къ ст. 29—30: Ты все пѣла? Это дѣло!
Такъ поди же попляши!

У Ла Фонтена: Vous chantiez! j'en suis fort aise.
Eh bien, dansez maintenant.

XV. Орелъ и Куры.

Напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. ч. II, № 45, стр. 150, съ подписью *К*. Ни въ одномъ изъ изданій Крыловъ не отнесъ этой б. къ разряду заимствованныхъ, однакожъ она имѣетъ много сходства по содержанію и по цѣли съ б. Дмитріева «Орелъ и Каплунъ», напечатанной въ первый разъ въ «Московскомъ Зрителѣ», 1806 г. (за мартъ, стр. 33). Пѣтухъ, увидѣвъ, какъ Орелъ взлетѣлъ къ небесамъ, въ восторгѣ воскликнулъ: «Кто равенъ съ нимъ!» — «Ты и я», сказалъ Каплунъ и вздумалъ доказать это на дѣлѣ, но тутъ же упалъ на кровлю, какъ свинецъ. Птицы смѣялись, а благоразумный пѣтухъ сказалъ: «Каплунъ, ты не орелъ!» Заключеніе слѣдующее:

Читатель! я хотѣлъ въ иносказаньи этомъ
Представить риѳмача съ поэтомъ.

При изданіи собранія стихотвореній Дмитріевъ замѣнилъ эти двѣ строки обращеніемъ къ Каплуну и далъ баснѣ болѣе общее значеніе:

Спасибо Каплуну! и онъ урокъ оставилъ!
«Отважный безъ ума всегда себя безславилъ».

Приводимъ варіанты.

Ст. 1—2. Въ день свѣтлый, солнечный желая нагуляться,
Орелъ подъ небесью леталъ (Др. В.).
—Въ день свѣтлый, солнечный желая прогуляться (1809).
—Днемъ солнечнымъ желая насладиться,
По поднебесью царь пернатыхъ птицъ леталъ(1815, 30).
. . . . пернатый.... (1819, 25).
Ст. 4: Гдѣ молнія родится (1815, 30).
14: И подлѣ.... (Др. В., 1809).
18: Неужъ ли за полетъ, сосѣдка (Др. В.).
22: вм. *знатнѣе:* честнѣе.... (до 1825).
25: вм. *такъ какъ куры:* какъ и куры (Др. В.).
29: вм. *до облакъ:* съ орлами.... (1819).
30: вм. *таланты:* поэтовъ.... (до 1819).
32: Но чувствуя лишь то, что сильно и прекрасно (до 1819).

XVI. Муха и Дорожные.

Переработка б. Ла Фонтена le Coche et la Mouche, первообразъ которой Валькнэеръ находитъ въ б. Эзопа «Комаръ и Волъ» (№ 213, пер. Мартынова) и Федра «Муха и Ослица» (кн. III, б. 5), хотя между ними и французскою баснею весьма отдаленное сходство. Содержаніе басни Эзопа слѣдующее: Комаръ, сидя на рогу Вола, пищалъ и сказалъ ему: если я тяжелъ для твоей шеи, то улечу прочь. На это Волъ отвѣчалъ: ни того не зналъ я, когда ты сѣлъ, ни до того нѣтъ мнѣ надобности, когда останешься. Басня уличаетъ неизвѣстныхъ, ничего не значущихъ и сражающихся съ сильными государями. — Разсказъ Федра, какъ по содержанію, такъ и по выводу значительно измѣненъ; вотъ содержаніе этой басни: Муха, сидя на оглоблѣ укоряла ослицу, что она идетъ

тихо, и угрожала ужалить ее. На это ослица отвѣчала, что слова мухи ничего ей не значатъ; но она опасается того, кто, сидя на переднемъ сидѣніи, держитъ возжи и бичъ и умѣряетъ ея ходъ. Вслѣдствіе этого она совѣтуетъ мухѣ оставить свои упреки, ибо она сама знаетъ, гдѣ нужно идти скорѣе, гдѣ тише. Этою баснею достойно осмѣивается тотъ, кто, не имѣя силы, дѣлаетъ тщетныя угрозы.

У Сумарокова находимъ четыре басни, въ которыхъ развивается сюжетъ обоихъ древнихъ баснописцевъ: «Высокомѣрная муха» (кн. III, пр. XXIII) по содержанію сходна съ б. Федра; но заключеніе болѣе частное: онъ сравниваетъ съ мухою, погоняющею лошака, господъ, которые,

Раздувшися, гоняютъ лошадей,
Которы возятъ ихъ, и коихъ сами хуже.

«Тяжелый Комаръ» (кн. IV, пр. XLVIII), сидѣвшій на дубѣ въ то время, какъ его повалила буря, и потомъ сказавшій, что если бы онъ не отяготилъ дуба, то вѣтеръ не причинилъ бы ему такого бѣдствія, равно какъ и Муха въ притчѣ «Муха и Карета» (кн. VI, пр. IX), хвалившаяся тѣмъ, что подняла пыль, произведенную колесами кареты, по своему характеру приближаются къ комару Эзопа. Притча же «Услужливый Комаръ» (кн. IV, пр. XLVII), какъ по содержанію, такъ мѣстами и по изложенію весьма близка къ Ла Фонтену. Сюда же относится и извѣстная б. Дмитріева «Муха» (кн. II, б. XII), хваставшаяся своимъ участіемъ въ работѣ быка и заключившая рѣчь свою знаменитымъ «мы пахали!» Басню Ла Фонтена перевелъ также гр. Хвостовъ подъ заглавіемъ «Муха и Берлинъ» (кн. III, б. XVII), но позже Крылова, что видно изъ примѣчанія (67): «Басня «Берлинъ и Муха» прекрасно передѣлана Крыловымъ». («Полн. собр. стих.», т. IV, стр. 305).

Басня Крылова въ первый разъ была напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г., ч. III, № 63, стр. 85, съ не большими перемѣнами.

Ст. 7—9: .... Спустился съ козелъ онъ
И въ два кнута, мучитель,
Съ лакеемъ лошадей тиранитъ съ двухъ сторонъ (Др. В.).

27: Лакеи, гуторя.... (1809).
28: .... болтають вздоръ тишкомъ.
30: .... грибовъ искать.... (до изд. 1834 г.).
31—32: .... что только лишь одна
О всемъ заботится она (Др. В.).
34: Втащились и всползли на ровную дорогу.
38: .... ноги носять.
40: Которые во все....

Къ ст. 1—5: Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору....
Тащился.

У Ла Фонтена:

Dans un chemin montant, sablonneux, malaisé,
Et de tous les côtés au soleil exposé,
Six forts chevaux tiraient un coche.

Къ ст. 6—14: Кони измучились и кучеръ какъ ни бился....
Но въ гору по песку едва-едва тянули.

Послѣдніе девять стиховъ замѣняютъ слѣдующіе два стиха Ла Фонтена:

Femmes, moine, vieillards, tout était descendu:
L'attelage suait, soufflait, était rendu.—

и представляетъ картину чисто національнаго колорита. Подобную же картину находимъ и у Сумарокова:

Труды коней почти совсѣмъ уже исчезли;
Жалѣя и колесъ, жалѣя и коней,
Лакеи слезли,
Стоящіе на ней:
Однако этотъ скиртъ и съ мѣста не ступаетъ:
Возница лошадямъ кричитъ: ну, ну, ну, ну!
И плѣтью лупитъ ихъ, какъ будто за вину;
Стегалъ, стегалъ, кричалъ, кричалъ и осипаетъ.
Отъ лошадей и пѣна тутъ и паръ.

Къ ст. 15—32: Случись тутъ мухѣ быть. Какъ горю не помочь?...
О всемъ заботится одна.

Хотя разсказъ, заключающійся въ этихъ стихахъ, по содержанію и сходенъ съ оригиналомъ, но подробности такъ различны, что не возможно уловить ни одной общей черты.

Къ ст. 33—38: Межъ тѣмъ лошадушки, шагъ за шагъ, по-немногу....
Меня насилу крылья носятъ.

У Ла Фонтена:

Après bien du travail, le coche arrive au haut:
Respirons maintenant! dit la mouche aussitôt:
J'ai tant fait que nos gens sont enfin dans la plaine.
Çà, messieurs les chevaux, payez-moi de ma peine.

[illegible] ...
[illegible]

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

XVII. Слонъ на воеводствѣ.

Напечатана въ «[illegible]» [illegible] IV. № [illegible] [illegible] Слонъ [illegible] (Др. В.).

Къ ст. [illegible] [illegible]
[illegible]

«[illegible] Измайловъ [illegible] «Сочиненія», т. II, стр. [illegible]).

Къ ст. 12—13: [illegible] въ Приказъ.
[illegible]

Особенно забавнымъ въ этихъ стихахъ Измайловъ находитъ то, что животнымъ приписывается обычай людей. «Какъ пріятно послѣ словъ: *прошеніе*, *приказъ* поставлена здѣсь любимая приказными частица *де!*» («Сочиненія», т. II, стр. 690).

Къ ст. 17—18: ... Не ты ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легенькій оброкъ собрать съ овецъ?

«Правдоподобіе состоитъ въ томъ», говоритъ Измайловъ, «чтобы не говорить того, чего не можетъ быть въ природѣ, или въ естественномъ порядкѣ вещей.

Rien n'est beau que le vrai: le vrai seul est aimable,
Il doit régner partout, et même dans la Fable.
(Boileau, *Epître* IX).

«Надобно быть весьма осторожнымъ, чтобы сохранить сіе качество въ разсказѣ басни. Ла Фонтенъ и лучшіе наши баснописцы погрѣшали иногда противъ правдоподобія». Въ примѣръ такой погрѣшности онъ приводитъ означенные два стиха и вмѣстѣ съ Каченовскимъ спрашиваетъ: «На что волкамъ тулупы, и развѣ надобны имъ овечьи кожи»? (См. рецензію Каченовскаго, «Вѣстникъ Европы», 1812 г., № 4, стр. 309, а также Ист. Рус. Слов. Галахова, т. II, стр. 307).

Къ ст. 20: Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры по шкуркѣ снять.

Въ «Сборникѣ» Даля находимъ пословицу, составившуюся на основаніи этого стиха; а именно: «Дай хоть по шкуркѣ съ брата снять. И всего-то придется по шкуркѣ съ брата» (стр. 183).

XVIII. Лисица и Виноградъ.

Содержаніе заимствовано изъ б. Ла Фонтена le Renard et les Raisins (кн. III, б. 11). Такого же содержанія б. находимъ у Эзопа подъ заглавіемъ «Лисица и Виноградъ» (№ 155, пер. Мартынова) и у Федра — «Лисица и Виноградная кисть» (кн. IV, б. 2). Изъ русскихъ писателей кромѣ Крылова переводили эту б. Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: «Лисица и Віноградна кисть» («Соч.» т. I, стр. 240) и Сумароковъ — «Лисица и Виноградъ» (кн. VI, пр. XL). Басня Крылова напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808, ч. IV, № 80, стр. 16, съ подписью *К.*, а потомъ явилась въ изд. 1811 г.

Ст. 3: У кумушки на виноградъ
Глаза и зубы разгорѣлись (Др. В.).
— Запрыгали глаза и зубы разгорѣлись (до изд. 1834).
4: .... висятъ онѣ высоко (до 1825 г.).
5: Одна бѣда....

Къ ст. 7—8: Хоть видитъ око....

Народная пословица: «Глазъ видитъ да зубъ нейметъ» (Снегирева: «Русск. народн. посл.», М. 1848, стр. 69). Въ «Сборникѣ пословицъ» Даля находимъ эти стихи въ измѣненномъ видѣ: «Зеленъ виноградъ—когда не даютъ» и «Киселъ виноградъ, зѣленъ (стр. 237).

Къ ст. 11—12: На взглядъ то онъ хорошъ,
Да зеленъ....

Подобное выраженіе встрѣчается у Сумарокова; лисица говоритъ о виноградѣ:

Хорошъ на взглядъ,
Да киселъ.

Для сравненія приводимъ басню Ла Фонтена:

Le Renard et les Raisins.

Certain renard gascon, d'autres disent normand,
Mourant presque de faim, vit au haut d'une treille
Des raisins, mûrs apparement
Et couverts d'une peau vermeille.
Le galant en eût fait volontiers un repas,
Mais comme il n'y pouvait atteindre:
Ils sont trop verts, dit-il, et bon pour des goujats.
Fit-il pas mieux que de se plaindre?

XIX. Крестьянинъ и Смерть.

Источникомъ Крылову, какъ показываетъ сравненіе, послужила б. Ла Фонтена: la Mort et le Bûcheron, передѣланная изъ Эзоповой басни «Старикъ и Смерть» (№ 20 перев. Мартынова *. Ее же переводили: Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: «Старикъ и Смерть» («Сочиненія», т. I, стр. 232), Сумароковъ, «Крестьянинъ и Смерть» (кн. VI, притча VIII) и Державинъ, подъ заглавіемъ: «Смерть и Старикъ» («Сочиненія» академич. изд., т. III, стр. 539); но онъ измѣнилъ смыслъ басни тѣмъ, что его старикъ на вопросъ явившейся къ нему Смерти: «Ты звалъ меня?»—Нѣтъ, нѣтъ, не я, помилуй! онъ вскричалъ. И пальцемъ ближняго сосѣда указалъ». Переводъ гр. Хвостова (кн. I, б. IV), въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ сходенъ съ б. Крылова. С. П. Жихаревъ свидѣтельствуетъ, что Крыловъ написалъ эту б. въ 1807 г.: въ

* Ла Фонтена есть другая басня: la Mort et le Malheureux, написанная въ подражаніе Эзопу; но такъ какъ онъ упустилъ нѣкоторыя черты оригинала, то рядомъ съ нею помѣстилъ упомянутую передѣлку (см. Fables de la Fontaine, édit. variorum, Paris, 1861).

«Дневникѣ Чиновника», подъ 3 февраля 1807 г., разсказывается: «всѣ пристали къ Крылову, чтобъ онъ прочиталъ что нибудь. Долго отнекивался остроумный комикъ, но наконецъ разрѣшился баснею Ла Фонтена: «Смерть и Дровосѣкъ» и проч.* («Отеч. Зап.», 1855, т. CI, стр. 126).

Напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. ч. IV, № 81, стр. 24, съ подписью *К.*, и перепечатана къ изд. 1811 г., стр. 6. Окончательно редактировалъ Крыловъ эту басню въ 1809 г. и напечаталъ въ «Цвѣтникѣ», ч. II, 1809 г. стр. 213.

Ст. 1: Валежнику набравъ.... (рукоп.).
10: .... при томъ жена.... (Др. В.).
11: А тамъ боярщина, подушное, оброкъ.

Къ 1—8: Набравъ валежнику порой холодной, зимной....
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ собой.

У Ла Фонтена:

Un pauvre bûcheron, tout couvert de ramée,
Sous le faix du fagot aussi bien que des ans
Gémissant et courbé, marchait à pas pesants,
Et tâchait de gagner sa chaumine enfumée.
Enfin, n'en pouvant plus d'effort et de douleur,
Il met bas son fagot, il songe à son malheur.

Къ ст. 9—13: Куда я бѣденъ, Боже мой....
Хотя одинъ мнѣ радостный денекъ.

Жалобы крестьянина по темѣ довольно близки къ размышленіямъ французскаго дровосѣка:

Quel plaisir a-t il en depuis qu'il est au monde?
En est-il un plus pauvre en la machine ronde?
Point de pain quelquefois, et jamais de repos:
Sa femme, ses enfants, les soldats, les impôts,
Le créancier, et la corveé,
Lui font d'un malheureux la peinture achevée.

Къ стр. 15—16: Зоветъ онъ смерть. Она у насъ не за горами,
А за плечами.

У Ла Фонтена: Il appelle la Mort.

Народная поговорка: «Смерть не за горами, а за плечами»,

---

* Такого заглавія ни въ рукописяхъ, ни въ печатныхъ изданіяхъ мы не встрѣчали.

или «Дума за горами, а смерть за плечами» (Снегирева: «Русскія народныя пословицы и притчи», дополненіе, изд. 1857, а также «Словарь» Даля, стр. 332).

Къ ст. 17—18: Явилась вмигъ
И говоритъ: За чѣмъ ты звалъ меня, старикъ?

У Ла Фонтена:

.... Elle vient sans tarder,
Lui demande ce qu'il faut faire.

Въ б. Сумарокова смерть спрашиваетъ тѣми же словами, какъ у Крылова:

За чѣмъ ты звалъ меня?

Къ ст. 21—22: Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку.

У Ла Фонтена:

C'est, dit-il, de m'aider
A recharger ce bois....

Къ ст. 25—26: Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

Заключительные два стиха—народная пословица: «Какъ жить ни тошно, а умирать еще тошнѣй» (Снег. 165 стр.), которая разнообразно варіируется; напр. «Жить грустно, а умереть тошно» и «Жить мучиться, а умереть не хочется» (см. «Русск. нар. посл. и пр.» Снегирева, 1848, стр. 127). Эта мысль у Ла Фонтена выражена извѣстнымъ стихомъ:

Plutôt souffrir que mourir.

XX. Слонъ и Моська.

Напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. ч. IV, № 85, стр. 35. Это восемнадцатая и послѣдняя басня изъ появившихся въ этомъ изданіи, которое прекратилась съ концомъ года; потомъ она перепечатана въ изданіи 1811 г., стр. 19, съ единственною перемѣною: въ 4 стихѣ вм. «зѣвакъ» было: смотрителей (Др. В.).

Ст. 19—20: Ай, Моська, знать она сильна,
Что лаетъ на слона.

Эти два стиха внесены, какъ народная пословица, въ «Полное собраніе нар. посл.» Д. К., 1822 г. (стр. 1).

1809.

—

XXI. Хозяинъ и Мыши.

Напечатана въ первый разъ въ «Цвѣтникѣ» 1809 г., ч. II, стр. 332, подъ заглавіемъ: «Хозяинъ и Кошки», затѣмъ перешла въ изданіе 1811 и послѣдующія безъ всякихъ перемѣнъ.

Не имѣетъ ли эта басня отношенія къ послѣдствіямъ, обнаружившимся послѣ всеобщаго наказанія, постигшаго чиновниковъ коммиссаріатскаго и провіантскаго департаментовъ, за злоупотребленія во время войны съ Франціею? (Отъ нихъ были отняты мундиры, см. «Полн. Собр. Зак., т. XXIX, № 22542). На эту мысль наводитъ все содержаніе басни и въ особенности слѣдующіе стихи:

> .... берегись клепать,
> Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору.

и потомъ:

> Тутъ чѣмъ бы вора подстеречь
> И наказать его, а правыхъ поберечь,
> Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.
> Услыша приговоръ такой замысловатый
> И правый тутъ и виноватый
> Скорѣй съ двора долой.

Дѣйствительно, множество чиновниковъ немедленно подало въ отставку, не желая нести общаго, многими, можетъ быть, не заслуженнаго наказанія. «Графъ Аракчеевъ, опасаясь, чтобы малое число честныхъ людей не поспѣшило оставить службу, выпросилъ, вопреки дворянской грамотѣ, запрещеніе подавать въ отставку даже и тѣмъ (чиновникамъ), кои найдены будутъ совершенно исправными» («Воспом.» Вигеля, ч. III, стр. 23). Это дѣло могло особенно интересовать Крылова, потому что должность генералъ-провіантмейстера занималъ тогда Димитрій Борисовичъ Мертваго, женатый на родной сестрѣ Елисаветы Марковны Олениной. («Записки» Д. Б. Мертваго, «Русск. Архивъ», 1867 г. № 8-й и 9-й, стр. 225—252).

---

*

XXII. Мѣшокъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Цвѣтникѣ» 1809 г., ч. III, стр. 33, и затѣмъ перепечатана въ изд. 1811 г., стр. 25, со слѣдующими варіантами:

Ст. 4: У самыхъ нижнихъ слугъ. (Цвѣтн.).
19: То всякій на него съ умильностью глядитъ.
31: Хоть такъ онъ вретъ... (изд. 1811).
34: Чтобъ ни сказалъ, всему дивиться станутъ (Цвѣтн.).
39: Мы басней ни на чье лицо не намекали (Цв. и изд. 1811).
43: . . . . въ поденщикахъ бывали.
49: Которые теперь не рѣдко съ тѣмъ вельможей (до изд. 1825).

Къ ст. 20: Когда же кто къ нему подсядетъ,
То, вѣрно, ужъ его потреплетъ иль погладитъ.

У Измайлова эти стихи приведены въ примѣръ «естественности въ описаніи происшествій» («Соч. т. II, стр. 680).

Къ ст. 33—35: Но у людей къ несчастью тотъ порокъ....
Что ни скажи, всему дивиться станутъ.

Эти три стиха Измайловъ приводитъ въ примѣръ размышленія, въ которомъ «баснописецъ, повѣствуя какое нибудь вымышленное происшествіе, мимоходомъ намекаетъ на слабость и пороки». (Тамъ же).

XXIII. Два Голубя.

Содержаніе своей б. les deux Pigeons Ла Фонтенъ заимствовалъ изъ le Livre des Lumières (см. примѣч. къ б. XI), гдѣ эта басня разсказывается визиремъ царю Дабшелиму, намѣревающемуся предпринять дальнее путешествіе для отысканія сокровищъ, о которыхъ онъ былъ извѣщенъ въ сновидѣніи. Приводимъ этотъ разсказъ въ извлеченіи, такъ какъ онъ объясняетъ нѣкоторыя частности въ б. Ла Фонтена: «Были нѣкогда два голубя, сказалъ визирь, которые, довольствуясь

пшеницею и водою, жили въ своихъ гнѣздахъ совершенно благополучно. Одному изъ нихъ, Базиндагу, вздумалось однажды странствовать. Какъ ни уговаривалъ его другой, Навазиндагъ, остаться дома, однакожъ тотъ не послушалъ его и отправился въ путь. Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на горы и сады, и къ вечеру пріютился на деревѣ, которое росло въ прекрасномъ мѣстѣ, подобномъ земному раю. Лишь только онъ сѣлъ на дерево, какъ началась гроза. Онъ перелеталъ съ одной вѣтки на другую, но нигдѣ не могъ укрыться отъ дождя и града. Проведя такъ безпокойно ночь, онъ уже началъ раскаяваться, что разстался съ другомъ, и вознамѣрился возвратиться домой. Когда взошло солнце, то голодный ястребъ увидѣлъ Базиндага и устремился на него. Онъ затрепеталъ отъ страха; но къ счастію его, на ястреба налетѣлъ орелъ, и пока два хищника дрались между собою, голубь успѣлъ ускользнуть отъ нихъ и спрятаться въ небольшой скважинѣ, куда едва возможно было войти воробью. Вышедши на другой день оттуда, онъ чувствовалъ себя совершенно слабымъ отъ голода и страха. Озираясь на всѣ стороны, не летитъ ли на него снова ястребъ или орелъ, онъ увидѣлъ на полѣ голубя, предъ которымъ было разсыпано много пшеницы, и смѣло приблизился къ нему; но лишь только проглотилъ нѣсколько зеренъ, какъ почувствовалъ, что ноги его запутались въ силокъ. Базиндагъ обратился къ голубю съ упреками, отчего онъ не предупредилъ его о такомъ обманѣ, и просилъ указать ему какой нибудь способъ избавленія. «Глупенькій, отвѣчалъ ему тотъ: если бы я зналъ какое нибудь средство, то прежде всего самъ употребилъ бы его и не былъ бы причиною гибели моихъ товарищей», и при томъ разсказалъ ему «о молодомъ верблюдѣ и его матери»: Немилосердая мать! говорилъ молодой верблюдъ, утомившись идти за своею матерью: остановись хоть на минуту, чтобы я могъ отдохнуть». «Безразсудный сынъ, отвѣчала мать: развѣ ты не видишь, что мою узду держитъ другой? Если бы я была свободна, я сбросила бы съ себя ношу и помогла бы тебѣ». — Употребивъ всѣ усилія, Базиндагъ вырвался наконецъ изъ силковъ и полетѣлъ домой. Отъ радости онъ забылъ о другихъ опасностяхъ и даже о

XXII. Мѣшокъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Цвѣтникѣ» 1809 г., ч. III, стр. 33, и затѣмъ перепечатана въ изд. 1811 г., стр. 25, со слѣдующими варіантами:

Ст. 4: У самыхъ нижнихъ слугъ. (Цвѣтн.).
19: То всякій на него съ умильностью глядитъ.
31: Хоть такъ онъ вретъ... (изд. 1811).
34: Чтобъ ни сказалъ, всему дивиться станутъ (Цвѣтн.).
39: Мы басней ни на чье лицо не намекали (Цв. и изд. 1811).
43: . . . . въ поденщикахъ бывали.
49: Которые теперь не рѣдко съ тѣмъ вельможей (до изд. 1825).

Къ ст. 20: Когда же кто къ нему подсядетъ,
То, вѣрно, ужъ его потреплетъ иль погладитъ.

У Измайлова эти стихи приведены въ примѣръ «естественности въ описаніи происшествій» («Соч. т. II, стр. 680).

Къ ст. 33—35: Но у людей къ несчастью тотъ порокъ....
Что ни скажи, всему дивиться станутъ.

Эти три стиха Измайловъ приводитъ въ примѣръ размышленія, въ которомъ «баснописецъ, повѣствуя какое нибудь вымышленное происшествіе, мимоходомъ намекаетъ на слабость и пороки». (Тамъ же).

XXIII. Два Голубя.

Содержаніе своей б. les deux Pigeons Ла Фонтенъ заимствовалъ изъ le Livre des Lumières (см. примѣч. къ б. XI), гдѣ эта басня разсказывается визиремъ царю Дабшелиму, намѣревающемуся предпринять дальнее путешествіе для отысканія сокровищъ, о которыхъ онъ былъ извѣщенъ въ сновидѣніи. Приводимъ этотъ разсказъ въ извлеченіи, такъ какъ онъ объясняетъ нѣкоторыя частности въ б. Ла Фонтена: «Были нѣкогда два голубя, сказалъ визирь, которые, довольствуясь

пшеницею и водою, жили въ своихъ гнѣздахъ совершенно благополучно. Одному изъ нихъ, Базиндагу, вздумалось однажды странствовать. Какъ ни уговаривалъ его другой, Навазиндагъ, остаться дома, однакожъ тотъ не послушалъ его и отправился въ путь. Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на горы и сады, и къ вечеру пріютился на деревѣ, которое росло въ прекрасномъ мѣстѣ, подобномъ земному раю. Лишь только онъ сѣлъ на дерево, какъ началась гроза. Онъ перелеталъ съ одной вѣтки на другую, но нигдѣ не могъ укрыться отъ дождя и града. Проведя такъ безпокойно ночь, онъ уже началъ раскаяваться, что разстался съ другомъ, и вознамѣрился возвратиться домой. Когда взошло солнце, то голодный ястребъ увидѣлъ Базиндага и устремился на него. Онъ затрепеталъ отъ страха; но къ счастію его, на ястреба налетѣлъ орелъ, и пока два хищника дрались между собою, голубь успѣлъ ускользнуть отъ нихъ и спрятаться въ небольшой скважинѣ, куда едва возможно было войти воробью. Вышедши на другой день оттуда, онъ чувствовалъ себя совершенно слабымъ отъ голода и страха. Озираясь на всѣ стороны, не летитъ ли на него снова ястребъ или орелъ, онъ увидѣлъ на полѣ голубя, предъ которымъ было разсыпано много пшеницы, и смѣло приблизился къ нему; но лишь только проглотилъ нѣсколько зеренъ, какъ почувствовалъ, что ноги его запутались въ силокъ. Базиндагъ обратился къ голубю съ упреками, отчего онъ не предупредилъ его о такомъ обманѣ, и просилъ указать ему какой нибудь способъ избавленія. «Глупенькій, отвѣчалъ ему тотъ: если бы я зналъ какое нибудь средство, то прежде всего самъ употребилъ бы его и не былъ бы причиною гибели моихъ товарищей», и при томъ разсказалъ ему «о молодомъ верблюдѣ и его матери»: Немилосердая мать! говорилъ молодой верблюдъ, утомившись идти за своею матерью: остановись хоть на минуту, чтобы я могъ отдохнуть». «Безразсудный сынъ, отвѣчала мать: развѣ ты не видишь, что мою узду держитъ другой? Если бы я была свободна, я сбросила бы съ себя ношу и помогла бы тебѣ». — Употребивъ всѣ усилія, Базиндагъ вырвался наконецъ изъ силковъ и полетѣлъ домой· Отъ радости онъ забылъ о другихъ опасностяхъ и даже о

голодѣ. Пролетая черезъ деревню, онъ сѣлъ на стѣну противъ засѣяннаго поля. Тамъ увидѣлъ его крестьянинъ, который стерегъ поле отъ птицъ, бросилъ въ него камнемъ изъ працы и такъ жестоко ударилъ его, что онъ полумертвый упалъ въ находившійся подлѣ глубокій колодезь, откуда крестьянинъ никакъ не могъ его достать. Такъ провелъ онъ всю ночь и на другой день, собравъ послѣднія силы, полетѣлъ къ своему гнѣзду. Навазиндагъ узналъ его по полету и съ радостью полетѣлъ къ нему на встрѣчу; но увидѣвъ его слабымъ и унылымъ, сталъ спрашивать о причинѣ. Базиндагъ разсказалъ ему свои приключенія и поклялся, что впредь никогда не будетъ путешествовать». Дабшелимъ возражаетъ визирю и въ свою очередь выслушиваетъ новое возраженіе*. Изъ этой бесѣды составляется введеніе въ книгу Anvàr-i Suhailí, неимѣющее ничего общаго съ санскритскимъ текстомъ «Панчитантры», а равно и съ арабскою переработкою его «Калила и Димна» (см. Benfey's Pantschatantra, I Th. §§ 12—17 и 19**). Слѣдовательно, басня «о голубѣ путешественникѣ» персидскаго происхожденія, и составляетъ, по замѣчанію Эствика, одинъ изъ удачнѣйшихъ эпизодовъ Гусайнъ-Ваица (см. англійскій переводъ Anvàr-i Suhailí, Translator's Preface, X).

Изъ русскихъ писателей у Ла Фонтена заимствовали эту басню: Сумароковъ, который назвалъ ее «Голубь и Голубка» (кн. V, притча XXXIV), гр. Хвостовъ — «Два Голубя» (т. IV, стр. 11, б. VI); (онъ измѣнилъ ея содержаніе: у него одинъ изъ голубей «постарѣе, другой помоложе», отчего они становятся въ такія отношенія, какія могутъ существовать между наставникомъ и воспитанникомъ, что совершенно противорѣчитъ основной мысли разсказа); Дмитріевъ — «Два Голубя» (кн. I, б. 14), который перевелъ ее почти построчно***, и наконецъ Крыловъ.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ изданіи 1809 года, стр. 6, и впослѣдствіи подверглась нѣкоторымъ перемѣнамъ:

---

* См. русскій переводъ этой книги: ***Политическія и нравоучительныя басни Пильпая***, пер. Б. Волкова, 1762, стр. 20.

** Тамъ же, стр. 1—46.

*** См. Журн. ***Учитель*** за 1865 г № 3 и 4, стр. 123—4.

Ст. 1: .... братца.... (изд. 1811 и 15).
9: одинъ изъ нихъ.... (1815).
10—11: Диковинки земнаго круга
Судить и видѣть самъ собой,
Ложь съ истиной сличить, повѣрить быль съ молвой,—
Во снѣ и на яву походъ лишь видѣть свой
И ни о чемъ другомъ не можетъ рта разинуть (до 1819).
14: Въ изданіяхъ до 1819 г. этого стиха нѣтъ.
15: Иль братца хочешь ты покинуть (до 1819).
16: Жестокій: ежели.... (1809, 11),
20: .... упрашивать не буду (1809, 11).
21: Теперь и кормъ такъ скуденъ, малъ (1809).
— Теперь и кормъ и скуденъ такъ и малъ (1811).
— Теперь же кормъ.... (1815, 19).
24: Останься, другъ любезный мой (1809).
28: Силки да ястреба.... (1809, 11).
36: И разсуждать и чувствовать мѣшаетъ (1809, 11).
40: И, лучшія узнавъ диковинки на свѣтѣ.
44—45: Тамъ это слышалъ я, тамъ то попалось мнѣ,
А тамъ такое видѣлъ диво.
47: Какъ будто бъ самъ леталъ со мной въ той сторонѣ.
48: По сихъ словахъ друзья....
52: .... Къ счастью засохшій дубъ попался (до 1819).
55: Но ни отъ вѣтровъ.... (1809, 11).
79—82. Вм. этихъ стиховъ:
И тутъ не всѣ бѣды окончились на немъ:
Мальчишка въ близости рѣзвился:
Набравши камушковъ, онъ въ цѣль метать учился
И, чтобъ узнать, вѣрналь рука,
Хвать камнемъ въ голубка.
Какъ срѣзалъ съ ногъ онъ бѣдняка (1809, 11).

Къ ст. 1—6: Два голубя, какъ два родные брата жили....
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

«Въ этихъ шести стихахъ», пишетъ Жуковскій, «которые всѣ принадлежатъ подражателю, распространенъ одинъ прекрасный стихъ Ла Фонтена:

Deux pigeons s'aimaient d'amour tendre;

но они, вѣрно, не покажутся никому излишними. Можно ли пріятнѣе представить счастливое согласіе двухъ друзей? Вотъ то, что называется замѣнять красоты подлинника собственными». («Сочиненія», т. VII, стр. 99).

Къ ст. 7—12: Ну, кажется, куда бъ хотѣть....
Ложь съ истиной сличить, повѣрить быль съ молвой.

«И этихъ стиховъ нѣтъ въ подлинникѣ», продолжаетъ Жуковскій,—«но они милы тѣмъ простодушіемъ, съ какимъ выражается въ нихъ нѣжное чувство». (Тамъ же).

Вм. стиховъ отъ 6 до 12 у Ла Фонтена:

L'un d'eux, s'ennuyant au logis,
Fut assez fou pour entreprendre
Un voyage en lointain pays.

Къ ст. 13—33: Куда ты? говоритъ сквозь слезъ ему другой....
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья?

Вся эта рѣчь голубя по содержанію сходна съ подлинникомъ, хотя и отличается отъ него въ частностяхъ:

L'autre lui dit: Qu'allez-vous faire?
Voulez-vous quitter votre frère?
L'absence est le plus grand des maux:
Non pas pour vous, cruel! Au moins que les travaux,
Les dangers, les soins du voyage,
Changent un peu votre courage.
Encor, si la saison s'avançait davantage!
Attendez les zéphyrs: qui vous presse? un corbeau
Tout à l'heure annonçait malheur à quelque oiseau.
Je ne songerai plus que rencontre funeste,
Que faucons, que réseaux. Hélas! dirai-je, il pleut:
Mon frère a-t-il tout ce qu'il veut,
Bon souper, bon gîte, et le reste?

Къ ст. 34—36: Растрогала рѣчь эта голубка....
Она и разсуждать и чувствовать мѣшаетъ.

Эта мысль у Ла Фонтена выражена иначе:

Ce discours ébranla le coeur
De notre imprudent voyageur.
Mais le désir de voir et l'humeur inquiète
L'emportèrent enfin.

Къ ст. 37—47: Не плачь, мой милый, такъ онъ друга утѣшаетъ....
Какъ будто бъ самъ леталъ ты по свѣту со мной.

Отвѣтъ голубя у Ла Фонтена:

.... Il dit: Ne pleurez point;
Trois jours au plus rendront mon âme satisfaite:
Je reviendrai dans peu conter de point en point
Mes aventures à mon frére;
Je le désennuierai. Quiconque ne voit guère
N'a guère à dire aussi.

Къ ст. 48—58: Тутъ дѣлать нечего, друзья поцѣловались....
Желанье подзывать бѣдняжку далѣ стало.

Этимъ стихамъ у Ла Фонтена соотвѣтствуютъ слѣдующіе стихи:

A ces mots, en pleurant, ils se dirent adieu.
Le voyageur s'éloigne: et voilà qu'un nuage
L'oblige de chercher retraite en quelque lieu.
Un seul arbre s'offrit, tel encor que l'orage
Maltraita le pigeon en dépit du feuillage.
L'air devenu serein, il part tout morfondu,
Sèche du mieux qu'il peut son corps chargé de pluie...

Къ ст. 51: Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ степь кругомъ.

Этотъ стихъ Жуковскій и Измайловъ приводятъ какъ образецъ живописнаго изображенія бури.

Къ ст. 59—66: Встряхнулся и летитъ, летитъ и видитъ онъ....
Но не до нихъ: онъ прочь безъ памяти несется.

Ла Фонтенъ, слѣдуя своему оригиналу, вводитъ другаго голубя, дѣйствующее лице, вовсе ненужное для разсказа:

Daus un champ à l'écart voit du blé répandu,
Voit un pigeon auprès: cela lui donne envie;
Il y vole, il est pris: ce blé couvrait d'un lacs
Les menteurs et traîtres appas.
Le lacs était usé; si bien que, de son aile,
De ses pieds, de son bec, l'oiseau le rompt enfin:
Quelque plume y périt....

Къ ст. 67—76: Вотъ пуще той бѣды, бѣда надъ головой....
И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.

Эта часть разсказа у Ла Фонтена передана слѣдующимъ образомъ:

.... et le pis du destin
Fut qu'un certain vautour, à la serre cruelle,
Vit notre malheureux, qui, traînant la ficelle
Et les morceaux du lacs qui l'avait attrapé,
Semblait un forçat échappé.
Le vautour s'en allait le lier, quand des nues
Fond à son tour un aigle aux ailes étendues.
Le pigeon profita du conflit des voleurs,
S'envola....

По поводу этихъ стиховъ Крылова Жуковскій замѣчаетъ: «Вотъ изображеніе опасностей голубка путешественника, котораго преслѣдуетъ ястребъ:

Ужъ когти хищные надъ нимъ распущены;
Ужъ холодомъ въ него съ холодныхъ крыльевъ пашетъ.

Въ Ла Фонтенѣ этихъ стиховъ нѣтъ; но подражатель, кажется, хотѣлъ замѣнить ими другіе два, нѣсколько ослабленные имъ въ переводѣ:

.... quant des nues
Fond à son tour un aigle aux ailes étendues.

Сожалѣемъ также, что онъ выпустилъ прекрасный стихъ, который переведенъ такъ удачно у Дмитріева:

Le pigeon profita du conflit des voleurs —
И такъ, благодаря стеченію воровъ.

Стихъ тѣмъ болѣе важный, что въ немъ стихотворецъ мимоходомъ, одною чертою напоминаетъ намъ о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, гдѣ иногда раздоръ злодѣевъ бываетъ спасеніемъ невинности. Это искусство *намекать* принадлежитъ въ особенности Ла Фонтену». (Тамъ же).

Къ ст. 77—87: Межъ тѣмъ нашъ голубь милый....
Поплелся кое какъ безъ дальнихъ бѣдъ.

У Ла Фонтена:

.... s'abattit auprès d'une masure,
Crut pour ce coup que ses malheurs
Finiraient par cette aventure;
Mais un fripon d'enfant (cet âge est sans pitié)
Prit sa fronde, et du coup tua plus d'à moitié
La volatile malheureuse,
Qui, maudissant sa curiosité,
Traînant l'aile, et tirant le pied,
Demi-morte et demi—boiteuse,
Droit au logis s'en retourna:
Que bien, que mal, elle arriva
Sans autre aventure fâcheuse.

Къ ст. 82: Сей возрастъ жалости не знаетъ.

Измайловъ относитъ этотъ стихъ къ разряду удачныхъ размышленій (réflections) («Соч.» т. II, стр. 665).

Къ ст. 85—97: Кляня охоту видѣть свѣтъ...
Гдѣ ваша милая иль гдѣ живетъ вашъ другъ...

Объ этихъ стихахъ Жуковскій говоритъ: «Заключеніе басни прекрасно въ обоихъ переводахъ (т. е. Дмитріева и Крылова), съ тою только разницею, что Крыловъ замѣнилъ стихи подлинника собственными, а Дмитріевъ перевелъ очень близко Ла Фонтена и съ нимъ сравнился. (За тѣмъ авторъ выписываетъ заклю-

ченіе обѣихъ басенъ *. Послѣдніе стихи (т. е. Дмитріева) лучше первыхъ; но должно ли ихъ сравнивать? Крыловъ, не желая переводить снова, а можетъ быть, и не надѣясь перевести лучше, замѣнилъ красоту подлинника собственною. Заключеніе басни его (если не сравнивать его ни съ Ла Фонтеномъ, ни съ переводомъ Дмитріева) прекрасно само по себѣ. Напримѣръ, послѣ подробнаго описанія несчастій голубка-путешественника, не тронетъ ли васъ одинъ прекрасный и нѣжный стихъ:

Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ:

Авторъ поставилъ одно имя дружбы въ противоположность живой картинѣ страданія, и вы спокойны на счетъ печальнаго странника. Поэтъ далъ полную волю вашему воображенію представить вамъ тѣ отрады, которыя найдетъ голубокъ его, возвратившись къ своему другу. Здѣсь всякая подробность была бы излишнею и только ослабила бы главное дѣйствіе. Посредственный писатель, вѣроятно, воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы наскучить читателю обыкновенными выраженіями чувства; но истинное дарованіе воздержаннѣе: оно обнаруживается и въ томъ, что поэтъ описываетъ, и въ томъ, о чемъ онъ умалчиваетъ, полагаясь на чувство читателя. Послѣдніе три стиха прелестны своею простотою и нѣжностію». («Сочиненія», т. VII, стр. 100 и слѣд.).

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что, замѣняя заключительные стихи Ла Фонтена собственными, Крыловъ, сверхъ соображеній, указанныхъ Жуковскимъ, могъ руководиться и тѣмъ еще, что субъективно-лирическій тонъ, въ который впадаетъ французскій баснописецъ, не вполнѣ согласуется съ объективнымъ, спокойнымъ разсказомъ. Чтобы выдержать этотъ тонъ до конца сочиненія, Крыловъ пожертвовалъ стихами подлинника.

---

* Приведемъ переводъ Д. Дмитріева:

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ,
Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нилъ
И далѣ ближняго ручья не разлучайтесь.
Чѣмъ любоваться вамъ? Другъ другомъ восхищайтесь;
Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ
Прекрасный, новый миръ, всегда разнообразный.
Бываетъ ли въ любви хоть мигъ для сердца праздный?
Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнитъ для васъ.
Я самъ любилъ: тогда за лугъ уединенный,
Присутствіемъ моей любезной озаренный,
Я не хотѣлъ бы взять ни каменныхъ палатъ,
Ни царства въ небесахъ... Придете ль вы назадъ,
Минуты радостей, минуты восхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаньемъ жить?
Ужель прошла пора столь милыхъ обольщеній
И полно мнѣ любить?

XXIV. Моръ Звѣрей.

По мнѣнію комментаторовъ Ла Фонтена, басня его les Animaux malades de la peste заимствована имъ у Guillaume Gueroult, le premier livre des Emblèmes, изданной въ Ліонѣ въ 1540 г., гдѣ находится разсказъ подъ заглавіемъ: Fable du Lion, du Loup et de l'Ane; но Жерюзе въ своей Histoire de l'Eloquence au XVI siècle приводитъ разсказъ проповѣдника Ролена (Raulin) (род. 1443, ум, 1514) изъ проповѣдей и писемъ котораго Рабле и Ла Фонтенъ почерпнули нѣсколько сюжетовъ. Его разсказъ направленъ противъ злоупотребленій католической церкви. «Левъ однажды исповѣдывалъ. Различныя животныя подходили къ нему исповѣдываться. Волкъ началъ: онъ сознался, что пожралъ множество барановъ; но прибавилъ, что это старинное обыкновеніе его фамиліи, что съ незапамятныхъ временъ волки ѣли овецъ и что онъ не чувствуетъ себя столь виновнымъ. Левъ ему сказалъ: такъ какъ это обыкновеніе вашихъ предковъ, наслѣдственное право, то продолжайте; только читайте при этомъ Pater noster. Лисица сдѣлала подобное же признаніе, и сказала: я съѣла много куръ, опустошила много птичьихъ дворовъ; но во всѣ времена мои предки дѣлали то же самое прежде меня, и я ѣмъ ихъ по моей природѣ. — Пусть будетъ такъ, сказалъ левъ: продолжайте, дѣлайте, какъ ваши предки; но читайте при этомъ Pater noster. Въ свою очередь пришелъ оселъ; онъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ бьетъ себя въ грудь и сознается, что виновенъ въ трехъ прегрѣшеніяхъ: во-первыхъ, онъ съѣлъ сѣно, которое упало съ телѣги на терновникъ. — Это большой грѣхъ — ѣсть чужое сѣно! Продолжайте. — Тогда оселъ сознался, что онъ однажды нагадилъ въ монастырѣ. — Загадить святую землю! вскричалъ левъ: это смертный грѣхъ! — Признаніе въ третьемъ прегрѣшеніи онъ произнесъ среди слезъ и рыданій. Онъ сказалъ наконецъ, что, когда братія пѣла въ хорѣ, онъ заревѣлъ и подтягивалъ имъ. Левъ ему сказалъ: О! это тяжкій грѣхъ—пѣть въ то время, когда поетъ

братія, разстраивать ее и сѣять разногласіе въ церкви! — За все это онъ приговорилъ его къ бичеванію (Fables de La Fontaine, édit. variorum. 1861). Едва ли не отсюда Ла Фонтенъ заимствовалъ основу своей басни, въ которой оселъ винится въ томъ, что ѣлъ траву на лугу, принадлежащемъ монастырю, чѣмъ возбуждаетъ общее негодованіе и навлекаетъ на себя наказаніе. Этотъ намекъ на своекорыстіе духовной касты въ русскихъ переводахъ и передѣлкахъ исчезаетъ.*

Изъ русскихъ писателей переводили эту б. Ла Фонтена: Княжнинъ, подъ заглавіемъ «Моръ Звѣрей» («Собраніе сочиненій», т. II, стр. 539) и гр. Хвостовъ подъ тѣмъ же заглавіемъ («Полное собраніе стихотвореній», т. IV, стр. 33).

Басня Крылова напечатана въ первый разъ въ изданіи 1809 г., стр. 13—16.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ, моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри.
Въ адъ распахнулись настежъ двери; [1]
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы. [2]
Неумолимая, какъ сѣно коситъ ихъ; [a]
А тѣ, которые въ живыхъ,
Смертв видя на носу, [b] чуть бродятъ полумертвы.

[a] На часъ по тысячѣ валится ихъ (до 1819). У Княжнина: валятся звѣри.

[b] Такой же части ждя.... (1809).
— Съ собой того же ждя.... (1811).
— Себѣ того жъ боясь.... (1815, 19).

---

[1] У Княжнина: Повсюду къ смерти имъ отверзты двери.

[2] Жуковскій, выписавъ все вступленіе до 17 стиха, говоритъ: «Крыловъ занялъ у Ла Фонтена искусство смѣшивать съ простымъ и легкимъ разсказомъ картины, истинно стихотворныя». 4-й и 5-й стихи—«два стиха, которые не испортили бы никакого описанія моровой язвы въ эпической поэмѣ». («Соч.», т. VII стр. 103).

По поводу этихъ же стиховъ Лобановъ замѣчаетъ: «Крыловъ написалъ свое начало басни; но это свое несравненно лучше; въ немъ болѣе поэзіи; кисть его сильнѣе и роскошнѣе. У Ла Фонтена нѣтъ, напримѣръ, этого прекраснаго изображенія:

Въ адъ распахнулись настежъ двери.

(См. «Жизнь и сочин. Крылова», стр. 50).

---

* Подробный разборъ этой басни сравнительно съ б. Ла Фонтена см. у г. Флёри, стр. 60 и слѣд.

Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ. [c]
Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ: [d] [3]
Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ какъ монахъ; [4]
Миръ курамъ давъ, лиса постится въ подземельѣ:
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ. [e]
Съ голубкой голубь врозь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужъ веселье!
Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ. [f]
Тащатся шагъ за шагъ, чуть держатся въ нихъ души;
Сбрелись и, въ тишинѣ царя вокругъ обсѣвъ,

[c] Въ изд. до 1825 г. этого стиха нѣтъ.
[d] Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ бѣдѣ великой той (1809, 11).
— .... въ великихъ тѣхъ бѣдахъ (1815, 19).
[e] .... смиренъ какъ святой:
Давъ курамъ роздыхъ и покой,
Лиса постится въ подземельѣ.
И пища имъ на умъ нейдетъ (1809, 11).
(Послѣдній стихъ остается также до изд. 1834 г.).
[f] Въ сей крайности совѣтъ звѣрей сзываетъ левъ (1819).

---

[3] У Княжнина: И звѣри въ ужасѣ уже не звѣри стали.

[4] По поводу относящагося къ этимъ стихамъ варіанта Жуковскій замѣчаетъ: «здѣсь разсказъ стихотворный забавенъ и легокъ, но не составляетъ непріятной противоположности съ поэтическою картиною язвы. А въ слѣдующихъ трехъ стихахъ съ простымъ описаніемъ сливается нѣжное чувство». Выписавъ стихи 15—16, Жуковскій продолжаетъ: «Это переводъ, и самый лучшій, прекрасныхъ ла-фонтеновыхъ стиховъ:

Les tourterelles se fuyaient:
Plus d'amour, partant plus de joie....

Какая разница съ переводомъ Княжнина, который однакоже не дуренъ:

И горлицы другъ друга убѣгаютъ,

Нѣтъ болѣе любви въ лѣсахъ и нѣтъ утѣхъ! («Соч.» т. VII, стр. 103).

Для сравненія приводимъ стихи Ла Фонтена, изображающіе уныніе звѣрей:

On n'en voyait point d'occupés
A chercher le soutien d'une mourante vie;
Nul mets n'excitait leur envie;
Ni loups ni renards n'épiaient
La douce et l'innocente proie.

Слѣдуютъ два вышеприведенные стиха.

Уставили глаза и приложили уши. [5]
— «О други!» началъ Левъ: «по множеству грѣховъ [6]
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Отдастъ себя на жертву имъ! [g]
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ. [h]
Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ,
Бывали многіе въ исторіи примѣры?
И такъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ онъ вольно иль невольно. [i]

[g] Дозволитъ привести себя на жертву имъ (до 1819).
[h] Смягчитъ жестокость ихъ (1809).
[i] И такъ
Пусть всякъ
Подробно здѣсь разскажетъ,
Кого въ чемъ совѣсть вяжетъ (1809, 11).
— И такъ, собравши духъ,
Пусть исповѣдуетъ *и проч.* (до 1819).

---

[5] Ла-фонтеново выраженіе: Le lion tint conseil et dit, Крыловъ замѣнилъ четверостишіемъ, на которое Лобановъ указываетъ, какъ на «прекрасную картину» (стр. 50).

[6] Вся рѣчь льва, какъ по содержанію, такъ и по формѣ, близка къ подлиннику:

.... Mes chers amis,
Je crois que le ciel a permis
Pour nos péchés cette infortune.
Que le plus coupable de nous
Se sacrifie aux traits du céleste courroux;
Peut-être il obtiendra la guérison commune.
L'histoire nous apprend qu'en de tels accidents
On fait de pareils dévouements.
Ne nous flattons donc point; voyons sans indulgence
L'état de notre conscience.
Pour moi, satisfaisant mes appétits gloutons,
J'ai dévoré force moutons.
Que m'avaient-ils fait? nulle offence;
Même il m'est arrivé quelquefois de manger
Le berger.
Je me dévouerai donc, s'il le faut: mais je pense
Qu'il est bon que chacun s'accuse ainsi que moi;
Car on doit souhaiter, selon toute justice,
Que le plus coupable périsse.

Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь, хоть это мнѣ и больно,
Не правъ и я! [j]
Овечекъ бѣдненькихъ — за что? — совсѣмъ безвинно,
Диралъ безчинно;
А иногда, — кто безъ грѣха? —
Случалось, дралъ и пастуха:
И въ жертву отдаюсь охотно.
Но лучше бъ намъ всѣмъ вмѣстѣ перечесть,
Свои грѣхи; на комъ ихъ болѣ есть, [k]
Того бы въ жертву и принесть:
И было бы богамъ то болѣе угодно. [l]
«О царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней доброты»,
Лисица говоритъ, «въ грѣхъ это ставишь ты. [7]
Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать,
То придетъ съ голоду пропасть намъ наконецъ;
При томъ же, нашъ отецъ,
Повѣрь, что это честь большая для овецъ, [8]
Когда ты ихъ изволишь кушать. [m]
А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ [9]
Ихъ чаще такъ учить: имъ это по-дѣломъ.
Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спесью дышетъ,
И нашими вездѣ себя царями пишетъ.»
Окончила лиса; за ней на тотъ же ладъ, [10]
Льстецы Льву тоже говорятъ,
И всякій доказать спѣшитъ наперехватъ,

[j] Охъ, признаюсь: не правъ и я! (1809, 11).

[k] Вм. ст. отъ 42 до 44:
И въ жертву отдаюсь охотно—только сперва
Не худо бъ всѣмъ свои грѣхи здѣсь перечесть;
На комъ ихъ болѣ есть,
Того бы.... (1809, 11).

[l] Онъ правосудію прямая будетъ жертва.

[m] Къ чему щадить овецъ?—Я думаю безъ лести,
И всѣ то скажутъ здѣсь, хоть самъ спросить изволь,
Для твари глупой, подлой толь,

---

[7] У Ла Фонтена:
Sire, dit le renard, vous êtes trop bon roi;
Vos scrupules font voir trop de délicatesse.

[8] У Ла Фонтена: .... Vous leur fîtes, seigneur,
En les croquant, beaucoup d'honneur.

[9] О пастухѣ у Ла Фонтена лисица говоритъ:
Et quant au berger, l'on peut dire
Qu'il était digne de tous maux,
Étant de ces gens-là qui sur les animaux
Se font un chimérique empire.

[10] Слѣдующіе двѣнадцать стиховъ соотвѣтствуютъ шести Ла Фонтена:
Ainsi dit le renard; et flatteurs d'applaudir.
On n'osa trop approfondir

Что даже не въ чемъ Льву просить и отпущенья. [n]
За львомъ медвѣдь и тигръ и волки въ свой чередъ,
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно пригрѣшенья:
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелить не смѣлъ.
И всѣ, кто были тутъ богаты
Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный Волъ [11] имъ такъ мычитъ: «И мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, [p] когда зимой кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ:
Ни отъ кого [q] себѣ найти не могши ссуды,

Царю по вкусу быть чрезмѣрно много чести (1809, 11).
Въ изд. 1815 и 19 г. 2-й и 3-й стихи:
И вѣрно всѣ согласны здѣсь со мной —
Для твари глупенькой такой *и проч.*

[n] .... разрѣшенья (1809, 11).

[o] И всѣ, кто былъ зубкомъ или наготкомъ богаты,
Тѣ вышли вонъ (до 1825).

[p] .... Тому давно.... (1819).

[q] Нигдѣ.... (до 1819).

Du tigre, ni de l'ours, ni des autres puissances,
Les moins pardonnables offenses:
Tous les gens querelleurs, jusqu'aux simples mâtins,
Au dire de chacun, étaient de petits saints.

[11] По поводу замѣны ла-фонтеновскаго осла воломъ Лобановъ замѣчаетъ: «У Ла Фонтена оселъ въ свою очередь кается въ грѣхахъ прекрасными стихами; но Крыловъ замѣнилъ его воломъ, не глупымъ, какимъ всегда принимается оселъ, но только простодушнымъ животнымъ... Эта перемѣна и тѣмъ уже совершеннѣе, что въ рѣчи вола мы слышимъ мычаніе и столь естественное, что словъ его нельзя замѣнить другими звуками; а это красота, которою нашъ поэтъ пользуется и вездѣ съ крайнимъ благоразуміемъ, вездѣ приноситъ читателю истинное удовольствіе» (стр. 51). Для сравненія приводимъ стихи Ла Фонтена, соотвѣтствующіе стихамъ Крылова отъ 61 до 76:

L'âne vint à son tour, et dit: J'ai souvenance
Qu'en un pré de moines passant,
La faim, l'occasion, l'herbe tendre, et, je pense,
Quelque diable aussi me poussant,
Je tondis de ce pré la largeur de ma langue;
Je n'en avais nul droit, puisqu'il faut parler net.

Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ!
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
Кричатъ медвѣди, тигры, волки:
«Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣсть! [12] Ну, диво ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ столько строги?
Его безчинника съ рогатой головой,
Его принесть богамъ за всѣ его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасть и нравы отъ заразы:
Такъ, по его грѣхамъ и моръ у насъ такой!» [г]
Приговорили —
И на костеръ Вола взвалили.
И въ людяхъ такъ же говорятъ:
Кто по-смирнѣй, [в] такъ тотъ и виноватъ. [13]

[г] По немъ у насъ и моръ такой (до 1819).
[в] .... побезсильнѣе.... (1809).

---

[12] У Ла Фонтена:

Manger l'herbe d'autrui! quel crime abominable!

[13] Мысль этого стиха только въ обратной формѣ выражается въ пословицѣ: «Чья сильнѣе, та и правѣе» (*Сборникъ* Даля, стр. 162, и *Полн. собр. послов.* Д. К., стр. 286).

XXV. Пѣтухъ и Жемчужное зерно.

Первообразъ этой басни находимъ у Федра (кн. III, б. 10) Pullus ad Margaritam; пѣтухомъ Федръ называетъ того, кто его не понимаетъ:

Hoc illis narro, qui me non intelligunt.

Ла Фонтенъ, заимствовавъ у него содержаніе, измѣнилъ заключеніе, отнеся басню вообще къ невѣждамъ, не умѣющимъ пользоваться предметами, драгоцѣнными для ученаго (кн. I, б. XX, le Coq et la Perle).

Въ русскую литературу эта басня была перенесена Тредьяковскимъ подъ заглавіемъ: «Пѣтухъ и Жемчужина» («Соч.» изд. 1849, басенка I) безъ нравоученія; потомъ переводилъ ее Сумароковъ, подъ заглавіемъ: «Пѣтухъ и Жемчужное зерно» (кн. II, прит. XLIV), примѣнившій ее, подобно Федру,

къ тѣмъ, «кто притчи презираетъ»; и гр. Хвостовъ подъ тѣмъ же заглавіемъ (кн. III, б. IX).

Передѣлка Крылова напечатана въ первый разъ въ изд. 1809 года съ слѣд. варіантами:

Ст. 2: Нашелъ пѣтухъ.... (1809, 11).
5—8: Ну, что за прибыль, что на взглядъ
Ячменнаго зерна собою повиднѣе;
Я, право, вдвое былъ бы радъ,
Когда бы что нибудь здѣсь вырылъ посытнѣе.
10: Чего не во́зьмутъ въ толкъ....

Для сравненія приводимъ всю басню Ла Фонтена:

Le Coq et la Perle.

Un jour un coq détourna
Une perle, qu'il donna
Au beau premier lapidaire.
Je la crois fine, dit-il;
Mais le moindre grain de mil
Serait bien mieux mon affaire.
Un ignorant hérita
D'un manuscrit, qu'il porta
Chez son voisin le libraire.
Je crois, dit-il qu'il est bon;
Mais le moindre ducaton
Serait bien mieux mon affaire.

XXVI. Левъ и Комаръ.

Басня Эзопа «Левъ и Комаръ» (№ 144, перев. Мартынова), и заимствованная изъ нея б. Ла Фонтена le Lion et le Moucheron (кн. II, б. 9) въ общемъ весьма сходны между собою, но значительно различаются въ подробностяхъ. Приводимъ для сравненія первую: Комаръ, пришедши ко Льву, сказалъ: «я тебя не боюсь: ты не сильнѣе меня. Но если не такъ, къ чему тебѣ служитъ твоя сила? Что ты царапаешь когтями и кусаешь зубами, — это дѣлаетъ и жена, когда дерется съ мужемъ. Я гораздо тебя сильнѣе; если хочешь, выйдемъ на сраженіе», и, запищавъ, напалъ на Льва, кусая его

въ безволосыя мѣста около ноздрей. Левъ своими когтями отгонялъ его отъ него (*себя*), доколѣ не вышелъ изъ себя. Комаръ, побѣдивши льва и затрубивъ и запѣвши побѣдную пѣснь, улетѣлъ, но, запутавшись въ паутину, когда паукъ сталъ его ѣсть, взрыдалъ, что, сражаясь съ величайшими звѣрьми, былъ ихъ побѣдителемъ; а нынѣ погибаетъ отъ ничтожнаго животнаго — паука. — Баснь на тѣхъ, кои низвергаютъ великихъ и малыми низвергаются».—Сохранивъ вполнѣ основу разсказа, Ла Фонтенъ вывелъ нравоученіе какъ для Льва, такъ и для его побѣдителя:

Quelle chose par là nous peut être enseignée?
J'en vois deux, dont l'une est qu'entre nos ennemis
Les plus à craindre sont souvent les plus petits;
L'autre, qu'aux grands périls tel a pu se soustraire,
Qui périt pour la moindre affaire.

Эту б. Ла Фонтена довольно близко перевелъ И. И. Дмитріевъ, подъ заглавіемъ: «Левъ и Комаръ» (кн. IV, б. XVIII); у Сумарокова есть также притча, по идеѣ приближающаяся къ этой: «Заяцъ и Медвѣдь» (кн. VI, прит. XXIV): «Заяцъ мститъ медвѣдю, пожравшему его дѣтенышей, тѣмъ, что зимою протоптываетъ слѣдъ отъ деревни къ его берлогѣ; мужикъ, погнавшійся за зайцемъ, открываетъ медвѣдя, сзываетъ крестьянъ, и тѣ его убиваютъ». Выведенное отсюда нравоученіе сходно съ нравоученіемъ Крылова:

Не учиняй обидъ, ты сильный, никогда,
Безсильный то отмстить удобенъ иногда.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ изданіи 1809 года, стр. 26, со слѣдующими варіантами:

Ст. 5—7: Послушай здѣсь,
Какъ больно Комаромъ наказанъ Левъ за спесь;
Вотъ слухъ какой о томъ дошелъ мнѣ стороною (изд. 1809, 11).
14: То съ тылу, то съ лица.... (1809, 11).
26—27: Деретъ сыру землю когтями онъ и зубомъ
Взоръ искрой засверкалъ, бьетъ у рту пѣна клубомъ.
(Такъ читаются эти два стиха въ изд. 1809 и 11 г.; второй изъ нихъ вовсе уничтоженъ въ изд. 1815 и 1819).

Къ ст. 11: Самъ ратникъ, самъ трубачъ, пищитъ во всю гортань.

У Ла Фонтена:

.... lui-même il sonna la charge,
Fut le trompette et le héros.

Къ ст. 15: И мѣсто высмотрѣвъ, и время улуча....

У Ла Фонтена:

Puis prend son temps, fond sur le cou
Du lion....

Къ ст. 23: То въ носъ забьется льву, то въ ухо льва укуситъ.

У Ла Фонтена:

Tantôt pique l'échine, et tantôt le museau,
Tantôt entre au fond du naseau.
La rage alors se trouve à son faîte montée.

Къ ст. 25—33: Престрашный подняль ревъ....
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги.

Эти стихи составляютъ развитіе слѣдующихъ стиховъ Ла Фонтена:

Il rugit. On se cache, on tremble à l'environ;
Et cette alarme universelle
Est l'ouvrage d'un moucheron.

Означенные стихи Крылова въ частностяхъ нѣсколько приближаются къ стихамъ Дмитріева:

У Льва глазъ кровью налился;
Изъ пасти пѣна бьетъ; зубами онъ скрежещетъ,
Реветъ и все вокругъ уходитъ и трепещетъ!
Отъ Комара всеобщій страхъ!

Ср. съ первыми двумя стихами Дмитріева варіантъ ст. 26—27.

Къ ст. 37—39: Изъ Ахилеса вдругъ становится Омиромъ
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ.

У Ла Фонтена:

L'insecte du combat se retire avec gloire:
Comme il sonna la charge, il sonne la victoire,
Va partout l'annoncer....

Надобно, однакожъ замѣтить, что хотя Крыловъ и сохранилъ указанныя здѣсь подробности оригинала, однакожъ совершенно измѣнилъ послѣдовательность разсказа.

У Дмитріева дѣло оканчивается тѣмъ, что Левъ умираетъ, изгрызши и исцарапавши себя отъ ярости. Крыловъ же, послѣдовавъ Ла Фонтену и Эзопу, оставилъ Льва въ живыхъ и заставилъ его просить мира, что, кажется, естественнѣе.

Приводимъ весьма мѣткое замѣчаніе г. Галахова, высказанное имъ (Ист. Рус. Слов., т. II, стр. 327) при сравненіи этой б. Кры-

лова съ б. Ла Фонтена: «Басня «Левъ и Камаръ» внушила Ла Фонтену два заключенія: первое: изъ враговъ нашихъ самые мелкіе иногда оказываются страшнѣйшими; второе — иной, умѣвшій избѣгнуть великихъ опасностей, погибаетъ отъ ничтожной вещи. У Крылова одно нравоученіе:

Безсильному не смѣйся
И слабаго обидѣть не моги!
Мстятъ сильно иногда безсильные враги:
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся.

Какъ видно, побужденіемъ къ тому, чтобы не смѣяться надъ безсильнымъ и не обижать слабыхъ, выставленъ здѣсь житейски-благоразумный расчетъ: «Мстятъ сильно иногда безсильные враги». Но развѣ нѣтъ другихъ, болѣе высшихъ и благоразумнѣйшихъ мотивовъ, чѣмъ эгоистическое самосохраненіе? Конечно есть, и разсудительнымъ людямъ они хорошо извѣстны: это — уваженіе къ личности, сознаніе чоловѣческаго достоинства, понятіе о равноправности, христіанское ученіе о любви къ ближнему... Но дѣло въ томъ, что не къ лицу животнымъ быть проповѣдниками возвышенныхъ движеній души, гуманныхъ стремленій, разумно сознательнаго образа дѣйствій. Животныя по преимуществу пригодны для выставки такихъ недостатковъ человѣка, въ которыхъ обнаруживаются грубые, животные инстинкты его натуры. Злоупотребленіе силой есть одинъ изъ этихъ звѣриныхъ инстинктовъ». Ср. б. Волкъ и Ягненокъ.

XXVII. Роща и Огонь.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1809 года, стр. 34, и окончательно редактирована только въ 1825 г. Въ предшествовавшихъ изданіяхъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 2—3: Бываетъ, что корысть себя подъ дружбой кроетъ,
Тогда тебѣ она лишь яму роетъ (1809 и 11).
17: Все это ничего.... (до изд. 1819).
26—27: Однако же сказать я не запнусь,
Что я въ могуществѣ и съ солнцемъ потянусь (до 1819).
31—33: И такъ, когда зимою,
Ты хочешь зеленѣть, какъ лѣтомъ и весною
Такъ только у себя мнѣ дай ты уголокъ (до 1819).

Сверхъ того въ одной изъ черновыхъ рукописей рядомъ съ передѣлками б. «Дубъ и Трость», изъ которыхъ извлечены ва-

ріанты ея, сохранились два стиха, долженствовавшіе замѣнить приведенные варіанты стиховъ 26 и 27:

Коль правду говорить (а правду я люблю),
То солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.

Это первая басня, въ которой Крыловъ обличаетъ своекорыстную, лицемѣрную дружбу; впослѣдствіи онъ не разъ возвращался къ этому предмету и изображалъ его съ разныхъ сторонъ.

XXVIII. Лягушки, просящія царя.

Это передѣлка б. Ла Фонтена les Grenouilles qui demandent un Roi, заимствованной имъ у Эзопа (№ 166, перев. Мартынова); ее также находимъ у Федра (кн. I, б. 2), который сюжетъ ея примѣнилъ прямо къ Аѳинянамъ.

Изъ русскихъ писателей, кромѣ Крылова, эту б. перевели Вас. Майковъ (изд. 1766 г., кн. I, б. 4) и гр. Хвостовъ (кн. III, б. 1); послѣдній позже Крылова (примѣч. 55); оба подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ изданіи 1809 года, стр. 36.

Лягушкамъ стало неугодно
Правленіе народно,
И показалось имъ совсѣмъ неблагородно
Безъ службы и на волѣ жить. [1]
Чтобъ горю пособить

---

[1] У Ла Фонтена:

Les grenouilles, se lassant
De l'état démocratique....

По поводу этихъ стиховъ Измайловъ въ своемъ разборѣ этой басни («Соч.», т. II, стр. 721) замѣчаетъ: Слово: неугодно, иронически здѣсь употребленное, означаетъ уже прихоть и сумасбродство лягушекъ, хотя мы и не знаемъ еще, что именно имъ не нравится. *Кому не угодно? лягушкамъ*,—самымъ послѣднимъ и презрительнымъ животнымъ. —У Ла Фонтена жаловались онѣ только на демократическое правленіе; но это еще не показываетъ

То стали у боговъ царя онѣ просить. [a] [2]
Хоть слушать всякій вздоръ богамъ бы и не сродно, [3]
На сей однако жъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ: [4]
Далъ имъ царя. Летитъ къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ, [5]
И плотно такъ онъ треснулся [b] на царство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство: [7]

[a] Пришли къ Юпитеру царя онѣ просить (1809, 11).

[b] .... трепнулся.... (во всѣхъ изд., кромѣ 1843 г.).

(Замѣчательно, что Жуковскій, въ своей статьѣ, приводя текстъ этой б., замѣнилъ глаголъ *трепнулся* гл. *треснулся*; въ академич. словарѣ перваго нѣтъ вовсе, но приведенъ послѣдній съ выпискою 9-го и 10 стиховъ (т. IV, стр. 296). Такимъ образомъ, можемъ сказать, что эта удачная поправка принадлежитъ не Крылову, а Жуковскому).

безумія ихъ, ни прихоти, потому что въ демократическомъ, или народномъ правленіи, гораздо болѣе, нежели въ прочихъ, дѣлается несправедливостей и притѣсненій. Напротивъ того у Крылова лягушки похожи на собакъ, которыя *съ жиру бѣсятся*: имъ показалось *неблагородно безъ службы и на волѣ жить*! Подлинно *безумныя*, какъ ихъ назвалъ Юпитеръ».

[2] «Лягушки могли бы сами себѣ выбрать царя; нѣтъ, онѣ вздумали просить о томъ *боговъ*, которые безъ просьбы даютъ всѣмъ необходимо нужное». (Измайловъ, т. II, стр. 722).

[3] Измаиловъ замѣчаетъ, что слово: не сродно «употреблено весьма удачно», потому что слушать вздоръ богамъ не только не прилично, но именно не сродно». (Тамъ же).

[4] Въ этомъ стихѣ, по мнѣнію Измайлова, частица *жъ* «лишняя и дѣлаетъ непріятность для слуха». (Тамъ же).

[5] Измайловъ замѣчаетъ, что въ этомъ стихѣ нарушено правило, требующее, чтобы въ шестистопномъ ямбическомъ стихѣ цезура была послѣ первыхъ трехъ стопъ», а здѣсь она сдѣлана послѣ двухъ, и всякій чувствуетъ, что это очень хорошо, естественно и не противно для уха; ибо легкость и естественность составляютъ главнѣйшее достоинство обыкновеннаго разговора въ стихахъ. — Онъ обращаетъ также вниманіе на слово: *съ шумомъ*, придающее особенную выразительность стиху, какъ звукоподражательное. (Тамъ же).

[6] Измайловъ находитъ этотъ стихъ особенно выразительнымъ и приписываетъ его выразительность тому, что «первая половина его оканчивается односложнымъ словомъ, вторая начинается такъ же односложнымъ, за которымъ слѣдуетъ длинное слово: *треснулся*.... Все это чрезвычайно живо изображаетъ описываемое здѣсь дѣйствіе. Кажется, видишь, какъ этотъ царь упалъ съ неба на землю, отскочилъ немного вверхъ, потомъ опять упалъ и остался уже на мѣстѣ». (Тамъ же).

[7] «Живопись въ самыхъ звукахъ!» говоритъ Жуковскій. «Два длинныхъ слова: *ходенемъ* и *трясинно*, прекрасно изображаютъ

Со всѣхъ Лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ, [8]
И шепотомъ царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ, не вертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ;
Дородствомъ, ростомъ великанъ, [9]
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ осиновый чурбанъ.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ никто:
Со страхомъ на него глядятъ онѣ, и то [c]
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку; [10]
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому бъ не пригля́дѣлся свѣтъ:
То и онѣ сперва отъ страха отдохнули,
Потомъ къ царю подползть съ преданностью дерзнули:
Сперва передъ царемъ ничкомъ;
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ:
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которыя еще поудалѣй,
Къ царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочитъ. [11]

[c] Чуть смѣютъ на него глядѣть онѣ — и то (1809, 11).

потрясеніе болота» («Соч.», т. VII, стр. 106). Измайловъ повторяетъ слова Жуковскаго.

[8] «Въ послѣднемъ стихѣ», пишетъ Жуковскій, «красота состоитъ въ искусномъ соединеніи односложныхъ словъ, которыя своею гармоніею представляютъ скачки и прыганіе. Вся эта тирада есть образецъ легкаго, пріятнаго и живописнаго разсказа». (Тамъ же).

[9] Выраженіе, напоминающее народную поговорку: «Всѣмъ взялъ, и ростомъ, и дородствомъ». («Словарь» Даля, стр. 423).

[10] По поводу этого стиха Измайловъ замѣчаетъ: «Прекрасное, забавное и живое изображеніе! Изъ этого стиха можно написать картину». (Тамъ же).

[11] Выписавъ стихи отъ 9 до 38, Жуковскій говоритъ: «Можно забыть, что читаешь стихи: такъ этотъ разсказъ легокъ, простъ и свободенъ. Между тѣмъ какая поэзія! Я разумѣю здѣсь подъ словомъ *поэзія* искусство представлять предметы такъ живо, что они кажутся присутственными». («Соч.» т. VII, стр. 105). Въ стихахъ отъ 31 до 38 Измайловъ видитъ «прекрасный примѣръ постепенности» («Соч.» т. II, стр. 725). Эти стихи могутъ быть признаны вполнѣ оригинальными, потому что у Ла Фонтена видимъ только намекъ на эту постепенность; приводимъ для сравненія

Въ три дня наскучило съ такимъ царемъ житье.
Лягушки новое челобитье, [d]
Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную державу
Далъ подлинно царя на славу!
Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,
Послалъ Юпитеръ къ нимъ на царство Журавля.
Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ инаго нраву:
Не любитъ баловать народа своего;
Онъ виноватыхъ ѣстъ: а на судѣ его
Нѣтъ правыхъ никого;
За то ужъ у него,
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.
На жителей болотъ
Приходитъ черный годъ.
Въ лягушкахъ каждый годъ великій недочетъ.
Съ утра до вечера ихъ царь по царству ходитъ,
И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ засудитъ и — проглотитъ. [12]
Вотъ пуще прежняго и кваканье, и стонъ,

[d] Лягушки снова за вытье (1809).

(Послѣднее слово въ бывшемъ у насъ экземплярѣ, принадлежавшемъ эрмитажной, а нынѣ публичной библіотекѣ, зачеркнуто карандашемъ и вмѣсто его вписано: *вновь челобитье*. Эта поправка, вѣроятно, сдѣлана самимъ Крыловымъ).

стихи Ла Фонтена, соотвѣтствующіе стихамъ Крылова отъ 22 до 38:

Or c'était un soliveau,
De qui la gravité fit peur à la première
Qui, de le voir s'aventurant,
Osa bien quitter sa tanière.
Elle approcha, mais en tremblant.
Une autre la suivit, une autre en fit autant:
Il en vint une fourmilière;
Et leur troupe à la fin se rendit familière
Jusqu'à sauter sur l'épaule du roi.

37-й стихъ, въ которомъ Измайловъ признаетъ особенно удачнымъ выраженіе: *по милости своей*, переводъ полустишія Ла Фонтена, слѣдующаго непосредственно за приведенными стихами: Le bon sire le souffre....

[12] О стихахъ отъ 45 до 56 Измайловъ замѣчаетъ, что они представляютъ прекрасную фигуру *разумноженія* («Соч.» т. II, стр. 727); она тѣмъ замѣчательнѣе, что вполнѣ принадлежитъ Крылову: у Ла Фонтена все это описаніе замѣняетъ слѣдующая фраза:

Le monarque des dieux leur envoie une grue,
Qui les croque, qui les tue,
Qui les gobe à son plaisir.

Чтобъ имъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ царя инова;
Что нынѣшній ихъ царь глотаетъ ихъ, какъ мухъ;
Что даже имъ нельзя (какъ это не ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконецъ, ихъ царь тошнѣе имъ засухъ. [13]
—«Почто жъ вы прежде жить счастливо не умѣли? [14]
Не мнѣ ль, безумныя», вѣщалъ имъ съ неба гласъ: [e]
«Покоя не было отъ васъ?
Не вы ли о царѣ мнѣ уши прошумѣли?
Вамъ данъ былъ царь, — такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ;
Вы взбунтовались въ вашей лужѣ;
Другой вамъ данъ, — такъ этотъ очень лихъ:
Живите жъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже! [15]

[e] Безумныя! вѣщалъ имъ съ неба гласъ:
Не мнѣ ли не было нигдѣ житья отъ васъ (1809, 11).

---

[13] «И коротко и сильно!» восклицаетъ Измайловъ. «Что можетъ быть мучительнѣе положенія: сидѣть цѣлый день на мѣстѣ, молчать и не смѣть никуда выглянуть. Самая малая засуха есть уже великое несчастіе для лягушекъ; но царь ихъ несноснѣе, *тошнѣе* имъ засухъ.

Выразительная эта метафора: *тошнѣе* весьма часто употреблялась въ старинныхъ нашихъ простонародныхъ пѣсняхъ, и даже нынѣ еще употребляется въ разговорахъ между простолюдинами» (тамъ же). У Ла Фонтена вся эта тирада сжата въ одно предложеніе: Et grenouilles de se plaindre.

[14] Заключительная рѣчь Юпитера довольно близка къ подлиннику:

Et Jupin de leur dire: Eh quoi! votre désir
A ses lois croit-il nous astreindre?
Vous avez dû premièrement
Garder votre gouvernement;
Mais, ne l'ayant pas fait, il vous devait suffire
Que votre premier roi fût débonnaire et doux:
De celui-ci contentez-vous,
De peur d'en rencontrer un pire.

[15] «Вообще басня сія у Крылова несравненно лучше, нежели у Ла Фонтена» (Измайловъ, тамъ же); «въ стихахъ послѣдняго, кажется, менѣе живописи, и самый разсказъ его не столь забавенъ» (Жуковскій т. VII, стр. 106).—Замѣчаніе, которымъ Измайловъ заключаетъ свой разборъ, что въ исходѣ минувшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія французы походили на изображенныхъ въ этой баснѣ лягушекъ, было причиною, что ее нерѣдко примѣняли къ французамъ этой эпохи; можетъ быть, и самъ Крыловъ, пиша эту басню, имѣлъ ту же заднюю мысль, что нисколько не противорѣчило бы вообще его мнѣніямъ о французахъ.

XXIX. Левъ и Человѣкъ*.

Эта б. въ первый разъ была напечатана въ изд. 1809 г., стр. 40, а потомъ повторена во второмъ только изданіи первыхъ 23 б. («Басни Ивана Крылова, вновь исправленныя, 1811»); изъ всѣхъ же остальныхъ изданій исключена; въ 1865 году мы ее перепечатали въ «Русскомъ Архивѣ» (№ 4) въ приложеніи къ нашей статьѣ: «Хронологія б. Крылова», сохранивъ какъ ороографію, такъ и пунктуацію изданія 1809 года.

Быть сильнымъ хорошо, быть умнымъ лучше вдвое.
Кто вѣры этому неиметъ,
Тотъ ясный здѣсь примѣръ найдетъ,
Что сила безъ ума сокровище плохое. —
Разкинувши тенета межъ деревъ
Ловецъ добычи дожидался;
Но какъ-то оплошавъ, самъ въ лапы льву попался. —
Умри презрѣнна тварь! Взревѣлъ свирѣпый левъ,
Разинувъ на него свой зѣвъ.
Посмотримъ, гдѣ твои права, гдѣ сила, твердость,
По коимъ ты въ тщеславіи своемъ
Всей твари, даже льва быть хвалишься царемъ?
И у меня въ когтяхъ мы разберемъ,
Сразмѣрна ль съ крѣпостью твоей такая гордость? —
Не сила, разумъ намъ надъ вами верхъ даетъ,
Былъ человѣка льву отвѣтъ.
И я хвалиться смѣю,
Что я съ умѣньемъ то препятство одолѣю,
Отъ коего и съ силой, можетъ быть,
Ты долженъ будешь уступить. —
О вашемъ хвастовствѣ усталъ я сказки слушать. —
Не въ сказкахъ доказать, я дѣломъ то могу;
А впрочемъ ежели солгу,
То ты еще меня и послѣ можешь слушать.
Взгляни — между деревьевъ сихъ,
Трудовъ моихъ
Разкинуту ты видишь паутину —
Кто лучше сквозь нее изъ насъ туда пройдетъ? —
Коль хочешь я пролѣзу напередъ.
А тамъ посмотримъ, какъ и съ силой въ свой чередъ
Проскочишь ты ко мнѣ на половину.
Ты видишь: эта сѣть не каменна стѣна;
Малѣйшимъ вѣтеркомъ колеблется она;
Однако съ силою одною,

* У Эзопа есть также басня подъ заглавіемъ «Левъ и Человѣкъ» (№ 219, переводъ Мартынова), которую Ла Фонтенъ перевелъ подъ заглавіемъ le Lion abattu par l'homme (кн. III, б. X); но ни по содержанію, ни по нравственному выводу она не имѣетъ ничего общаго съ б. Крылова.

Ты прямо сквозь нее едва-ль пройдешь за мною.
Съ презрѣніемъ тенета обозрѣвъ,
Ступай туда, сказалъ надменно левъ;
Въ мигъ буду я къ тебѣ дорогою прямою.
Тутъ мой ловецъ не тратя лишнихъ словъ
Нырнулъ подъ сѣть и льва принять готовъ. —
Какъ изъ лука стрѣла, левъ вслѣдъ за нимъ пустился,
Но левъ подныривать подъ сѣти не учился.
Онъ въ сѣть ударился, но сѣти не́ прошибъ —
Запутался — (ловецъ тутъ кончилъ споръ и дѣло)
Искуство силу одолѣло
И бѣдный левъ погибъ.

1811.

—

XXX. Огородникъ и Философъ.

Читана авторомъ въ первомъ засѣданіи Бесѣды любителей русскаго слова, 14 Марта 1811 г. и напечатана въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ», того же года, кн. I, стр. 51; за тѣмъ въ изданіи 1811 г., вышедшемъ подъ заглавіемъ: «Новыя басни Ивана Крылова», стр. 27.

Эта б. сохранилась въ рукописи. Приводимъ варіанты, извлеченные изъ нея и изъ изданій:

Ст. 17: И подлѣ моего твой огородъ во всемъ (рук., Чт. въ Б. и изд. 1811).
28: . . . . худо, вм. *криво* (тамъ же).
42: За заступъ взялся свой (рукоп.).

———

Приводимъ слова Плетнева, по поводу этой и нѣсколькихъ другихъ басенъ: «Его (Крылова) нравоученіе проникнуто свѣтомъ опытовъ и мудрости . . . . Онъ воевалъ противъ крайностей во всемъ, зная, какъ близко отъ нихъ бѣды. Вникнувъ мыслью въ тайный смыслъ его басенъ: «Огородникъ и Философъ», «Червонецъ», «Музыканты», «Любопытный», кто не почувствуетъ, что, по его системѣ, педантство нелѣпо во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ». Но г. Галаховъ (Ист. Рус. Слов. т. II, стр. 313) цитируетъ б. «Огородникъ и Философъ» какъ доказательство, что Крыловъ вообще неблагосклонно относился къ наукѣ, и утверждаетъ, что здѣсь «онъ философіи (т. е. наукѣ вообще) и книжнымъ знаніямъ противополагаетъ «прилежность и навыкъ», какъ бы признавая ихъ наиболѣе правильными и безошибочными орудіями успѣха, выгоднѣйшею замѣною науки». Г. Флёри (Journal de S. Petersbourg, № 219, 1867) эта басня дала поводъ къ слѣдующему заключенію

о Крыловѣ: «Krylow», говоритъ онъ, «est médiocrement favorable aux découvertes, aux inventions nouvelles; il est plus frappé de leurs inconvénients que de leurs avantages. Ainsi il se plaît à railler les savants, occupés de recherches minutieuses (*le Curieux*), les expériences agricoles (*le Jardinier et le Philosophe*) *и проч.* Понявъ эту басню въ прямомъ ея смыслѣ и не давъ себѣ труда проникнувъ въ мысль автора, французскій критикъ продолжаетъ: «La Fontaine est au contraire ami des nouveautés et quoique la philosophie de Descartes fût assez vivement poursuivie, il déclare que dans les siècles passés on eût fait un dieu de l'auteur de la «Méthode» et qu'il tient le milieu entre l'esprit et l'ange».

Хотя Крыловъ, дѣйствительно, нигдѣ, ни въ басняхъ, ни въ предшествовавшихъ сочиненіяхъ, не выразилъ сочувствія ни къ какимъ открытіямъ, изобрѣтеніямъ или нововведеніямъ; хотя дѣйствительно, ко всему онъ относился не иначе, какъ критически, что и составляетъ существенное отличіе его таланта; однакожъ никто не скажетъ, чтобы Крыловъ оставался равнодушенъ и безучастенъ къ тому, что заслуживало сочувствія. Достаточно вспомнить, съ какимъ уваженіемъ относился онъ къ труду Гнѣдича, какъ рѣзко отзывался о порицателяхъ Пушкина, который и Крылову, воспитавшемуся въ классическихъ преданіяхъ, долженъ былъ казаться нововводителемъ. Намъ кажется, что въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ склониться на сторону мнѣнія Плетнева. Развѣ не заслуживаетъ порицанія и насмѣшки тотъ, кто берется за дѣло, не изучивъ его предварительно; кто, не имѣя собственныхъ убѣжденій, подобно Шиллеровымъ маленькимъ геніямъ, «о томъ проповѣдуетъ завтра, что узналъ сегодня?» Таковъ, по нашему мнѣнію, и философъ, оставшійся безъ огурцовъ. Чтоже касается отношенія Крылова къ наукѣ, ученымъ трудамъ, — это видно изъ многихъ другихъ его басенъ.

Какъ на источникъ этой басни г. Флёри (стр. 125) указываетъ на басню Флоріана les Deux Jardiniers. У обоихъ баснописцевъ, замѣчаетъ онъ, два дѣйствующихъ лица: одинъ садовникъ обработываетъ свой садъ по старинной методѣ, и благоденствуетъ; другой постоянно стремится къ улучшеніямъ, вслѣдствіе чего теряетъ время и находится въ вѣчной нерѣшимости. Разница въ томъ что философъ Крылова черпаетъ свои теоріи изъ книгъ, тогда какъ французскій садовникъ самъ ихъ изобрѣтаетъ. Приводимъ названную б. Флоріана (Fables de Florian, ed. an. IX, Paris, Livre I, f. X):

Deux frères jardiniers avoient par héritage
Un jardin dont chacun cultivoit la moitié;
    Liés d'une étroite amitié,
    Ensemble ils faisoient leur ménage.
L'un d'eux, appelé Jean, bel esprit, beau parleur,
    Se croyoit un très-grand docteur;
    Et monsieur Jean passoit sa vie
A lire l'almanach, à regarder le temps

Et la girouette et les vents.
Bientôt donnant l'essor à son rare génie,
Il voulut découvrir comment d'un pois tout seul
Des milliers de pois peuvent sortir si vite;
Pourquoi la graine du tilleul,
Qui produit un grand arbre, est pourtant plus petite
Que la féve qui meurt à deux pieds du terrain;
Enfin par quel secret mystère
Cette feuve, qu'on sème au hasard sur la terre,
Sait se retourner dans son sein,
Place en bas sa racine et pousse en haut sa tige.
Tandis qu'il rêve et qu'il s'afflige
De ne point pénétrer ces importans secrets,
Il n'arrose point son marais;
Ses épinards et sa laitue
Sechent sur pied; le vent du nord lui tue
Ses figuiers qu'il ne couvre pas.
Point de fruits au marché, point d'argent dans la bourse;
Et le pauvre docteur, avec ses almanachs,
N'a que son frère pour ressource.
Celui-ci, dès le grand matin,
Travailloit en chantant quelque jouyeux refrain,
Béchoit, arrosoit tout du pêcher à l'oseille.
Sur ce qu'il ignoroit sans vouloir discourir,
Il semoit bonnement pour pouvoir recueillir.
Aussi dans son terrain tout venoit à merveille;
Il avoit des écus, des fruits et du plaisir.
Ce fut lui qui nourrit son frère;
Et quand monsieur Jean tout surpris
S'en vint lui demander comment il savoit faire:
Mon ami, lui dit-il, voici tout le mystère:
Je travaille, et tu reflechis;
Lequel rapporte davantage?
Tu te tourmentes, je jouis;
Qui de nous deux est plus sage?

XXXI. Гуси.

Какъ и предшествующая б., читана въ первомъ засѣданіи Бесѣды любителей русскаго слова и появилась въ печати въ „Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ“. 1811, кн. I. стр. 53; перепечатана

въ «Новыхъ басняхъ», стр. 39. Рукописи не сохранилось; въ печатныхъ изданіяхъ находимъ только одинъ варіантъ:

Ст. 14: И насъ, какъ птицъ простыхъ гоняетъ (Чт. въ Б. и изд. 1811).

Къ ст. 1—2: Предлинной хворостиной мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать.

Этотъ стихъ Измайловъ приводитъ, какъ примѣръ «живаго изображенія, сдѣланнаго, такъ сказать, одною чертою». («Соч.», т. II, стр. 658).

Къ ст. 30—31: Басню эту можно бы и болѣ пояснить,
Да чтобъ гусей не раздразнить.

Ср. пословицу: «Можно бы про это пѣсню спѣть, да чтобъ кого по уху не задѣть» («Послов. рус. народа», Даля, стр. 732).

XXXII. Оселъ и Соловей.

Вмѣстѣ съ предыдущими двумя баснями была читана въ первомъ засѣданіи Бесѣды любителей русскаго слова и въ первый разъ напечатана въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ», кн. I, стр. 55. Сохранившаяся рукопись и изданія заключаютъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 4—6: Пропой мнѣ кой-что, чтобы я,
Твое услыша пѣнье,
Самъ посудилъ о твоемъ умѣньѣ (рукоп.)
— Желалъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли въ тебѣ умѣнье («Чт. въ Б.». Послѣдній стихъ измѣненъ при изд. 1843).
—Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое послушавъ пѣнье (изд. 1811).
20—21: Ну, что жъ, сказалъ оселъ—хотя
Не худо.... (рукоп.)
— Скончалъ пѣвецъ и ждалъ хвалы потомъ.
Изрядно, говоритъ оселъ, сказать не ложно.... («Чт. въ Б.», изд. 1811).

Къ ст. 1—6: Оселъ увидѣлъ Соловья....
Велико ль подлинно твое умѣнье?

По поводу этихъ стиховъ Лобановъ замѣчаетъ: «Оселъ, котораго обличаютъ уже слова: *послушай-ка*, *дружище*, не довѣряя похваламъ другихъ, самъ хочетъ посудить о пѣньѣ соловья. Читатель предугадываетъ уже мудрое рѣшеніе его и любопытствуетъ слышать оное; авторъ съ самаго начала овладѣлъ уже его вниманіемъ» (стр. 52). Первыя 3 строки Измайловъ приводитъ, какъ образецъ «естественности въ изображеніи характеровъ», при чемъ обращаетъ особенное вниманіе на увеличительныя: *дружище* и *мастерище* («Соч.», т. II, стр. 681).

Къ ст. 8—12: Защелкалъ, засвисталъ....
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.

«Мы читывали когда-то», говоритъ Лобановъ (тамъ же), указавъ на приведенныя строки, «утомительныя, скучныя описанія пѣнія соловья, но такого мелодическаго концерта, даннаго намъ Крыловымъ, не случалось намъ читать ни на какомъ языкѣ. Предпослѣднимъ стихомъ очаровавши нашу душу и усладивши нашъ слухъ упоительною мелодіею, авторъ, какъ глубокій музыкантъ, оканчиваетъ свой концертъ гремучимъ, рокочущимъ стихомъ».

Ср. съ описаніемъ пѣнія соловья и произведеннаго имъ впечатлѣнія у Державина, въ стихотвореніяхъ: «Соловей», т. I, стр. 692, и «Обитель Добрады», т. II, стр. 695, академич. изд.; и съ слѣдующимъ четверостишіемъ Мих. Попова:

Урчалъ, дробилъ, визжалъ, кудряво, густо, тонко,
Порывно, косно вдругъ, вдругъ томно, тяжко, звонко,
Стеналъ, хрипѣлъ, щелкалъ, скрыпѣлъ, тянулъ, вилялъ,
И разностью такой людей и птицъ плѣнялъ.

(Притча «Соловей», «Досуги» Мих. Попова. (Спб. 1772 г., ч. I, стр. 30.)

Въ 1-мъ и 2-мъ примѣчаніяхъ къ стих. «Соловей» Я. К. Гротъ указалъ на всѣ попытки русскихъ писателей описать пѣнье соловья и заключилъ, что Крыловъ наконецъ рѣшилъ эту задачу. («Соч.» Державина, т. I, стр. 692—695.)

Къ ст. 13—16: Внимало все тогда....
И прилегли стада:

«Подобныя фантазіи рождаются только въ головахъ такихъ людей, каковъ былъ Крыловъ. Очарованіе полное, нечего, кажется, болѣе прибавить; но нашъ поэтъ былъ живописецъ. Въ богатомъ своемъ воображеніи онъ нашелъ еще прелестную картину, которая увѣнчиваетъ изображеніе и довершаетъ очарованіе, произведенное пѣньемъ соловья.» (Приводятся слѣдующіе стихи до 19-го:)

(Лобановъ, стр. 52).—На описаніе пѣнья соловья и впечатлѣнія, произведенное имъ, Измайловъ указываетъ, какъ на образецъ картиннаго описанія. («Соч.» т. II, стр. 661).

По мнѣнію же г. Галахова (Ист. Рус. Слов. Т. II, стр. 307), вставкою этихъ стиховъ «Крыловъ испортилъ картину и производимое ею впечатлѣніе». О слѣдующихъ за тѣмъ трехъ стихахъ:

Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.

замѣчаетъ: «Если можно еще допустить первые четыре стиха, какъ прикрасу, хотя она и придаетъ миѳическое значеніе соловьиному голосу, то послѣдніе три непріятно вырываютъ читателя изъ русской среды и переносятъ его въ пасторальный міръ Фонтенеля и мадамъ Дезульеръ.» Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться.

Къ ст. 20—23: Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставя въ землю лбомъ....
Тебя безъ скуки слушать можно:

«Это судъ обыкновеннаго невѣжды, которому недоступно изящное; но окончательный нелѣпый приговоръ глупца еще не высказанъ; вотъ онъ:

А жаль, что не знакомъ,
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.

Вотъ приговоръ, отъ какихъ многіе, по слабости человѣческой природы, сходили съ ума или погибали отъ огорченія. Изящество даровъ природы всегда сопровождается и живымъ воображеніемъ и чрезмѣрною чувствительностію, которыя легко раздражаются и все принимаютъ къ сердцу; да и соловей Крылова что дѣлаетъ?

Вспорхнулъ—и полетѣлъ за тридевять полей.»
(Лобановъ, стр. 52.)

О случаѣ, подавшемъ поводъ къ сочиненію этой б., Лобановъ говоритъ весьма неопредѣленно: «Авторъ, зная по опыту, а можетъ быть и по собственному своему, сколько страдаютъ умные, талантливые люди отъ глупыхъ сужденій сильныхъ судей, и сколько вреда, а иногда и зла отъ того проистекаетъ, хотѣлъ выставить на позоръ такихъ людей; и если онъ ихъ не исправилъ, — вѣдь дураковъ не переродишь,—то надѣлилъ русскую словесность восхитительнымъ стихотвореніемъ» (стр. 51). Гораздо опредѣлительнѣе выражается объ этомъ предметѣ Кёнигъ въ «Очеркахъ русской литературы» (рус. перев. 1862 г., стр. 67). Онъ говоритъ:

*

«Никто не сомнѣвается, что подъ соловьемъ и пѣтухомъ Крыловъ разумѣлъ себя и Дмитріева, а подъ осломъ одного преданнаго сему послѣднему критика». Но это не совсѣмъ вѣрно. Намъ неоднократно случалось слышать отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и отъ В. Т. Плаксина, имѣвшаго возможность узнать истину изъ ближайшихъ источниковъ, конечно устныхъ, слѣдующій разсказъ о происшествіи, подавшемъ поводъ къ сочиненію этой басни.

Какой-то вельможа (по словамъ однихъ, гр. Разумовскій, по другимъ, кн. А. Н. Голицынъ), можетъ быть, слѣдуя примѣру имп. Маріи Θеодоровны, покровительствовавшей поэту, а можетъ быть, искренно желая свести съ нимъ знакомство, пригласилъ его къ себѣ и просилъ прочитать двѣ-три басенки. Крыловъ артистически прочиталъ нѣсколько басенъ, въ томъ числѣ одну, заимствованную у Ла Фонтена. Вельможа выслушалъ ихъ благосклонно и глубокомысленно сказалъ: «Это хорошо; но почему вы не переводите такъ, какъ Ив. Ив. Дмитріевъ»? — «Не умѣю», скромно отвѣчалъ поэтъ. Тѣмъ разговоръ и кончился. Возвратясь домой, задѣтый за живое баснописецъ, вылилъ свою желчь въ б. «Оселъ и Соловей». Что всѣ дѣйствующія лица этой басни и отношенія между ними — намеки на дѣйствительность, въ этомъ нельзя сомнѣваться; но мы находимъ подтвержденіе этому въ слѣдующемъ фактѣ, записанномъ М. А. Дмитріевымъ: «Лѣтомъ 1822 года», говоритъ онъ, «нѣсколько русскихъ литераторовъ, въ томъ числѣ Крыловъ, нанимали на общій счетъ дачу близъ Руки (мѣстность указана не вѣрно). Иногда у нихъ бывали чтенія. Въ этомъ маленькомъ обществѣ Крылова назвали «соловьемъ». («Мелочи изъ запаса моей памяти», «Москвит.», за январь 1854, стр. 191). Едва ли возможно сомнѣваться, что такое имя было дано ему на основаніи его басни. Сюда же, по словамъ М. А. Дмитріева, относится и стихотвореніе гр. Хвостова: «Пѣвцу-Соловью», для прочтенія котораго авторъ нарочно поѣхалъ на дачу; но поплатился за то, потому что слушатели безпрестанно прерывали чтеніе аплодисментами, увѣривъ его напередъ, что за каждый аплодисментъ у нихъ положено ставить бутылку шампанскаго. Въ «Полномъ собраніи сочиненій» гр. Хвостова мы нашли это стихотвореніе только не подъ тѣмъ заглавіемъ, какое даетъ ему М. А. Дмитріевъ, а подъ другимъ: «Новоселье въ Киріановкѣ» * (т. V, стр. 86), которое отнесено къ іюню 1822 года и было читано авторомъ на дачѣ 7-го іюня (примѣч. 67), гдѣ, по словамъ гр. Хвостова, собирались не литераторы, а члены англійскаго клуба. Приводимъ 4-ю строфу стихотворенія, относящуюся къ нашему предмету:

---

* Киріановка—дача на четвертой верстѣ по петергофской дорогѣ, принадлежавшая княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой; она назвала ее такъ во имя св. Кира и Іоанна, память которыхъ празднуется 28 іюня, въ день восшествія на престолъ имп. Екатерины II.

Средь Кпріановки смекали
Устроить на Руси Парнасъ,
Съ утра до вечера, подъ часъ,
И въ вистъ и рокомболь играли.
Теперь, любезные друзья,
Пріѣхалъ (*я*) слушать соловья.

Г. Флёри (Krylov et ses Fables, p. 73—78) признаетъ эту басню заимствованною изъ басни, которую Дидеро разсказалъ въ своей переписвѣ съ мадмуазель Воланъ, и которая была напечатана въ «Gazette» Гримма. Дидеро разсказываетъ содержаніе разговора, происходившаго между Гриммомъ, Ле Руа и аббатомъ Галіани. Но мы принуждены замѣтить, что какъ невозможно отрицать того, что Крылову былъ извѣстенъ этотъ отрывокъ, такъ невозможно утверждать, что изъ него онъ почерпнулъ сюжетъ своей басни, которая по справедливости почитается однимъ изъ лучшихъ его произведеній. Приводимъ этотъ разсказъ.

L'âne et le rossignol.

«Mes amis, je me rappelle une fable; écoutez-la. Elle sera peut-être un peu longue, mais elle ne vous ennuiera pas.

«Un jour, au fond d'une forêt, il s'éleva une contestation sur le chant entre le rossignol et le coucou. Chacun prise son talent. «Quel oiseau», disait le coucou, «a le chant aussi facile, aussi simple, aussi naturel et aussi mèsuré que moi»?

«Quel oiseau», disait le rossignol, «l'a plus doux, plus varié, plus éclatant, plus léger, plus touchant que moi»?

Le coucou: «Je dis peu de choses; mais elles ont du poids, de l'ordre, et on les retient».

«*Le rossignol*: «J'aime à parler, mais je suis toujours nouveau, et je ne fatigue jamais. J'enchante les forêts; le coucou les attriste. Il est tellement attaché à la leçon de sa mère, qu'il n'oserait hasarder un ton qu'il n'a point pris d'elle. Moi, je ne reconnais point de maître; je me joue des règles. C'est surtout lorsque je les enfreins qu'on m'admire. Quelle comparaison de sa fastidieuse méthode avec mes heureux écarts!»

«Le coucou essaya plusieurs fois d'interrompre le rossignol. Mais les rossignols chantent toujours, et n'écoutent point; c'est un peu leur défaut. Le nôtre, entrainé par ses idées, les suivait avec rapidité, sans se soucier des réponses de son rival.

«Cependant, après quelques dits et contredits, ils convinrent de s'en rapporter au jugement d'un tiers animal.

«Mais où trouver ce tiers également instruit et impartial qui les jugera? Ce n'est pas sans peinte qu'on trouve un bon juge. Ils vont en cherchant un partout.

«Ils traversaient une prairie, lorsqu'ils y aperçurent un âne des plus graves et des plus solennels. Depuis la création de l'espèce, aucun n'avait porté d'aussi longues oréilles.

«Ah! dit coucou en les voyant, nous sommes trop heureux: notre querelle est une affaire d'oreilles; voilà notre juge: Dieu le fit pour nous tout exprès«.

«L'âne broutait. Il n'imaginait guère qu'un jour il jugerait de musique. Mais la Providence s'amuse à beaucoup d'autres choses. Nos deux oiseaux s'abattent devant lui, le complimentent sur sa gravité et sur son jugement, lui exposent le sujet de leur dispute, et le supplient très humblement des les entendre et de décider.»

«Mais l'âne, détournant à peine sa lourde tête en n'en perdant pas un coup de dent, leur fait signe de ses oreilles qu'il a faim, et qu'il ne tient pas aujourd'hui son lit de justice. Les oiseaux insistent; l'âne continue à brouter. En broutant, son appétit s'apaise. Eh bien! leur dit-il, allez là: je m'y rendrai; vous chanterez, je digérerai, je vous écouterai, et puis je vous en dirai mon avis».

«Les oiseaux vont à tire-d'aile, et se perchent; l'âne les suit, de l'air et du pas d'un président à mortier qui traverse les salles du palais. Il arrive, il s'étend à terre, et dit: «Commencez, la cour vous écoute». C'est lui qui était toute la cour.

«Les coucou dit: «Monseigneur, il n'y a pas un mot à perdre de mes raisons; saisissez bien le caractère de mon chant, et surtout daignez en observer l'artifice et la méthode». Puis se rengorgeant et battant à chaque fois les ailes, il chanta: «Coucou, coucou, coucoucou, coucoucou, coucou, coucoucou». Et, après avoir combiné cela de toutes les manières possibles, il se tut.

«Le rossignol, sans préambule, déploie sa voix, s'élance dans les modulations les plus hardies, suit les chants les plus neufs et les plus recherchés: ce sont des cadences ou des tenues à perte d'haleine; tantôt on entendait les sons descendre et murmurer au fond de sa gorge comme l'onde du ruisseau qui se perd sourdement entre des cailloux, tantôt on l'entendait s'éleves, se renfler peu à peu, remplir l'etendue des airs, et y demeurer comme suspendue. Il était successivement doux, léger, brillant, pathétique, et, quelque caractère qu'il prit, il peignait; mais sont chant n'était pas fait pour tout le monde.

«Emporté par son enthousaisme, il chanterait encore; mais l'âne, qui avait déjà baîlle plusieurs fois, l'arrêta, et lui dit: «Je me doute que tout ce que vous avez chanté là est fort beau, mais je n'y entends rien; cela me parait bizarre, brouillé, décousu. Vous êtes peut-être plus savant que votre rival, mais il est plus méthodique que vous; et je suis, moi, pour la méthode».

(Diderot, Lettre à M-elle Voland. Oeuvres de Diderot, édition 1821.)

XXXIII. Листы и корни.

Въ первый разъ напечатана въ »Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», кн. IV, стр. 100.

Въ изд. 1811 года и позднѣйшихъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 3: Листки.... (до 1843).
6: .... краса долинѣ всей (до 1843).
14: Плясать пастушекъ привлекаемъ (Чт. въ Б. и изд. 1811).
21: Кто смѣетъ съ нами такъ считаться дерзновенно (до 1843).
23-й ст. прибавленъ въ изданіи 1843 г.
25—27: Мы тѣ,
Имъ снизу отвѣчали,
Которые, здѣсь роясь *и проч.* (изд. 1830, 34).
31: .... съ каждою весной...., (Чт. въ Б. 1811).

«Листы и Корни», пишетъ Плетневъ, «утверждаютъ законныя отношенія между сословіями» (стр. LVII).

Вникнувъ въ смыслъ этой басни и замѣчанія Плетнева, правда, очень лаконическаго, но тѣмъ не менѣе многознаменательнаго, нельзя не видѣть, что подъ корнями, роющимися въ землѣ, Крыловъ разумѣлъ крѣпостныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ басня отвѣчаетъ на одинъ изъ серьознѣйшихъ вопросовъ, поднятыхъ въ первый же годъ царствованія имп. Александра I, *—вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, вызвавшій самыя разнорѣчивыя мнѣнія не только людей государственныхъ, но и тогдашнихъ литераторовъ, въ томъ числѣ и главнѣйшаго, передоваго между ними—Карамзина **. Сличеніе взгляда Крылова съ высказанными въ тѣ времена мнѣніями вполнѣ раскрываетъ тотъ здоровый, самостоятельный умъ баснописца, которому не даромъ удивлялись его современники. Потому-то намъ кажется страннымъ, что Галаховъ (Ист. Р. Слов. т. II, стр. 316) причисляетъ нашего баснописца къ числу противниковъ этой благодѣтельной реформы; тѣмъ болѣе, что въ предшествовавшихъ его сочиненіяхъ разбросано множество самыхъ рѣзкихъ намековъ на ненормальность сословныхъ отношеній,—на что и самъ г. Галаховъ указываетъ на стр. 320.

XXXIV. Синица.

Въ первый разъ напечатана въ »Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова«, кн. IV, стр. 102, затѣмъ въ изд. 1815 г., ч. II, стр. 4, съ перемѣною одного стиха:

Ст. 26: Не обижаючи синицына лица (Чт. въ Б.).

---

* См. «Вѣстникъ Европы» 1866 г., т. I, стр. 178—9, 184 и слѣд.

** См. рѣчь Я. К. Грота, «Торжественное собраніе Имп. Акад. Н. 1-го Дек. 1866 года», стр. 21, и примѣчанія отъ 41 до 51, а также «Записки» Державина въ «Русской Бесѣдѣ», 1859 г. кн. XVII, стр. 485—490, и «Соч.» его, академич. изд. т. II, стр. 391.

Основная мысль б., выраженная въ нравоученіи, вполнѣ высказывается народною пословицею: «Не хвалися ѣдучи на рать, а хвалися ѣдучи съ рати» (Снегиревъ, «Русск. нар. посл.», 1848 г., стр. 295). Къ кому относилась эта б., узнать мы не имѣли возможности; но ее весьма удачно впослѣдствіи примѣнили къ Н. Полевому, сочиненія котораго, «Исторіи русскаго народа», долго ожидали вслѣдствіе сдѣланнаго заранѣе объявленія, и когда вышли первые два тома, то О. Сомовъ (въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1830 г., стр. 93) о нихъ сказалъ, что они приводятъ на память окончаніе басни «Синица».

Къ ст. 23—24: Надѣлала синица славы,
А моря не зажгла.

Съ этими двумя стихами Снегиревъ (стр. 369) сопоставляетъ народную поговорку: «Синица за море летѣла и море зажигать хотѣла; синица много нашумѣла, да не было изъ шума дѣла» (см. «Полн. собр. русск. посл.» Д. К., стр. 225).

XXXV. Откупщикъ и Сапожникъ.

По указанію Валькнэера (Fables de La Fontaine 1841), содержаніе басни le Savetier et le Financier Ла Фонтенъ заимствовалъ у французскаго писателя первой половины XVI вѣка Bonaventure de Periers изъ его разсказа: du savetier Blondeau, qui ne fut oncques en sa vie mélancholique deux fais; et comment il y pourveut, et de son épitaphe. Прежде Крылова эту б. передѣлалъ на русскій языкъ Сумароковъ, подъ заглавіемъ: «Ремесленникъ и Купецъ» (кн. V, притча LV), а послѣ него гр. Хвостовъ (кн. III, б. XIV).

Передѣлка Крылова въ первой разъ напечатана въ «Новыхъ басняхъ», 1811 года, стр. 1.

Ст. 5 и 6: Въ дому сластей и винъ по горло, черезъ край (1811).
31: . . . . сударь, вм. *баринъ*.
32: . . . . ты и веселъ и поешь?
34: И вѣрно! что жъ за чудо?
46: . . . . ужъ тѣмъ ведется свѣтъ.
48: . . . . богатѣ, вм. *богатый*.
55: Дай Богъ, чтобъ *и проч.*

62—71: Примчалъ гостинецъ подъ полой,
А съ нимъ принесъ заботу, сокрушенье,
Безсонницу, тоску и подозрѣнье.
То спрячетъ деньги за замокъ
То дорогой мѣшокъ
Украдкою схоронитъ подъ заборомъ,
Замечетъ хворостомъ и соромъ,
И ходитъ ночью самъ дозоромъ;
Ну, словомъ, жизнь *и проч.*

**Къ ст. 1—2: Богатый откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ . . . .
И богачу заснуть никакъ онъ не даетъ**

Первые 20 стиховъ, въ которыхъ изображены отношенія и положенія дѣйствующихъ лицъ, составляютъ развитіе слѣдующихъ стиховъ Ла Фонтена:

Un savetier chantait du matin jusqu'au soir:
C'était merveilles de le voir,
Merveilles de l'ouïr; il faisait des passages,
Plus content qu'aucun des sept sages.
Son voisin, au contraire, étant tout cousu d'or,
Chantait peu, dormait moins encor:
C'était un homme de finance.
Si sur le point du jour parfois il sommeillait,
Le savetier alors en chantant l'éveillait.

**Къ ст. 27—59: Пріятель дорогой, здорово . . . .
Прощай! . . .**

Идея разговора между откупщикомъ и сапожникомъ остается та же, но изложеніе у Крылова совершенно оригинально.

Къ ст. 30: Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ.

Измѣненная пословица: «Кто кому надобенъ, тотъ тому памятенъ» (Снегиревъ, «Рус. пословицы и поговорки», 1848, стр. 189). Измайловъ приводитъ этотъ стихъ, какъ образецъ удачнаго уклоненія отъ разсказа *размышленія* («Соч.», т. II, стр. 666).

**Къ ст. 56—57: Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги,
И къ нуждѣ ихъ ты береги.**

У Ла Фонтена: Prenez ces cent écus; gardez-les avec soin
Pour vous en servir au besoin.

**Къ ст. 63—71: Примчалъ гостинецъ подъ полой . . . .
Ну, словомъ, жизнь пошла, хоть кинуться въ рѣку**

У Ла Фонтена:

Il retourne chez lui: dans sa cave il enserre,
L'argent, et sa joie à la fois.
Plus de chant: il perdit la voix,
Du moment qu'il gagna ce qui cause nos peines.
Le sommeil quitta son logis:
Il eut pour hôtes les soucis,
Les soupçons, les alarmes vaines.
Tout le jour il avait l'oeil au guet; et la nuit,
Si quelque chat faisait du bruit,
Le chat prenait l'argent.

Къ ст. 74—80: Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ откупщику . . . .
Не надобенъ милльонъ.

У Ла Фонтена:

. . . . A la fin le pauvre homme
S'en courut chez celui qu'il ne réveillait plus:
Rendez-moi, lui dit-il, mes chansons et mon somme,
Et reprenez vos cent écus.

XXXVI. Вороненокъ.

Ла Фонтенъ содержаніе своей басни le Corbeau voulant imiter l'Aigle заимствовалъ изъ Эзоповой б. Соя и Пастухъ (№ 203 пер. Мартынова), но измѣнилъ нравоученіе Эзопа.— У послѣдняго выводъ тотъ, что «спорящій съ высшими себя, не только никакого не имѣетъ успѣха, но и въ несчастіи подвергается смѣху». У Ла Фонтена же читаемъ слѣдующее:

Il faut se mesurer; la conséquence est nette:
Mal prend aux volereaux de faire les voleurs.
L'exemple est un dangereux leurre:
Tous les mangeurs de gens ne sont pas grands seigneurs;
Où la guêpe a passé, le moucheron demeure.

Сумароковъ также перевелъ эту б., подъ заглавіемъ «Ворона» (кн. VI, притча LV), и вывелъ нравоученіе, что «не должно браться за дѣло, которое выше силъ»; впослѣдствіи и гр. Хвостовъ перевелъ ее, прибавивъ совершенно иное

заключеніе, въ которомъ отчасти выразилась идея Ла Фонтена, отчасти Крылова:

Положимъ, воровать иному безопасно,
Примѣровъ тысячи всегда легко сыскать;
Но въ этой басенкѣ нравоученье ясно:
Худому образцу не должно подражать.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ изд. 1811 г., стр. 5, съ слѣдующуми незначительными варіантами:

Ст. 13: Тутъ воронъ поднялся и сталъ кружить надъ стадомъ (1811).
22: Тутъ поздно узналъ . . . .

Къ ст. 1—5: Орелъ . . . .
Взманило это вороненка.

Первые пять стиховъ Крылова соотвѣтствуютъ слѣдующимъ четыремъ Ла Фонтена:

L'oiseau de Jupiter enlevant un mouton,
Un corbeau, témoin de l'affaire,
Et plus faible de reins, mais non pas moins glouton,
En voulut sur l'heure autant faire.

Къ ст. 6—12: Да только думаетъ онъ такъ...
Такъ царскій, подлинно, кусочекъ подхвачу.

У Ла Фонтена воронъ, высмотрѣвъ барана, говоритъ:

Je ne sais qui fut ta nourrice;
Mais ton corps me paraît en merveilleux état:
Tu me serviras de pâture:

Къ ст. 12—19: Тутъ воронъ поднялся надъ стадомъ....
Который доброму бъ и волку былъ въ подъемъ.

У Ла Фонтена:

Il tourne à l'entour du troupeau,
Marque entre cent moutons le plus gras, le plus beau,
Un vrai mouton de sacrifice:
On l'avait réservé pour la bouche des dieux.

Къ ст. 20—32: Изладясь, на него спустился . . . .
И дѣтямъ отдали играть.

По содержанію эта часть разсказа сходна съ подлинникомъ, но значительно отличается по изложенію; у Ла Фонтена:

Sur l'animal bêlant . . . . il s'abat.
La moutonnière créature
Pesait plus qu'un fromage; outre que sa toison
Etait d'une épaisseur extrême,
Et mêlée à peu près de la même façon
Que la barbe de Polyphème.
Elle empêtra si bien les serres du corbeau,
Que le pauvre animal ne put faire retraite:
Le berger vient, le prend, l'encage bien et beau,
Le donne à ses enfants pour servir d'amusette.

Къ ст. 33—36: Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ . . . .
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ.

Ср. съ приведеннымъ выше нравоученіемъ Ла Фонтена.—По поводу этой басни Каченовскій въ своей желчной, придирчивой статьѣ о «Новыхъ басняхъ Крылова» говоритъ, что здѣсь орелъ неправильно представленъ воромъ, «потому что въ области баснословія орелъ имѣетъ не такой характеръ», и такое представленіе противорѣчитъ мнѣнію Баттё, который говоритъ: «основаніемъ басни должна быть натура или по крайней мѣрѣ *всѣми принятое мнѣніе*». Несправедливость этого замѣчанія можно доказать ужъ тѣмъ, что у Ла Фонтена, котораго наши классики почитали безукоризненнымъ, не только въ этой баснѣ орелъ представленъ воромъ, что видно изъ нравоученія, но и въ б. les deux Pigeons ему приданъ тотъ же эпитетъ: когда между коршуномъ и орломъ завязалась изъ-за голубя борьба,

Le pigeon profita du conflit «des voleurs».

Послѣдній стихъ басни Крылова: «Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ», съ малымъ измѣненіемъ въ расположеніи словъ, вошелъ во всѣ сборники пословицъ (Д. К., стр. 283, Снегиревъ, 459, Даль, 157).

Въ этой баснѣ Крыловъ возвратился къ темѣ, которую онъ довольно пространно и въ болѣе рѣзкихъ формахъ развилъ въ «Почтѣ Духовъ», ч. I, п. XII, стр. 131 и слѣд., изд. 1789 года. Вотъ этотъ разсказъ: При окончаніи разбирательства дѣла бѣдняка-художника, который, бывъ доведенъ чуть-ли не до голодной смерти невниманіемъ и невѣжествомъ своихъ соотечественниковъ, принужденъ былъ вытащить платокъ изъ кармана какого-то толстаго купца, за что приговаривался къ смертной казни, въ залу «вошелъ богато убранный господинъ; всѣ судьи предъ нимъ встали, привѣтствовали его своими поклонами и просили его сѣсть. Бѣднякъ, думая конечно, что это былъ ихъ начальникъ, бросился предъ нимъ на колѣни и просилъ о своемъ избавленіи. — Что стоитъ прощеніе сего бѣдняка? спросилъ съ гордостію богачъ. — Милостивый государь, сказалъ одинъ изъ нихъ, есть ли бы этотъ

живописецъ былъ въ состояніи заплатить 200 небольшихъ листовъ здѣшняго золота, то бы не былъ наказанъ; но онъ очень бѣденъ, и для того мы приговорили его къ висѣлицѣ; однакожъ, нѣкоторые изъ насъ, по мягкосердечію своему, присуждають отрубить ему голову, а другіе засѣчь розгами; и вотъ уже полчаса, какъ у насъ о томъ происходитъ споръ, какою смертію его наказать, но еще ни на чемъ не рѣшились.—Вотъ двѣсти листовъ, сказалъ богачъ, подавая оные, отпустите его»... Живописца выпустили и онъ пошелъ раскрашивать паркетъ въ прихожей богача. — «Кто это такой, спросилъ я у одного изъ стоящихъ близь меня, который такъ щедро выкупилъ живописца и предъ которымъ судьи такъ благоговѣютъ?—Это одинъ преступникъ, отвѣчалъ онъ мнѣ на ухо, который судится въ нѣкоторомъ похищеніи и грабительствѣ; и вотъ уже лѣтъ двадцать какъ это дѣло тянется. — Какъ, спросилъ я, и его до сихъ поръ не повѣсили! развѣ онъ похитилъ меньше, нежели золотникъ мѣди?—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, на него донесено, что онъ покралъ изъ государственной казны нѣсколько милліоновъ въ золотѣ и серебрѣ и разграбилъ цѣлую врученную ему область.—Пропадшій же онъ человѣкъ, сказалъ я; его конечно уже замучаютъ жесточайшими кознями. — Напротивъ того, отвѣчалъ онъ, онъ уже оправдался предъ правосудіемъ, и это ему стоитъ одного милліона; а чтобы оправдаться въ глазахъ народа, то онъ дѣлаетъ такіе выкупы, какимъ освобожденъ живописецъ, и вноситъ на содержаніе сиротъ не малыя суммы денегъ и черезъ то, въ мысляхъ нѣкоторыхъ людей, почитается честнымъ, сострадательнымъ и правымъ человѣкомъ»... Общій выводъ изъ всего разсказа тотъ: «кто чѣмъ болѣе крадетъ, тѣмъ онъ почтеннѣе; опасно лишь тому, кто въ семъ хранитъ умѣренность: украденное яблоко можетъ стоить головы, а милліоны золота принесутъ уваженіе». — На близкое сходство развитой здѣсь темы съ темою б. Вороненокъ указываетъ Я. К. Гротъ въ своей статьѣ «*Сатира Крылова*», Сборникъ статей, читанныхъ во 2-мъ отд. Имп. Акад. Наукъ, т. VI, стр. 121—123.

XXXVII. Подагра и Паукъ.

Заимствована изъ б. Ла Фонтена la Goutte et l'Araignée, который, по указанію Валькнэера (Fables de La Fontaine, Paris, 1841, кн. III, б. VIII), взялъ сюжетъ изъ Camerarii fabulae, 1570. Третьяковскій первый изъ русскихъ писателей перевелъ эту басню («Соч.», т. I, стр. 250) и отнесъ ее

къ числу Эзоповыхъ, что совершенно несправедливо, потому что у Эзопа вовсе нѣтъ басни такого содержанія.

Басня Крылова напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 8, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 2—6: Такъ въ баснѣ Ла Фонтенъ сказалъ—и утвердилъ.
Не мнѣ за нимъ судить, вывѣшивать и мѣрить,
На сколько правды тутъ; при томъ же ужъ кому,
Коль не ему,
Намъ въ басняхъ вѣрить (1811).
(Первый изъ приведенныхъ стиховъ измѣненъ уже въ изд. 1815 г., остальные при изд. 1830 г.)

29—31. Подалѣ отъ аптекъ, въ деревнѣ жить я рада.
А то меня хирурги, доктора
Тамъ сгонятъ съ каждаго богатаго двора (до 1830).

39—40: Но только что съ работою убрался,
По-утру щеткою все смелъ слуга долой.

вм. 43—44: Паукъ туда, сюда—гдѣ сѣть сновать ни станетъ.

72—74: .... не видались
И не мѣнялись,
Довольны участью равно.

Къ ст. 1—25: Подагру съ паукомъ самъ адъ на свѣтъ родилъ....
И трудъ, и нищета.

Этой части разсказа, исключая отступленіе, отъ 2-го до 13-го стиха, соответствуютъ слѣдующіе стихи Ла Фонтена:

Quand l'enfer eut produit la goutte et l'araignée,
Mes filles, leur dit-il, vous pouvez vous vanter
D'être pour l'humaine lignée
Egalement à redouter.
Or, avisons aux lieux qu'il vous faut habiter.
Voyez-vous ces cases étraites,
Et ces palais si grauds, si beaux, si bien dorés?
Je me suis proposé d'en faire vos retraites.

Къ ст. 26—31: Мнѣ хижинъ ни за что не надо....
Гонять изъ каждаго богатаго двора.

У Ла Фонтена:

Il n'est rien, dit l'aragne, aux cases qui me plaise.
L'autre, tout au rebours, voyant les palais pleins
De ces gens nommés médicins,
Ne crut pas y pouvoir demeurer à son aise.

Къ ст. 32—58: Такъ смолвясь братъ съ сестрой....
Избавишься отъ ней.

Въ этой части басни Крыловъ измѣнилъ порядокъ изложенія, но сохранилъ мысль подлинника, а мѣстами и способъ выраженія:

Elle (la goutte) prend l'autre lot, y plante le piquet,
S'étend à son plaisir sur l'orteil d'un pauvre homme,
Disant: Je ne crois pas qu'en ce poste je chôme,
Ni que d'en déloger et faire mon paquet
Jamais Hippocrate me somme.
L'aragne cependant se campe en un lambris,
Comme si de ces lieux elle eût fait bail à vie;
Travaille à demeurer: voilà sa toile ourdie,
Voilà des moucherons de pris.
Une servante vient balayer tout l'ouvrage.
Autre toile tissue, autre coup de balai.
Le pauvre bestion tous les jours déménage.
Enfin, après un vain essai,
Il va trouver la goutte. Elle était en campagne,
Plus malheureuse mille fois
Que la plus malheureuse aragne.
Son hôte la menait tantôt fendre du bois,
Tantôt fouir, houer: goutte bien tracassée
Est, dit-on, à demi pansée.

Къ ст. 59—77: Нѣтъ, братецъ, говоритъ она: не жизнь мнѣ въ полѣ....
И оба дѣлаютъ умно.

Эта часть басни по мысли также сходна съ оригиналомъ:

Oh! je ne saurais plus, dit-elle, y résister.
Changeons, ma soeur l'aragne. Et l'autre d'écouter:
Elle la prend au mot, se glisse en la cabane:
Point de coup de balai qui l'oblige à changer.
La goutte, d'autre part, va tout droit se loger
Chez un prélat, qu'elle condamne
A jamais du lit ne bouger.
Cataplasmes, Dieu sait! Les gens n'ont point de honte
De faire aller le mal toujours de pis en pis.
L'une et l'autre trouva de la sorte son compte,
Et fit très sagement de changer de logis.

XXXVIII. Квартетъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 12. Въ этомъ изданіи и сохранившейся рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Затѣйщица Мартышка (рукоп.)
13: Въ изд. 1830 и 1834 неправильно печаталось: *прямо* вм. *прима*.
19: Сказалъ Оселъ.... (р.).
34—36: Имъ соловей на то въ отвѣтъ:
А этого-то въ васъ и нѣтъ —
То какъ, друзья, вы ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь (р.).

О поводѣ къ сочиненію этой б. находимъ свидѣтельство въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля (т. II, стр. 151). Въ 1811 г. въ мартѣ мѣсяцѣ была открыта Бесѣда любителей русскаго слова. «На подобіе государственнаго совѣта, составленнаго изъ четырехъ департаментовъ, и Бесѣду раздѣлили на четыре разряда, также какъ у него посадили по предсѣдателю, да еще каждому дали по попечителю. Это былъ сущій вздоръ, ибо въ предметахъ занятій между разрядами не было никакого различія. Потомъ было въ каждомъ изъ нихъ по нѣсколько членовъ и по нѣсколько членовъ-сотрудниковъ, которые составляли какъ бы канцелярію Бесѣды. Вообще она имѣла болѣе видъ казеннаго мѣста, чѣмъ ученаго сословія, и даже въ распредѣленіи мѣстъ держались болѣе табели о рангахъ, чѣмъ о талантахъ».... Списокъ членовъ «украшался именемъ Крылова, какъ вечернія собранія ихъ оживлялись немного чтеніемъ его басенъ».... «Крыловъ хотя и выдалъ особу свою Бесѣдѣ, но, говорятъ, тайкомъ подсмѣивался надъ нею. Доказательствомъ тому поставляютъ вскорѣ послѣ ея открытія выданную имъ басню «Квартетъ».... Сверхъ того, баронъ М. А. Корфъ указываетъ на другой фактъ, послужившій поводомъ къ сочиненію этой басни: Послѣ преобразованія государственнаго совѣта въ 1810 году, «первыми предсѣдателями департаментовъ были: гр. Завадовскій, Мордвиновъ, кн. Лопухинъ и гр. Аракчеевъ. Извѣстно, что продолжительнымъ преніямъ о томъ, какъ ихъ разсадить и даже нѣсколькимъ послѣдовавшимъ пересадкамъ мы обязаны остроумною баснею Крылова «Квартетъ». («Жизнь гр. Сперанскаго», изд. 1861 г., т. I, стр. 118). Оба эти свидѣтельства такъ вѣроятны, что нѣтъ возможности положительно рѣшить, которому изъ нихъ должно отдать предпочтеніе.

XXXIX. Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1811 года, стр. 15, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 4: .... стѣны тамъ....
8: Съ богатствомъ легъ....
36: За этимъ стихомъ слѣдовалъ:
Совѣтовъ ихъ не оберешься.

Къ ст. 26—29: Возьми у меня щенка любаго....
Чѣмъ ихъ топить.

Измайловъ признаетъ образцомъ *простодушія* («Соч.», т. I, стр. 701).

XL. Волкъ и Волченокъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 20, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 2: Трудомъ когтей питаться (1811).
вм. 6 и 7: На счетъ сосѣдній отобѣдать.
15: Да ободрать и съѣсть.
23: И плохи, кажется, или ужъ очень смирны.

Къ ст: 33: А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры.

Ср. этотъ стихъ, выражающій основную мысль басни, съ пословицами: «Каковъ попъ, таковъ и приходъ», «Каковъ батька, таковы у него и дѣтки» и др. (Снегиревъ, «Русскія народныя пословицы и притчи», М. 1848 г., стр. 163).

XLI. Обезьяна.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 22, и перешла въ слѣдующія изданія безъ перемѣнъ.

Крыловъ не причислялъ этой б. къ разряду заимствованныхъ, но у Сумарокова находимъ притчу подъ заглавіемъ: «Пахарь и Обезьяна» (кн. VI, пр. XXXV), весьма сходную по содержанію съ «Обезьяною» Крылова. Вотъ эта притча:

Мужикъ своимъ трудомъ на свѣтѣ жить родился.
Мужикъ пахалъ, потѣлъ, мужикъ трудился,
И отъ труда
Онъ ждетъ себѣ плода.
Прохожій похвалилъ работника съ дороги.
То слыша подняла и обезьяна ноги,
И хочетъ похвалы трудами испросить,
Отъ любочестія и въ ней разжегся пламень,

Взяла великой камень,
И стала камень сей переносить
На мѣсто съ мѣста,
А камень не пирогъ, и сдѣланъ не изъ тѣста;
Такъ ежели когда носить ево хотѣть,
Конечно надлежитъ нося ево потѣть:
Потѣетъ и трудится.
Другой прохожій шелъ,
Въ трудѣ ее нашелъ,
И говоритъ: на что толикой трудъ годится?
Безумцы никогда покоя не хранятъ.
Впередъ не заманятъ
Къ трудамъ меня, она болтала:
Свой камень бросила, трудиться перестала;
И жестоко роптала,
За что хвала другимъ, за то меня бранятъ.

По всей вѣроятности, эта притча послужила источникомъ Крылову.

XLII. Совѣтъ мышей. *

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1811 года, стр. 23, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 13—14: Да впрочемъ объ умѣ мы сами часто судимъ
По бородѣ (1811).
36—37: У всѣхъ
По ней одной подымутъ насъ на смѣхъ;
Какой же съ ней въ дѣлахъ намъ будетъ и успѣхъ.
(до изд. 1825).

XLIII. Крестьянинъ и Лисица.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1811 года, стр. 29, и перешла въ послѣдующія изданія безъ перемѣнъ.

Къ ст. 20—21: При томъ же иногда, голубчикъ мой....
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ.

* У Ла Фонтена есть басня Conseil tenu par les Rats (кн. II, б. 11), которую перевелъ гр. Хвостовъ, подъ заглавіемъ «Совѣтъ мышей» (кн. I, б. 28); но она ничего не имѣетъ общаго съ этой б. Крылова.

У Измайлова они приводятся, какъ образецъ удачнаго *размышленія*. «Соч.» т. II, стр. 668).

Къ ст. 43—47: Въ комъ есть и совѣсть и законъ....
Онъ воровать не перестанетъ,

Эти стихи, составляющіе выводъ изъ басни, суть ничто иное, какъ распространеніе народной пословицы: «Дай вору хоть золотую гору — воровать не перестанетъ» (прибавляется: а честнаго хоть засыпь золотомъ не украдетъ) («Пословицы русскаго народа», В. Даля, стр. 158). Впрочемъ, очень можетъ быть, что въ настоящемъ случаѣ не Крыловъ заимствовалъ у народа, а его мысль изъ басни перешла въ народъ и приняла форму пословицы, первая половина которой у него уже была готова въ пословицѣ: «Дай вору золотую гору—и ту промотаетъ» (Снегиревъ, «Русск. нар. посл. и притчи», М. 1848 г., стр. 82).

XLIV. Воспитаніе Льва.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 31, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 16—17: А ложь въ устахъ царя гнусна,
И долженъ слово царь хранить ненарушимо;
Итакъ лисицу мимо.
— А слово царское быть должно нерушимо:
Царю и царству ложь въ устахъ царя вредна;
Итакъ лисицу мимо.
(Экземпляръ изд. 1819 г., принадлежащій имп. публ. библіотекѣ).

24: Что кротъ неутомимъ на малыя дѣла.
66: И такъ я съ радостью тебѣ правленье сдамъ.
73: Какой гдѣ птицѣ водъ (1811).
— Какой гдѣ *птицы* болѣ водъ (во всѣхъ изд. до 1843).
87—90: Что пользы мало въ томъ, или и вовсе нѣтъ,
Чтобъ знать, кто какъ у птицъ живетъ,
Тому, кого звѣрьми владѣть зоветъ природа;
И что главнѣйшая наука *и проч.* (во всѣхъ изд. до 1830).
— Что львенокъ не тому, что надобно, учился
Что онъ о птицахъ лишь твердитъ,
Едва ли вѣдая, въ чемъ состоитъ
Звѣриный бытъ.
Хоть царствовать звѣрьми владѣть (sic) зоветъ его природа*

* Этотъ и слѣдующій стихъ приводимъ, какъ они напечатаны въ изд. 1834 года; ясно, что въ обоихъ вкрались важныя ошибки.

*

И что главнѣйшей нѣтъ науки въ немъ царей;
Знать пользы своего народа *и проч.* (изд. 1834).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой баснѣ (которая, подобно многимъ другимъ, могла быть написана раньше 1811 г.), Крыловъ намекаетъ на неправильное воспитаніе имп. Александра. Вотъ что говоритъ объ этомъ Вигель, вообще относящійся враждебно къ эпохѣ преобразованій и главнымъ ея представителямъ, слѣдовательно, выражающій не столько личное свое мнѣніе, сколько мнѣніе всѣхъ тогдашнихъ консерваторовъ: «Его (Александра) воспитаніе было одною изъ великихъ ошибокъ Екатерины; образованіе его ума поручила она Женевцу Лагарпу, который, оставляя Россію, столь же мало зналъ ее, какъ въ день своего пріѣзда, и который карманную республику свою поставилъ образцомъ будущему Самодержцу величайшей имперіи въ мірѣ. Идеями, которыя едва могутъ развиться и созрѣть въ головѣ двадцатилѣтняго юноши, начинили мозгъ ребенка.... Но не разжевавши ихъ, можно сказать, не переваривши ихъ, призвалъ онъ ихъ себѣ на память въ тотъ день, въ который началъ царствовать» («Воспоминанія», ч. II, ст. 11, рукоп. имп. публ. библ.). «Утверждаютъ, что въ это время (*т. е. въ началѣ царствованія*) благонамѣренный, но неопытный царь, подстрекаемый письмами изъ Женевы (кои послѣ имѣлъ я случай писать и даже переписывать), хотѣлъ безъ всякаго приготовленія, однимъ махомъ издать для Россіи какую-то конституцію». (Тамъ же, стр. 27). Понятно, что такіе слухи, будь они даже неосновательные, должны были самымъ непріятнымъ образомъ поразить людей, воспитавшихся и развившихся въ царствованіе имп. Екатерины, смотрѣвшихъ на всякое измѣненіе въ ея учрежденіяхъ, какъ на святотатство.

Со львенкомъ Крылова Вигель сравниваетъ гр. Виктора Павловича Кочубея: «передъ соотечественниками было чѣмъ ему блеснуть: онъ лучше другихъ зналъ составъ парламента (англійскаго), права его членовъ, прочиталъ всѣхъ англійскихъ публицистовъ и, какъ львенокъ крыловой басни, учить собирался звѣрей вить гнѣзда». (Тамъ же, стр. 7).

Мнѣніе Плетнева объ этой б. см. въ примѣч. къ б. «Бочка».

У Флоріана есть басня подъ заглавіемъ: l'Education du Lion (кн. II, б. XV), переведенная Дмитріевымъ (кн. III, б. I); но ни по содержанію, ни по цѣли эти басни не имѣютъ между собою ничего общаго.

XLV. Свинья.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1811 года, стр. 41, и перешла въ послѣдующія изданія безъ перемѣнъ.

По поводу этой б. Каченовскій, вѣроятно, принявшій ее на свой счетъ, писалъ слѣдующее: «Собраніе сихъ «Новыхъ Басенъ» заключается престраннымъ сочиненіемъ, которое ниже всего того, что ни есть самаго отвратительнаго въ басняхъ Сумарокова. Піитъ есть художникъ: онъ долженъ искать образцовъ своихъ въ изящной природѣ, долженъ творить идеалы прекрасные и благородные, а не заражать своего воображенія смрадомъ запачканныхъ нелѣпостей. Вотъ чудовище, поставленное на ряду съ баснями!» (Здѣсь выписана басня до 11-го стиха). «Достопамятный пастухъ сей, повидимому, не разумѣетъ, что «бисеръ» и «жемчугъ» точь въ точь одно и тоже *. Дѣло въ томъ, что хавронья, бывши на барскомъ дворѣ, видѣла

Все только лишь навозъ и соръ.

Да что же, спросятъ, изъ всей этой кучи сору и навоза? А вотъ что: Стихотворцу вздумалось уподобить критика,

Который, что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно дурное видѣть.

Но что же другое можетъ увидѣть критикъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, а именно, напримѣръ, въ этой хавроньиной исторіи? Иной подумаетъ, что стихотворецъ предпринялъ такой странный подвигъ единственно для того, чтобы испугать критиковъ; но, кажется, онъ не имѣлъ въ этомъ никакой нужды. («Вѣстникъ Европы», 1812 г., № 4, стр. 310).

Къ ст. 5—6: Изъ гостей домой,
Пришла свинья—свиньей.

У Измайлова эти стихи указаны, какъ образецъ забавнаго, состоящаго «въ названіи животныхъ общими ихъ именами, которыя часто у насъ въ разговорѣ даются людямъ» (Соч.» т. II, стр. 691).

---

* Это замѣчаніе критика не совсѣмъ справедливо: въ церковно-слав. языкѣ слово «бисеръ», дѣйствительно, означало жемчугъ (μαργαρίτη) (*Слов. Церк.-слав. яз.* А. Востокова); но въ русскомъ языкѣ «бисеръ» и «жемчугъ» означаютъ двѣ совершенно различныя вещи: «бисеромъ» называются стеклянные разноцвѣтные шарики, употребляемые для низанія; «жемчугомъ» самородные шарики, образующіеся въ раковинахъ (*Словарь Акад. Наукъ* и *Словарь Велик.-Русск. яз.* В. Даля).

1812.

XLVI. Червонецъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», кн. V, стр. 55 съ незначительною перемѣною въ одномъ стихѣ:

Ст. 20: Червонецъ былъ измаранъ.... (Ч. въ Б.).

Къ ст. 1—2: Измайловъ приводитъ эти два стиха въ подтвержденіе правила, что «повѣствованіе бываетъ весьма естественно и пріятно, когда въ продолженіе онаго сочинитель обращается къ своимъ читателямъ, или слушателямъ съ вопросами и самъ себѣ на нихъ отвѣчаетъ». («Соч.» т. II, стр. 683).

Басня эта, конечно, имѣетъ значеніе добраго совѣта тѣмъ лицамъ, которыя направляли общественное образованіе въ первую половину царствованія Александра I. Уже въ первые четыре года этого царствованія было много сдѣлано по министерству народнаго просвѣщенія: «составлено положеніе объ устройствѣ учебныхъ заведеній на всемъ пространствѣ Россійской имперіи, преобразованы три и вновь учреждены два университета, основаны три высшихъ училища, 26 гимназій и 80 уѣздныхъ училищъ.... Наконецъ, что всего важнѣе, проявилась во всѣхъ сословіяхъ русскаго народа жажда къ образованію, залогъ будущихъ успѣховъ: богатые приносили обильныя жертвы; прочіе возлагали съ усердіемъ лепту свою на алтарь народнаго просвѣщенія» («Первая эпоха преобразованій имп. Александра I», ст. Богдановича, «Вѣстникъ Европы» 1866 г., т. II, стр. 163). Мѣры, принятыя правительствомъ, были такъ дѣйствительны и прочны, что съ 1800 по 1812 г. открыто было слишкомъ 300 разнаго рода учебныхъ заведеній. Даже въ тягостную эпоху 1812 г. дѣйствіе этихъ мѣръ не прекращалось: въ этомъ году было открыто 51 училище. С.-Петербургскія и Московскія вѣдомости наполнены свѣдѣніями о происшествіяхъ этого рода. Съ какимъ энтузіазмомъ всѣ сословія ока-

зывали содѣйствіе благимъ начинаніямъ правительства, видно изъ того, что предположеніе объ устройствѣ университетовъ и училищъ вызвало повсемѣстныя пожертвованія — даже крестьяне участвовали въ нихъ. (См. «Матеріалы для ист. просв. въ Россіи», собр. П. Кеппеномъ, № 3, 1827 г., ст. Л. К. Якоба, стр. 16). Должно помнить, что такое настроеніе русскаго общества совпало со временемъ наибольшаго вліянія иностранцевъ и преимущественно французовъ, противъ чего Крыловъ уже не разъ высказывался и прежде. Естественно, что эти люди, за которыми обычай утвердилъ славу отличныхъ педагоговъ, заняли вліятельнѣйшія мѣста во всѣхъ вновь учрежденныхъ училищахъ. Проистекшее отъ того зло замѣчено было еще ранѣе правительственными лицами, и вызвало противодѣйствіе съ ихъ стороны. «Въ отечествѣ нашемъ давно простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое», пишетъ министръ народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскій, въ докладѣ своемъ, 1811 г. Мая 25. «Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстію занятыхъ, презирающихъ все не иностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу, воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, не можно безъ прискорбія взирать на зло толь глубоко въ ономъ внѣдрившееся. Поставленъ будучи бодрствовать надъ воспитаніемъ согражданъ своихъ, священнымъ чту долгомъ изыскивать всѣ способы къ содѣянію ихъ истинными сынами отечества». Но, говоритъ онъ, не отъ него зависитъ переломить духъ своихъ согражданъ и внушить имъ духъ счастливаго недовѣрія къ иностранцамъ; онъ полагаетъ, что вліяніе государя и примѣръ правительства, быть можетъ, благодѣтельно подѣйствуютъ на общество. «Всѣ почти пансіоны въ имперіи», продолжаетъ онъ, «содержатся иностранцами, которые рѣдко бываютъ съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ, для нихъ чуждой, они юнымъ россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянъ образуютъ иностранца. Сего недовольно: и для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ же, что усугубляетъ вредъ, воспитаніемъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго». За тѣмъ предлагаются мѣры если не къ совершенному уничтоженію, то по крайней мѣрѣ къ уменьшенію господствующаго зла. (См. «Полное собраніе законовъ», т. XXXI, № 24647). Этотъ докладъ, вполнѣ знакомящій съ характеромъ народнаго образованія, въ тоже время разрѣшаетъ вопросъ: что вызвало басню «Червонецъ»?

Г. Галаховъ также высказываетъ мнѣніе, что здѣсь разумѣется «давно извѣстная намъ наружно-европейская образованность, пріобрѣтенная русскими въ ущербъ ихъ народному и чело-

вѣческому достоинству», и что «Крыловъ имѣлъ полное право отвергнуть это мнимое и вредное просвѣщеніе: образъ его мыслей раздѣляли съ нимъ всѣ благонамѣренные люди» (Ист. Рус. Слов., т. II, стр. 310).

Мнѣніе объ этой б. Плетнева см. въ примѣчаніи къ б. «Огородникъ и Философъ».

XLVII. Орелъ и паукъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», кн. V, стр. 57, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 29: Нѣтъ, на это я бы не рѣшился (Ч. въ Б.).
34: И такъ, прошу не величаться.
44: Чтобъ ихъ опять на нихъ снести и съ паутиной.

Отъ нѣкоторыхъ лицъ, въ томъ числѣ и отъ покойнаго Н. И. Греча, мы слышали, будто Крыловъ въ этой исторіи паука изобразилъ судьбу Сперанскаго. Хотя такое объясненіе значенія басни и весьма правдоподобно, несмотря на черезъ-чуръ рѣзкую характеристику паука, которая можетъ быть объяснена ненавистію, внушенною Сперанскимъ консервативной партіи *; однако нельзя принять его безусловно: въ баснѣ паденіе возгордившагося паука представлено уже совершившимся, почему должно было бы предположить, что она написана уже послѣ ссылки Сперанскаго; между тѣмъ она одобрена цензурою слишкомъ за три мѣсяца до этого событія (17-го ноября 1811 г.). Остается допустить, что Крыловъ предугадалъ судьбу этого замѣчательнаго человѣка, ко-

* Какъ сильно было это чувство, видно изъ слѣдующаго разсказа Вигеля: «Первая важная вѣсть, которую получили мы въ концѣ марта, была о неожиданныхъ отставкѣ и ссылкѣ Сперанскаго; но эта вѣсть громко разнеслась по всей Россіи. Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвести такую всеобщую радость. А это былъ человѣкъ, который никого не оскорбилъ обиднымъ словомъ, который никогда не искалъ погибели ни единаго изъ многочисленныхъ личныхъ враговъ своихъ, который, мало показываясь, въ продолженіи многихъ лѣтъ трудился въ тиши кабинета своего. Но на кабинетъ сей смотрѣли всѣ, какъ на пандоринъ ящикъ, наполненный бѣдствіями, готовыми излетѣть и покрыть собою все наше отечество. Всѣ были увѣрены, что неоспоримыя доказательства въ его виновности открыли, наконецъ, глаза обманутому государю; только дивились милосердію его и роптали. Какъ можно было не казнить преступника, государственнаго измѣнника, предателя, и довольствоваться удаленіемъ его изъ столицы и устраненіемъ отъ дѣлъ! Не менѣе того сію мѣру, слишкомъ строгую, если человѣкъ былъ безвиненъ, торжествовали, какъ первую побѣду надъ французами».... («Воспоминанія», ч. IV, стр. 21, 22).

торый своимъ быстрымъ возвышеніемъ возбуждалъ зависть, а реформами—ненависть и злобу.

Г. Галаховъ (Ист. Русск. Слов., т. II, стр. 322—323) совершенно отвергаетъ объясненіе Греча. Къ сожалѣнію, почтенный авторъ придалъ нашимъ словамъ не совсѣмъ то значеніе, которое надлежало: мы сами не соглашаемся съ Гречемъ, но приводимъ его объясненіе, надо замѣтить, весьма распространенное, лишь съ тою цѣлью, чтобы показать его несостоятельность. Въ такомъ именно смыслѣ принято наше примѣчаніе Я. К. Гротомъ, который присовокупляетъ, что «происхожденіе этого преданія можно, кажется, объяснить тѣмъ, что Сперанскаго въ образѣ паука представлялъ тогда другой писатель, также сочинявшій басни въ ту эпоху, которыя, по всей вѣроятности, были извѣстны многимъ современникамъ. Это былъ Державинъ; у него паукъ является съ этимъ значеніемъ въ двухъ басняхъ: «*Выборъ министра*» и «*Цвѣтъ и Паукъ*» (Соч. Державина, изд. Акад. Наукъ, т. III, стр. 561 и 563).

Г. Флери находитъ прототипъ этой басни въ стихотвореніи Экушаръ-Лебрена:

Moyen sûr de parvenir.

Un chêne était sur la cime hautaine
Du mont Ida, roi des monts d'alentour;
Un aigle était sur la cime du chêne;
Près de l'Olympe il y tenait sa cour.
A l'improviste apparait un beau jeur
Maître escargot, fier d'être au milieu d'elle.
Des courtisans l'oeil ne se croit fidèle.
L'un d'eux loi dit: Me serais-je trompé?
Insecte vil, toi qui n'eus jamais d'aile,
Comment vins-tu jusqu'ici?—J'ai rampé.

Намъ кажется, что, несмотря на это, впрочемъ весьма отдаленное сходство положенія дѣйствующихъ лицъ, басню Крылова по обработкѣ сюжета и выводу слѣдуетъ признать оригинальною.

XLVIII. Ручей.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», кн. V, стр. 59; рукопись и первая печатная редакція заключаютъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5—6: Несытая рѣка! ручей журчитъ сердито,
Услыша пастуха.... (Ч. въ Б.).
— .... ручей ворчитъ.... (рукоп.).

7: Подобно было, какъ мое (р.).
9: И видѣли бъ.... (р.).
12: И въ пропастяхъ.... (р.).
14—16: Дала судьба такія воды,
Я бъ, украшеньемъ ставъ природы,
И курицѣ не сдѣлалъ зла (р.).
18: У каждой хижинки, вкругъ каждаго кусточка (Ч. въ Б.).
22—23: И дѣлая всѣмъ одно добро
И не причиня.... (р.).
37. Недавно онъ пенялъ.... (Ч. въ Б.).

По поводу этой басни Лобановъ замѣчаетъ: «Иванъ Андреевичъ по какой-то особенной причинѣ преимущественно любилъ свою басню «Ручей». Правда, изобрѣтеніе ея обличаетъ глубокаго мудреца, а исполненіе, плавность стиховъ, чистота языка — великаго художника, и, кажется, она создана болѣе сердцемъ, нежели умомъ. Наблюдая человѣка и заглядывая въ исторію, авторъ видѣлъ, какъ трудно людямъ при возрастающемъ ихъ могуществѣ удержаться въ прежнихъ своихъ границахъ любви и умѣренности; что они, большею частію, по какому-то неизъяснимому дѣйствію ихъ страстей, не могутъ устоять ни въ прежнихъ своихъ правилахъ, ни въ прежнихъ своихъ добродѣтельныхъ наклонностяхъ. Нашъ авторъ излагаетъ и оплакиваетъ эту печальную истину».... («Жизнь и соч. И. А. Крылова, стр. 53).

XLIX. Лжецъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», кн. V, стр. 61.

По мнѣнію г. Галахова, эта б. есть подражаніе Геллерту, басня котораго der Bauer und sein Sohn, заимствованная у нѣмецкаго баснописца XVI в. Вильдиса, переведена была на французскій языкъ Эмберомъ (Imbert, ум. въ 1790 г.). подъ заглавіемъ: le Paysan et son Fils. У послѣдняго, вѣроятно, заимствовалъ Сумароковъ свою притчу «Хвастунъ», (кн. IV, притча XXIX) *, которая по основной мысли и по

* У него есть еще одна притча, по идеѣ сходная со «Лжецомъ« Крылова: «Господинъ-Лжецъ». Вотъ ея содержаніе: Господинъ, одержимый страстью лгать, приказалъ своему слугѣ, стоявшему обыкновенно за его стуломъ, толкать его, когда онъ, забывшись, солжетъ. Однажды господинъ сталъ разсказывать о видѣнномъ имъ капищѣ, которое было длиною въ пять верстъ. Тутъ слуга толкнулъ его:

Господинъ зданіе гораздо уменьшаетъ:
А шириной, сказалъ, то капище на перстъ.

складу равно близка и къ б. Геллерта, и къ б. Эмбера. Очень вѣроятно, что передѣлка русскаго притчетворца послужила источникомъ Крылову.—Всѣ эти три басни приводимъ въ приложеніи.

У Хемницера есть также басня «Лжецъ»; хотя по общей мысли она сходна съ упомянутыми выше, но въ подробностяхъ значительно отъ нихъ отличается.

Въ сохранившейся рукописи и въ изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Съ пріятелемъ своимъ гуляя въ полѣ (р.).
15: И круглый божій годъ какъ будто майскій день.
17: А посмотри-ка ты . . . .
22—23: Ну, что жъ диковинки, пріятель отвѣчалъ:
На сей землѣ чудесъ разсѣяно повсюду (Ч. въ Б.).
— Что за диковинка, пріятель отвѣчалъ:
На сей землѣ чудесъ разсѣяно повсюду (рук. и изд. до 1819 г.).
29: . . . . Онъ, кажется, и простъ.
30: А свойство странное имѣетъ (р.).
32: Въ Чт. въ Бесѣдѣ л. р. сл. этого стиха нѣтъ.
— До половины лишь дойдетъ (р.).
39: Хоть съ гору огурца мы здѣсь и не найдемъ.
42: Смотри, пожалуй! вѣрить трудно.
49: Не скрою, огурецъ . . . .
61: Что лжецъ . . . .

О происшествіи, подавшемъ Крылову поводъ къ сочиненію этой басни, намъ случилось слышать отъ разныхъ лицъ весьма разнообразные разсказы; но всѣ они сводятся къ тому, что какой-то провинціалъ, пріѣхавшій въ Петербургъ, непомѣрно преувеличивалъ ростъ, по словамъ однихъ, барановъ, водившихся на его родинѣ, по словамъ другихъ, стерлядей, арбузовъ, и т. п. Кажется, что Лобановъ точнѣе всѣхъ передаетъ этотъ фактъ. Вотъ что онъ разсказываетъ: «Въ англійскомъ клубѣ, въ этомъ разнообразномъ и многолюдномъ обществѣ, онъ (Крыловъ) любилъ наблюдать людей, и иногда не могъ удержаться отъ сатирическихъ своихъ замѣчаній и отвѣтовъ. Однажды пріѣзжій помѣщикъ, любившій прилыгать, разсказывая о стерлядяхъ, которыя ловятся на Волгѣ, неосторожно увеличивалъ ихъ длину.—«Разъ», сказалъ онъ, «передъ самымъ моимъ домомъ, мои люди вытащили стерлядь. Вы не повѣрите,—но увѣряю васъ, длина ея вотъ отсюда . . . . до . . . .» Помѣщикъ, не договоря своей фразы, протянулъ руку съ одного конца длиннаго стола по направленію къ другому, про-

тивоположному концу, гдѣ сидѣлъ Иванъ Андреевичъ. Тогда Иванъ Андреевичъ, хватаясь за стулъ, сказалъ: «Позвольте, я отодвинусь, чтобъ пропустить вашу стерлядь».

Къ ст. 18—19: Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ.
Ахъ, мой Творецъ!

Измайловъ указываетъ на эти стихи, какъ на образецъ «естественности въ выборѣ выраженій въ разговорѣ» («Соч.», т. II, стр. 683).

Первый изъ вышеприведенныхъ стиховъ обратился въ народную поговорку: «Хорошо сказывать сказку про римскій огурецъ (Даль, 260).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Der Bauer und sein Sohn.

(Геллерта.)

Ein guter dummer Bauernknabe,
Den Junker Hans einst mit auf Reisen nahm
Und der, trotz seinem Herrn, mit einer guten Gabe,
Recht dreist zu lügen, wieder kam,
Ging, kurz nach der vollbrachten Reise,
Mit seinem Vater über Land.
Fritz, der im Gehn recht Zeit zum Lügen fand,
Log auf die unverschämtste Weise.
Zu seinem Uuglück kam ein grosser Hund gerannt.
Ja, Vater, rief der unverschämte Knabe,
Ihr mögt mir's glauben oder nicht,
So sag' ich's euch und jedem in's Gesicht,
Dass ich einst einen Hund bei—Haag gesehen habe,
Hart an dem Weg, wo man nach Frankreich fährt,
Der—ja ich bin nicht ehrenwerth,
Wenn er nicht grösser war, als euer grösstes Pferd.
Das, sprach der Vater, nimmt mich Wunder;
Wiewohl ein jeder Ort lässt Wunderdinge sehn.
Wir, zum Exempel, gehn jetzunter,
Und werden keine Stunde gehn,
So wirst du eine Brücke sehn,
(Wir müssen selbst darüber gehn),
Die hat dir manchen schon betrogen:
(Denn überhaupt soll's dort nicht gar zu richtig sein).
Auf dieser Brücke liegt ein Stein,
An den stösst man, wenn man denselben Tag gelogen,
Und fällt, und bricht sogleich das Bein.

Der Bub' erschrack, sobald er dies vernommen,
Ach! sprach er, lauft doch nicht so sehr!
Doch wieder auf den Hund zu kommen,
Wie gross sagt' ich, dass er gewesen wär?
Wie euer grosses Pferd? Dazu will viel gehören.
Der Hund, jetzt fällt mir's ein, war erst ein halbes Jahr,
Allein das wollt' ich wohl beschwören,
Dass er so gross, als mancher Ochse, war.
Sie gingen noch ein gutes Stücke;
Doch Fritzen schlug das Herz. Wie konnt' es anders sein?
Denn Niemand bricht doch gern ein Bein.
Er sah nunmehr die richterische Brücke,
Und fühlte schon den Beinbruch halb.
Ja, Vater, fing er an, der Hund, von dem ich redte,
War gross, und wenn ich ihn auch was vergrössert hätte,
So war er doch viel grösser als ain Kalb.
Die Brücke kömmt, Fritz! Fritz! wie wird dir's gehen!
Der Vater geht voran; doch Fritz hält ihn geschwind.
Ach, Vater! spricht er, seid kein Kind,
Und glaubt, dass ich dergleichen Hund gesehen.
Denn kurz und gut, eh' wir darüber gehen,
Der Hund war nur so gross, wie alle Hunde sind.
Du musst es nicht gleich übel nehmen,
Wenn hie und da ein Geck zu lügen sich erkühnt.
Lüg' auch, und mehr als er, und such' ihn zu beschämen:
So machst du dich um ihn und um die Welt vardient.

II.

Le Paysan et son Fils.

(Эмбера.)

Qui vient de loin peut mentir, c'est l'usage:
Grand voyageur
Et grand menteur
Marchent ensemble. En mon dernier voyage,
Vous dira-t-il, j'ai vu, vu de mes yeux:
Eh! qu'opposer à pareil témoignage?
Si l'on dispute, aussitôt sur les lieux
Il vous renvoie. —
Un enfant de village
Epais de corps et d'esprit davantage,
Lucas usait des droits du vayageur.
Une fois en sa vie, aux gages du seigneur,
Il avait fait un court pélérinage:
C'était assez. A peine un jouvenceau

A-t-il perdu de vue et le natal rivage,
Et le clocher de son hameau,
Qu'il se croit un grand personnage.
De retour chez son père, il avait toujours prêt
Un vieux conte qu'il habillait
Du titre de nouvelle histoire.
Un jour surtout en allant en foire
Il ne tarissait plus: chaque nouvel objet
Avertissait sa fertile mémoire
Tout allait bien, lorsqu' à deux pas,
Passe un grand chien. Tenez, mon père,
S'écria-t-il, vous ne m'en croirez pas,
Rien n'est pourtant plus vrai: je suis sincère:
J'ai vu dans mon voyage un chien...
Chut! attendez, c'était tout près de Rome....
Sur le chemin de Paris.—Soit! eh bien?—
Et bien donc! ce chien-là, je veux être un vaurien,
S'il n'était pas plus grand qu'un grand cheval de somme. —
Diable! quel chien! il m'étonne en effet;
J'en crois à peine mes oreilles,
Dit le vieillard; au reste chacun sait
Que tout pays a ses merveilles.
Nous, par exemple, en peu de temps,
Nous allons trouver sur la route
Un pont funeste à bien des gens:
Pour le passer, quelquefois il en coûte!
On croit que c'est un sort. Tu vas le voir mon fils;
Nous devons y passer. Or voici le mystère:
Celui qui dans le jour a dit en quelque affaire
Un seul mensonge, un rien, une misère,
Crac, sur ce maudit pont, quelque soin qu'il ait pris,
Heurte contre un pavé, tombe, et le pauvre hère,
Avec un bras cassé, s'en retourne au — logis. —
Le drôle, à ce récit, se trouble, délibère;
Eh! comme vous courez, dit-il.... le pont n'est rien....
Mais pour revenir à ce chien.
Combien vous ai-je dit qu'il était grand, mon père?
—Comme un cheval.—Ah, c'est trop, j'exagère.
A présent donc, je m'en souviens;
Il n'avait que six mois; mais je jurerais bien
Qu'il était aussi grand au moins qu'une genisse.
Cependant on avance, et le pauvre Lucas
Rêvant au bras cassé, chancèle à chaque pas,
Et semble marcher au supplice.
Bientôt il voit un pont sur un fable ruisseau;
Il regarde son bras, veut avancer, et n'ose:
Ah! mon père, avouez que ce chien était beau,
Et grand surtout, car je suppose

Que j'aie encore outré la chose,
Il était bien au moins de la hauteur d'un veau.
Enfin tous deux au pont arrivent en silence.
Et bien! Lucas, pauvre Lucas!
Comment sortir d'un aussi mauvais pas?
Le père le premier s'élance:
Mais Lucas le retient. Oh ça! de bonne foi,
Mon père, vous sentez, je crois,
Que je n'ai jamais vu de tels chiens en ma vie:
Car s'il faut dire vrai, là-bas, dans la prairie,
Vous en avez pu voir un grand comme cela.
Eh bien! le mien, je le parie,
Etait tout fustement de cette grandeur-là.

(Recueil des meilleurs contes en vers. A Genève MDCCLXXIV.)

III.

Хвастунъ.

(Сумарокова.)

Шелъ нѣкто городомъ, но града не былъ житель;
Изъ дальныхъ былъ онъ странъ,
И лгать ему талантъ привычкою былъ данъ.
За нимъ ево служитель,
Слуга наемной былъ и города сево,
Не изъ отечества ево.
Вѣщаетъ господинъ ему вѣщанья новы,
И говоритъ ему: въ моей землѣ коровы
Не мѣняе слоновъ.
Слуга ему плететъ и самъ расказенъ ковъ:
Я чаю, пуда въ три такой коровы вымя;
Слонихой лутче бы ей было дати имя.
Я думаю, у ней одинъ полпуда хвостъ;
А мы имѣемъ мостъ,
Къ нему теперь подходимъ;
По всякій день на немъ диковинку находимъ.
Когда взойдетъ на середину,
Кто въ оной день солжетъ, мостъ тотчасъ разойдется,
Лишъ только лжецъ найдется;
А лжецъ падетъ во глубину.
Проѣзжій говоритъ: коровы то съ верблюда,
А то бы очень былъ великъ коровій хвостъ.
Слоновьева звѣна не врютишь на три блюда:
А ты скажи еще, каковъ бишь вашъ-атъ мостъ?
А мостъ-атъ нашъ таковъ, какъ я сказалъ, конечно.

Такой имѣти мостъ,
Мой другъ, безчеловѣчно.
Коровы то у насъ
Поболѣ, какъ у васъ:
А мостъ-атъ нашъ каковъ? Сказалъ уже я ето;
У насъ же и зимой рѣкамъ вѣсна и лѣто:
Мосты всегда потребны по рѣкамъ.
Коровы то и здѣсь такіяжъ какъ и тамъ;
Мнѣ только на етотъ часъ ложно показалось,
И отъ тово то все неловко и сказалось;
А мостъ-атъ нашъ каковъ?
Какъ я сказалъ, таковъ.
Проѣзжій говорилъ: коль ето безъ обману,
Такъ я черезъ рѣку у васъ ходить не стану.

L. Котъ и Поваръ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 8, стр. 67, и безъ перемѣнъ перепечатана въ слѣдующихъ изданіяхъ.

8-е Чтеніе въ Бесѣдѣ вышло въ свѣтъ въ 1813 году; но разумѣется, оно было раньше 11-го и 13-го, явившихся также въ этомъ году; 8-е Чтеніе одобрено цензурою 16 августа 1812 г., а потому эта басня и помѣщенная съ нею рядомъ б. «Раздѣлъ» отнесены къ 1812 году.

LI. Раздѣлъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 8, стр. 69 (см. примѣч. къ б. «Котъ и Поваръ»), съ слѣдующими незначительными варіантами.

Ст. 11: А нашъ раздѣлъ . . . . (Ч. въ Б.).
17: Да какъ, когда . . .

Соображая содержаніе и особенно заключеніе этой басни съ событіями, современными ея сочиненію, не трудно видѣть, что рѣчь идетъ о неумѣстномъ проявленіи эгоистическихъ стремленій во время нашествія Наполеона. Но какіе именно факты и лица

вызвали это нравоученіе, мы не знаемъ: исторія говоритъ только о проявленіяхъ высокаго патріотизма и самоотверженія, умалчивая о мелочныхъ, себя любивыхъ разсчетахъ; а что они и тутъ обнаружились, доказательствомъ тому служитъ слѣдующій рѣзкій, желчный и, конечно, преувеличенный отзывъ о дворянствѣ неизвѣстнаго лица, назвавшаго себя «Ротмистромъ дипломатомъ», въ письмѣ также къ неизвѣстному лицу: «Въ годину испытанія, т. е. 1812 года, не покрыло ли оно (дворянство) себя всѣми красками чудовищнѣйшаго корыстолюбія и безчеловѣчія, расхищая, какъ и теперь, все, что расхитить можно было, даже одежду, даже пищу, и ратниковъ, и рекрутъ, и плѣнныхъ,—не смотря на прославленный газетами патріотизмъ, котораго дѣйствительно не было ни искры, что бы ни говорили о нѣкоторыхъ утѣшительныхъ исключеніяхъ?!» («Изъ записокъ о времени Императора Александра I», «Вѣстникъ Европы», т. II, 1867 г. стр. 197.) Сергѣй Никол. Глинка тоже упоминаетъ о такого рода проявленіяхъ и приводитъ въ доказательство фактъ: «при позднемъ вооруженіи ополченія пошли мѣстническія передряги. Московскій ратническій комитетъ подчинили петербургскому ратническому комитету, состоявшему подъ предсѣдательствомъ графа Аракчеева, Балашова и Шишкова. Графъ Ростопчинъ въ порывѣ досады сказалъ: «Государь далъ мнѣ эполеты съ бриліантовымъ своимъ вензелемъ, говорилъ, что я его на плечахъ ношу. А теперь отдаетъ меня въ батраки къ Аракчееву». И потому бросилъ ратническій комитетъ». («Изъ записокъ Серг. Никол. Глинки», «Русскій Вѣстникъ», за май, 1866 года, стр. 214.)

LII. Волкъ на Псарнѣ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества» 1812 г., октябрь, № 2, стр. 60. Приводимъ варіанты по тремъ сохранившимся рукописямъ:

Ст. 3: Встревожился вдругъ.... (2 и 3 ред.).
4: Почуявши сѣдаго забіяку.... (2 р.).
— Почуявъ сѣраго и *проч.* (С. От.).
5: Псы взвыли по клѣтямъ.... (2 и ред.).
6: Псари кричатъ: ребята, воръ (2 и ред.).
7: Во 2-й и 3-й редакціи этого стиха нѣтъ.
8: И словомъ, псарня.... (2 ред.).
3—8: Туда *былъ доступъ* не мудренъ;
Да только *какъ-то выйдетъ* вонъ? *

* Словъ, означенныхъ курсивомъ въ рукописи Крылова недостаетъ; они вписаны карандашемъ рукою Лобанова.

Поднялся лай и вой, и псарный дворъ сталъ адомъ (1-я ред.).

9: Бѣгутъ псари.... (1 ред.).

11: Огня, огня! кричатъ.... (1 и 3 ред.).
— Кричатъ: огня!... (2 ред.).

12: Сидитъ мой волкъ, прижавшись къ углу задомъ (1 ред.).

13—22: И видитъ наконецъ,
Пришлось ему расчесться за овецъ;
Однакожъ думаетъ хитрецъ:
Дай, попытаюся вступить въ переговоры.
И началъ.... (1 ред.).
— И видитъ онъ, что наконецъ
Пришло ему расчесться за овецъ;
Однакоже хитрецъ
Вступилъ въ переговоры,
Какъ добрый дипломатъ.
И началъ.... (2 ред.).

19: .... Друзья! напрасно весь этотъ шумъ (1 и 3 ред.).

23, Уставимъ общій ладъ (1 ред. вм. цѣлаго стиха).
— Забудемъ старое.... (3 ред.).

25: Но самъ за нихъ со всѣми драться радъ (1 ред.).

26—34: Довольны-ль вы?... Прекрасно!
Тутъ ловчій отвѣчалъ: «Послушай-ка, мой свѣтъ!
Ты сѣръ— я сѣдъ,
Такъ обмануть тебѣ меня не слѣдъ,
И, вѣрь, трудишься ты напрасно». (1 ред.).
— И клятвою.... (3 ред.; далѣе нельзя разобрать).

27: «Послушай-ка», тутъ ловчій перервалъ:
«Ты сѣръ, а я ужъ сѣдъ» (3 ред.; конца разобрать нельзя)

30: И волчью я натуру крѣпко знаю (2 ред. слѣд. двухъ стиховъ нельзя разобрать).

33: Какъ снявши шкуру съ нихъ долой (2 ред.).

Въ этой баснѣ, какъ извѣстно, Крыловъ представляетъ Наполеона въ Россіи. По словамъ Быстрова, «Крыловъ, собственною рукою переписавъ басню «Волкъ на Псарнѣ», отдалъ ее княгинѣ Катеринѣ Ильиничнѣ, а она при своемъ письмѣ отправила ее къ свѣтлѣйшему своему супругу» («Сѣв. Пчела». 1846 г., № 64) *, который прочиталъ ее послѣ сраженія подъ Крас-

* Приводимъ вполнѣ разсказъ Быстрова, имѣющій интересъ независимо отъ этой басни. «Иванъ Андреевичъ, какъ и всякій великій геній, былъ необыкновенно скроменъ. Въ 39 № «Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду» на 1837 г., на стр. 377, въ повѣсти, подъ названіемъ: «Преобразованіе», разсказанъ былъ весьма любопытный анекдотъ изъ незабвенной эпохи 1812 г. Вотъ онъ: Наполеонъ послѣ Бородин-

нымъ собравшимся вкругъ него офицерамъ и при словахъ: «а я пріятель сѣдъ», снялъ свою бѣлую фуражку и потрясъ наклоненною головою («Полн. сбор. соч.» Михайловскаго-Данилевскаго, т. V, гл. 2).

Первая мысль этой басни, какъ видно изъ 1-й ред. стиховъ:

И волчьей клятвой утверждаю,
Что я.... Послушай-ка, сосѣдъ,
Тутъ ловчій перервалъ *и проч.*

могла явиться у Крылова по полученіи извѣстія о попыткахъ Наполеона вступить въ переговоры, т. е. послѣ 23 сентября (день свиданія Кутузова съ Лористономъ). Послѣдняя же редакція могла составиться не ранѣе, какъ послѣ Тарутинскаго сраженія, бывшаго 6 октября, потому что до того времени, отъ самаго выступленія нашихъ войскъ изъ Москвы, кромѣ ничтожныхъ стычекъ, не было предпринято никакихъ дѣйствій, которыя бы могли служить Крылову основаніемъ сказать: «И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю».

Къ ст. 3—14: Поднялся вдругъ весь псарный дворъ....
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть.

Измайловъ указываетъ на эти стихи, какъ на образецъ «быстроты и живости въ разсказѣ». («Соч.» т. II стр. 661.)

Общій планъ военныхъ дѣйствій, сообщенный Кутузову изъ Петербурга еще въ началѣ сентября, заключался въ томъ, чтобы дѣйствовать въ тылъ Наполеону, затрудняя отступленіе. Князь Волконскій, посланный для полученія отъ Кутузова объясненія его дѣйствій, доносилъ Государю: «Смѣло можно увѣрить, что Наполеону трудно будетъ выбраться изъ Россіи». («Полн. собр.

скаго отпора пошелъ ощупью верстъ 15 въ сутки, и какъ бы ожидалъ другой битвы столь же страшной и гибельной, какъ первая. Наши молодые воины также требовали сей битвы и дерзали укорять великаго тактика въ старости, нерешительности, а иные близорукіе называли его просто трусомъ». Далѣе авторъ говоритъ, что «Иванъ Андреевичъ Крыловъ, живучи въ С.-Петербургѣ, проникъ думу Кутузова и прислалъ ему свою басню «Волкъ на Псарнѣ». Кутузовъ, зная ропотъ нетерпѣливой молодежи, призвалъ къ себѣ юныхъ героевъ и прочиталъ имъ басню. Смыслъ басни пояснилъ многимъ то, что они прежде не понимали, и съ той поры, возложивъ надежду на Бога и опытность сѣдаго ловчаго, наши богатыри выжидали въ Тарутинскомъ лагерѣ перваго сигнала къ битвѣ и побѣдѣ».

«Когда я прочелъ это мѣсто Ивану Андреевичу», продолжаетъ Быстровъ, «то онъ нахмурился и сказалъ: «Все это вздоръ... Я не Богъ... Возможно ли, чтобъ я, частный человѣкъ, ни дипломатъ, ни военный, напередъ зналъ, что сдѣлаетъ Кутузовъ?... Смѣшно.... Да и гдѣ Кутузовъ читалъ басню? Не въ Тарутинскомъ же лагерѣ, а послѣ.... Скажите, мой милый, въ какомъ нибудь журналѣ, что все это было не такъ».—На другой день я отнесъ къ А. Ѳ. Воейкову составленныя мною примѣчанія къ б. Ивана Андр. Крылова «Волкъ на Псарнѣ», которыя и были напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ» (№ 38, 1838 г.).» Въ этихъ примѣчаніяхъ Быстровъ разсказываетъ происшествіе, какъ оно было.

соч.» Михайловскаго-Данилевскаго, т. V, стр. 14.) На это Крыловъ намекаетъ въ первой редакціи 3—8 стиховъ.

Къ ст. 20—27: .... «Друзья, къ чему весь этотъ шумъ....
Что я....

Рѣчь попавшаго въ безвыходное положеніе волка довольно близка къ тѣмъ выраженіямъ, въ которыхъ раздраженный Наполеонъ высказывалъ свое желаніе мириться: «Пора положить предѣлъ кровопролитію», говорилъ онъ Яковлеву. «Намъ съ вами легко поладить.... Мнѣ нечего у васъ дѣлать; я не требую отъ васъ ничего, кромѣ исполненія Тильзитскаго договора.... Я готовъ возвратиться».... («Ист. Отеч. войны», генерала Богдановича, т. II, стр. 322.) Столь же интересны въ этомъ отношеніи и слова Лористона, приведенныя Кутузовымъ въ донесеніи Государю: «Государь мой искренно желаетъ положить предѣлъ несогласіямъ между двумя великими народами, и положить его навсегда. (Тамъ же, стр. 392.) Въ письмѣ, посланномъ черезъ Яковлева, Наполеонъ непремину лъ напомнить о прежнихъ чувствахъ къ нему Александра: «Если ваше величество хотя отчасти сохраняете ко мнѣ прежнія чувствованія».... *и проч.* (Тамъ же, стр. 325.)

Къ ст. 29: Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ.

Этотъ стихъ, а еще болѣе относящійся къ нему варіантъ 1-й ред. показываетъ, что Крыловъ въ своемъ ловчемъ цѣнилъ преимущественно и даже исключительно хитрость. Такой взглядъ баснописца на главнокомандующаго вполнѣ оправдывается многими историческими данными. Передъ отъѣздомъ Кутузова въ армію, одинъ изъ его родственниковъ имѣлъ нескромность спросить: «Неужели вы, дядюшка, надѣетесь разбить Наполеона»?—Кутузовъ отвѣчалъ: «Нѣтъ! А обмануть надѣюсь». (Богдановичъ, т. II, стр. 15.) Почти тоже самое сказалъ онъ во время Тарутинской стоянки: «Разбить меня можетъ Наполеонъ, а обмануть — никогда». (Мих-Данилевскій, т. V, стр. 92.) Суворовъ, подъ начальствомъ котораго Кутузовъ пріобрѣлъ извѣстность и заслужилъ расположеніе императрицы Екатерины, говаривалъ о немъ: «уменъ, оченъ уменъ; его и Рибасъ не обманетъ». (Богдановичъ, т. II, стр. 15.) Въ такомъ же смыслѣ отзывается о немъ и Вильсонъ въ своихъ «Запискахъ»; «Bon vivant, утонченно образованный, вѣжливый, хитрый, какъ грекъ, смѣтливый отъ природы, какъ азіятецъ, и просвѣщенный какъ европеецъ, онъ болѣе былъ склоненъ разсчитывать на успѣхъ отъ своей дипломатіи, чѣмъ отъ военной отваги».... («Записки» Роберта Вильсона, «Русск. Вѣстникъ», за янв. 1762 г., стр. 134.) См. также характеристику Кутузова во II т. «Исторіи Отечественной войны» и характеристику военныхъ дѣйствій, которою генералъ Богдановичъ заключаетъ свой прекрасный трудъ.

LIII. Обозъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», ноябрь, 1812, № 7, стр. 41, и перепечатывалась въ позднѣйшихъ изданіяхъ съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 18: Таскалъ бы воду ужъ (до изд. 1819).
20: Небось, ужъ время не потратимъ.
25: .... коня толкаетъ въ бокъ.
30: Прыжки....

Цѣль басни — оправдать медлительность дѣйствій Кутузова. Оставленіе въ рукахъ непріятеля Москвы безъ боя, истребленіе ея и вслѣдъ за тѣмъ — бездѣйствіе главнокомандующаго должно было неминуемо возбудить ропотъ и горькія нареканія. Всѣ желали рѣшительнаго боя, ждали его подъ стѣнами Москвы; а между тѣмъ Кутузовъ, никому не открывая своего плана истребленія арміи Наполеона, спокойно и настойчиво приводилъ его въ исполненіе—старался ослабить врага, уклоняясь отъ рѣшительной развязки. (Богдановичъ, т. II). Весьма естественно, что общественное мнѣніе вооружилось противъ него, какъ за полтора мѣсяца передъ тѣмъ противъ Барклая-де-Толли. (Мих.-Данилевскій, т. IV, стр. 629; «Зап.» Вильсона, «Русск. Вѣст. 1862 г. кн. I). Самъ Императоръ поставлялъ ему въ вину то, что онъ не далъ вторичнаго сраженія подъ Москвою («Краткія Записки» адмирала А. Шишкина, 1831 г. стр: 45). Слѣдствіемъ этого былъ рескриптъ на имя главнокомандующаго, полученный имъ за нѣсколько дней до Тарутинскаго сраженія (Богдановичъ, т. II, стр. 487). Приводимъ окончаніе его, прямо относящееся къ нашему предмету: «.... казалось, что, пользуясь сими обстоятельствами (раздробленностію силъ Наполеона), могли бы вы съ выгодою атаковать непріятеля слабѣе васъ и истребить онаго, или, по меньшей мѣрѣ, заставя его отступить, сохранить въ нашихъ рукахъ знатную часть губерній, нынѣ непріятелемъ занимаемыхъ, и тѣмъ самымъ отвратить опасность отъ Тулы и прочихъ внутреннихъ городовъ. На вашей отвѣтственности останется, если непріятель въ состояніи будетъ отрядить значительный корпусъ въ Петербургъ,.... ибо съ ввѣренной вамъ арміей *дѣйствуя съ рѣшительностью и дѣятельностью*, вы имѣете всѣ средства отвратить это новое несчастіе. Вспомните, что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы.... Я и Россія въ правѣ ожидать съ вашей стороны всего *усердія, твердости и успѣховъ» и проч.* (Мих.-Данилевскій, т. V, стр. 96; Богдановичъ, т. II, стр: 487). Но Кутузовъ, сравненный въ баснѣ съ добрымъ конемъ, кото-

рый понесъ на крестцѣ свой возъ, не измѣнилъ своего плана, не смотря ни на упреки, ни на порывы своихъ сподвижниковъ («Зап.» Роб. Вильсона, «Русск. Вѣстн. 1862 г., кн. I).

LIV. Ворона и Курица.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», ноябрь, 1812 г., № 8, стр. 77, подъ заглавіемъ «Ворона», съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 18: А вѣдь Воронъ, ты знаешь, не ѣдятъ (С. От.).
28: Сама къ нимъ въ супъ попалась.

Первыя извѣстія о бѣдственномъ состояніи арміи Наполеона могли достигнуть Петербурга не раньше, какъ въ концѣ сентября (Богдановичъ, т. II, стр. 288). Въ «Сынѣ Отечества» (№ 7, стр. 44) находимъ слѣдующую замѣтку: «Очевидцы разсказываютъ, что въ Москвѣ Французы ежедневно ходили на охоту стрѣлять воронъ и не могли нахвалиться своимъ soupe aux corbeaux. Теперь можно дать отставку старинной русской пословицѣ: «попалъ, какъ куръ во щи», а лучше говорить: «попалъ, какъ ворона во французскій супъ». Къ тому же времени относится и каррикатура Ивана Теребенева, приложенная къ 7 № «Сына Отечества»: *Французскій вороній супъ*, гдѣ представлены четыре французскіе гренадера въ оборванныхъ мундирахъ, расположившіеся въ полѣ; посреди картины стоитъ гренадеръ, раненый въ ногу, которая у него совершенно босая, и отрываетъ у вороны крылья; съ одной стороны, стоя на колѣняхъ на камнѣ, товарищъ схватился за воронью ножку и, судя по разинутому рту, готовъ ее проглотить; не менѣе сильный аппетитъ выражается въ фигурѣ третьяго, сидящаго по другую сторону; позади ихъ лежитъ четвертый, обнимающій обѣими руками пустой котелъ. Подъ каррикатурою находится слѣдующее четверостишіе:

Бѣда намъ съ нашимъ великимъ Наполеономъ!
Кормилъ насъ въ походѣ изъ костей бульономъ.
Въ Москвѣ попировать свистѣлъ у насъ зубъ:
Не тутъ-то похлебаемъ же хоть вороній супъ. *

---

* Каррикатуру И. Теребенева см. въ собраніи каррикатуръ, относящихся къ Отечественной войнѣ въ библіотекѣ имп. академіи наукъ. — Подобная же картинка приложена къ этой баснѣ въ изданіи Смирдина:

Можетъ быть, тогда же и явилась у Крылова первая мысль этой басни: но окончательно редактирована она могла быть только въ ноябрѣ: князь Кутузовъ, названный въ б. Смоленскимъ, получилъ этотъ титулъ послѣ дѣла подъ Краснымъ, окончившагося 6-го ноября (Мих.-Данилевскій, т. V, стр. 273).

Къ ст. 55: Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей.

Кутузовъ дѣйствительно считалъ голодъ однимъ изъ рѣшительнѣйшихъ средствъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. По окончаніи совѣта въ Филяхъ, на вопросъ полковника Шнейдера: «Гдѣ мы остановимся?» фельдмаршалъ отвѣчалъ: «Это мое дѣло; но ужъ доведу я проклятыхъ французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, до того, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо» (Мих.-Данилевскій, т. IV, стр. 478). Къ этой цѣли Кутузовъ, кажется, направлялъ дѣйствія партизанскихъ отрядовъ (Богдановичъ, т. II, стр. 387).

**Къ ст. 27—30: Такъ часто человѣкъ въ разсчетахъ слѣпъ и глупъ...
Попался, какъ ворона въ супъ.**

Нѣтъ сомнѣнія, что эта ворона, погнавшаяся за лакомымъ кускомъ, въ увѣренности, что «Воронъ ни жарятъ, ни варятъ».— Наполеонъ, увѣренный въ своей непобѣдимости, погнавшійся за счастіемъ, но обманувшійся въ разсчетѣ. Его неудача въ Россіи внушила нашему поэту стихи, составляющіе нравоученіе басни.

«Басни Ивана Крылова», 1834 г. (часть I, кн. I, стр. 9): къ тремъ солдатамъ, расположившимся у треножника, на которомъ виситъ котелъ, подходитъ четвертый съ пучкомъ хворосту въ одной рукѣ и вороною въ другой; въ его лицѣ и фигурѣ виденъ оттѣнокъ торжества, а въ лицахъ сидящихъ его товарищей—удовольствіе, вызванное мыслью о предстоящей трапезѣ.

1813.

—

LV. Демьянова Уха.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. II, стр. 95, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

По поводу этой басни Лобановъ разсказываетъ слѣдующее: Иванъ Андреевичъ, зная всю силу своего литературнаго оружія, т. е. сатиры, выбиралъ иногда случаи, чтобы не промахнуться и мѣтко попасть въ цѣль; вотъ доказательство: Въ Бесѣдѣ русскаго слова, бывшей въ домѣ Державина, приготовляясь къ публичному чтенію, просили его прочитать одну изъ его новыхъ басенъ, которыя были тогда лакомымъ блюдомъ всякаго литературнаго пира и угощенія. Онъ обѣщалъ; но на предварительное чтеніе не явился, а пріѣхалъ въ Бесѣду во время самаго чтенія и довольно поздно. Читали какую-то чрезвычайно длинную пьесу; онъ сѣлъ за столъ. Предсѣдатель отдѣленія А. С. Хвостовъ, сидѣвшій напротивъ него за столомъ, въ полголоса спрашиваетъ у него: Иванъ Андреевичъ, что, привезли?—Привезъ.—Пожалуйте мнѣ.—А вотъ ужо, послѣ.—Длилось чтеніе, публика утомилась, начали скучать, зѣвота овладѣла многими. Наконецъ дочитана пьеса. Тогда Ив. Андр. руку въ карманъ, вытащилъ измятый листокъ и началъ: «Демьянова Уха». Содержаніе басни удивительнымъ образомъ соотвѣтствовало обстоятельствамъ, и принаровленіе было такъ ловко, такъ кстати, что публика громкимъ хохотомъ отъ всей души наградила автора за басню, которою онъ отплатилъ за скуку ея и развеселилъ ее прелестью своего разсказа» («Жизнь и соч. И. А. Крылова», стр. 55).

Къ ст. 1—13: Сосѣдушка, мой свѣтъ....
.... Да кланяйся, жена!

Эти стихи Измайловъ приводитъ въ примѣръ «естественности въ выборѣ выраженій въ разговорѣ» («Соч.» т. II, стр. 682).

Г. Флёри въ своей статьѣ о переводѣ басенъ Крылова г. Парфé высказалъ мысль, что б. «Демьянова Уха» заимствована. Приводимъ подлинныя слова г. Флёри: «Krylow du reste a moins inventé qu'on ne pourrait le supposer; il sait si bien imprimer le caractère russe aux sujets qu'il emprunte, qu'on peut croire souvent qu'il a créé quand il s'est borné à imiter. Nons citerons entre autre «l'Oukha de Demiane». Qui en lisant cette fable pourrait supposer qu'elle n'est pas d'origine russe? Eh bien! l'original est français et figure dans les «Fables» du P. Barbe, jésuite, mort en 1792, sous ce titre»: «la Politesse villageoise» (Journal de St.-Pétersbourg», № 219, 1867). Мы употребили всѣ усилія, чтобы отыскать указанную г. Флёри басню; но, къ сожалѣнію, ни въ одной изъ здѣшнихъ библіотекъ нѣтъ сочиненій Барба. Будемъ надѣяться, что г. Флёри возьметъ на себя трудъ разрѣшить этотъ вопросъ и напечатаетъ текстъ басни, изъ которой, по его мнѣнію, Крыловъ заимствовалъ сюжетъ «Демьяновой Ухи».

LVI. Лисица и Сурокъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 11, стр. 97, и безъ перемѣнъ перешла въ слѣдующія изданія.

LVII. Волкъ и Кукушка.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 13, стр. 53, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 4: . . . . и ты хоть ангелъ будь (Ч. въ Б.).
24: Въ тиши....

LVIII. Заяцъ на ловлѣ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 13, стр. 54, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Полагаютъ, что въ этой б. Крыловъ въ образѣ Зайца представилъ Австрію, домогавшуюся на конгрессѣ нѣкоторыхъ областей

1813.

LV. Демьянова Уха.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. II, стр. 95, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

По поводу этой басни Лобановъ разсказываетъ слѣдующее: Иванъ Андреевичъ, зная всю силу своего литературнаго оружія, т. е. сатиры, выбиралъ иногда случаи, чтобы не промахнуться и мѣтко попасть въ цѣль; вотъ доказательство: Въ Бесѣдѣ русскаго слова, бывшей въ домѣ Державина, приготовляясь къ публичному чтенію, просили его прочитать одну изъ его новыхъ басенъ, которыя были тогда лакомымъ блюдомъ всякаго литературнаго пира и угощенія. Онъ обѣщалъ; но на предварительное чтеніе не явился, а пріѣхалъ въ Бесѣду во время самаго чтенія и довольно поздно. Читали какую-то чрезвычайно длинную пьесу; онъ сѣлъ за столъ. Предсѣдатель отдѣленія А. С. Хвостовъ, сидѣвшій напротивъ него за столомъ, въ полголоса спрашиваетъ у него: Иванъ Андреевичъ, что, привезли?—Привезъ.—Пожалуйте мнѣ.—А вотъ ужо, послѣ.—Длилось чтеніе, публика утомилась, начали скучать, зѣвота овладѣла многими. Наконецъ дочитана пьеса. Тогда Ив. Андр. руку въ карманъ, вытащилъ измятый листокъ и началъ: «Демьянова Уха». Содержаніе басни удивительнымъ образомъ соотвѣтствовало обстоятельствамъ, и принаровленіе было такъ ловко, такъ кстати, что публика громкимъ хохотомъ отъ всей души наградила автора за басню, которою онъ отплатилъ за скуку ея и развеселилъ ее прелестью своего разсказа» («Жизнь и соч. И. А. Крылова», стр. 55).

Къ ст. 1—13: Сосѣдушка, мой свѣтъ....
.... Да кланяйся, жена!

Эти стихи Измайловъ приводитъ въ примѣръ «естественности въ выборѣ выраженій въ разговорѣ» («Соч.» т. II, стр. 682).

Г. Флёри въ своей статьѣ о переводѣ басенъ Крылова г. Парфé высказалъ мысль, что б. «Демьянова Уха» заимствована. Приводимъ подлинныя слова г. Флёри: «Krylow du reste a moins inventé qu'on ne pourrait le supposer; il sait si bien imprimer le caractère russe aux sujets qu'il emprunte, qu'on peut croire souvent qu'il a créé quand il s'est borné à imiter. Nons citerons entre autre «l'Oukha de Demiane». Qui en lisant cette fable pourrait supposer qu'elle n'est pas d'origine russe? Eh bien! l'original est français et figure dans les «Fables» du P. Barbe, jésuite, mort en 1792, sous ce titre»: «la Politesse villageoise» (Journal de St.-Pétersbourg», № 219, 1867). Мы употребили всѣ усилія, чтобы отыскать указанную г. Флёри басню; но, къ сожалѣнію, ни въ одной изъ здѣшнихъ библіотекъ нѣтъ сочиненій Барба. Будемъ надѣяться, что г. Флёри возьметъ на себя трудъ разрѣшить этотъ вопросъ и напечатаетъ текстъ басни, изъ которой, по его мнѣнію, Крыловъ заимствовалъ сюжетъ «Демьяновой Ухи».

LVI. Лисица и Сурокъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 11, стр. 97, и безъ перемѣнъ перешла въ слѣдующія изданія.

LVII. Волкъ и Кукушка.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 13, стр. 53, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 4: . . . . и ты хоть ангелъ будь (Ч. въ Б.).
24: Въ тиши....

LVIII. Заяцъ на ловлѣ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 13, стр. 54, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Полагаютъ, что въ этой б. Крыловъ въ образѣ Зайца представилъ Австрію, домогавшуюся на конгрессѣ нѣкоторыхъ областей

послѣ пораженія Наполеона союзными державами; но такое предположеніе ужъ и потому неосновательно, что б. появилась лѣтомъ 1813 г. (она одобрена цензурою 5-го іюня 1813), въ самый разгаръ войны за независимость Германіи. Очень можетъ быть, что впослѣдствіи, во время Вѣнскаго конгресса, примѣнили эту басню къ слишкомъ притязательной Австріи, и вслѣдствіе того утвердилось приведенное мнѣніе.

Къ ст. 14—16: Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно....
Что Зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.

Измайловъ находитъ, что такое представленіе зайца противоестественно: «какъ волки не ѣдятъ капусты», говоритъ онъ: «такъ и зайцы не питаются мясомъ» («Соч.», т. II, стр. 654).

Къ ст. 17—18: Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

Эти два стиха вошли въ сборники народныхъ пословицъ (Д. К., 151, Снег. 243).

LIX. Орелъ и Пчела.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 13, стр. 91. Въ сохранившейся рукописи и въ печатной редакціи находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 4: Но сколько тотъ.... (Чт. въ Б.).
12: Послѣ этого стиха слѣдовало:
Но стоятъ ли твои труды такихъ заботъ (р.).
15: Который воскъ тутъ или медъ
Твоей работы (р.).
29: Но я, родясь труды для пользы общей несть (р.).

«Предметъ этой басни», говоритъ Плетневъ, «есть одно изъ самыхъ утѣшительныхъ и высокихъ чувствованій человѣческаго сердца. Поэтъ видѣлъ, что изложеніе сей басни должно быть достойно своего предмета. Онъ избралъ для сего языкъ благородный, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышенный. Въ самомъ понятіи объ Орлѣ и Пчелѣ нѣтъ ничего комическаго, или забавнаго; потому что одинъ служитъ изображеніемъ могущества, а другая — трудолюбія. Такимъ образомъ все употреблено, чтобы оставить въ

душѣ читателя чувство, располагающее болѣе къ задумчивости, нежели къ удовольствію. Красоты поэзіи разительны. Изображеніе страха, который наводитъ орелъ полетомъ своимъ на другихъ животныхъ, вѣрно и живописно» («Письмо къ графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ», въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 годъ, собранныхъ б. Дельвигомъ, стр. 26).

О вступительныхъ стихахъ этой б. Гоголь говоритъ: «Въ книгѣ его (Крылова) всѣмъ есть уроки, всѣмъ степенямъ въ государствѣ, начиная отъ высшаго сановника и до послѣдняго труженика, работающаго въ низшихъ рядахъ государственныхъ, которому указываетъ онъ на высокій удѣлъ въ видѣ пчелы, не ищущей отличать своей работы:

Но сколь и тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытой,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Слова эти останутся доказательствомъ вѣчнымъ, какъ благородна была душа самого Крылова» («Соч.», т. III, стр. 464).

LX. Щука и Котъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 13, стр. 92, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Поводомъ къ сочиненію этой б. была извѣстная неудача адмирала Чичагова, который долженъ былъ пресѣчь путь Наполеону черезъ Березину. «Нельзя изобразить общаго на него негодованія», пишетъ Вигель: «всѣ состоянія подозрѣвали его въ измѣнѣ, снисходительнѣйшіе кляли его неискусство, и Крыловъ написалъ басню о пирожникѣ, который берется шить сапоги, т. е. о морякѣ, начальствующемъ надъ сухопутнымъ войскомъ» («Воспом.» ч. IV, стр. 73). Въ современной каррикатурѣ * сохранилось весьма опре-

* Эта каррикатура находится въ сборникѣ каррикатуръ, относящихся къ Отечественной войнѣ, подаренномъ П. Л. Лавровымъ императорской публичной библіотекѣ. Сборникъ состоитъ изъ 53 каррикатуръ; изъ нихъ 15 Ивана Теребенева, 5 подписаны буквами И. И. (Ивановъ?) и 33 безъ подписи; къ числу послѣднихъ относится и та, о которой здѣсь идетъ

дѣленное выраженіе того убѣжденія, что Чичаговъ преднамѣренно уклонился отъ общаго плана. Въ ней Кутузовъ скачетъ на конѣ и тянетъ одинъ конецъ сѣти, въ которую долженъ попасть Наполеонъ; а на другомъ концѣ ея Чичаговъ, сидящій на якорѣ, восклицаетъ: je le sauve! и Наполеонъ въ видѣ зайца проскальзываетъ за его спиною. То же убѣжденіе выразилось и въ слѣдующеюй эпиграммѣ, найденной Я. К. Гротомъ въ бумагахъ Державина (см. «Соч. Державина», академическ. изд., т. III, стр. 451):

Смоленскій князь Кутузовъ
Продерзостныхъ французовъ
И гналъ и билъ,
И наконецъ имъ гибельну онъ сѣть связалъ;
Но земноводный генералъ
Приползъ,—да всю и распустилъ.

Характеризуя его, какъ человѣка, Вигель говоритъ, что «въ душѣ онъ былъ англичанинъ, учился въ Англіи мореплаванію, и былъ женатъ на англичанкѣ; что съ суровостію моряка онъ соединялъ надменность англичанина и это сдѣлало его ненавистнымъ для русскихъ; послѣдній же его подвигъ (защита Березины) заставилъ ихъ всѣхъ презирать его» («Воспоминанія», т. II, стр. 9, рукоп. имп. публ. библ.). «Да и не могло быть иначе», пишетъ ген. Богдановичъ (т. II, стр. 289); князь Кутузовъ, освободитель Россіи отъ нашествія Наполеона и его полчищъ, Витгенштейнъ, защитникъ нашей сѣверной столицы,.... оба они стояли такъ высоко въ общемъ мнѣніи, что никто не смѣлъ усомниться въ безошибочности ихъ дѣйствій.... Общему порицанію подвергся Чичаговъ, потому что, во 1-хъ, положеніе, занимаемое его арміею, давало ему наиболѣе возможности преградить путь Наполеону; во 2-хъ, потому, что, командуя въ Отечественную войну впервые сухопутными силами, онъ еще не успѣлъ заслужить славы искуснаго военачальника. Къ тому же онъ сдѣлалъ важную ошибку, уклонясь отъ направленія, по которому отступала наполеоновская армія». Этимъ общимъ мнѣніемъ, котораго не раздѣлять Крыловъ не имѣлъ причины, можетъ быть объяснена рѣзкость выраженій во вступленіи и заключеніи басни.

Къ ст. 30: И крысы хвостъ у ней отъѣли.

Въ этомъ стихѣ заключается намекъ на неудачное отступленіе войскъ Чичагова отъ Борисова, на правую сторону Березины;

рѣчь. Мы слышали, будто существовала другая каррикатура такого содержанія: Кутузовъ съ великимъ усильемъ затягиваетъ мѣшокъ, а Чичаговъ съ другаго конца перочиннымъ ножикомъ разрѣзываетъ этотъ мѣшокъ и выпускаетъ изъ него маленькихъ французскихъ солдатиковъ. Къ сожалѣнію, всѣ наши старанія отыскать ее остались тщетны.

при этомъ были потеряны многіе изъ полковыхъ обозовъ, канцелярія главнокомандующаго, большая часть экипажей и въ томъ числѣ фургонъ со столовымъ сервизомъ Чичагова, и всѣ наши раненые и больные, изъ коихъ нѣкоторые погибли отъ пожара, опустошившаго городъ (Богдановичъ, т. III, стр. 249).

Къ ст. 26—32: Такъ въ добрый часъ, пойдемъ.
— Пошли, засѣли....
Кумъ за-мертво стащилъ ее обратно въ прудъ.

Измайловъ находитъ, что выраженіе *пошли* здѣсь неумѣстно, потому что Щука ходить не можетъ; объ остальныхъ стихахъ онъ замѣчаетъ, что «басня оканчивается собственно 32-мъ стихомъ и что больше бы ничего не надобно; но послѣ сихъ быстрыхъ и сильныхъ стиховъ прибавлены, къ сожалѣнію, четыре вялыхъ и прозаическихъ стиха:

И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

Все бы еще лучше было, если бы сказалъ это Щукѣ Котъ; а здѣсь говоритъ самъ сочинитель, который въ началѣ басни помѣстилъ уже приличное къ ней нравоученіе» («Соч.» т. II, стр. 645).

LXI. Водолазы.

Напечатана въ первый разъ въ «Описаніи торжественнаго открытія Императорской публичной библіотеки, бывшаго января 2-го дня 1814 года». С.-Пбргъ, 1814 г., стр. 99; но мы относимъ эту басню къ 1813 г., потому что Крыловъ написалъ ее лѣтомъ этого года, что очевидно изъ письма къ нему Оленина. Здѣсь она помѣщена подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Читанный въ торжественномъ собраніи помощникомъ библіотекаря, титулярнымъ совѣтникомъ Крыловымъ Апологъ (притча) Водолазы». Оленинъ приглашалъ Крылова прочесть эту басню въ собраніи письмомъ, отъ 17-го ноября 1819 г., которое также помѣщено въ «Описаніи»: сказавъ нѣсколько словъ о предстоящемъ торжествѣ и исчисливъ вопросы, которые предложилъ разрѣшить библіотекарю Кра-

совскому, архимандр. Филарету (впослѣдствіи митрополиту московскому) и Гнѣдичу, Оленинъ продолжаетъ: «четвертымъ вопросомъ, т. е. «о пользѣ истиннаго просвѣщенія и пагубныхъ послѣдствіяхъ суемудрія»,—давно уже занимался человѣкъ вамъ весьма коротко знакомый, и именно: Иванъ Андреевичъ Крыловъ;—онъ знаетъ съ какимъ удовольствіемъ прекрасный его трудъ былъ уже принятъ въ кругу его пріятелей и знакомыхъ (которые иногда строго разбираютъ его творенія). Теперь остается ему только согласиться сей трудъ самому прочесть передъ публикою въ день торжественнаго открытія Императорской публичной библіотеки.—Вотъ о чемъ я рѣшился васъ, милостивый государь мой, письменно просить, и надѣюсь, что вы мнѣ въ томъ не откажете; я увѣренъ, что публика съ большимъ удовольствіемъ будетъ слушать вашъ апологъ, который вы нынѣшнимъ лѣтомъ на дачѣ моей сочинили, подъ названіемъ «Водолазы». Пребываю и пр. («Описаніе торж. откр. Имп. п. б.», стр. 149).

Въ первомъ и въ позднѣйшихъ изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 25: Ни дара постигать вещей безплотныхъ (до изд. 1819).
28: Безсмысленныхъ животныхъ.
33—34: Что весь ученый бредъ
Былъ нравовъ простотѣ во вредъ.
41—42: . . . . Созвавъ со всѣхъ сторонъ
Разумниковъ, изъ нихъ онъ учредилъ собранье.
52: Такъ онъ.... (Опис. откр. б.)
98: Хотя близъ береговъ ласкаться счастьемъ можно
(до изд. 1819).

Къ ст. 19—20: Кто самъ свой голосъ подавалъ,
Кто голосъ подавалъ работы секретарской,
48—50: И если бы имъ волю дали....
Да жалованье брали.

Эти стихи приводятся Измайловымъ, какъ образецъ намека на слабости и пороки человѣческіе, о которыхъ баснописецъ упоминаетъ мимоходомъ («Соч.» т. II, стр. 668—669).

Плетневъ видитъ въ этой баснѣ рѣшеніе одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ касательно просвѣщенія («Жизнь и соч. И. А. Крылова», стр. LVII).

Къ ст. 113—117: Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину...
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.

Г: Стоюнинъ замѣчаетъ, что «здѣсь высказывается странный взглядъ на науку, въ которой баснописецъ хочетъ видѣть какую-то гибельную глубину, забывая, что̀ наука развиваетъ только истину, а она несетъ лишь свѣтъ и добро людямъ» («О преподаваніи русской литературы», стр. 385).

Нельзя не согласиться съ почтеннымъ педагогомъ, что наука развиваетъ только истину, а она дѣйствительно приноситъ одно добро. Но намъ кажется, что здѣсь баснописецъ указываетъ на вредныя послѣдствія увлеченія не истиною, а ложною идеею: его водолазъ погибаетъ отъ того, что рѣшился на дѣло, противное природѣ человѣка. Мы думаемъ, что Крыловъ здѣсь говоритъ о политическомъ и религіозномъ вольнодумствѣ, какъ «пагубномъ суемудріи» и причинѣ народныхъ бѣдствій.

Г. Галаховъ, отвергая высказанное нами мнѣніе, утверждаетъ, что хотя Крыловъ и не возстаетъ здѣсь противъ наукъ, но «только требуетъ ученія по силамъ человѣку, умѣреннаго, серединнаго между невѣжествомъ, происходящимъ отъ лѣности и глубокимъ, пучиннымъ знаніемъ, или всезнаніемъ, происходящимъ отъ дерзости ума и ведущимъ, по словамъ пустынника, къ гибели. Съ какой стороны ни судить о причинѣ, она оказывается несостоятельною.... Алчность къ пріобрѣтенію матеріальныхъ богатствъ нельзя уподоблять жаждѣ умственныхъ изслѣдованій, глубины знанія. Въ стремленіи къ истинѣ, умъ не можетъ остановиться на серединѣ. Врожденная, совершенно законная пытливость духа влечетъ человѣка нескончаемо и безгранично, хотя бы за это влеченіе онъ жертвовалъ жизнію или навсегда утрачивалъ счастіе.... Эта пытливость есть столько же прирожденное намъ свойство, сколько и необходимое условіе нашего существованія, почему и нельзя сказать, будто водолазъ Крылова «погибаетъ отъ того, что рѣшился на дѣло, противное природѣ человѣка.» Разсматривая притчу по отношенію къ отечественной современности, г. Галаховъ находитъ, что «ее по малой мѣрѣ слѣдуетъ назвать несвоевременною и неумѣстною».... «Предки наши въ первую половину царствованія Александра I не до такой степени погружались въ знанія, чтобы слѣдовало удерживать ихъ рвеніе; напротивъ, было бы благоразумнѣе и патріотичнѣе возбуждать въ нихъ охоту къ умственнымъ трудамъ, которымъ очень не многіе посвѣщали свое время.» Въ заключеніе г. Голаховъ высказываетъ ту мысль, что источникъ этой басни слѣдуетъ искать и въ равнодушіи автора къ знанію, какъ знанію, не зависимо отъ его практическихъ надобностей, которыя онъ цѣнилъ по преимуществу и исключительно. Тяжелый на подъемъ, онъ и въ другихъ не одобрялъ качествъ, противоположныхъ своей собственной природѣ... Образованіе Крылова было очень ограничено и мелко, и въ этомъ заключается истинная причина его неблагосклоннаго отношенія къ глубинѣ знаній.» (Ист. Рус. Слов. т. II, стр. 311—313).

Этотъ взглядъ г. Галахова встрѣтилъ вѣское возраженіе со стороны Я. К. Грота. Позволяемъ себѣ привести цѣликомъ тѣ слова почтеннаго академика, которыя относятся къ настоящему предмету: «Намъ кажется, что г. Галаховъ, попавъ на справедливую точку зрѣнія въ отношеніи къ названнымъ баснямъ (*Водолазы*, *Огородникъ и Философъ* и нѣк. др.), самъ вдался въ нѣкоторое уклоненіе. Если и трудно отрицать мысль, что «Крыловъ былъ равнодушенъ къ знанію, независимо отъ ея практическихъ надобностей, которыя онъ цѣнилъ по преимуществу», то нельзя однакожъ безусловно принять слѣдующаго за тѣмъ замѣчанія г. Галахова: «тяжелый на подъемъ, онъ и въ другихъ не одобрялъ качествъ, противоположныхъ своей собственной природѣ»...

Этому явно противорѣчитъ, напр., уваженіе которое Крыловъ не разъ выражалъ къ трудолюбію и дѣятельности. Въ баснѣ *Прудъ и Рѣка* онъ говоритъ:

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

Въ ограниченности образованія баснописца г. Галаховъ видитъ причину его недоброжелательнаго отношенія къ наукѣ (стр. 313—315, Ист. Рус. Слов.); не много выше (стр. 310) представлено нѣсколько извлеченій изъ басенъ, направленныхъ противъ невѣжества и показывающихъ сочувствіе къ наукѣ и къ ученымъ; можно было бы привести еще нѣсколько подобныхъ мѣстъ. Нравоученіе, вытекающее изъ басни *Водолазы* во вредъ глубины знаній, очевидно, не было цѣлью автора и произошло отъ неудачнаго примѣненія образа причины къ злоупотребленію наукою. Вѣроятно, Крыловъ разумѣлъ собственно не глубину, а гордость знанія, которая ведетъ къ безвѣрію и къ отрицанію всего, что налагаетъ на человѣка спасительныя узы: не даромъ онъ называетъ того, кто ищетъ морскаго дна на самой глубинѣ, безумцемъ и дерзкимъ; замѣтимъ, что его водолазъ выбралъ мѣсто, гдѣ была *чернѣе глубина*, т. е. такую область, которая всего болѣе закрыта отъ знанія. Крыловъ былъ конечно не такъ простъ, чтобъ думать, будто стремленіе къ глубокимъ знаніямъ есть дѣло *дерзкаго ума* и ведетъ къ погибели. Напротивъ, неутомимаго и ненасытнаго изслѣдователя истины онъ сравниваетъ съ тѣмъ водолазомъ, который «богатыхъ жемчуговъ» *ныряя искать по дну*, «и жилъ всечасно богатѣя;» но этотъ водолазъ выбралъ себѣ *глубину по силѣ*, т. е. тѣ сферы мышленія, которыя доступны для человѣческаго разума, не превышаютъ его, словомъ, область вѣдѣнія, науки, Подъ бездонною же пучиной Крыловъ разумѣетъ область высшихъ, не умомъ, а вѣрою и совѣстью постигаемыхъ законовъ. Скорѣе всего можно полагать, что къ водолазамъ послѣдняго рода онъ относилъ философовъ, отвергающихъ откровеніе и

рѣшающихъ мышленіемъ самые трудные вопросы метафизики *. Басня *Водолазы* написана въ 1813 году. Въ это время вышелъ переводъ эстетики Ансильйона, который надѣлалъ много шуму, вызвалъ строгую критику со стороны архимандрита (впослѣдствіи митрополита) Филарета и былъ причиною невзгоды архіепископа Ѳеофилакта, подъ руководствомъ котораго былъ сдѣланъ переводъ **. Толки объ этомъ дѣлѣ конечно находили отголосокъ и въ домѣ Оленина, который, какъ извѣстно, былъ почитателемъ Филарета; тамъ же, вѣроятно, разсуждали иногда и о нѣмецкихъ философахъ, между которыми европейскою славою пользовался тогда Фихте. Подобныя разсужденія именно и могли подать Крылову поводъ сравнить слишкомъ отважныхъ мыслителей съ водолазомъ, ищущимъ жемчуга въ самой глубинѣ морской пучины. Спору нѣтъ, и такой взглядъ можно считать не безошибочнымъ; но между имъ и неуваженіемъ къ глубинѣ знанія вообще, большая разница. Требовать, чтобы писатель былъ совершенно внѣ вліянія среды, въ которую онъ поставленъ обстоятельствами времени и мѣста, едва ли справедливо. Затѣмъ, въ своей силѣ остается все-таки замѣчаніе г. Галахова о малой примѣнимости подобнаго нравоученія къ русскому обществу; развѣ Крыловъ хотѣлъ предостеречь тѣхъ, которые слишкомъ увлекались системами нѣкоторыхъ западныхъ мыслителей. (*Сборникъ Отд. рус. яз. и слов.* т. VI, стр. 280—282).

LXII. Крестьянинъ и Змѣя.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества» 1813 г. № XXXIX, стр. 43, съ слѣдующими перемѣнами.

Ст. 1: Къ крестьянину пришла змѣя проситься въ домъ (С. О.).
2: Не даромъ...
9: . . . . твердитъ молва.
13: Къ несчастью, правда все.... (до изд. 1819).
19—20: И, словомъ, всѣхъ я змѣй добрѣй (С. О.).
29: А сверхъ того....

---

* Тутъ припоминаются слова Ж. Ж. Руссо: «Voulons-nous pénétrer dans ces abîmes de métaphysique qui n'ont ni fond, ni rive, et perdre à disputer sur l'essence divine ce temps si cours qui nous est donné pour l'honorer». (Nouv. Hél. VI, 8). Т. е. «Какъ намъ проникнуть въ ту пучину метафизики, у которой нѣтъ ни дна, ни береговъ, и не теряемъ ли мы на споры о верховномъ существѣ время, дарованное какъ для его почитанія?» Примѣч. *М. К. Грота.*

** См. Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. т. V., вып. I, переписка митрополита Евгенія, стр. 154—158).

33: Отцы! Вдогадъ ли намъ, на что.здѣсь цѣлю я? (С. О.).
— Отцы! Вы видите-ль, на что здѣсь мѣчу я?
(изд. 1815—1819).

Эта б. касается непосредственныхъ слѣдствій Отечественной войны и при своемъ появленіи имѣла живое современное значеніе. Она была направлена противъ зла, возбуждавшаго въ тѣ времена сильное негодованіе патріотовъ и усилившагося послѣ кампаніи 1812 года,—противъ обыкновенія поручать воспитаніе дѣтей иностранцамъ, преимущественно французамъ. «Вымороэки»— такъ называли тогда оставшихся въ Россіи-воиновъ изъ арміи Наполеона—были разсылаемы партіями въ различныя, преимущественно внутреннія губерніи, гдѣ имъ, по свидѣтельству анонимнаго современника*, оказывали не только человѣколюбіе, но даже лестное вниманіе. «Достовѣрные свидѣтели разсказывали намъ, говоритъ этотъ современникъ,... что не бываетъ ни одного собранія, ни одного бала, куда бы французы преимущественно приглашены не были, что они имѣютъ входъ во всѣ дома, что нѣкоторые русскіе дворяне съ ними о Россіи разсуждаютъ, слушаютъ ихъ, любуются ихъ краснорѣчію и даже берутъ ихъ въ учители къ дѣтямъ своимъ; увѣряютъ, и «безъ ужаса повторить сего не можно,

On dit et sans horreur je ne puis le redire,

что нѣсколько благородныхъ дѣвицъ собираются выдти за нихъ замужъ; что, забывъ честь, долгъ родства и любви къ отечеству, не погнушались онѣ руку свою предложить—кому? Тѣмъ, у которыхъ кровь свойственниковъ или ближнихъ, несчастнымъ симъ дѣвицамъ принадлежащихъ, не успѣла еще на рукахъ обсохнуть**... Вотъ достойная награда родителямъ, столь много пекущимся о томъ только, чтобы дѣти ихъ болтали по французски! вотъ плодъ воспитанія, введеннаго у насъ въ XVIII столѣтіи,— воспитанія, въ которомъ отцы и матери, отрекшись отъ священной обязанности своей, отъ должнаго присмотра за своими дѣтьми «слѣпо» ихъ предаютъ въ руки иноплеменныхъ, ибо безъ сего коварнаго условія ни одинъ французскій гувернеръ или гувернантка въ русскій домъ не вступаетъ! Нерѣдко случается, что въ провинціяхъ парижская судомойка становится наставницею молодыхъ благородныхъ дѣвицъ! И чему удивляться, когда здѣсь, въ столицѣ, мы часто видимъ французскую горничную дѣвку, вдругъ

---

* Муравьева-Апостола. (См. Ист. Рус. Слов. г. Галахова, т. II, стр. 262 и слѣд.)

** Подобный бракъ авторъ признаетъ не дѣйствительнымъ, основываясь на правилахъ, составленныхъ святѣйшимъ Синодомъ, по порученію Петра I, послѣ пораженія Карла XII (о бракахъ правовѣрныхъ лицъ съ иновѣрными *и проч*. Спб. 1721 г. мѣсяца августа, въ 18 день), гдѣ на страницѣ 8 сказано, что бракъ такой допускается только въ томъ случаѣ, когда *плѣнники и свободные иностранцы царскому величеству запишутся въ вѣчную службу*.

возведенную въ почетное достоинство наставницы! Сіи-то наставницы, а паче тѣ, которые слывуть учеными, постепенно развращають нашихъ дѣвицъ, знакомять ихъ съ образомъ мыслей, съ языкомъ непримиримыхъ враговъ нашихъ, заставляя забывать и презирать нашъ отечественный *»! («Сынъ Отечества», 1813, № XXVI, стр. 301—305).

Въ томъ же духѣ высказались около того времени Оленинъ и Гнѣдичъ, лица, бывшія въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Крыловымъ. Приглашая митрополита Филарета (бывшаго тогда ректоромъ петербургской духовной академіи) принять участіе въ торжественномъ открытіи императорской публичной библіотеки, онъ предлагалъ ему написать рѣчь въ которой были бы разрѣшены слѣдующіе вопросы: 1) Что полезнѣе для успѣха въ отечественной словесности: изученіе ли двухъ мертвыхъ классическихъ, или многихъ живыхъ чужихъ языковъ? 2) Время, употребляемое въ нашей молодости на пріобрѣтеніе самаго чистаго произношенія иностранныхъ языковъ, а особливо французскаго, не лучше ли бы сберечь на усовершенствованіе въ знаніи природнаго своего языка? И наконецъ 3) не вредно ли будетъ со временемъ для народной нравственности и для любви къ отечеству общее употребленіе живаго чужаго языка съ исключеніемъ природнаго даже въ обыкновенномъ разговорѣ съ ближними родственниками, не говоря о единоземцахъ». Къ послѣднему пункту Оленинъ относитъ слѣдующее примѣчаніе, прямо касающееся нашего предмета: «Признаюсь, я не могу довольно надивиться непонятной для меня страсти щеголять знаніемъ, а особливо чистымъ произношеніемъ всѣхъ языковъ, кромѣ своего природнаго! Скоро между нами будетъ, какъ при Вавилонскомъ столпотвореніи! *Не услышитъ кійждо гласа ближняго* (*своего*). Сіе странное изступленіе ума до такой степени доходитъ, что въ иныхъ русскихъ домахъ дѣти, рожденныя отъ русскихъ, учиться должны природнаго своего языка отъ такихъ учителей, которые бы знали какой нибудь иностранный языкъ, а безъ того бѣдныя, невинныя дѣти учителя своего въ самыхъ простыхъ изрѣченіяхъ понимать не въ состояніи. О tempora! o mores»! («Описаніе торжеств. открытія имп. публ. библ.» стр. 131—132).

Гнѣдичъ въ своей рѣчи «*о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности*», читанной при открытіи публичной библіотеки, находитъ, что главная причина заключается въ недостаткѣ строгаго классическаго образованія и пристрастіи къ французскому языку, который не могла вытѣснить даже ненависть, внушенная варварствомъ наполеонцевъ. «Я слышалъ», говоритъ онъ, «какъ убійцъ нашихъ дѣтей языкомъ убійцъ ихъ у насъ прокли-

---

* Статья эта была доставлена издателямъ съ слѣдующимъ, не лишеннымъ интереса письмомъ: «Соболѣзнующіе о заблужденіи нашихъ соотечественниковъ, а еще болѣе нашихъ молодыхъ соотечественницъ, просятъ издателей *Сына Отечества* помѣстить слѣдующее извѣстіе въ ихъ смѣси для свѣдѣнія всѣхъ вѣрныхъ и доблестныхъ россіянъ и россіянокъ».

*

нали съ прекраснымъ произношеніемъ. Я слышилъ какъ молили Бога о спасеніи отечества—языкомъ враговъ Бога и отечества, сохраняя выговоръ во всемъ совершенствѣ». (Тамъ же, стр. 90).

Такой рѣшительный протестъ противъ укоренившагося пристрастія къ французскому языку, французскимъ гувернерамъ и гуверналткамъ, конечно былъ слѣдствіемъ измѣненія понятій о Франціи и о французахъ, послѣдовавшаго за нашествіемъ Наполеона. Мы не станемъ говорить о ненависти, возбужденной его полчищами въ массѣ народа (см. «Зап.» Р. Вильсона, «Русск. Вѣстн.» за январь 1862 г., стр. 191 и 192); обратимъ вниманіе на то, какъ это чувство выразилось въ литературѣ, и именно въ «Сынѣ Отечества», въ которомъ Крыловъ въ то время помѣщалъ свои басни.

«Нынѣшнее слово французъ есть синонима чудовищу, извергу, варвару и проч. такого рода», говорится въ этомъ журналѣ (1812 г., ч. 8, стр. 90). Дѣйствительная безнравственность наполеоновскихъ солдатъ, которые оскверняли не только православные, но и католическіе храмы, какъ то видно изъ письма католическаго священника въ Москвѣ, свидѣтельствующаго о ихъ неблагопристойномъ поведеніи въ церкви, а впослѣдствіи подвергшагося личнымъ оскорбленіямъ и насмѣшкамъ при посѣщеніи больницы, гдѣ помѣщались плѣнные («Сынъ От.», 1812 г., ч. 2, стр. 180),—перенесена на всю націю и приписана французскому воспитанію. Французскій народъ представлялся лишеннымъ всѣхъ нравственныхъ основъ, разрушенныхъ энциклопедистами (тамъ же стр. 71), у него «религія сдѣлалась посмѣшищемъ, добродѣтель предразсудкомъ, а блестящіе пороки—добродѣтелями». А такъ какъ, по словамъ Платона, легче городъ построить на воздухѣ, чѣмъ учредить государство безъ религіи и нравственности, то авторъ анонимныхъ писемъ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ («Сынъ От.» ч. 8, 9 и 10), позволяя себѣ забѣжать впередъ, предсказываетъ совершенное исчезновеніе французской націи. «Приговоръ: delenda Francia! по его мнѣнію, во всѣхъ сердцахъ, если не у всѣхъ въ устахъ»; но этотъ приговоръ исполнится, «и тогда развратнѣйшій изъ всѣхъ народовъ представитъ собою ужасное позорище на театрѣ міра. Останки его, скитающіеся по свѣту, будутъ вопить, подобно Ѳезею въ Виргиліевомъ аду:

Discite justitiam moniti et non temnere Divos!

и докажутъ примѣромъ своимъ, что безъ вѣры, общество человѣческое, какъ бы оно сильно ни было, долго существовать не можетъ». Французскому народу наконецъ, предсказывается участь болѣе плачевная, чѣмъ евреевъ: «послѣднимъ религія служитъ узломъ, связующимъ бродячее ихъ общество; французамъ не предстоитъ и подобнаго сему жребія. Одно имъ останется—быть особливымъ родомъ цыганъ». (С. От.» 1813 г., ч. 8, стр. 96—97).

Отказавъ французскому народу въ нравственныхъ началахъ, отказали и въ качествахъ гражданина. Быстрый переходъ отъ ре-

волюціи и республики къ монархіи объясняется «подлостію и низостію народа». «Нѣсколько вѣковъ разврата потребно было на то, чтобы пріучить потомство Гракховъ ползать у ногъ Тиверія», говоритъ авторъ тѣхъ же писемъ: «во Франціи это дѣлается скорѣе: сегодня издается законъ, которымъ осужденъ на казнь всякъ, кто только осмѣлится предложить возстановленіе монархіи, а на другой день все стадо французское уже лежитъ у ногъ пришельца и присягаетъ ему въ вѣчномъ рабствѣ. Каковъ народъ?—Natio comoeda est»! (Тамъ же).

Французская литература, предъ которою безусловно преклонялись лучшіе умы XVIII и начала нынѣшняго вѣка, подверглась также строгому осужденію. О Расинѣ говорили, что все его очарованіе состоитъ въ искусствѣ владѣть своимъ языкомъ, что однакожъ не составляетъ генія-творца; поэму Вольтера называли «уродливою рапсодіею, холодною въ стихахъ декламаціею» въ Мольерѣ цѣнили только «очищеніе комедіи отъ кощунства; что же касается характеровъ, хода комедіи и развязки, то онъ занялъ ихъ отчасти у древнихъ, отчасти у испанскаго театра»; Ла-Фонтенъ оказывается подражателемъ Федру, Бокkaччіо и Аріосту. Наконецъ всю поэзію и художества французовъ упрекали въ страсти украшать природу и въ изнѣженномъ жеманствѣ, проникающемъ ихъ живопись, скульптуру и музыку». («С. От.», № XLIV).

Такимъ жалкимъ представлялся этотъ народъ, къ которому русское общество питало ничѣмъ непобѣдимое пристрастіе. На чемъ же могло основываться и чѣмъ поддерживалось это пристрастіе? Вопросъ этотъ разрѣшался очень просто: основано на привычкѣ, заразившей русское общество еще въ XVIII в., а поддерживается воспитаніемъ, «которое отравлено вліяніемъ французскимъ, которое низведено до безсмысленной заботливости о правильномъ носовомъ выговорѣ и изяществѣ манеръ». (Тамъ-же).

Всѣ эти разсужденія были, такъ сказать, резюмированы въ каррикатурѣ Теребенева: «Жидъ обманываетъ вещами, цыганъ лошадьми, французъ воспитаніемъ! Который вреднѣе»?. Содержаніе ея слѣдующее: съ правой стороны еврей услужливо подаетъ ящикъ съ галантерейными вещами; по серединѣ цыганъ старается украдкою разгорячить уродливую клячу, а на лѣвой сторонѣ — французъ, качаясь на стулѣ, самодовольно любуется билетомъ, на которомъ написано: 10 руб. за часъ. За нимъ у стола сидитъ мальчикъ за книжкою, и возлѣ него: Oeuvres de Voltaire, Honny soit qui mal y pense; далѣе — романъ Pigault le Brun, l'histoire de France и наконецъ географическая карта, на которой видна только Франція; законы же русскіе и россійская грамматика лежатъ подъ столомъ, надъ сочиненіями русскихъ авторовъ трудится мышь, а катихизисъ валяется подъ ногами учителя. (См. Сборникъ каррикатуръ имп. акад. наукъ.)

Таковы были мнѣнія, высказываемыя тѣмъ кругомъ, къ которому тогда принадлежалъ Крыловъ и нисколько не противорѣ-

чившія его собственнымъ убѣжденіямъ. Вотъ какъ онъ отзывался о французахъ еще въ «Почтѣ Духовъ»: «Скорѣе всего можно познакомиться съ французомъ: въ немъ нѣтъ ни гордости, свойственной испанцамъ, ни врожденной нѣмцамъ угрюмости, ниже той подозрительной улыбки, которая въ поступкахъ сопровождаетъ всегда италіянцевъ; кажется, природа одарила его столь выгодною наружностію, подъ которою должны храниться истинная добродѣтель и честнѣйшая въ свѣтѣ душа, но напротивъ того.... Однакожъ, оставимъ это; я не хочу никого вооружать противъ себя; если мало могу сказать добраго о французахъ, такъ, право это самому мнѣ досадно».... («Полное собраніе сочиненій», т. I, стр. 34.) Въ 1807 году въ двухъ своихъ комедіяхъ («Модная Лавка», гдѣ французъ представленъ плутомъ, ростовщикомъ и доносчикомъ, и «Урокъ дочкамъ»), имѣвшихъ огромный успѣхъ на сценѣ («Воспом.» Вигеля, ч. III, стр. 123), онъ язвительно смѣялся надъ галломаніею, господствовавшею въ столицѣ и въ провинціяхъ. Теперь же, когда литература сдѣлалась выраженіемъ патріотизма, иногда слишкомъ неумѣреннаго, но совершенно понятнаго при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда въ ней безпрестанно слышался громкій протестъ противъ «враговъ Бога и отечества», Крыловъ присоединился къ этому протесту и подъ видомъ змѣи, просящейся къ крестьянину въ домъ няньчить дѣтей, изобразилъ гувернера француза, несущаго съ собою нравственный ядъ.

1814.

—

LXIII. Лягушка и Юпитеръ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 29; но мы относимъ ее къ 1814 г., потому что она сохранилась въ рукописи, на которой означено 11 января 1814 г. Въ рукописи и въ изд. 1815 г. находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 6: Подъ тѣнью ивнячка.... (р. и 1816).
10: . . . . могли въ ней ползать мухи (р.)
12: Меня несчастную не погубите.
14: Чтобы въ моемъ помѣстьѣ....
16: Кричитъ лягушка безъ умолку.
19: Безмозглая!...
25: На свѣтѣ много мы такихъ головъ найдемъ.
26: Которымъ все, опричь себя....

Къ ст. 14 — 15: Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высыхала бы вода.

Измайловъ замѣчаетъ въ этихъ стихахъ грамматическую ошибку, состоящую въ ненужномъ повтореніи союза *бы*. («Соч.» т. II, стр. 676.)

Къ ст. 25 — 28: На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ....
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ.

Нравоучительная мысль этой б. выражается весьма разнообразно во многихъ народныхъ пословицахъ; каковы напр.: «Мнѣ, хоть весь свѣтъ гори, только бы я живъ былъ»; «Чортъ возьми сосѣда, жги огнемъ деревню»; «Мнѣ что до кого?—Было бъ намъ хорошо» и проч. («Пословицы русскаго народа, сбор.» Даля, стр. 666, 670, 671 и слѣд.)

LXIV. Прохожіе и Собаки.

Сохранилась въ двухъ рукописяхъ, изъ коихъ первая отмѣчена 11 января 1814 года, а вторая 12 мая того же года; но въ первый разъ напечатана въ изд. 1815 года ч. II, стр. 20; въ рукописяхъ и изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: И разговоръ вели....
9—11: Собакъ намъ не исправить;
Пойдемъ, увидишь самъ, что лучше ихъ оставить (рук. и изд. до 1819).
13—14: . . . . шаговъ десятковъ пять,
Какъ стало ни одной собаки не слыхать (р. и изд. до 1825).
15: Хулители (рук. и изд. до 1819).

Г. Флёри утверждаетъ, что Крыловъ заимствовалъ сюжетъ этой б. у Вольтера, который въ предисловіи къ своей трагедіи «Alzire, ou les américains (Théatre de Voltaire, Paris, 1801, t. III. p. 161), говоря о критикахъ, приводитъ слѣдующій разсказъ италіанскаго сатирика Боккалини (ум. 1613): «Un voyageur était importuné dans son chemin du bruit des cigales: il s'arrêta pour les tuer; il n'en vint pas à bout, et ne fit que s'écarter de sa route. Il n'avait qu'à continuer paisiblement son voyage; les cigales seraient mortes d'elles-mêmes au bout de huit jours». Хотя дѣйствительно этотъ разсказъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ баснею Крылова, но трудно сказать утвердительно, что именно онъ послужилъ ему источникомъ, потому что и въ другихъ литературахъ можно найти произведенія, въ которыхъ завистливые критики уподобляются животнымъ, безпокоящимъ путника. (Ср. стихотвореніе Гёте: der Kläffer); сверхъ того Крыловъ даетъ своей баснѣ самое общее значеніе: подъ собаками онъ разумѣетъ не однихъ критиковъ, но вообще «хулителей, завистниковъ».

У Сумарокова (кн. I, пр. XLIX) и у гр. Хвостова (кн. II, б. XXL) находимъ также басни подъ заглавіемъ: «Прохожій и Собака»; но притча Сумарокова не имѣетъ ничего общаго съ б. Крылова; басня же Хвостова написана въ подраженіе ей, о чемъ свидѣтельствуетъ примѣч. (48), что «авторъ не будетъ хвастаться изобрѣтеніемъ содержанія этой басни; нравоученіе свое онъ относитъ къ журналисту, который,

Зоильствомъ наполняя листъ,
Подчасъ облаетъ всѣхъ, и никому не вреденъ:
Онъ злобою богатъ,—умомъ и вкусомъ бѣденъ».

LXV. Безбожники.

Сохранилась въ рукописи, отмѣченной 11 янв. 1814 года; но напечатана въ первый разъ въ изданіи 1815 года ч. II, стр. 9; сверхъ упомянутой рукописи, сохранились еще двѣ черновыя этой басни, неизвѣстно, къ какому году относящіяся. Въ рукописяхъ и изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 8: . . . . судъ небесъ и слѣпъ.... (рукописи).
16—19: Олимпъ съ мольбой къ Зевесу приступилъ,
Чтобы грозящую бѣду онъ отвратилъ (2-я черн. рукоп.).
— Тутъ боги Зевсу бьютъ челомъ,
Чтобъ отвратилъ онъ зло иль силой, иль умомъ,
И даже всѣ согласны въ томъ,
На беззаконныхъ кинуть громъ (1-я черн. рук.).
— Тутъ боги Зевсу бьютъ челомъ,
Чтобъ отвратилъ онъ зло иль силой, иль умомъ,
И даже всѣ согласны въ томъ,
Что къ укрощенію....
20: Хоть маленькое сдѣлать чудо (1-я черн. р.).
24: Въ рукописяхъ и изданіяхъ до 1825 г. вкл. этого стиха нѣтъ.
25: Они въ дѣлахъ своихъ казнятся (2-я черн. рукоп.).
— . . . если не смирятся *,
То намъ ли въ небесахъ ихъ дерзости бояться?
Кому не вѣдомо изъ васъ,
Что камни, стрѣлы ихъ, не досягнувъ до насъ,
На нихъ же обратятся (1-я черн. рук.).
29: На собственныя ихъ обратилися главы (1-я черн. р.).
30—35: О вы,
Которымъ Богъ вручилъ о царствахъ попеченье!
Любите мудрости ученье;
Оно людей къ добру ведетъ.
Но бойтесь, если въ нихъ невѣріе гнѣздится;
Иль придетъ часъ, оно какъ туча разразится,
Присягу, и родство, и дружбу разорветъ
И каменнымъ дождемъ на царство упадетъ (1-я черн. р.).

«Въ баснѣ «Безбожники», говоритъ Плетневъ, «представлена картина, до такой степени поразительная и согласная съ очевид-

* Варіанты 25-го стиха и 30—35 напечатаны въ «Библіографич. запискахъ», 1859 г., т. II, стр. 85—87; первый изъ нихъ прочитанъ не совсѣмъ правильно: вмѣсто: «Что камни, стрѣлы ихъ, не досягнувъ до насъ, на нихъ же обратятся», — «Что камни, стрѣлы ихъ *не досягнутъ* до насъ.

ностію, что въ слѣдъ за нею, всякое сомнѣніе и легкомысліе уступятъ въ сердцѣ мѣсто отрадному вѣрованію». («Жизнь и соч. И. А. Крылова», стр. LVII.)

Нѣтъ сомнѣнія, что подъ этимъ безбожнымъ народомъ Крыловъ разумѣлъ французскій народъ; бѣдствія революціи и послѣдовавшія за нею тягости наполеоновскихъ войнъ, онъ, подобно всѣмъ своимъ современникамъ, приписываетъ исключительно вліянію философовъ, а потому и совѣтуетъ тѣмъ, кому «Богъ вручилъ о царствахъ попеченье», любить ученіе мудрецовъ, но бояться невѣрія, которое рано или поздно должно навлечь народныя бѣдствія.

Къ ст. 30: Плоды невѣрія ужасны таковы.

Измайловъ замѣчаетъ здѣсь грамматическую ошибку; надлежало бы сказать: «*такъ* или *столь ужасны плоды невѣрія*». («Соч.» т. II, стр. 676).

LXVI Крестьяне и Рѣка.

Сохранилась въ рукописи 11 января 1814 г.; напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. IV, стр. 30. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 8: Гдѣ озими изрыты.
24: Вздохнули и пошли домой.

Къ ст. 27—28: На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ по-поламъ.

Ср. заключеніе съ нравоученіемъ б. Эзопа «Претерпѣвшій кораблекрушеніе и Море» въ примѣч. къ б. «Пловецъ и Море».

Ср. эту б. съ разсказомъ у Гоголя о недогадливомъ просителѣ, которому обѣщали принести дѣло на домъ, но не несутъ. Онъ начинаетъ вывѣдывать и узнаетъ, что надо дать писарямъ.— «Почему же не дать? говоритъ онъ; я готовъ четвертакъ, другой.— Нѣтъ, не четвертакъ, а по бѣленькой! отвѣчаютъ ему. — По бѣленькой писарямъ? вскрикиваетъ проситель.—Да чего вы такъ горячитесь? отвѣчаютъ ему: оно такъ и выйдетъ: писарямъ и достанется по четвертаку, а остальное пойдетъ къ начальству». («Мертв. Души», ч. I, гл. XI).

LXVII Пожаръ и Алмазъ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 года, ч. IV, стр. 28; но сохранилась въ рукописи 11 января 1814 года, гдѣ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Тогда жъ, при общей тутъ тревогѣ (р).
8—9: Какъ ты ничтоженъ предо мной,
Сказалъ ему огонь, со всей твоей игрой.
17: . . . . блескъ твой ослабляетъ.
32: А ты живешь лишь тѣмъ....
37: . . . . . народъ пожаръ тушить принялся.

Здѣсь кстати припомнить, что пожаръ для Крылова былъ занимательнѣйшимъ зрѣлищемъ. Онъ не пропускалъ ни одного значительнаго пожара и о каждомъ сохранилъ самыя живыя воспоминанія. «Безъ сомнѣнія», замѣчаетъ Плетневъ, «отъ этой странной черты любопытства его произошло и то, что въ его басняхъ всѣ описанія пожаровъ такъ поразительно точны и оригинально хороши» («Полн. собр. соч.» т. I, стр. LXXIII).

LXVIII. Бумажный змѣй.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», 1814 г., № II, стр. 73, подъ заглавіемъ: «Бумажный змѣй и Мотылекъ», съ слѣд. варіантами:

Ст. 1—2: Бумажный змѣй, увидя съ высока (С. От.).
16: Безъ устали пустаго.

Къ ст. 16—17: Пустаго:
Вѣкъ цѣлый не трещу.

Измайловъ находитъ неправильность въ употребленіи глагола «*трещать*»; по его мнѣнію, это глаголъ средній и не можетъ управлять никакимъ падежомъ («Соч.» т. II, стр. 676); тоже самое онъ говоритъ и о дѣепричастіи «*гуторя*» въ б. «Муха и Дорожные», что совершенно несправедливо. Вообще Измайловъ требуетъ, чтобы, сочинитель, говоря самъ, изъяснялся «всегда правильно, и особливо избѣгалъ словъ, употребляемыхъ черныо». На этомъ основаніи онъ осуждаетъ выраженія: «*обидѣть не моги*, *стеречи* съѣстное, начнетъ *печи*, *глядитко* насъ».(Тамъ же).

LXIX. Тѣнь и человѣкъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества» 1814 г., № XI, стр. 206, и сохранилась въ рукописи 11 января 1814 г., гдѣ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Чудакъ.... (р. и изд. до 1819).
3: Она туда жъ; онъ наконецъ, что мочи есть, бѣжать (рук.).
8: . . . . видалъ я сколько разъ (рук).

У Хемницера есть б. подъ заглавіемъ: «Дуракъ и Тѣнь» («акад. изд. стр. 262), въ которой также, какъ и у Крылова, представленъ человѣкъ, гоняющійся за своею тѣнью. Разсказъ примѣняется къ человѣку, который «въ счастіи счастія искалъ», и заключается слѣдующими стихами:

— Ты счастья ищешь, а не знаешь,
Что ты, гоняяся за нимъ, его теряешь.
Послушайся меня, и ты его найдешь:
Остановись твоимъ желаньемъ
И будь доволенъ состояньемъ,
Въ которомъ ты живешь.

LXX. Прудъ и Рѣка.

Сохранилась въ рукописи, отмѣченной 12 мая 1814 г.; но напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. IV, стр. 14, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 4: Не уже ли таки.... (1816).
41: Этого стиха нѣтъ въ рукоп. и въ изданіяхъ 1816, 19 и 25 г.
48: По всякій день....

Мнѣніе Гоголя объ этой б. см. въ примѣч. къ б. «Сочинитель и Разбойникъ».

LXXI. Дерево.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г.; въ первый разъ напечатана въ изд. 1816 года, ч. IV, стр. 8, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 5: Этотъ стихъ внесенъ въ изд. 1830 г.
7: Притомъ же солнечный мнѣ чуть мелькаетъ свѣтъ (р.).
9—12: Когда бъ вокругъ меня не этотъ сбродъ,
Я вѣрно бъ выросла до облакъ въ годъ,

И скрасилась бы мной здѣсь цѣлая долина;
Теперь же тоновъ я и сухъ, какъ хворостина (1816).
— Послѣдній стихъ въ изд. 1819 г.:
Теперь же я какъ хворостина.
— И скрасила бъ собой здѣсь цѣлую долину;
Теперь же не расту и въ половину (р.).
14: И молодому другу (р.)
18: То жаромъ солнечнымъ печетъ.
20: И бурей....
23: Когда бъ укрытое ты лѣсомъ....
25—26: Деревья крѣпкія тебя бы берегли.
И если бъ нѣкогда большихъ деревъ не стало.
28: То до того ты столько бъ возрлосло (1816, 19).

У Хемницера есть б. подъ тѣмъ же заглавіемъ («академ. изд.», стр. 117). Въ ней также представлено дерево, недовольное тѣмъ, что растетъ въ долинѣ. Зевесъ превращаетъ долину, въ гору, и когда поднялась буря, то дерево позавидовало деревьямъ, растущимъ въ долинѣ. Басня примѣняется къ людямъ, стоящимъ на высотѣ.

LXXII. Камень и Червякъ.

Въ первый разъ напечатана въ изд. 1816 года, ч. V, стр. 7, но сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г. гдѣ находимъ слѣдующее заключеніе, не вошедшее ни въ одно изданіе:

Послѣ 18 ст.: Такъ нечего тебѣ напрасно тратить словъ,
И долгимъ здѣсь твоимъ бытьемъ гордиться;
А развѣ тѣмъ ты можешь похвалиться,
Что въ нѣсколько вѣковъ
Не пролежалъ ты здѣсь боковъ.

—

Есть люди, коихъ Богъ, конечно, избираетъ:
Таковъ вельможа мудрый, вождь,
Хоть иногда судьба ихъ жизнь....*,
Но жизнь сія, какъ благотворный дождь,
Здѣсь по слѣдамъ своимъ лишь благо оставляетъ.

—

Вы спросите: кого жъ намъ къ камню примѣнить?
Про тѣхъ не стоитъ говорить.

---

* Послѣднее слово въ этомъ стихѣ осталось не разобраннымъ.

LXXIII. Чижъ и Голубь.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г. и напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 1. Ни въ рукописи, ни въ изданіяхъ не находимъ никакихъ перемѣнъ.

Къ ст. 10: Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ.

Ср. пословицу: «Не радуйся чужому безвременью! самъ подъ Богомъ ходишь». (Снегиревъ, стр. 285).

Какъ на источникъ этой басни г. Флёри указываетъ на б. Федра: Passer et Lepus (кн. I, б. 9). Вотъ ея содержаніе: «Схваченный орломъ заяцъ жалобно стоналъ, а воробей началъ укорять его, говоря: гдѣ же твое прославленное искусство прыгать? Въ это самое время его схватилъ мальчишка и задушилъ. Полумертвый заяцъ простоналъ: одно утѣшеніе въ смерти. Ты былъ безучастенъ къ моему несчастью, а теперь судьба привела тебя къ такому же бѣдствію». Этимъ разсказомъ доказывается то положеніе, что глупо поступаютъ тѣ, которые сами не берегутся, а даютъ совѣты другимъ.»

LXXIV. Орелъ и Кротъ.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г., но напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. IV, стр. 3, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 12—14: Что корнемъ онъ не крѣпокъ и не цѣлъ,
Что даже, можетъ быть, онъ скоро и свалится,
Такъ чтобы вить на немъ гдѣзда
Не принималъ Орелъ напраснаго труда (р. 1816, 19).
32—34: Несчастный! онъ сказалъ: за то бѣда мнѣ эта,
Что не послушалъ я совѣта.
30: Но какъ же было воображать... (р.).
38—41: .... Кротъ сказалъ: то бъ зналъ, что подъ землею
Живу я вѣкъ и, роясь близъ корней,
Здорово ль дерево, могу судить вѣрнѣй.

Къ ст. 1—2: Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

Эти два стиха внесены Д. К. и Снегиревымъ въ сборники народныхъ пословицъ.

LXXV. Комаръ и Пастухъ.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г., но напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 года, ч. V, стр. 13, съ слѣдующею незначительною перемѣною:

Ст. 3: Ползетъ къ нему, обливши ядомъ жало (до изд. 1830).

По мнѣнію г. Флёри эта маленькая басня есть ни то иное, какъ весьма сжатое резюме пространной поэмы Виргиля Culex, написанной имъ еще въ юности.

LXXVI. Крестьянинъ и Разбойникъ.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г., но напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. IV, стр. 18, съ незначительными перемѣнами.

Ст. 4: Брелъ подъ вечеръ домой.... (р.).
6: Разбойникъ мужичка.... (до изд. 1843).

LXXVII. Лебедь, Щука и Ракъ.

Сохранилась въ рукуписи 12 мая 1814 г.; напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. 4, стр. 10:

Ст. 7: ... а возу нѣту ходу (изд. 1816, 19).

Эту басню такъ часто примѣняли къ различнымъ коллективнымъ учрежденіямъ и преимущественно къ государственному совѣту, что наконецъ утвердилось мнѣніе, будто она была вызвана несогласіями членовъ этого совѣта. Но чтобы утвердительно сказать, что именно къ нему относится сатира Крылова, для того нѣтъ никакихъ данныхъ. Другіе же видятъ въ ней сатиру на Вѣнскій конгрессъ; но Вѣнскій конгрессъ открылся 1 ноября 1814 г., а басня, какъ показываетъ рукопись, написана была уже въ маѣ 1814 г.

Къ ст. 7—10: Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу нѣту ходу....
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.

Измайловъ находитъ неестественнымъ соединеніе этихъ дѣйствующихъ лицъ за однимъ дѣломъ: «если, дѣйствительно, поклажа была легка, то лебедь могъ поднять на воздухъ и возъ, и щуку, и рака»..(«Соч.» т. II, стр. 654.)

LXXVIII. Клеветникъ и Змѣя.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г.; напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чтеніе 17-е, стр. 45 (цензорская отмѣтка отъ 18 дек. 1814 г.), съ слѣдующимъ варіантомъ:

Ст. 5—7: Въ какомъ-то торжествѣ въ аду,
Для дня рожденія Аттилы иль Нерона,
Иль, можетъ быть, Наполеона;
Боюсь сказать,
Чтобъ не солгать;
А впрочемъ все равно; извѣстно: дни такіе
У сатаны
Всѣ въ табель включены
И торжества для нихъ уставлены большія;
Такъ въ торжествѣ такомъ,
Готовясь въ ходъ, змѣя съ клеветникомъ
Другъ другу уступить ни пяди не хотѣли... (до изд. 1825).
10: А въ адѣ большинство.... (Ч. въ Б.).

Эта басня тогда-же была перепечатана въ «Сынѣ Отечества» (ч. 21, № XVII, стр. 170). Въ этомъ № стр. 181, въ отдѣлѣ современной русской библіографіи помѣщено извѣстіе о выходѣ означенной книги «Чтенія въ Бесѣдѣ любит. р. сл.» въ перечнемъ помѣщенныхъ въ ней статей, при чемъ редакторъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «одною изъ сихъ басенъ украсили мы нынѣшнюю книжку «С. О.». Почтенный сочинитель въ нынѣшнемъ году забылъ нашъ журналъ». Дѣйствительно, Крыловъ шесть послѣднихъ б., написанныхъ въ 1814 г., напечаталъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ», чѣмъ отчасти оправдывается выраженіе Вигеля: «Крыловъ выдалъ особу свою Бесѣдѣ». («Воспом.», ч. III, стр. 152.).

Къ ст. 28—31: Но можешь ли язвить ты такъ издалека....
Ни за морями.

Ср. пословицу: «Змѣю обойдешь, а отъ клеветы не уйдешь». (Сборн. Даля, стр. 179.)

LXXIX. Конь и Всадникъ.

Напечатана въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 10; но сохранилась въ двухъ спискахъ въ рукописи 12 мая 1814 г.; въ первомъ изъ нихъ сдѣлано нѣсколько измѣненій, второй совершенно сходенъ съ первою печатною редакціею. Приводимъ варіанты:

Ст. 6: Съ собою всадникъ разсуждалъ (р.).
16—17: Мой расходился конь ретивый;
Въ немъ разыгралась кровь....
21—22: Напрасно на него дрожащею рукой
Сѣдокъ узду накинуть покушался.

По идеѣ и по нѣкоторымъ подробностямъ эта басня сходна съ стихотвореніемъ Державина «Колесница» («Соч.», академич. изд., т. I, стр. 524). У Державина возница, убѣжденный, что кони его смирны, ослабилъ возжи и задремалъ. Кони понеслись:

Дрожатъ, храпятъ, ушми прядутъ,
И, стиснувъ сталь во рту зубами,
Изъ рукъ возницы возжи рвутъ,
Бросаются и прахъ ногами,
Какъ вихорь, подъ собою вьютъ;
Какъ стрѣлы изъ лука пущенны,
Летятъ они во весь опоръ.
Отъ сна возница возбужденный,
Поспѣшно открываетъ взоръ....
Уже колеса позлащенны,
Какъ огнь, сквозь пыль кружась, гремятъ!
Ѣздокъ, ихъ шумомъ устрашенный,
Вращая поблѣднѣлый взглядъ,
Хватаетъ возжи, но ужъ поздно;
Зоветъ по именамъ коней,
Кричитъ и ихъ смиряетъ грозно;
Но ужъ они его рѣчей
Не слушаютъ, не понимаютъ;
Не знаютъ голоса того,
Кто ихъ любилъ, кормилъ,—пыхаютъ
И звѣрски взоры на него
Бросаютъ страшными огнями.
Ужъ дымъ съ ихъ жаркихъ мордъ валитъ....

Возница падаетъ подъ нихъ.
Безъ управленья, перевѣса,
И колесница вмигъ,
Какъ лодка, бурей устремленна,
Безъ кормщика, снастей, средь волнъ,
Разломанна и раздробленна,
Въ ровъ мрачный вержется вверхъ дномъ.
Раззбруенные Буцефалы,
Томясь отъ жажды, отъ алчбы,
Чрезъ камни, пни, бугры, забралы
Несутся, скачутъ на дыбы
И, что̀ ни встрѣтятъ, сокрушаютъ.
Отвсюду слышенъ вопль и стонъ;
Кровавы рѣки протекаютъ;
По стогнамъ мертвыхъ милліонъ!
И въ толь остервененьи лютомъ,
Всѣ силы сами потерявъ,
Падутъ стремглавъ смердящимъ трупомъ,
Безумной воли жертвой ставъ.

Обыкновенно думаютъ, что Крыловъ этою баснею отвѣчалъ на либеральныя стремленія, возникшія въ нашемъ обществѣ послѣ войнъ съ Наполеономъ. Отчасти онъ самъ, а еще болѣе Плетневъ, сказавшій, что б. «Конь и Всадникъ» «есть отвѣтъ на политическіе толки» («Полн. собр. соч.», т. I, стр. LVII), были причиною тому, что ее примѣнили именно къ революціонной пропагандѣ, которую начали съ 1818 года тайныя политическія общества, образовавшіяся сперва въ Москвѣ, а потомъ и въ Петербургѣ: въ изданіи 1825 года Крыловъ помѣстилъ эту басню въ самомъ началѣ и такимъ образомъ заставилъ своихъ современниковъ искать въ ней прямыхъ намековъ на дѣйствительность; приложенная къ ней прекрасная картинка, работа Зауэрвейта, скомпонованная по мысли Алексѣя Николаевича Оленина (какъ то доказываетъ подпись А. О.), должна была обратить на нее особенное вниманіе. Но отмѣченная 12 мая 1814 года рукопись, въ которой находимъ вполнѣ законченную редакцію этой басни, положительно доказываетъ, что, задумавъ ее, Крыловъ могъ имѣть въ виду только французскую революцію и бѣдственныя ея послѣдствія. Въ его Всадникѣ, какъ и въ Возницѣ Державина, мы должны видѣть Людовика XVI, а въ Конѣ—французскій народъ; тогда и заключительное четверостишіе:

Какъ ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана,—

пріобрѣтаетъ болѣе основательное значеніе, какъ выводъ изъ совершившагося уже факта.

Г. Галаховъ полагаетъ, что вѣрнѣе было бы примѣнить эту басню «къ намѣреніямъ правительства уничтожить крѣпостное право, которыя въ однихъ лицахъ встрѣчали сочувствіе, а другими были неодобряемы.» (Ист. Рус. Слов., т. II, стр. 316). Съ этимъ мнѣніемъ мы не находимъ возможности согласиться. Если бы это было такъ, то какъ объяснить смыслъ б. «Листы и Корни», въ которой и современники, и ближайшее потомство Крылова видѣло протестъ противъ крѣпостнаго права? Какъ объяснить тѣ рѣзкія, язвительныя замѣчанія о злоупотребленіи крѣпостнымъ правомъ, которыя разбросаны во всѣхъ предъидущихъ сочиненіяхъ Крылова, на которыя указываетъ и самъ почтенный историкъ? (Ист. Р. Слов., т. II, стр. 295 и 297). Неужели непослѣдовательностію? «Но уличить его въ непослѣдовательности едва ли кто возьмется», говоритъ г. Галаховъ (тамъ же, стр. 316).

LXXX. Добрая Лисица.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чтеніе 17, стр. 43 (одобрено цензоромъ, 18 дек. 1814 г.), подъ заглавіемъ «Лисица», такъ же какъ и въ рукописи 12 мая 1814 г.; настоящее же заглавіе дано этой баснѣ въ изд. 1816 г. Въ рукописи и изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: .... за ней еще должны .... (р. и изд. 1816).
6: Бѣдняжки терпятъ голодъ (чужою рукою вписано: Малютки).
10: Такое горе видя.
17: .... жизнь имъ сохраните.
36—37: Когда птеняточекъ ко сну потянетъ;
Межъ тѣмъ какъ съ гнѣздышкомъ зефиръ качать ихъ станетъ.
38: Съ такой-то нѣжностью... (чужою рукою исправлено: Такою).

Нѣкоторое, впрочемъ, весьма отдаленное сходство находимъ между этой б. Крылова и двумя баснями Флоріана: въ первой изъ нихъ le Renard qui prêche (кн. III, б. XV), переведенной Дмитріевымъ, подъ заглавіемъ «Лиса-Проповѣдница» (кн. I, б. VI), дряхлая, болѣзненная лисица, удалясь отъ свѣта, проповѣдуетъ добродѣтель и кротость, громитъ кровожадныхъ медвѣдей, тигровъ, львовъ. Молва объ ея краснорѣчіи доходитъ до царя звѣрей. Ее приглашаютъ ко двору, и левъ, восхищенный ея рѣчью,

спрашиваетъ, чего она желаетъ въ награду за свои поученія. — Sire, quelques dindons, отвѣчала лисица. — Въ другой баснѣ: la jeune Poule et le vieux Renard (кн. II, б. XVII), лисица, встрѣтивъ заблудившагося цыпленка, разсказываетъ ему, что ходитъ слухъ, будто въ слѣдующую ночь намѣревается забраться въ ихъ курятникъ очень хитрая и злая лисица; но такъ какъ предохранять невинныхъ отъ опасности составляетъ для нея самое большое наслажденіе, то она проситъ цыпленка показать ей дорогу къ курятнику. Цыпленокъ показываетъ, и лисица, ворвавшись въ него, передушила всѣхъ куръ.—Басня заключается слѣдующимъ двустишіемъ:

La pire espèce de méchans
Est celle des vieux hypocrites.

Подобнымъ же образомъ представлена лисица въ баснѣ Ла Фонтена le Coq et le Renard (кн. II, б. XV): увидѣвъ сидящаго на деревѣ пѣтуха, лисица приглашаетъ его спуститься на землю и увѣряетъ, что заключенъ на этотъ разъ общій миръ, почему она хотѣла бы поцѣловать его по-братски. Различіе между этой баснею и предшествующими состоитъ въ томъ, что пѣтухъ не поддается обману.

Сличивъ съ этими баснями басню Крылова, не трудно замѣтить, что сходство между ними заключается единственно въ характерѣ главнаго дѣйствующаго лица—лисицы; но событія, вся обстановка и нравоученіе не имѣютъ ничего общаго съ ними.

Эта басня, безъ всякаго сомнѣнія, вызвана современными явленіями: послѣ наполеоновскихъ войнъ осталось въ Россіи множество семействъ, совершенно разоренныхъ вслѣдствіе нашествія непріятеля или вслѣдствіе того, что отцы ихъ пали на полѣ брани. Сочувствіе къ такимъ несчастнымъ жертвамъ событій не заключало въ себѣ, конечно, ничего достойнаго порицанія; но чрезмѣрное увлеченіе и благотворительностію могло обличать въ людяхъ и смѣшныя и дурныя ихъ стороны. Въ тогдашнихъ журналахъ безпрестанно читаемъ объявленія, въ которыхъ изображается бѣдственное состояніе какого либо лица или семейства и призываются всѣ къ благотворенію. Съ другой стороны, въ тѣхъ же журналахъ находимъ длинные списки лицъ, жертвовавшихъ въ пользу бѣдныхъ, а иногда и письма отъ нихъ къ издателямъ, отзывающіяся самымъ безцеремоннымъ самохвальствомъ. (См. «Сынъ Отечества» 1814 и 1815 г.). Этого рода явленія, по всей вѣроятности, заставили нашего поэта сказать:

Кто добръ по-истинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ.

LXXXI. Чижъ и Ежъ.

Была читана Крыловымъ въ «Бесѣдѣ любителей русскаго слова» и напечатана въ 17-мъ чтеніи, стр. 100, которое вышло въ свѣтъ уже въ 1815 г., но было одобрено цензоромъ 18 декабря 1814 г. Въ сохранившейся рукописи, отмѣченной 12 мая 1814 г., и изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Покой и музыку любя (р.).
3—10: Не изъ награды, не изъ славы,
А для своей забавы,—
Какъ изъ морей
И въ блескѣ, и во славѣ всей
Фебъ лучезарный показался,
И громкій соловьевъ по рощѣ свистъ раздался (р.).
12: Кумъ милый .... (р. и Чт. въ Б.).
17: Такъ нынѣ я крушуся .... (р.).

Разсказываютъ, будто этою баснею Крыловъ отвѣчалъ на упреки своихъ друзей, что онъ пишетъ только басни, и на совѣты ихъ написать что нибудь по-серьезнѣе на возвращеніе имп. Александра въ Россію. «Когда послѣ взятія Парижа», говоритъ Вигель, «Александръ возвратился въ Петербургъ*, тогда вся восхищенная толпа поэтовъ въ честь и славу его возвысила свои искренніе, некупленные голоса, и Жуковскій** посланіе свое къ нему начиналъ сими словами:

Когда летящіе отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, къ тебѣ зовутъ: великій ....

когда раздался всеобщій сей, безподобный, трогательный гимнъ, то въ немъ различить можно было и умирающіе звуки лиры Державина***, и нѣжный, но уже сильный голосъ еще ребенка Пушкина****, который посвятилъ ему первые плоды чуднаго своего

---

* Имп. Александръ возвратился въ Петербургъ 6 іюля 1814 г.; на праздникѣ, данномъ по этому поводу имп. Маріею Ѳеодоровною въ Павловскѣ, пѣли пѣсню Лобанова: «Ѣздилъ Русскій бѣлый царь» (Михайловскій-Данилевскій, т. VII, стр. 314).

** См. «Собраніе соч.» изд. 1849, т. II, стр. 163.

*** Въ академическомъ изданіи «Сочиненій» Державина находимъ два стихотворенія, относящіяся къ возвращенію Александра: «На возвращеніе Императора Александра I» (т. III, стр. 214), которое авторъ назвалъ кантатою и которое было пѣто въ Павловскѣ у имп. Маріи Ѳеодоровны, 17 іюня 1814 г., и «На срѣтеніе побѣдителя Европы, Александра I» (т. III, стр. 215).

**** Здѣсь Вигель ошибается: въ 1814 году Пушкинъ не писалъ ничего по поводу возвращенія имп. Александра (см. изд. Анненкова, т. II).

таланта *. Крыловъ нашелъ средство въ маленькой премилой баснѣ «Чижъ и Ежъ» также воспѣть ему хвалу». («Воспоминанія», ч. IV, стр. 159.) Упомянутая выше рукопись доказываетъ, что Крыловъ предупредилъ всѣ упреки и совѣты: почти за мѣсяцъ до возвращенія имп. Александра, онъ прочиталъ уже вполнѣ отдѣланную басню имп. Маріи Ѳеодоровнѣ. Можетъ быть, и это очень вѣроятно, что извѣстіе о взятіи Парижа, и о томъ, какое высокое положеніе занялъ Александръ послѣ этого событія, побудили поэта къ сочиненію этой басни.

LXXXII. Троеженецъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», 1814 г., № XXVII, стр. 23, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 6: То.... (С. О.).
9—11: И чтобъ никто не могъ впередъ
Такое сдѣлать злодѣянье;
А если-де найду....
14: Въ сердцахъ у нихъ боязнь.
18: . . . . отъ зла людей не отучаютъ.

Покойный Н. И. Гречъ разсказывалъ намъ, что эта басня написана была по поводу производившагося тогда въ сенатѣ разводнаго дѣла Егора Борисовича Фукса, который, разведясь съ первою женою и, не дождавшись окончанія дѣла, возникшаго по поводу его развода со второю, перешелъ изъ лютеранскаго вѣроисповѣданія въ православное и вступилъ въ третій бракъ. Въ общемъ собраніи сената, которое, по высочайшему повелѣнію, разсматривало это дѣло не въ очередь, кто-то изъ сенаторовъ сказалъ: «Что же намъ разсуждать объ этомъ? Крыловъ прежде насъ рѣшилъ дѣло?» Фуксъ очень былъ оскорбленъ появленіемъ въ печати басни и совершенно прервалъ знакомство съ Гречемъ, редакторомъ и издателемъ «Сына Отечества».

Г. Флёри (Journal de St.-Petersbourg, № 219, 1867) полагаетъ, что б. «Троеженецъ» есть переложеніе въ дѣйствіе bon-mot, ко-

* Къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній, написанныхъ по этому поводу принадлежитъ стих. Н. Карамзина: «Освобожденіе Европы и слава Александра I», которое было напечатано въ «Вѣстн. Европы», 1814 г., ч. I, стр. 238, и отдѣльно; стихотвореніе А. Востокова: «Государю Императору на возвращеніе Его Величества въ Россію по заключеніи всеобщаго мира». («Стихотворенія», изд. 1821 г., ч. III, стр. 260).

торое является во множествѣ французскихъ сочиненій. Но исторія происхожденія этой басни, кажется, не оставляетъ сомнѣнія, что и по содержанію, и по формѣ она вполнѣ принадлежитъ Крылову.

LXXXIII. Любопытный.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества» 1814 г., № XL, стр. 69 и сохранилась въ рукописи, гдѣ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 6: Ужъ подлинно чудесъ палата (р.).
7: Куда на выдумки натура.... (р. и С. О.).

Въ своихъ «Воспоминаніяхъ о И. А. Крыловѣ» Булгаринъ разсказываетъ что «одинъ стихотворецъ (но не поэтъ), впрочемъ человѣкъ остроумный, выпустилъ въ свѣтъ стишки, въ которыхъ говоритъ, что въ литературѣ три великихъ баснописца и всѣ трое Иваны: Иванъ Ла Фонтенъ, Иванъ Хемницеръ и Иванъ Дмитріевъ. Объ Иванѣ Крыловѣ, уже наслаждавшемся полною славою,—ни помина»! («Сѣверная пчела», 1845, № 8). Говорятъ, будто Крыловъ, оскорбленный такимъ невниманіемъ, написалъ басню «Любопытной, въ которой далъ понять автору стихотворенія, что онъ посмотрѣлъ козявокъ, мушекъ и проч., а слона-то, Ивана Крылова, не замѣтилъ.

Г. Флёри (Journal de St.-Petersbourg, № 219, 1867) выразилъ мысль, что въ этой баснѣ Крыловъ вооружается противъ «ученыхъ, занятыхъ мелочными изслѣдованіями»; такое объясненіе значенія басни весьма близко къ толкованію Плетнева, который причисляетъ ее къ разряду тѣхъ произведеній нашего баснописца, въ которыхъ онъ указываетъ, какъ «нелѣпъ педантизмъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ» («Полн. собр. соч.», т. I, стр. LVII; см. прим. къ б. «Огородникъ и Философъ»). Мы думаемъ, что вѣрнѣе всего будетъ склониться на сторону послѣдняго объясненія, потому что первое, свидѣтельствуя о колоссальномъ самолюбіи Крылова, будто бы считавшаго себя слономъ въ сравненіи съ Ла Фонтеномъ, противорѣчитъ взгляду его на этого баснописца, выраженному въ б. «Подгара и Паукъ», и взгляду на самого себя, высказавшемуся въ б. «Чижъ и Ежъ». Нельзя сказать, чтобы Крыловъ вовсе не былъ самолюбивъ. Онъ самъ сказалъ о себѣ въ письмѣ къ Варварѣ Алексѣевнѣ Олениной: «Я авторъ, и сказать вамъ на ушко, довольно самолюбивъ» (Жизнь и соч. И. А. Крылова», Лобанова, стр. 72); Лобановъ также замѣчаетъ, что онъ «не

чуждъ былъ этого» (тамъ же, стр. 76); однако трудно предположить, чтобы авторское самолюбіе могло побудить столь разумнаго и сдержаннаго человѣка, дожившаго уже почти до пятидесяти лѣтъ, къ такой ребяческой выходкѣ. Сверхъ того, свойственная только посредственности, самоувѣренность, которую надлежало бы предположить въ Крыловѣ, придавая баснѣ его то значеніе, какое ей даетъ молва, была совершенно чужда ему: «... прочтите мои басни», пишетъ онъ къ В. А. Олениной, посылая ей три новыя басни, «и скажите (если лѣнь вамъ не помѣшаетъ ко мнѣ отписать), скажите чистосердечно: на много ли я поглупѣлъ, и какъ онѣ въ сравненіи съ прежними моими баснями. Ахъ, какъ я боюсь, чтобы не сдѣлаться архіепископомъ гренадскимъ и чтобы мнѣ не сказали: point d'homélies, monseigneur. Право, мнѣ кажется, я похожъ на стараго танцовщика, который, хотя отъ лѣтъ сутулится, а все еще становится въ третью позицію». (Лобановъ, стр. 75.)

Еще опредѣлительнѣе высказался взглядъ Крылова на самого себя въ томъ, что онъ сказалъ Плетневу и Карлгофу, пріѣхавшимъ приглашать его на юбилейный обѣдъ. «Знаете что», сказалъ онъ имъ: «я не умѣю сказать, какъ благодаренъ за все моимъ друзьямъ, и конечно, мнѣ еще веселѣе ихъ быть сегодня вмѣстѣ съ ними; боюсь только, не подумали бы вы чего лишняго: вѣдь я то же, что иной морякъ, съ которымъ отъ того только бѣды не случилось, что онъ не хаживалъ далеко въ море». («Полн. собр. соч.», т. I, стр. LXXVI.)

По другимъ свѣдѣніямъ поводомъ къ сочиненію этой басни послужилъ слѣдующій случай: кто-то изъ пріѣзжихъ въ Петербургъ, посѣтивъ кунсткамеру, за обѣдомъ, у Авр. Серг. Норова съ восторгомъ говорилъ объ ея богатыхъ коллекціяхъ, останавливаясь на самыхъ мельчайшихъ предметахъ. На вопросъ же, видѣлъ ли онъ слона, отвѣчалъ: «виноватъ, слона я не замѣтилъ». Этотъ разсказъ сообщенъ намъ А. А. Кунинымъ.

LXXXIV. Бочка.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чтеніе 16, стр. 55 (Цензорская отмѣтка 6-го апрѣля 1816 г.) *

---

* Хотя 17-е чтеніе въ Бесѣдѣ было цензуровано прежде 16-го (18-го декабря 1814), но мы здѣсь, какъ и выше, слѣдуемъ порядку чтеній, о которыхъ въ свое время были публикаціи, между прочимъ въ «Сынѣ Отечества».

Ст. 2: .... дни на два.... (Чт. въ Б.).
4: Ну....
7—8: Какъ воротилася она, тогда опять
По-прежнему возить въ ней стали воду.
9:.... да дѣло только въ томъ.
11—12: И напиталась такъ простымъ виномъ,
Что винный духъ отъ ней пошелъ во всемъ.
18: .... онъ долженъ былъ разстаться.
19—21: Нельзя довольно вамъ, отцы, остерегаться,
Когда ввѣряете наставнику дѣтей.
Намъ стоитъ только съ юныхъ дней
Лишь вреднымъ толкомъ напитаться....
24: Имъ станешь вѣчно отзываться.

Значеніе этой басни отчасти объясняетъ Плетневъ: «Глубоко проникнутый убѣжденіемъ, сколько правственнаго зла распространяется въ государствѣ отъ ложнаго понятія о воспитаніи, и въ какой мѣрѣ задерживаются успѣхи общественнаго образованія отъ предпочтенія иностраннаго языка отечественному, Крыловъ, въ каждомъ періодѣ литературной жизни своей, обращался къ развитію темы» о воспитаніи. «Ей посвятилъ онъ.... двѣ комедіи: «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ» и три басни: «Крестьянинъ и Змѣя», «Бочка» и «Воспитаніе Льва».

Въ «Почтѣ Духовъ» онъ также затрогиваетъ этотъ вопросъ: «Еще не прошло одного вѣка, какъ жители здѣшніе сами воспитывали своихъ дѣтей, и толковали имъ только о томъ, чтобы были они честными людьми, храбрыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастія. Къ такимъ наставленіямъ нерѣдко способствовали примѣры самихъ отцовъ, которые всегда старались содержать при себѣ дѣтей своихъ. Тогда жители здѣшніе хотя не были красноречивы, но говорили такія истины, которыя не было нужно поддерживать краснорѣчіемъ. Теперь же по прошествіи варварскихъ временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по-французски и болтать цѣлый день, не затворяя рта, въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились французы. Теперь не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать дѣтей своихъ пріятными въ большомъ свѣтѣ, и для того учатъ ихъ хорошо кланяться, держать себя въ лучшемъ положеніи и не говорить здѣшнимъ языкомъ, но иностраннымъ. Имъ не говорятъ ни слова о томъ, что есть добродѣтель и полезна ли она. Отцы совѣтуютъ всегда имѣть въ наличности деньги, которыя могутъ замѣнить достоинства и поправлять недостатки; а учители научаютъ промѣнивать эти деньги на кафтаны и на щегольство, которое здѣсь замѣняетъ иногда богатство». («Полн. собр. соч.», т. I, стр. 151).—Нельзя однакожъ не видѣть, что въ этой баснѣ Крыловъ глубже, чѣмъ во

всѣхъ упомянутыхъ произведеніяхъ, разсматриваетъ этотъ вопросъ. Онъ не ограничивается однимъ языкомъ: онъ прямо говоритъ о томъ «вредномъ ученіи» или «вредныхъ толкахъ», проводниками которыхъ въ нашемъ обществѣ могли быть французскіе наставники, оставшіеся въ Россіи послѣ 1812 года. Но въ чемъ состояло это вредное, по мнѣнію Крылова, ученіе? На этотъ вопросъ отвѣчать возможно только предположительно. «Ни матеріализмъ, ни мистицизмъ, ни либерализмъ», говоритъ Плетневъ, (стр. LVII), не свели его съ той дороги религіи, философіи и политики, на которой утвердился онъ собственнымъ размышленіемъ». Т. е. Крыловъ, никогда не увлекаясь моднымъ настроеніемъ умовъ, постоянно оставался вѣренъ однимъ и тѣмъ же убѣжденіямъ.

Замѣчаніе Плетнева, въ которомъ рядомъ съ матеріализмомъ, проповѣдывавшимся до 1812 года, упомянуто о мистицизмѣ, даетъ нѣкоторое основаніе думать, что въ концѣ 1814 года онъ вооружился противъ мистиковъ. Вспомнимъ, что въ это время знаменитая баронесса Крюднеръ уже вела въ Парижѣ бесѣды съ монархами, рѣшавшими судьбы Европы; что сочиненія Штиллинга не только читались и переводились въ Россіи, но и вызывали подражанія; такова, напр., «Побѣдная повѣсть», въ которой предсказывается всемірная революція и свѣтопреставленіе, долженствующее наступить въ 1836 году. Къ этому же времени относится возникновеніе тайныхъ мистическихъ обществъ, о цѣли которыхъ одинъ современникъ выражается такимъ образомъ: «Адская гордость породила тайныя общества, кои подъ видомъ братолюбія и самоотверженія стремятся надъ всѣми владычествовать тайнымъ образомъ.... Это обольщеніе производятъ они наипаче изданіемъ коварныхъ книгъ, имѣющихъ благовидную наружность, но внутренность, постигаемую размышленіемъ, погибельную» *. Что эти общества пріобрѣтали многочисленныхъ адептовъ и начинали угрожать общественному благосостоянію, видно изъ письма бывшаго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, С. С. Уварова къ императору Александру (отъ 18 ноября 1821 года) по поводу гоненія на профессоровъ с.-петербургскаго университета (Гер-

---

* Степанъ Смирновъ, «Чтенія въ имп. обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», 1858 г., окт.—дек., кн. 4, отд. V, стр. 139, «Письмо къ государю о богохульныхъ книгахъ».

Здѣсь въ числѣ богохульныхъ книгъ, имѣющихъ такую цѣль, находимъ «Науку чиселъ» Эккартсгаузена, гдѣ доказывается мысль, что Илія пророкъ зналъ кабалистику; «Приключенія по смерти», Штиллинга, въ которой говорится о временности мукъ по смерти; «О истлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей», безъименное сочиненіе написанное, какъ кажется, въ подражаніе первымъ двумъ: въ немъ проповѣдуется пантеизмъ, утверждается высокое значеніе кабалистики, которую будто бы въ совершенствѣ постигали Адамъ и Моисей, отвергается вѣчность мукъ и проч.—Эти сочиненія не могли пройти незамѣченными для Крылова: какъ библіотекарь публ. библіот., онъ ихъ принималъ и, ужъ только для того, чтобы опредѣлить имъ соотвѣтственное мѣсто, долженъ былъ хоть поверхностно познакомиться съ ихъ содержаніемъ.

мана, Раупаха, Арсенева и Галича), обвиненныхъ въ либерализмѣ и стремленіи къ ниспроверженію существующаго порядка: «Peut-être alors sera-t-il clairement déterminé quels sont ceux qui menacent l'ordre établi et quels sont les amis de l'ordre? S'il faut les chercher dans les rangs des hommes essentiellement religieux et monarchiques, liés à la conservation de ce qui existe par tous les liens de principes, de sentiments, de patriotisme, d'orgueil national, de lumières, de propriété et de famille; qui ne «peuvent» connaitre «qu'une voye» et qui fidèles à Dieu sans ostentation et à Votre Majesté Impériale sans servilité sont prêts à donner pour Vous tout leur sang parcequ'ils savent que «Vous êtes la pierre angulaire de l'édifice social» et leur unique point de ralliements,—ou bien si les provocateurs des désordres ne seraient pas plutôt cette poignée d'hommes sans aveu qui le fiel dans le coeur et la charité à la bouche ennemis-nés «de tout ordre positif» et par conséquent «amis des ténèbres» se revêtent des noms les plus saints pour s'emparer de l'autorité et saper dans ses fondements l'ordre établi; fanatiques de sang-froid qui tour à tour exorcistes, illuminés, quakers, maçons, lancastriens, méthodistes, tout enfin excepté hommes et citoyens, préfendent détendre le trône et l'autel contre des attaques qui n'existent pas et faire en même temps planer le soupçon sur les véritables appuis de l'autel et du trône; comédiens habiles qui prennent tous les masques pour troubler toutes les consciences, alarmer tous les esprits et qui créent maintenant autour d'eux des dangers chimériques pour prolonger de quelques instants leur éphémère existence»? («Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I», М. Сухомлинова, стр. 371). Соображая всѣ эти данныя, мы рѣшились высказать предположеніе, что подъ «вредными ученіями» или по варіанту, подъ «вредными толками» Крыловъ разумѣетъ здѣсь мистическіе толки. Г. Галаховъ предполагаетъ, что баснописецъ указываетъ здѣсь на «образъ мыслей, передаваемый молодому поколѣнію иностранцами». (Истр. Рус. Слов., т. II, стр. 309).

LXXXV. Вельможа и Философъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чтеніе 16, стр. 56 (цензорская отмѣтка отъ 6-го апрѣля 1815 г.), съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 4: И будто книгу разбираешь (до изд. 1815 г.).
7: Ну, не успѣемъ оглянуться (Чт. въ Б.).
9: Не ужъ ли жъ.... (до изд. 1815).

12: Какъ.... (Чт. въ Б.).
14: Хозяева еще въ него не выбрались (Чт. въ Б.).

Эта басня, какъ видно изъ самаго ея содержанія, есть сатира на какое-то не задолго передъ тѣмъ открытое коллективное учрежденіе; но ни въ «Полномъ собраніи законовъ» (за 1813 и начало 1814 г.), ни въ современныхъ газетахъ мы не могли отыскать никакихъ данныхъ даже къ основательному предположенію.

LXXXVI. Лань и Дервишъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 17, стр. 99 (ценз. 18 дек. 1814), съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 1: Младая лань, лишась своихъ.... (рукп. и Чт. въ Б.).
13: .... Лань Дервишу отвѣчала.
19: Такъ благодѣтельный, любя едину благость.
21: И если онъ богатъ, ему избытки въ тягость.
22: .... съ бѣднымъ....

Эта б. представляетъ обратную сторону предмета, котораго Крыловъ коснулся въ б. «Добрая Лисица». Тамъ, какъ мы видѣли, онъ порицалъ благотворителей лицемѣровъ; здѣсь выставляетъ идеалъ доброты, тяготящейся избытками, если они не раздѣлены съ ближнимъ, и жертвующей ими безъ всякаго помысла о благодарности. Надо полагать, что и послѣдняя б. находится въ связи съ тѣми же современными явленіями, какъ и предыдущая.

Она особенно замѣчательна, потому что въ ней нашъ баснописецъ представляетъ положительный идеалъ.

1815.

—

LXXXVII. Тришкинъ Кафтанъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества». 1815 г., № 27, стр. 24.

Ст. 4: И локти заплатилъ—кафтанъ готовъ (до изд. 1825).

Г. Соснецкій въ своей книгѣ: «Опытъ разбора образцовъ русской словесности» (Москва, 1867 г.) замѣчаетъ, что б. «Тришкинъ Кафтанъ» заключаетъ намекъ на нашихъ помѣщиковъ, которые, заложивъ имѣнія въ опекунскій совѣтъ, не платили процентовъ, перезакладывали и наконецъ доходили до того, что лишались имѣній (стр. 129). Тоже мнѣніе высказываетъ и г. Галаховъ. По его словамъ, Тришка—«это Транжирины, Промотаевы, Безпечины и множество другихъ подобныхъ имъ господъ, которые закладывали и перезакладывали свои имѣнія не съ тѣмъ, чтобы пустить деньги въ прибыльный оборотъ, а съ тѣмъ, чтобы жить роскошнѣе и тѣмъ удовлетворять свое пустое тщеславіе, которые для уплаты процентовъ дѣлали займы у частныхъ лицъ на тяжелыхъ условіяхъ, не съ тѣмъ опять, чтобы очистить накопившійся годами долгъ, а съ тѣмъ, чтобы послѣднюю копѣйку поставить ребромъ». (Ист. Рус. Слов., т. II, стр. 320).

LXXXVIII. Туча.

Въ первый разъ напечатана въ «Сынѣ Отечества», 1815, № 29, стр. 100 (одобренъ цензоромъ 17-го іюля); здѣсь и въ позднѣйшихъ изданіяхъ находимъ слѣд. варіанты:

Ст. 4: Большая туча пронеслась,
Не освѣжа ея ни каплею одною,
Дождемъ густымъ надъ моремъ пролилась (С. О.).
— Обильнѣйшимъ дождемъ.... (до изд. 1843.).
12: .... безъ тебя и такъ воды довольно (С. О.).

Разсказываютъ, и мы это слышали съ разныхъ сторонъ, будто Крыловъ написалъ эту басню по поводу пожалованія аренды псковскому губернатору во время всеобщаго голода въ этой губерніи; но въ современныхъ журналахъ мы не нашли никакихъ извѣстій ни о голодѣ въ псковской губерніи (между тѣмъ какъ въ «Сынѣ Отечества» сообщаются подробности о пожарѣ въ Казани и о мелочныхъ пожертвованіяхъ въ пользу погорѣвшихъ), ни о наградѣ арендою никакого губернатора. Можетъ быть, подобный случай совершился въ псковской или въ иной какой нибудь губерніи уже позже, и къ нему примѣнили эту басню.

Мы съ своей стороны обращаемъ вниманіе читателя на связь этой б. съ баснями: «Добрая Лисица» и «Лань и Дервишъ». Во всѣхъ этихъ трехъ басняхъ Крыловъ разсматриваетъ одинъ и тотъ же предметъ, только съ разныхъ сторонъ. Къ этой темѣ, какъ уже замѣчено было выше, вниманіе его было привлечено общимъ настроеніемъ.

LXXXIX. Оселъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1815 г., ч. II, стр. 5, съ слѣдующими замѣчательными варіантами, имѣвшими, по всей вѣроятности, для современниковъ значеніе (для насъ, къ сожалѣнію, утраченное) прямаго указанія на извѣстное лицо:

Ст. 7: И вылился.... (1825); въ остальныхъ изд. *А* вылился....
— .... почти какъ муха малъ (1815, 19).
— И вылился оселъ почти какъ бѣлка малъ.
Осла никто почти не примѣчалъ;
А въ спеси никому оселъ не уступалъ.
И жить ему невыносимо (зачеркн.).
И хочется ослу повеличаться. (рук. современная послѣдней редакціи басни «Дубъ и Трость»).
9—13: Однако же оселъ спесиваго былъ духу:
Какъ ростомъ оставаться съ муху?
Оселъ къ Юпитеру присталъ,

И росту.... (1815, 19).
—Но въ спеси.... (1825).
18: .... объ нихъ лишь, да объ нихъ (1815, 19).
24: И свѣтъ бы больше ихъ о мнѣ заговорилъ (1815, 19).
27: Въ изд. 1834 и 1843 по ошибкѣ пропущено *«ему»*; по всѣмъ остальнымъ: И до того ему онъ надоѣлъ.
30: Изъ мошки сталъ оселъ.... (1815, 19).
41—42: Смыслъ этой басни мы найдемъ,
Когда подумаемъ немножко:
Не лучше ль маленькой изжить на свѣтѣ мошкой,
Чѣмъ добиваться быть большимъ осломъ (1815, 19).

XC. Мартышка и Очки.

Напечатано въ первый разъ въ изд. 1815 г., ч. II, стр. 11, и безъ всякихъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

XCI. Левъ и Барсъ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1815 г., ч. II, стр. 13, съ слѣдующимъ варіантомъ.

Вм. ст. 4—7: Хоть разобраться льзя бъ имъ по правамъ:
Но сильные въ правахъ бываютъ часто слѣпы,
И вѣрятъ болѣе когтямъ (до изд. 1830 г.).

Какъ самый смыслъ басни показываетъ, Крыловъ, въ ней говоритъ о назначеніи какого-то лица въ дипломатическую должность; но безъ прямыхъ указаній невозможно сказать, о комъ именно идетъ рѣчь.

XCII. Собачья дружба.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1815 г., ч. II, стр. 17, и безъ перемѣнъ перешла во всѣ послѣдующія изданія; но въ рукописи, гдѣ она озаглавлена «Дружество», находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: .... Кудлашъ ....
3—4: Хоть сидя бы передъ дворомъ
Пристойнѣе стеречь имъ было домъ.
7: Не лаютъ на прохожихъ днемъ.
9: Такъ философствовать ....
11: .... говоритъ Кудлашъ ....
16: И наконецъ глядѣть въ глаза ....
20: Что если бъ ....
21: Такое дружество другъ къ другу пламенѣю.
23: Что мы бъ не видѣли, какъ время пролетѣло.
32: Примѣромъ дружества пса ставятъ съ давнихъ дней.
36: Сказалъ Кудлашъ ....
38: Вертѣть хвостомъ и цѣловаться.
39: .... къ кому бы приравняться.
41: .... изъ кухни кинь имъ кость.
42—43: Кудлашъ съ Барбосомъ къ ней несутся.
Рвутъ кость другъ у друга, хрипятъ.

По всей вѣроятности, въ этой баснѣ (цензированной въ маѣ 1815 г.) Крыловъ намекаетъ на тогдашнія политическія событія. На Вѣнскомъ конгрессѣ, на который было обращено вниманіе всей Европы, какъ извѣстно, интересы договаривавшихся державъ такъ перепутались, что нѣкоторые изъ нихъ рѣшались уже поддержать свои требованія силою оружія; наконецъ въ январѣ 1815 г. Австрія заключила съ Англіею и Франціею оборонительный союзъ противъ Россіи и Пруссіи. Не эта ли вражда сторонъ, стремящихся къ миру и вызвала басню?

Къ ст. 32: Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ лѣтъ.

«Неправильная разстановка словъ», замѣчаетъ Измайловъ. По моему мнѣнію, стихъ сей можно было бы поправить слѣдующимъ образомъ:

Примѣромъ дружества слыветъ песъ съ давнихъ лѣтъ.
(«Соч.», т. II, стр. 677).

XCIII. Крестьянинъ и Работникъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1815 г., ч. II, стр. 37, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 5: .... отъ насъ же придетъ худо (до изд. 1830 г.).
15: .... вертитъ его, ломаетъ (1815, 19).
20—22: Вотъ новый Геркулесъ, собравшись съ силой,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ. (до изд. 1830).

1816.

XCIV. Волкъ и Лисица.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. IV, стр. 5, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 1—4: Охотно любятъ то дарить и уступать,
Что некуда самимъ дѣвать.—
Я про Лису примѣръ хочу сказать.
За тѣмъ что .... (1816, 19).
8: Глядитъ, анъ въ гости ....
19—21: И такъ, пріятель сѣрый мой
Обласканъ по уши кумой;
Однакоже пошелъ безъ ужина домой.

Г. Флёри находитъ сходство между этой баснею и слѣдующимъ эпизодомъ въ Roman de Renard:

Renart, un matin, entra chez son oncle, les yeux troublés, la pelisse hérissée:

— Qu'est-ce beau neveu? tu parais en mauvais point, dit le maitre du logis; serais-tu malade?

— Oui, je ne me sens pas bien.

— Tu n'as pas déjeuné?

— Non, et même je n'en ai pas envie.

— Allons donc! çà, dame Hersent (la louve), levez-vous tout de suite, préparez à ce cher neveu une brochette de rognons et de rate; il ne la refusera pas.

Hersent quitte le lit et se dispose à obéir. Mais Renart attendoit mieux de son oncle; il voyoit trois beaux bacons (окорка) suspendus au faîte de la salle, et c'est leur fumet qui l'avoit attiré.

— Voilà, dit-il, des bacons bien aventurés! savez-vous, bel oncle, que si un de vos voisins (n'importe lequel, ils se valent tous) les apercevoit, il en voudroit sa part? A votre place, je ne perdrois pas un moment pour les détacher, et je dirois bien haut qu'on me les a volés.

— Bah! fit Yzengrin, je ne sus pas inquiet; et tu peut les voir qui n'en aura jamais le goût.

— Comment! si l'on vous en demandoit?

— Il n'y a demande qui tienne, je n'en donneroïs pas à mon neveu, à mon frère, à qui que se soit au monde.

Renart n'insista pas; il mangea ses rognons et prit congé. Mais le surlendemain il revint à la nuit fermée devant la maison d'Ysengrin. Tout le monde y dormoit. Il monte sur la faîte, creuse et ménage une ouverture, passe, arrive aux bacons et les emporte.

Нравоученіе Крылова, замѣчаетъ г. Флёри совершенно иное. Волкъ въ романѣ представленъ скрягою, но все таки гостепріимнымъ; между тѣмъ какъ лисица въ баснѣ остается безжалостною; но, желая казаться великодушною, любезно предлагаетъ волку то, чего, какъ ей хорошо извѣстно, онъ ѣсть не станетъ.

Нельзя однакожъ не замѣтить, что если, дѣйствительно, приведенный эпизодъ и внушилъ Крылову мысль этой басни, то онъ его такъ измѣнилъ и въ самомъ содержаніи и въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ, что безъ нѣкоторыхъ натяжекъ сопоставлять ихъ трудно.

Къ ст. 1—2: Охотно мы даримъ
Что намъ не надобно самимъ.

Основная мысль басни выражается народными пословицами: «Что гнило (намъ не мило), то тому въ кадило». (Русск. народ. послов. Снегирева, стр. 485), и «Удобрилась мачиха до пасынка: велѣла въ заговѣнье всѣ щи выхлебать» («Сборникъ» Даля, стр. 633).

Къ ст. 4: За тѣмъ что истина споснѣе вполоткрыта.

Ср. народную пословицу: «Съ нагольной правдой въ люди не кажись». («Сборникъ» Даля, стр. 193).

XCV. Собака.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. IV, стр. 11, съ слѣдующимъ варіантомъ:

Ст. 4—6: . . . . счастлива,
Общественныхъ не нарушая правъ.
Но ужъ у ней такой былъ нравъ:
Что изъ мяснаго . . . . (1816, 19).

См. примѣч. къ б. «Медвѣдь у Пчелъ».

XCVI. Механикъ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 года, ч. IV, стр. 12, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 1—2: Какой-то молодецъ, но только не умомъ,
Огромный каменный купилъ съ деревней домъ. (1816, 19).
4: .... пришелъ молодчику по нраву.

XCVII. Цвѣты.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 года, ч. IV, стр. 19, безъ всякихъ перемѣнъ.

XCVIII. Мірская сходка.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. IV, стр. 22, безъ всякихъ перемѣнъ.

По поводу этой басни Плетневъ замѣчаетъ: «Въ «Мірской сходкѣ» изъяснено начало несообразности многихъ общественныхъ постановленій... Для общества онъ (Крыловъ) проповѣдникъ строгаго порядка, правосудія, законной власти. Злоупотребленія, пороки, глупости нашли въ немъ неумолимаго обвинителя» (стр. LVII). Это замѣчаніе должно отнести ко всѣмъ баснямъ однороднымъ по содержанію съ «Мірскою Сходкою».

XCIX. Скворецъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. IV, стр. 25.

Ст. 23—24: Въ изданіяхъ до 1830 г. этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.

---

*

С. Волкъ и Журавль.

Ла Фонтенъ могъ заимствовать свою б. le Loup et la Cigogne (кн. III, б. 6) у Эзопа («Волкъ и Журавль», № 143, пер. Мартынова) или у Федра (кн. I, б. 8). Оба эти баснописца совершенно одинаково разсказываютъ происшествіе; но выводятъ различное нравоученіе. Первый относитъ басню къ тѣмъ, «кои, избавившись отъ опасности, подобно волку благодарятъ своихъ благодѣтелей»; второй заключаетъ, что тотъ, «кто требуетъ отъ злыхъ наградъ за услуги, вдвойнѣ ошибается: во-первыхъ, онъ помогаетъ недостойнымъ, во-вторыхъ, едва ли онъ уйдетъ отъ нихъ безнаказанно». Изъ русскихъ писателей Тредьяковскій первый передѣлалъ эту басню («Соч.» 1849 г., т. I, стр. 222), вполнѣ сохранивъ подробности разсказа, но опустивъ нравоученіе. Сумароковъ (кн. VII, пр. XXI) прибавилъ нравоученіе, нѣсколько напоминающее Федра:

Тотъ права честности не мало сберегаетъ,
Кто людямъ никогда худымъ не помогаетъ.

Гр. Хвостовъ, также передѣлавшій эту б. и озаглавившій ее: «Волкъ и Журавль-Лѣкарь» (кн. III, б. XIII), сузилъ смыслъ ея, назвавъ волка лѣснымъ вельможей и отнеся нравоученіе къ хитрымъ вельможамъ:

Вельможѣ хитрому кто оказалъ услугу,—
Совѣтую, какъ другу,
Объ этомъ языкомъ не много шевелить:
Награды у него за трудъ свой не просить.

Измайловъ («Соч.» т. I, б. XII) и Крыловъ послѣдовали примѣру Ла Фонтена: передали въ точности его разсказъ и не вывели никакого нравоученія.

Басня Крылова въ первый разъ была напечатана въ изданіи 1816 г., ч. IV, стр. 27, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 1—4: Что Волкъ жадненекъ, всякій знаетъ:
Онъ ѣвши никогда
Костей не разбираетъ.
За то съ однимъ изъ нихъ случилася бѣда. (1816, 19.)
11: Журавль свой долгій носъ....

Къ ст. 11—12: Журавль свой долгій носъ по шею
Засунулъ волку въ пасть. . . .
15—16: А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ.

Въ этихъ стихахъ Измайловъ видитъ погрѣшность противъ правдоподобія. «Судя по величинѣ волчьяго горла и журавлинаго носа, послѣдній долженъ былъ пройти гораздо далѣе и повредить у волка внутренность». («Сочин.» т. II, стр. 655.) Впрочемъ этотъ упрекъ одинаково относится и къ Ла Фонтену, у котораго также говорится, что журавль вытащилъ изъ волчьяго горла свою шею.

Сравненіе этой б. Крылова съ французскимъ подлинникомъ показываетъ, что въ этомъ случаѣ нашъ баснописецъ заботился преимущественно о сохраненіи подробностей оригинала. Приводимъ б. Ла Фонтена:

Le Loup et la Cigogne.

Les loups mangent gloutonnement.
Un loup donc étant de frairie
Se pressa, dit-on, tellement
Qu'il en pensa perdre la vie:
Un os lui demeura bien avant au gosier.
De bonheur pour ce loup, qui ne pouvait crier,
Près de là passe une cigogne.
Il lui fait signe; elle accourt.
Voilà l'opératrice aussitôt en besogne.
Elle retira l'os; puis, pour un si bon tour;
Elle demanda son salaire.
Votre salaire! dit le loup:
Vous riez, ma bonne commère!
Quoi! ce n'est pas encor beaucoup
D'avoir de mon gosier retiré votre cou!
Allez, vous êtes une ingrate:
Ne tombez jamais sous ma patte.

CI. Хмѣль.

Въ первый разъ напечатана въ изд. 1816 г., ч. V, стр. 2, и перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ безъ перемѣнъ.

CII. Мышь и Крыса.

Въ первый разъ напечатана въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 4; въ сохранившейся рукописи, безъ означенія года, находимъ слѣдующіе варіанты, сравнительно съ печатной редакціею:

Ст. 4: Теперя погулять....
8—9: Я такъ думаю, что льву не быть живому.
14: Весь долженъ свѣтъ глядѣть его глазами.

CIII. Госпожа и двѣ служанки.

Содержаніе этой басни Крыловъ заимствовалъ изъ б. Ла Фонтена, la Vieille et les deux Servantes (кн. V, б. 6), которому источникомъ служила б. Эзопа: «Вдова и Служанки» (№ 79, перев. Мартынова), значительно отличающаяся отъ новѣйшихъ передѣлокъ по цѣли. У Эзопа кто-то надоумилъ служанокъ убить пѣтуха; а потому выводится нравоученіе, что «многимъ людямъ совѣты бываютъ виною бѣдствій». Басню Эзопа передѣлалъ Третьяковскій, озаглавивъ ее: «Вдова и служанки» («Сочиненія», т. I, стр. 247), а потомъ Сумароковъ, который назвалъ ее: «Пряхи» (кн. I, притча XVIII); оба они опустили нравоученіе.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ изданіи 1815—16 г., ч. V, стр. 5, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Въ приложеніи приводимъ б. Ла Фонтена, изъ сравненія съ которой можно видѣть, что Крыловъ заимствовалъ только основной фактъ и идею нравоученія; форма же изложенія оригинальна.

Къ ст. 44: .... Изъ огня онѣ да въ полымя попали.

«Изъ огня да въ полымя»—народная пословица, перешедшая къ намъ, по мнѣнію Снегирева, изъ греческаго («Русскіе въ своихъ пословицахъ», М. 1831, стр. 87).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

La Vieille et les deux Servantes.

(Ла Фонтена).

Il était une vieille ayant deux chambrières:
Elles filaient si bien, que les soeurs filandières
Ne faisaient que brouiller au prix de celles-ci.
La vieille n'avait point de plus pressant souci
Que de distribuer aux servantes leur tâche.
Dès que Téthys chassait Phébus aux crins dorés,
Tourets entraient en jeu, fuseaux étaient tirés;
    Decà, delà, vous en aurez:
    Point de cesse, point de relâche.
Dès que l'Aurore, dis-je, en son char remontait,
Un misérable coq à point nommé chantait;
Aussitôt notre vieille, encor plus misérable,
S'affublait d'un jupon crasseux et détestable,
Allumait une lampe, et courait droit au lit
Où, de tout leur pouvoir, de tout leur appétit,
    Dormaient les deux pauvres servantes.
L'une entr'ouvrait un oeil, l'autre étendait un bras;
    Et toutes deux, très-mal contentes,
Disaient entre leurs dents: Maudit coq, tu mourras!
Comme elles l'avaient dit, la bête fut grippée:
Le réveille-matin eut la gorge coupée.
Ce meurtre n'amenda nullement leur marché:
Notre couple, au contraite à peine était couché,
Que la vieille, craignant de laisser passer l'heure.
Courait comme un lutin par toute sa demeure.

    C'est ainsi que, le plus souvent,
Quand on pense sortir d'une mauvaise affaire,
    On s'enfonce encor plus avant:
    Témoin ce couple et son salaire.
La vieille, au lieu du coq, les fit tomber par là
    De Charybde en Scylla.

CIV. Медвѣдь у Пчелъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 8, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ.

По идеѣ эта басня приближается къ б. «Собака», въ которой баснописецъ совѣтуетъ, чтобы исправить вора, отнимать у него кражу; здѣсь же указывается на то, что нерѣдко отъ уличеннаго вора отнимаютъ возможность продолжать красть, но оставляютъ награденное, что, конечно, не можетъ повести къ исправленію: съ другой стороны, въ б. «Медвѣдь у Пчелъ», какъ и въ б. «Мірская Сходка», авторъ осуждаетъ и тѣхъ, кто избираетъ къ должностямъ людей не только не способныхъ къ честному исполненію своихъ обязанностей, но уже заслужившихъ своею недобросовѣстностію самую дурную извѣстность.

Лихоимство и вообще злоупотребленіе довѣріемъ правительства были застарѣлымъ зломъ въ нашей администраціи. Противъ этого зла съ равною энергіею вооружались и правительство, и литература. Императоръ Александръ въ первый же годъ своего царствованія подтвердилъ законъ «о нечиненіи никакихъ незаконныхъ поборовъ»; потомъ призывалъ губернаторовъ употребить всѣ мѣры «къ пресѣченію гнуснаго лихоимства и отвращенія всякаго поползновенія къ оному во всѣхъ подчиненныхъ имъ». Манифестомъ отъ 2-го апр. 1801 года—о облегченіи участи преступниковъ и о сложеніи казенныхъ взысканій, освобождаются отъ суда и слѣдствія чиновники и всякаго званія люди; но изъ этого изъяты лихоимцы наравнѣ съ совершившими смертоубійство и разбой. (Полн. Собр. Зак. т. XXVI, № 19, 814). Въ 1809 году, послѣ открытія злоупотребленій коммиссаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ, онъ подтвердилъ указъ Петра I (1714 г. 24 дек.) о наказаніяхъ за взятки и указъ Екатерины 1763 г. дек. 16. Первымъ изъ нихъ повелѣвается виновныхъ во взяточничествѣ «весьма жестоко на тѣлѣ наказывать, всего имѣнія лишать, шельмовать и изъ числа добрыхъ людей извергать или и смертію казнить»; а вторымъ: «не только изъ числа честныхъ, да изъ всего рода человѣческаго истреблять». Но, какъ видно, всѣ эти мѣры не приводили къ желанному результату: каждый годъ до самаго конца царствованія Александра издавались указы противъ взяточничества и казнокрадства.

Въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ министру юстиціи Трощинскому (1816 г. авг. 5) между прочимъ сказано: « . . . . въ полной къ вамъ довѣренности, поручаю вамъ усугубить надзоръ,... чтобъ законы и указы повсюду исполнялись неизмѣнно, чтобъ бѣдные и угнетаемые находили въ судахъ защиту и покровительство, чтобъ правосудіе не было помрачено ни пристрастіемъ къ лицамъ, ни мерзкимъ лихоимствомъ, Богу противнымъ и мнѣ ненавистнымъ, и чтобъ обличаемые въ семъ гнусномъ порокѣ не терпимы были въ службѣ и преслѣдуемы всею строгостію законовъ» . . . . («Полное собраніе законовъ».)

Такимъ образомъ во всѣхъ басняхъ противъ злоупотребленій должностныхъ лицъ, Крыловъ дѣйствуетъ въ одномъ направленіи съ законодательствомъ, и это служитъ лучшимъ доказатель-

ствомъ, что эти басни имѣютъ прямое отношеніе къ дѣйствительности; что его Медвѣдь, перетаскавшій медъ въ свою берлогу, Собака, не перестававшая красть, не смотря на побои, Волкъ, посаженный въ овчарню,—дѣйствительныя лица. Но кто они — это намъ остается неизвѣстнымъ.

CV. Зеркало и Обезьяна.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 12, и сохранилась въ двухъ рукописяхъ, но безъ означенія года; въ одной изъ нихъ б. переписана на-чисто, безъ перемѣнъ сравнительно съ печатною редакціею; въ другой, въ которой баснѣ дано заглавіе: «Мартышка и Медвѣдь», находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Взгляни-тка, шепчетъ, милый мой.
5: Что за ужимки, за прыжки.
7: Когда бы на нее родилась чуть похожа.
10: Я, право....
11—14: Этихъ четырехъ стиховъ въ рукописи нѣтъ.
15—18: Какъ часто тожъ бываетъ въ мірѣ,
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ любитъ взять, всѣ знаютъ....

Плетневъ замѣчаетъ, что «стрѣлы сатиры, какъ бы онѣ остры ни были, не исправляютъ пороковъ, и никому не приходитъ въ голову приложить описаніе къ своей особѣ. Все дѣло оканчивается, какъ въ баснѣ «Зеркало и Обезьяна» (стр. XLIII). Судя по этой баснѣ, Крыловъ также сознавалъ эту истину. Да и могла ли подѣйствовать сатира на людей, которыхъ не могли обуздать даже суровые законы Петра?

Такое же сознаніе безсилія сатиры высказалъ и Гоголь въ концѣ «Мертвыхъ душъ». Сказавъ о томъ, какія обвиненія посыплются на автора, онъ продолжаетъ: «Вы боитесь глубоко устремленнаго взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокій взоръ, вы любите скользнуть по всему не думающими глазами. Вы посмѣетесь даже отъ души надъ Чичиковымъ, можетъ быть, даже похвалите автора — скажете: «Однакожъ коечто онъ ловко подмѣтилъ, должно быть веселаго нрава человѣкъ»! И послѣ такихъ словъ, съ удвоившеюся гордостью, обратитесь къ себѣ, самодовольная улыбка покажется на лицѣ вашемъ и вы прибавите: «А вѣдь должно согласиться, престранные и пресмѣшные бываютъ люди въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, да подлецы при

томъ не малые»! А кто изъ васъ, полный христіанскаго смиренія, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой углубитъ во внутрь собственной души всѣ тяжелые запросы: «А нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова»? Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время мимо него какой нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ не слишкомъ большой, не слишкомъ малый, — онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: «Смотри, смотри: вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ»!.... («Соч.» т. III, стр. 251—252.)

CVI. Рыцарь.

Напечатана въ первый разъ, въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 14, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 19: Состроить....
21—22: Теперя и овса ты видишь не всегда,
А воду пьешь изъ мутнаго ручья;
Тогда
Ячмень *и проч.* (изд. 1816, 19).
— Теперь знакомъ
Ты мало и съ овсомъ;
Тогда у насъ пойдетъ инымъ все чередомъ (1825).

CVII. Крестьянинъ и Топоръ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 17, и безъ всякихъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

CVIII. Левъ и Волкъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 19, и безъ всякихъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

CIX. Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 20.

Ст. 34: Но въ нуждѣ лишь узнать льзя истиннаго друга (до изд. 1830).

Крыловъ не призналъ этой басни заимствованною; однако жъ нельзя не видѣть въ основной ея идеѣ сходства съ идеею б. Эзопа «Пѣшеходцы и Медвѣдь» (№ 249, перев. Мартынова). Содержаніе б. Эзопа слѣдующее: Два друга шли одною дорогою. Когда имъ повстрѣчался Медвѣдь, то одинъ изъ нихъ, котораго чуть было не схватилъ Медвѣдь, упалъ на землю и притворился мертвымъ; а другой взлѣзъ на дерево. Перваго изъ нихъ Медвѣдь обнюхалъ и, не замѣтивъ другаго, ушелъ. Тогда слѣзшій съ дерева спросилъ товарища, что ему говорилъ Медвѣдь. «Впередъ не ходить въ дорогу съ такими друзьями», отвѣчалъ онъ, «которые въ опасностяхъ насъ оставляютъ.—Басня учитъ, что искренніе друзья въ несчастіи познаются».

Къ ст. 34: Но въ нуждѣ лишь узнать прямаго можно друга.
Ср. пословицы: «Безъ бѣды друга не узнаешь»; «Другъ познается въ несчастіи», «Коня въ рати узнаешь, а друга въ бѣдѣ« и пр. («Сборникъ» Даля, стр. 859.)

CX. Волкъ и Пастухи.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, ср. 22; въ послѣдующихъ изданіяхъ измѣненъ одинъ стихъ:

Ст. 6: Сказалъ имъ, уходя въ досадѣ (до изд. 1830).

Во всѣхъ изданіяхъ Крыловъ эту басню причислилъ къ разряду заимствованныхъ. У Ла Фонтена есть басня, подъ заглавіемъ le Loup et les Bergers, которую онъ, по мнѣнію Валькнэера, заимствовалъ у Филибера Ежмона (des Pasteurs et du Loup). Въ б. Ла Фонтена есть одно положеніе, которое могло подать Крылову мысль, выраженную въ этой баснѣ. У Ла Фонтена Волкъ, сознавъ свою жестокость, рѣшается уже перестать питаться тѣмъ, что имѣетъ жизнь; но вдругъ видитъ, что пастухи ѣдятъ ягненка, изжаривъ его на вертелѣ, и собаки участвуютъ въ ихъ ужинѣ. Тогда онъ воскликнулъ: если они это дѣлаютъ, то и ему не въ чемъ упрекать себя.

CXI. Слонъ въ случаѣ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 23, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 5: . . . Или, сестрица,
Хоть когти были бъ у него,
Прибавилъ Волкъ, а то вѣдь нѣту ничего (до 1819).
20—22: Послушайте-жъ меня, я радъ божиться:
Не будь лишь у него такихъ большихъ ушей,
Такъ дворъ бы и не зналъ о немъ, ей! ей! (до 1825).

Основная мысль б. весьма разнообразно выражается въ народныхъ пословицахъ: «Всякая лисица свой хвостъ хвалитъ»; «Всякая старина свою плѣшь хвалитъ»; «Всякая харя сама себя хвалитъ» *и проч.* (Даль стр. 811, 813).

CXII. Фортуна и Нищій.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 26, и безъ всякихъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

CXIII. Лиса-строитель.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, стр. 31; въ сохранившейся рукописи и въ изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 15—18: .... и кончено оно.
Смотрѣли, видѣли: строенье
Заглядѣнье (рукоп. и изд. до 1819).
20: Кормъ подъ бокомъ....
35: Чтобъ куръ таскать оттоль не могъ никакъ никто (рук.)
36: Послѣ этого стиха въ рукописи слѣдовало еще три стиха, долженствовавшіе составить нравоученіе:
Какъ этотъ курятный построенъ дворъ,
Такъ въ свѣтѣ не одинъ написанъ договоръ,
И даже приговоръ (зачеркнуто).

Послѣдній варіантъ, совершенно измѣняющій значеніе басни, указываетъ на заднюю мысль Крылова; но за недостаткомъ хронологическихъ данныхъ (потому что на рукописи не означено года) нѣтъ возможности даже предположительно указать факта, къ которому эта басня могла бы относиться.

CXIV. Напраслина.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 33, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Основная мысль басни выражается въ народныхъ пословицахъ: «На чорта только слава, (а монахъ поросенка съѣлъ»); «На лукаваго только славу пускаютъ, а сами грѣшатъ». Сверхъ того Даль приводитъ поговорку, которая очевидно составилась на основаніи б. Крылова: «Монахъ говоритъ: сатана соблазнилъ (яйцо на свѣчкѣ испечь); а чертъ говоритъ: и самъ впервые вижу». (Даль, стр. 185).

CXV. Фортуна въ гостяхъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 35, съ незначительною перемѣною въ одномъ стихѣ:

Ст. 4: А разсмотрѣть.... (изд. 1816, 19).

CXVI. Апеллесъ и Осленокъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», 1816 г., ч. 32, № XXXVII, стр. 197 (вышедшемъ 15 сентября), и въ томъ же году перепечатана въ «Вѣстникѣ Европы», ч. 89, № XIX, стр. 203. Въ обѣихъ этихъ перепечаткахъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 2: Тотъ милъ себѣ и тѣмъ.... (С. О. и В. Е.).
4: Чего бы долженъ былъ стыдиться.
6: Къ себѣ просилъ....
7: Запрыгали въ Осленкѣ кости.
9: И всякому кричитъ....

10: Я имъ замученъ....
11: Все проситъ, чтобы я
Былъ съ нимъ, какъ съ тѣнью неразлученъ.

По словамъ Н. И. Греча, Крыловъ въ образѣ Осленка изобразилъ начинавшаго тогда молодаго писателя, Катенина, который однажды въ библіотекѣ преважно сказалъ, что ему Крыловъ (который, дѣйствительно, раза два зазывалъ его къ себѣ) надоѣлъ своими вѣчными приглашеніями. У Греча въ «Черной Женщинѣ» Катенинъ выведенъ на сцену подъ именемъ штабсъ-капитана Закатаева (Свѣдѣнія эти сообщены Н. И. Гречемъ, 10 ноября 1863 года).

CXVII. Похороны.

Напечатана въ «Трудахъ общества любит. россійск. слов.», М. 1816 г., ч. VII, стр. 65, а потомъ перепечатана въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Три новыя басни И. А. Крылова, читанныя въ торжественномъ собраніи имп. публич. библіотеки, января 2 дня 1817 г.», Спб. въ типогр. имп. театра. Въ первой печатной редакціи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: .... схоронить (Труд.)
14—15: Молитвы мы съ собой такія носимъ:
Покойникъ встанетъ сей же часъ.
17: Лишь одного при томъ мы просимъ. (Труд. и Три нов. б.)
20: Въ живомъ здѣсь не было въ немъ проку никакова (Труд.)
21: Какъ много богачей....

Въ чрезвычайномъ засѣданіи, 26 февраля 1816 года, московское общество любителей россійской словесности избрало Крылова своимъ членомъ. 26-го іюня того же года онъ написалъ въ общество письмо, въ которомъ благодарилъ за честь избранія и обѣщалъ «приложить всѣ старанія, сколь только слабые его таланты дозволятъ, чтобы быть оной достойнымъ». Въ октябрѣ того же года онъ доставилъ въ общество двѣ басни: «Похороны» и «Водопадъ и Ручей», которыя по прочтеніи въ собраніи общества (28 октября) были напечатаны въ «Трудахъ общества».—Этимъ и кончились сношенія его съ почтеннымъ обществомъ.

По поводу этой басни г. Флёри (стр. 137) приводитъ слѣдующее четверостишіе Бребёфа:

Ci—git qui sur monter, force de finance,
Aux charges du plus haut degré;
Il n'a jamais rendu de service a la France
Que le jour qu'il fut enterré.

CXVIII. Водопадъ и Ручей.

Напечатана въ первый разъ въ «Трудахъ общества люб. рос. слов.», М. 1816 г., ч. V, стр. 66, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 2: Съ презрѣньемъ нѣкогда Ручью сказалъ (Труд.).
4: Этого стиха нѣтъ вовсе.
6: .... толпа гостей.
7: Не мудрено, коль пышности моей
Приходитъ кто дивиться.

Г. Флёри (стр. 138) указываетъ на близкое отношеніе этой басни къ слѣдующей баснѣ Пессльe, который въъ 1748 году издалъ собраніе своихъ басенъ, пользовавшееся значительною извѣстностію:

Le Torrent et le Ruisseau.

Un torrent qui roulait ses flots impétueux
Fier du bruit qu'il faisait en tombant des montagnes,
Insultait d'un air fastueux
Un clair ruisseau dont l'onde arrosait les campagnes.
Le paisible ruisseau ne repondit qu'un mot:
Malheur à ceux dont l'emploi redoutable
Est de faire aux mortels un mal inévitable!
Je n'envierai jamais un aussi triste lot.
Quand ta brillante voix me déclar la guerre,
J'en triomphe, bien loin de m'en formaliser;
Je préfère a l'emploi de ravager la terre
Celui de la fertiliser.

1817.

CXIX. Кукушка и Горлинка.

Напечатана въ первый разъ въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Три новыя басни И. А. Крылова, читанныя въ торжественномъ собраніи имп. публ. библіотеки, января 2-го дня 1817 года» (С.-Пбргъ, 1817 г.). Въ сохранившейся рукописи и въ перепечаткахъ этой б. находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 4—5: Или о томъ, что ужъ прошла весна (Тр. б.).
19: .... за тебя (рукоп. и изд. до 1825).
20—23: Такъ у тебя ужъ дѣти есть?
Когда же ты гнѣздо успѣла сплесть?
27: Я, сидя на гнѣздѣ, напрасно растеряла.
28: .... всего смѣшнѣй (рукоп.).

Уже въ «Почтѣ духовъ» Крыловъ укорялъ родителей за то, что они поручаютъ воспитаніе своихъ дѣтей «наемничьимъ рукамъ» (см. примѣч. къ б. «Бочка»). Но обычай этотъ, ведущій свое начало съ прошлаго столѣтія и особенно усилившійся послѣ Отечественной войны (см. примѣч. къ б. «Крестьянинъ и Змѣя», подъ 1813 г.), могъ уничтожиться только вслѣдствіе значительнаго возвышенія уровня образованія въ нашемъ обществѣ, на что требовалось много времени. Ни протестъ литературы, ни мѣры правительства (см. примѣч. къ упомянутымъ баснямъ, а также къ б. «Червонецъ») не могли истребить укоренившагося зла. Доказательствомъ тому служитъ воспитаніе Евгенія Онѣгина и, нѣсколько позже, воспитаніе Бельтова въ романѣ «Кто виноватъ?»

Съ другой стороны, безпрестанно умножавшіяся закрытыя учебныя заведенія * давали возможность родителямъ слагать съ себя

* См. «Полн. собр. законовъ», 1801—1817 г.

заботу воспитанія на правительство. При внимательномъ разсмотрѣніи басни, нельзя не замѣтить указанія и на эту сторону предмета въ заключительныхъ стихахъ, составляющихъ ея нравоученіе:

Отцы и матери, вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И нелюбовь—всегда порокъ;
Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ:
Не вы ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ.

CXX. Сочинитель и Разбойникъ.

Напечатана въ первый разъ въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ «Три новыя басни И. А. Крылова, читанныя въ торжественномъ собраніи имп. публ. библіотеки, января 2-го дня 1817 г.» (С.-Пбргъ, 1817 г.), а потомъ безъ перемѣнъ перепечатана въ изданіи 1819 года и послѣдующихъ.

Утвердилось мнѣніе, что въ этой баснѣ Крыловъ говоритъ о Вольтерѣ. Крыловъ самъ, конечно, не подалъ къ тому повода, потому что, какъ видно изъ разсказовъ Лобанова и Булгарина, онъ никогда не открывалъ, даже близкимъ къ нему людямъ, на кого именно намекалъ въ своихъ басняхъ. Сколько намъ извѣстно, Гречъ первый примѣнилъ эту б. къ Вольтеру. Въ «Сынѣ Отечествѣ», 1819 г. (ч. 54, № XXII, стр. 136—137) находимъ слѣдующую замѣтку: «Знаменитый нѣмецкій трагикъ Шиллеръ написалъ романтическую трагедію: die Jungfrau von Orleans, принадлежащую къ числу лучшихъ его произведеній. Нѣсколько разъ покушались переводить и передѣлывать ее на французскій языкъ и представлять сіи переводы и подражанія на театрахъ: но одно названіе: la Pucelle d'Orléans производило въ одной части публики глупый смѣхъ, а въ другой негодованіе. Въ этомъ случаѣ можно сказать Вольтеру словами нашего Крылова:

.... уже твои истлѣли кости,
А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но, разливаяся, вѣкъ отъ вѣку лютѣетъ.»

Вскорѣ убѣжденіе, что нашъ поэтъ посадилъ въ адъ Вольтера, проникло во Францію и произвело тамъ свое дѣйствіе. Въ 1824 г. 2-го января въ Journal de Paris появилась статья, авторъ которой подписавшійся буквами B(aour) L(ormian) — (какъ видно изъ отвѣта на нее *, вообще мало знакомый и съ исторіею Россіи и съ исторіею нашей литературы, нападаетъ на Крылова за то, что онъ въ своей баснѣ l'Auteur et le Voleur (какъ перевелъ гр. де Местръ ея заглавіе) унижаетъ достоинство великаго человѣка Франціи. Эта статья побудила Я. Толстаго издать брошюру въ защиту Крылова: Quelques pages sur l'anthologie russe; pour servir de réponse à une critique de cet ouvrage, insérée dans le Journal de Paris du 2 janvier. 1824, par J. de Tolstoy. Suivies d'une fable, traduite du Russe. A Paris, 1824 (19 страницъ). Хотя доказательства Я. Толстаго и не достаточнò сильны, однако мы находимъ умѣстнымъ привести ту часть брошюры, которая имѣетъ отношеніе къ нашему предмету.

« . . . . la pièce qui excite le plus sa colère (автора статьи) est une fable intitulée: «l'Auteur et le Voleur», par M. Kriloff. M. B. L. prétend que l'objet des sarcasmes de cet écrivain est Voltaire. Qu'il me soit permis de demander à M. le critique, d'où il a tiré la preuve que cette fable était écrite contre le philosophe de Ferney! M. Kriloff parle d'un auteur qui par ses oeuvres ayant semé dans la société des principes dangereux, reçoit dans l'enfer le salaire des maux que ses écrits ont produits; or, Voltaire n'est pas le seul qui, dans ses écrits, ait attaqué les prêtres, et surtout les abus du pouvoir et de la religion, ou, pour me servir des expressions de M. le comte de Maistre, la morale et les moeurs; et comme la fable est écrite en russe et pour la nation russe, n'est-il pas plus probable que ses traits sont aussi dirigés contre quelque philosophe russe? D'ailleurs, M. de Saint-Maure, dans sa notice sur M. Kriloff, s'exprime clairement sur ce sujet; voici ses propres paroles: «Le fabuliste s'adresse aux masses dans ses innocentes allusions; l'individu qui se reconnait au miroir, n'étant point saisi corps à corps, pardonne à la fable qui fait rire, et à l'auteur, qui ne le visait pas en décochànt son trait. M. Krilof trasporte rarement ses personnages hors de la Russie; il reste sur son terrain, craignant de perdre en le quittant cette précieuse originalité», etc. Si M. B. L. reconnaît, à ce portait l'auteur de la Henriade; il n'en résulte pas que le poète russe, en le traçant, ait eu en vue ce grand homme. L'inculpation que M. B. L. fait à M. Kriloff d'avoir maltraité Voltaire est d'autant plus injuste, que ce philosophe a été constamment admiré en Russie, et s'il a trouvé des détracteurs, c'est plutôt en France que partout ailleurs.

N'avons-nous pas entendu, encore tout récemment, un orateur célèbre tonner de sa chaire contre cet apôtre de la civilisation, et prodiguer des éloges à Racine au détriment de Voltaire! Racine, disàit-il, a copié les ancienes, et Voltaire a copié Racine.

* Въ публ. библіот. Journal de Paris нѣтъ вовсе.

En Russie, au contraire, on a toujours su l'apprécier: l'imperatrice Catherine était une de plus zélées protectrices de ce grand homme; elle admirait son génie, et la nation a suivi l'exemple de sa souveraine».

Извѣстный нашъ библіографъ, С. Д. Полторацкій, которому мы приносимъ благодарность за указаніе намъ упомянутой брошюры, высказываетъ мнѣніе, что Крыловъ, дѣйствительно, подъ сочинителемъ разумѣлъ Вольтера; но основываетъ это мнѣніе единственно на сущности самой басни. Замѣчательно, что сами французы-роялисты, жившіе въ Россіи, высказывали мнѣніе, что бѣдствія, постигшія Францію, суть плодъ ученія Вольтера: «Онъ (графъ Монфоконъ) очень полюбилъ меня», говоритъ г. Жихаревъ, «особенно за то, что я не большой охотникъ до Вольтера, котораго онъ ненавидитъ, приписывая его ученію бѣдствія своего отечества» («Отеч. Зап.» 1855 г., за апрѣль, «Дневникъ чиновника», стр. 390). Цитируемый М. Дмитріевымъ отзывъ гр. де-Местра тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что приближается къ мысли Крылова, высказанной о сочинителѣ въ баснѣ: «Много сдѣлалъ намъ вреда этотъ человѣкъ!» говоритъ гр: де-Местръ: «подобно насѣкомому, которое въ нашихъ садахъ нападаетъ на корни самыхъ драгоцѣнныхъ растеній, Вольтеръ безпрестанно уязвляетъ своимъ жаломъ два корня человѣческаго общества: молодыхъ людей и женщинъ; онъ впускаетъ въ нихъ свой ядъ, который передается отъ одного поколѣнія другому». («Москвит:» 1853, № 23, стр. 158).

Однакожъ, не смотря на это, по всей вѣроятности, случайное совпаденіе взглядовъ, трудно предположить, чтобы Крыловъ, вообще не увлекавшійся чужими мнѣніями, увлекся этими сужденіями и возсталъ въ своей баснѣ именно противъ Вольтера; не правильнѣе ли будетъ признать мнѣніе Гоголя, который не видитъ въ этой б: намековъ на извѣстнаго какого либо писателя, но относитъ ее вообще къ писателямъ, избравшимъ ложное направленіе. Вотъ его слова: «Но и умному дѣлаетъ онъ (Крыловъ) также крѣпкія замѣтки, сильно попрекнувши его въ баснѣ «Прудъ и Рѣка» за то, что далъ задремать своимъ способностямъ, и строго укоривши въ баснѣ «Сочинитель и Разбойникъ» за развратное и злое ихъ направленіе». («Соч.» т. II, стр. 463—4): Мнѣніе г: Галахова объ этой баснѣ см. во 2-мъ томѣ «Ист. Рус. Слов.» стр. 314 и слѣд.; въ виду всего вышесказаннаго мы не входимъ ни въ какія обсужденія этого мнѣнія.

1818.

—

ПРИМѢЧАНІЕ. Всѣ біографы Крылова, равно какъ и всѣ лица, пользовавшіяся его знакомствомъ, единогласно утверждаютъ, что онъ безъ всякой посторонней помощи на пятидесятомъ году, т. е. въ 1818, выучился по-гречески. Исполненіе такого труднаго предпріятія уже въ преклонныхъ лѣтахъ могло бы казаться невѣроятнымъ, если бы мы не имѣли положительныхъ доказательствъ. Уже разсказъ Лобанова, сообщающаго подробности событія и напечатавшаго даже отрывокъ изъ Одиссеи (стр. 69), переведенный Крыловымъ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ вполнѣ овладѣлъ этимъ языкомъ. Но кромѣ того мы нашли другое доказательство въ рукописяхъ, принадлежавшихъ г. Савельеву: переводъ изъ Плутарха жизнеописанія Алкивіада; какъ видно, нѣкоторыя фразы затрудняли переводчика; для этихъ фразъ онъ оставлялъ мѣсто въ текстѣ и выписывалъ ихъ на поляхъ.

Конечно, баснописцу, который, благодаря единственно своимъ собственнымъ усиліямъ, открылъ себѣ путь къ поэтическимъ сокровищамъ древняго греческаго міра, всего интереснѣе было прочитать въ оригиналѣ произведенія баснописца; можетъ быть, онъ даже съ него и началъ изученіе греческихъ классиковъ. «Иногда», говоритъ Лобановъ, «находили его съ Эзопомъ въ рукѣ, скромно отвѣчающаго на вопросы: *учусь у него* (стр. 64). Съ этого года начинаютъ появляться басни, заимствованныя непосредственно у Эзопа. Но къ сожалѣнію, Крыловъ, удовлетворивъ своему желанію и удививъ своихъ друзей, вскорѣ забылъ греческихъ классиковъ, и они, покрытые пылью, мало-по-малу перешли изъ подъ его постели въ печь. (Плетневъ, стр. LXXII и слѣд.)

CXXI. Мотъ и Ласточка.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ торжественномъ собраніи имп. россійской академіи, бывшемъ въ 5 день декабря 1818 г.»

Содержаніе этой басни заимствовано у Эзопа. У него находимъ слѣдующую басню, подъ заглавіемъ: «Молодой человѣкъ и Ласточка» (№ 248, перев. Мартынова): «Развратный юноша, промотавши наслѣдство и оставшись въ одномъ только платьѣ, увидѣлъ ласточку, преждевременно показавшуюся и, думая, что уже наступила весна, не требующая никакого платья, продалъ и его. Когда же пришла зима и подулъ сильный вѣтеръ, увидѣвши ласточку мертвую, сказалъ ей: бѣдняжка! ты меня погубила. — Басня учитъ, что все, дѣлаемое не во время, опасно».

Изъ сличенія обѣихъ басенъ видно, что Крыловъ измѣнилъ подробности разсказа, чтобы примѣнить его къ сѣверному климату; что же касается нравоученія, то онъ опустилъ его, какъ не вполнѣ соотвѣтствующее разсказу.

Въ сохранившейся рукописи и перепечаткахъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 13: .... во всей природѣ (1818).
19: Гдѣ ни возьмись, опять трескучіе морозы (рукоп.).
.... отколь опять .... (1818).
20: Скрыпятъ обозы (рукоп.).
25: Онъ видитъ на полу ... (1818, 19).
29: И я теперь безъ шубы (рукоп.).
Къ ст. 18: .... Ласточка одна не дѣлаетъ весны.

Народная пословица, какъ самъ Крыловъ сказалъ въ предыдущемъ стихѣ, съ измѣненіемъ расположенія словъ.—Въ «Писмовникѣ» Курганова, у Д. К. и у Снегирева: «Одна ласточка весны не дѣлаетъ».

CXXII. Алкидъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ торжественномъ собраніи въ имп. россійской академіи, бывшемъ въ 5 день декабря 1818 г.».

Содержаніе этой басни заимствовано у Эзопа; такъ какъ въ изданіи Мартынова эта б. пропущена, то приводимъ подлинный ея текстъ, обязательно доставленный намъ г. академикомъ Наукомъ:

К. Гальма № 159. Ἡραχλῆς καὶ Ἀθηνᾶ. Διὰ στενῆς ὁδοῦ ὥδευεν Ἡραχλῆς· ἰδὼν δ' ἐπὶ γῆς μήλῳ ὅμοιόν τι, ἐπειρᾶτο συντρῖψαι. ὡς δὲ εἶδε διπλοῦν γενόμενον, ἔτι μᾶλλον ἐπέδοτο καὶ τῷ ῥοπάλῳ ἔπαιεν· τὸ δὲ φυσηθὲν εἰς μέγεθος τὴν ὁδὸν ἐπέφραξεν. ὁ δὲ ῥίψας τὸ ῥόπαλον ἵστατο θαυμάζων. Ἀθηνᾶ δὲ αὐτῷ ἐπιφανεῖσα εἶπε· πέπαυσο, ἄδελφε. τοῦτ' ἔστι φιλονειχία καὶ ἔρις. ἄν τις αὐτὸ καταλείπῃ ἀμάχητον, μένει οἷον ἦν πρῶτον, ἐν δὲ ταῖς μάχαις οὕτως οἰδεῖται.

Ὅτι αἱ μάχαι καὶ ἔριδες αἴτιαι μεγάλης βλάβης ὑπάρχουσιν.*

Въ первой печатной редакціи пропущенъ 14-й стихъ:
Застановляетъ солнца свѣтъ;
во всѣхъ же послѣдующихъ изданіяхъ печаталась безъ перемѣнъ.

CXXIII. Гребень.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ торжественномъ собраніи имп. россійской академіи, бывшемъ въ 5-й день декабря 1818 г.», съ слѣдующими незначительными перемѣнами:

Ст. 3: .... вонъ изъ рукъ дитя обновку (1818).
11: Такъ гладокъ, плавенъ.
24: Да голова теперь всклокочена ** твоя.
25: .... со злости....

---

* Т. е. «*Геркулесъ и Аѳина*. По узкой дорогѣ шелъ Геркулесъ; увидѣвъ на землѣ что-то похожее на овцу, онъ попытался разбить (это); но когда увидѣлъ, что (оно) вдвое больше выросло, онъ еще сильнѣе поразилъ и побилъ палицею. Выросшее своею величиною закрыло дорогу. Бросивъ палицу, онъ сталъ удивленный. Но Аѳина, ему явившись, сказала: Перестань, братъ. Это любовь къ раздору (φιλονειχῖα—die Streitsucht) и ссора. Если кто его оставитъ въ покоѣ, оно останется, какимъ было прежде; но въ битвахъ оно такъ возрастаетъ. Что битвы и ссоры бываютъ причинами великаго вреда».

** Въ этой баснѣ Крыловъ употребляетъ нѣсколько формъ производныхъ отъ глагола *клочить*, которыя въ разныхъ изданіяхъ печатались различно. Сравненіе ихъ ясно показываетъ, что онъ колебался между двумя формами: *всклоченный* (отъ *клочить*, *всклочить* волосы) и менѣе правильной, но болѣе употребительной: *всклокоченный*. Въ изд. 1819 и 1825 г. въ 15-мъ ст. печаталось: «всклокатилъ» отъ клокатилъ, всклокатить (Словарь Акад. Наукъ).

1819.

—

CXXIV. Скупой и Курица.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года ч. VI, стр. 35, безъ перемѣнъ.

Прототипъ этой басни находимъ въ б. Эзопа (№ 24, перев. Мартынова): «Вдова и курица»: У одной вдовы была курица, которая всякій день несла ей яйца. Думая, что если она больше станетъ давать курицѣ ячменю, то она будетъ нестись два раза въ день; это и сдѣлала. Курица же, пожирнѣвъ, не стала нестись и одинъ разъ въ день. — Баснь учитъ, что изъ корыстолюбія желающіе получить много, теряютъ и послѣднее.

Этотъ сюжетъ передѣлалъ Ла Фонтенъ: у него курица несетъ золотыя яйца, и скупой обладатель ея убиваетъ ее въ надеждѣ, что найдетъ въ ней сокровище.

Сличенія съ этими двумя баснями б. Крылова показываютъ, что онъ заимствовалъ ее не у Эзопа, а у Ла Фонтена; онъ распространилъ разсказъ, прибавивъ нѣсколько подробностей, и нравоученіе французскаго баснописца замѣнилъ его же мыслью, высказанною въ началѣ басни:

Скупой теряетъ все, желая все достать.

Кромѣ Крылова изъ русскихъ писателей передѣлали эту басню Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: «Курица, несущая золотыя яйца» (т. I, стр. 249), и Сумароковъ—«Золотыя яйца» (кн. V, пр. XXXVIII). У Хемницера (академ. изд. стр. 222) есть басня по мысли близкая къ этой б. Крылова: «Невѣжество и Скупость». Скупой невѣжда находитъ въ землѣ

драгоцѣнную статую и, вообразивъ, что въ ней скрыты деньги, разбиваетъ ее.

Къ ст. 1: Скупой теряетъ все, желая все достать.

Мысль эта выражается въ народныхъ пословицахъ: «Многаго захочешь, послѣднее потеряешь» (Д. К., стр. 142; Снегиревъ, стр. 225, 226).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

La Poule aux oeufs d'or.

L'avarice perd tout en voulant tout gagner.
Je ne veux, pour le témoigner,
Que celui dont la poule, à ce que dit la fable,
Pondait tous les jours un oeuf d'or.
Il crut que dans son corps elle avait un trésor;
Il la tua, l'ouvrit, et la trouva semblable
A celles dont les oeufs ne lui rapportaient rien,
S'étant lui-même ôté le plus beau de son bien.
Belle leçon pour les gens chiches!
Pendant ces derniers temps, combien en a-t-on vus
Qui du soir au matin sont pauvres devenus
Pour vouloir trop tôt être riches!

CXXV. Двѣ Бочки.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VI, стр. 67, безъ перемѣнъ сравнительно съ позднѣйшими изданіями.

Приводимъ мнѣніе Гоголя о Крыловѣ, которое онъ подтверждаетъ заключительными стихами этой басни: «Ни одинъ изъ поэтовъ не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ощутительною и выражаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ. Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ воедино. У него живописно все, начиная отъ изображенія природы плѣнительной, грозной и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства. Все такъ сказано мѣтко, такъ найдено и такъ усвоено крѣпко вещи, что даже и опредѣлить нельзя, въ чемъ характеръ пера Крылова. У него не поймаешь его слога. Предметъ, какъ бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собою, натурою передъ глаза. Стиха его также не схватишь. Никакъ не опредѣлишь его свойства: звученъ ли онъ? легокъ ли?

тяжелъ ли? Звучитъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и послушна мысли и летаетъ, какъ муха, то являясь вдругъ въ длинномъ, шестистопномъ стихѣ, то въ быстромъ, одностопномъ; разсчитаннымъ числомъ слоговъ выдаетъ она ощутительно самую невыразимую ея духовность. Стоитъ вспомнить величественное заключеніе басни «Двѣ Бочки»:

Великій человѣкъ лишь видѣнъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Тутъ отъ самаго размѣщенія словъ какъ бы слышится величіе ушедшаго въ себя человѣка». («Соч.» т. Ш, стр. 464.)

Г. Флёри замѣчаетъ, что эта тема многократно обрабатывалась во французской литературѣ, то подъ видомъ deux Tonneaux, то deux Epis, или наконецъ подъ заглавіемъ deux Voitures. Жаль, что г. Флёри не указалъ авторовъ, обратившихъ вниманіе на этотъ сюжетъ. Уизвѣстныхъ намъ французскихъ баснописцевъ мы не нашли ничего похожаго на басню Крылова (стр. 126).

CXXVI. Охотникъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 69, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ.

Идея басни выражается пословицею: «Не откладывай на завтра, что можешь сдѣлать сегодня». Но Снегиревъ находитъ источникъ ея къ нѣмецкой поговоркѣ: Spar nicht auf morgen, was du heut' thun kannst (стр. 720).

CXXVII. Пловецъ и Море.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 71, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ.

Эту басню Крыловъ заимствовалъ у Эзопа (№ 247, перев. Мартынова), но значительно измѣнилъ какъ ея содержаніе, такъ и нравоученіе. Приводимъ б. Эзопа: «Претерпѣвшій кораблекрушеніе и Море»:

«Претерпѣвшій кораблекрушеніе, выброшенный волнами моря на берегъ, спалъ отъ утомленія. Черезъ нѣсколько времени проснувшись, сталъ бранить море, обвиняя его, что оно, обольщая людей наружною своею тихостію, когда къ себѣ заманитъ, ихъ поглощаетъ и губитъ. Море, принявъ видъ жены, сказало ему: не меня, другъ мой, вини, но вѣтры; я таково отъ природы, каковымъ видишь меня. Кто же нечаянно попадетъ ко мнѣ, тѣ поднимаютъ на мнѣ волны и приводятъ меня въ ярость.—И намъ должно винить не тѣхъ, кои дѣлаютъ обиды, когда они подчинены другимъ, но ихъ начальниковъ».

Изъ этого разсказа Крыловъ вывелъ однакожъ другое нравоученіе:

И я скажу, совѣтъ хорошъ, не ложно;
Да плыть на парусахъ безъ вѣтру невозможно.

Съ нравоученіемъ Эзопа сравн. заключеніе басни «Крестьяне и Рѣка».

Идея басни Крылова выражается вполнѣ пословицею: «Не море топитъ корабли, а вѣтры»; это изрѣченіе находимъ у Даніила Заточника (Снегиревъ, стр. 277).

CXXVIII. Крестьянинъ и Змѣя.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VI, стр. 72, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ.

CXXIX. Левъ и Лисица.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. IV, стр. 73.

Приводимъ басню Эзопа подъ тѣмъ же заглавіемъ (№ 5, переводъ Мартынова), которая служила ему оригиналомъ: «Лисица, никогда невидавшая льва, по какому-то случаю съ нимъ встрѣтилась и въ первый разъ такъ испугалась его, что чуть было не умерла. Потомъ, увидѣвши его во второй разъ, хотя испугалась, но не столько, какъ прежде; увидѣвъ же въ третій, сдѣлалась такою смѣлою, что, подойдя къ нему, вошла съ нимъ и въ разговоръ.—Баснь учитъ, что привычка и страшные предметы дѣлаетъ удобоприступными».

Къ ст. 7.—8: Инаго также мы боимся,
Поколь къ нему не приглядимся.

Во всѣхъ изданіяхъ съ 1819 до 1834 г. эти стихи печатались такъ:

Инова также мы боимся,
Поколь *къ чему* не приглядимся.

Они окончательно редактированы при изданіи 1843 г. и показываютъ, что Крыловъ, подобно Эзопу, сначала относилъ выводъ изъ этой б. вообще къ предметамъ, внушающимъ страхъ.

У Ла Фонтена (Fables de I. La Fontaine, ed. variorum, Paris, 1861. i. IV, f. X.) разсказанъ тотъ же случай только введены другія дѣйствующія лица:

Le premier qui vit un chomeau
Senfuit à cet objet nouveau;
Le second approcha; le troisieme osa faire
Un licou pour le dromadaire.

CXXX. Муравей.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VI, стр. 73, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 28: Мой Муравей то на возу....
35—36: Въ городѣ народъ
Большой уродъ.

Къ ст. 12: Я лишнія хвалы считаю за отраву.

Ср. народныя пословицы: «Хвала молодцу—пагуба»; «Хвала—первая порча» (Даль, 814).

CXXXI. Овцы и Собаки.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VI, стр. 77, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

CXXXII. Оселъ и Мужикъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VI, стр. 77, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Къ ст. 1—2: Мужикъ на лѣто въ огородъ,
Нанявъ осла, приставилъ....

Этотъ фактъ, служащій основою басни, выражается въ народной пословицѣ: «Пустилъ козла въ огородъ» (Д. К., стр. 215; Снегиревъ, стр. 346).

Къ ст. 9—12: Оселъ, гоняя птицъ, со всѣхъ ослиныхъ ногъ....
Что въ огородѣ все примялъ и притопталъ.

Ср. пословицу: «Заставь дурака Богу молиться, онъ и лобъ расшибетъ» (Снегиревъ, стр. 136).

CXXXIII. Медвѣдь въ сѣтяхъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VI, стр. 78. Въ послѣдующихъ изданіяхъ измѣнено только одно слово: въ 7-мъ стихѣ: опутанъ вм. *окутанъ*.

«Медвѣдь въ сѣтяхъ» представляетъ развитіе весьма сжатой басни Эзопа (№ 164, перев. Мартынова): «Медвѣдь и Лисица»:

«Нѣкогда медвѣдь хвасталъ, что онъ всѣхъ животныхъ человѣколюбивѣе. Ибо, говорятъ, что Медвѣдь ничего мертваго не ѣстъ. Лисица, услышавъ это, усмѣхнулась и сказала ему: о, когда бы ты ѣлъ мертвыхъ, а не живыхъ.—Басня изобличаетъ обманщиковъ и лицемѣровъ».

Положеніе мѣдвѣдя, попавшаго въ сѣти, его оправданіе и роль ловчаго напоминаютъ б. «Волкъ на Псарнѣ». См. также пословицы: «Присмирѣлъ, что волкъ подъ рогатиной;» «Поджалъ хвостъ, что волкъ на псарнѣ» (Даль, стр. 280). Ясно, что послѣдняя изъ этихъ пословицъ составилась уже подъ вліяніемъ басни Крылова.

CXXXIV. Колосъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VI, стр. 80, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 15: Въ изд. 1819 и 25 г. этого стиха нѣтъ; въ изд. 1830 г. онъ напечатанъ неправильно:
Велѣлъ ли насъ полить.... (вм. *полоть*).
29: Этого стиха также нѣтъ въ изд. 1819 г.

CXXXV. Мальчикъ и Червякъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VI, стр. 80. Въ сохранившейся рукописи находимъ слѣдующіе незначительные варіанты:

Ст. 5: Садовника .... (рукоп.).
13: Притомъ же, кажется ....
27: Тряхнуть ее ....
30: .... я слышалъ это точно.
39: Червякъ мой работàть пустился.

CXXXVI. Пастухъ и Море.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VI, стр. 84, съ незначительною перемѣною въ 8 стихѣ: вм. *Но, видя всякій разъ*.... Но, видя, наконецъ....

Эту басню Крыловъ заимствовалъ у Ла Фонтена, басня котораго: le Berger et la Mer (кн. VI, б. II), есть передѣлка эзоповой: «Пастухъ и Море» (№ 49, перев. Мартынова). Сумароковъ также перевелъ эту б. подъ заглавіемъ «Пастухъ-Мореплаватель» (кн. III, притча LVIII). Для сравненія приводимъ б. Ла Фонтена:

Le Berger et la Mer.

Du rapport d'un troupeau, dont il vivait sans soins,
Se contenta longtemps un voisin d'Amphitrite:
Si sa fortune était petite,
Elle etait sûre tout au moins.
A la fin, les trésors déchargés sur la plage
Le tentèrent si bien qu'il vendit son troupeau,
Trafiqua de l'argent, le mit entier sur l'eau.
Cet argent périt par naufrage.
Son maître fut réduit à garder les brebis,
Non plus berger en chef comme il était jadis,
Quand ses propres moutons paissaient sur le rivage:
Celui qui s'était vu Corydon ou Tircis
Fut Pierrot, et rien davantage.
Au bout de quelque temps il fit quelques profits,
Racheta des bêtes à laine;
Et comme un jour les vents, retenant leur haleine,
Laissaient paisiblement aborder les vaisseaux:
Vous voulez de l'argent, ô mesdames les Eaux!
Dit-il; adressez-vous, je vous prie, à quelque autre:
Ma foi, vous n'aurez pas le nôtre.

Ceci n'est pas un conte à plaisir inventé.
Je me sers de la vérité
Pour montrer, par expérience,
Qu'un sou, quand il est assuré,
Vaut mieux que cinq en espérance;
Qu'il se faut contenter de sa condition;
Qu'aux conseils de la mer et de l'ambition
Nous devons fermer les oreilles.
Pour un qui s'en louera, dix mille s'en plaindront.
La mer promet monts et merveilles:
Fiez-vous-y; les vents et les voleurs viendront.

Къ ст. 52: Что впереди—Богъ вѣсть; а что мое—мое.

Этотъ стихъ внесенъ въ нѣкоторые сборники пословицъ (Д. К., стр. 279; Снегиревъ, стр. 445).

CXXXVII. Мальчикъ и Змѣя.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. IV, стр. 87, безъ перемѣнъ сравнительно съ послѣдующими изданіями:

Основная мысль этой басни заимствована изъ б. Эзопа (№ 263, перев. Мартынова) Мальчикъ, ловящій саранчу, и Скорпіонъ»:

«Мальчикъ ловилъ на стѣнѣ саранчу. Наловилъ ее довольно и увидѣвши скорпіона, котораго счелъ за саранчу, хотѣлъ и его схватить рукою. Скорпіонъ, поднявъ жало, сказалъ: берегись взять меня, чтобъ не бросить тебѣ и той саранчи, которую ты наловилъ.—Хорошо знать и противное, чтобы доброе уважать, а худаго избѣгать». Впрочемъ этотъ сюжетъ часто повторяется въ дѣтскихъ книжкахъ и сопровождается картинками съ постоянною подписью: «нужно смотрѣть съ кѣмъ шутишь».

CXXXVIII. Пчела и Мухи.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VI, стр. 88, и безъ перемѣнъ перешла въ позднѣйшія изданія.

CXXXIX. Трудолюбивый Медвѣдь.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VI, стр. 89, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ:

Плетневъ относитъ эту басню къ самому Крылову: говоря о томъ періодѣ жизни Крылова, когда онъ, приглашенный въ деревню кн. Голицына, не находя для себя занятій и не желая играть роль безполезнаго нахлѣбника, сталъ добровольно учить дѣтей князя и воспитывавшихся съ ними двухъ мальчиковъ, Плетневъ, очевидно, основываясь на свидѣтельствѣ Вигеля, но не называя его, характеризируетъ слѣдующими чертами будущаго баснописца: «Онъ описанъ (въ Запискахъ Вигеля) человѣкомъ уклончивымъ, тонкимъ и замѣтно угождавшимъ прихотливому вкусу хозяина, что подтверждаетъ мысль объ его затруднительномъ положеніи (въ домѣ кн. Голицына) и доказываетъ гибкій, проницательный умъ его, рано постигнувшій истину, изложенную имъ послѣ въ баснѣ: «Трудолюбивый Медвѣдь».

Характеристика Крылова, сочиненная Вигелемъ, такъ извѣстна, что мы почитаемъ излишнимъ повторять ее здѣсь. Но намъ кажется, въ рѣзкомъ, необыкновенно рельефномъ портретѣ этомъ многія черты черезъ-чуръ преувеличены. И могъ ли мальчикъ 10—15 лѣтъ, который впослѣдствіи самъ сознается, что, если слылъ умнымъ человѣкомъ, то обязанъ этимъ своему наставнику, вѣрно понимать поступки этого наставника, видѣть въ нихъ скрытыя цѣли и правильно ихъ оцѣнивать? Характеристика же, написанная по одному воспоминанію, не подтвержденная достаточнымъ количествомъ фактовъ, не оправдывающаяся ни другими свидѣтельствами, ни дальнѣйшимъ развитіемъ человѣка, положительно не можетъ быть признаваема авторитетомъ. Отрывокъ въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля, посвященный Крылову, мы признаемъ прекраснымъ художественнымъ произведеніемъ, но не можемъ признать за нимъ историческаго значенія.

Изъ одного письма Льва Андреевича Крылова къ брату, относящагося къ этому времени, видимъ, что Иванъ Андреевичъ чувствовалъ себя въ домѣ кн. Голицына, какъ дома, и былъ совершенно счастливъ. Трудно допустить, чтобы онъ находилъ счастье въ необходимости поддѣлываться подъ чужіе вкусы, раболѣпствовать, короче, говоря его словами, ходить на заднихъ лапкахъ; также трудно предположить, чтобы въ перепискѣ своей съ братомъ, дышущей искренностію и прямотою (что можно заключить изъ пространныхъ отвѣтовъ на его письма), безъ всякой при томъ надобности, онъ представлялъ свое положеніе лучшимъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Мысль этой б. выражается народными пословицами: «Правитъ, какъ медвѣдь въ лѣсу дуги гнетъ (прибавляютъ: гнетъ не паритъ, а переломитъ—не тужитъ»); «Исподволь и ольху согнешь, а вкрутѣ и вязъ переломишь». (Даль, стр. 225 и 735).

CXL. Ягненокъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VII, стр. 91; въ сохранившейся рукописи и печатныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Послѣ этого стиха слѣдовало:
— При добромъ поведеньѣ (рукоп.).
15: Ужъ ли же не глядѣть? ужъ ли не улыбаться.
33: Взревѣли.... (рукоп. и изд. до 1830).

По словамъ В. А. Олениной, басню эту Крыловъ написалъ для ея младшей сестры, Анны Алексѣевны, когда она была еще ребенкомъ. Этимъ объясняется тонъ разсказа, начиная съ 19 стиха, въ которомъ Крыловъ видимо поддѣлывается подъ дѣтскій языкъ.

1823.

—

CXLI. Крестьянинъ и Овца.

Напечатана въ первый разъ въ «Полярной звѣздѣ», изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, на 1823 годъ; но судя по цензорской отмѣткѣ (отъ 30 ноября 1822 г.), написана была въ 1822 году.

Въ первой печатной редакціи и позднѣйшихъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Судьей былъ Волкъ... («Пол. зв.»).
4—5: Допросъ отвѣтчику, другой запросъ истцу,
Сказать....
9: .... перушки да косточки остались.
14—15: Ни плутовства,
Ни воровства.
17: И волчій приговоръ....
18—27: Понеже куръ овца сильнѣй,
И съ ними ночь была, какъ видится изъ дѣла,
То признаюсь по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла («Пол. зв.»).
— Понеже хоронить концы
Всѣ плуты, вѣдомо, искусны,
Но такъ какъ, со двора не отлучаясь прочь,
Овца та съ курами была одна всю ночь,
А куры очень вкусны,
И случай былъ удобенъ ей;
То, обстоятельства соображая дѣла,
Я признаюсь по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла (изд. 1825).

Въ изд. 1830 г. повторена первая редакція этихъ стиховъ; окончательно редактированы они при изданіи 1834 года.

CXLII. Василекъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества» 1823 г., т. 86, стр. 226, съ помѣткою: «Павловскъ, 15 іюня 1823»; тогда же Крыловъ предоставилъ перепечатать эту б. издателямъ «Полярной звѣзды» на 1824 годъ, какъ видно изъ цензорской помѣтки, отъ 20 декабря 1823 г.

Въ сохранившейся рукописи и печатныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Межъ тѣмъ зефиру онъ такъ жалобно шепталъ (р.).
11: Неужъ-то....
21—22: И восхитительной для сердца красотой
Цвѣты пушистые.... (р.).
(Первый изъ приведенныхъ стиховъ остается безъ перемѣны до изд. 1830 г.)
36—38: О вы! кому судьбой удѣлъ счастливый данъ
Носить высокій санъ,
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ возьмите (р.).
41: И кедру и цвѣтку....

О поводѣ къ сочиненію этой б. Лобановъ разсказываетъ слѣдующее: «Изъ всѣхъ привязанностей второй половины жизни Ивана Андреевича, привязанность къ просвѣщенному и добродушному семейству А. Н. Оленина была теплѣе и искреннѣе всѣхъ. Въ этомъ семействѣ, нѣкогда полномъ цвѣтущемъ, радушномъ, гостепріимномъ, собирались и находили пріятный пріютъ и занимательную бесѣду всѣ знаменитѣйшіе русскіе писатели, начиная съ Державина и Карамзина. Крыловъ почти вседневно былъ тутъ, или на обѣдѣ, или на ужинѣ, или только на вечерней бесѣдѣ. Пріятно ему было служить у такого начальника, который былъ и другомъ и благодѣтелемъ и меценатомъ. Черезъ него лились на Крылова и милости двухъ Монарховъ *. Мать этого семейства,

* Самъ Крыловъ признавалъ, что вниманіемъ членовъ Августѣйшаго семейства и своими успѣхами онъ обязанъ покровительству Оленина. Эту мысль онъ выразилъ въ стихотвореніи: «А. Н. Оленину при доставленіи послѣдняго изданія басенъ» (т. е. изд. 1825 г.), которое появилось потомъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», на 1828 г., съ помѣткою: «18 апрѣля, 1826». Стихотвореніе это съ пропусками перепечатано Плетневымъ (стр. LXIX); а потому повторяемъ его здѣсь:

почтенная Е(лисавета) М(арковна), была изъ числа тѣхъ рѣдкихъ, разумныхъ, добродушныхъ дамъ, которыя, составляя счастіе своего семейства, разливаютъ его и на все ихъ окружающее. Въ ней нашелъ Ив. Андр. нѣжнѣйшую мать и преданъ ей былъ съ сыновнею горячностію, и знаменитый нашъ поэтъ слышалъ и любилъ слышать изъ устъ ея ласкательное себѣ названіе: *Крылышко!* Крылышко любилъ покоиться подъ крыломъ добрѣйшей, благодѣтельной своей матери и, согрѣтый ея заботливостію и попеченіемъ о немъ, вполнотѣ чувствъ однажды сказалъ ей: «Елисавета Марковна, когда наступитъ мой часъ, я приду умереть къ вамъ, сюда, къ вашимъ ногамъ».—И въ самомъ дѣлѣ, когда отъ прилива крови къ головѣ, удары начали его поражать такъ, что при второмъ ударѣ покривилось его лицо, онъ больной дотащился до ихъ дома (отъ дома публичн. библ. до дома Олениныхъ на Фонтанкѣ, противъ Обуховской больницы).—«Вѣдь я сказалъ вамъ, что приду умереть у ногъ вашихъ; взгляните на меня». Доктора были призваны и всякая помощь была оказана больному съ материнскою нѣжностью» (ст. 69—70). В. А. Оленина, вполнѣ подтвердивъ этотъ разсказъ, прибавила, что Крыловъ оставался въ ихъ домѣ почти до совершеннаго выздоровленія. Когда же весною имп. Марія Θеодоровна переѣхала въ Павловскъ и до нея дошла вѣсть о болѣзни благотворимаго ею баснописца, то она приказала А. Н. Оленину перевезти его въ Павловскъ, сказавъ: «подъ моимъ надзоромъ онъ скорѣй поправится». «Здѣсь онъ излилъ благодарныя свои чувствованія прелестною баснею «Василекъ» (Лобановъ), оставленною имъ «въ одномъ изъ альбомовъ, которые въ Розовомъ павильонѣ разложены были для удовольствія посѣтителей». (Плетневъ, стр. LXXIV).

Прими, мой добрый меценатъ,
Даръ благодарности моей и уваженья.
Хоть въ нашъ блестящій вѣкъ, я слышалъ, говорятъ,
Что благодарность есть лишь чувство униженья;
Хоть можетъ быть, инымъ я страненъ покажусь,
Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь.
И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что на меня
Щедротъ Монаршихъ лучъ склоня,
Лѣнивой музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ.
И можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта
И я бы умеръ весь для свѣта.
Но нынѣ, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной въ томъ назову?
При мысли сей мое живѣе сердце бьется.
Прими жъ мой скромный даръ теперь
И вѣрь,
Что благодарностью, не лестью онъ дается.

*

1824.

CXLIII. Кошка и Соловей.

Напечатана въ первый разъ въ «Трудахъ Высочайше утвержденнаго вольнаго общества любителей россійской словесности (или по прежнему заглавію: «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія«), ч. XXV, кн. I, стр. 128; въ трехъ сохранившихся рукописныхъ редакціяхъ и въ печатныхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 4—7: Соловушка, дружокъ, слыхала часто я,
Что голосъ твой.... и славятъ,
И съ первыми тебя пѣвцами рядомъ ставятъ.
И сказывала мнѣ лиса, моя кума (1-я рукоп. ред.).
6: .... съ первыми пѣвцами.... (3-я рукоп. ред. и 1824).
7: Мнѣ говоритъ лиса, моя кума (2 рукоп. ред.).
8: Что голосъ у тебя чудесенъ.
9: .... прекрасныхъ пѣсенъ (1 ред.).
10: Пастушки, пастухи всѣ сходятъ здѣсь съ ума (1 ред.).
11—12: Мнѣ очень хочется тебя послушать.
Пропой мнѣ что нибудь (1 ред.; 2-й стихъ остается также и во 2-й).
14: Повѣрь что не хочу тебя я скушать (3 ред.).
15: Лишь спой, тотчасъ тебѣ я волю дамъ
Гулять по рощамъ и лѣсамъ (1 ред.; 1-й ст. также и во 2-й)
17: Въ 1-й ред. этого и слѣд. стиховъ нѣтъ.
— Я къ музыкѣ въ любви тебѣ не уступаю (2 ред.).
22—23: Пропой хотя немножко.
Но бѣдный нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а чуть пищалъ (1 ред.).
— Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только чуть пищалъ (2 ред.).
26—29: Гдѣ эта чистота, пріятность, плавность, сила?
Все а-а,—да ты, я вижу, хватъ,
И дразнишь, кажется, моихъ котятъ,
Негодный! а въ пѣньѣ ты вовсе не искусенъ (1 ред.).

28: — Мнѣ скученъ этотъ пискъ.... (2 ред.).
29: Нѣтъ, видно.... (3 ред. 1824).
После этого стиха:
— Все безъ начала, безъ конца (2 и 3 ред. 1824 г.).
33—35: Хотите ль, поясню я басню вамъ мою
И на ушко скажу: пѣть плохо соловью
Въ когтяхъ у кошки (1 ред.).

Редакція «Соревнователя» по поводу этой б. сдѣлала слѣдующее заявленіе, свидѣтельствующее о томъ, какъ современники относились къ Крылову и его баснямъ: «Вотъ одно изъ новыхъ произведеній г. почетнаго члена общества, И. А. Крылова! Общество, раздѣляя съ почтенными читателями своего журнала чувство удовольствія при неожиданномъ появленіи новыхъ басенъ классическаго нашего баснописца, предварительно извѣщаетъ ихъ, что въ теченіе нынѣшняго года оно часто будетъ украшать «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» сими драгоцѣнными произведеніями русскаго Ла Фонтена. Пріятно извѣстить отечественную публику, что И. А. Крыловъ написалъ еще до двадцати басенъ. Черезъ нѣсколько времени онъ предполагаетъ сдѣлать новое изданіе своихъ сочиненій. Кто не согласится, что подобный трудъ съ его стороны есть примѣрная, чистѣйшая благодарность за ту любовь, которую повсюду торжественно изъявляютъ ему соотечественники? Онъ столько могъ быть увѣренъ въ своей неизмѣнной славѣ, что, вѣроятно, по одному благородному стремленію къ пользѣ согражданъ принялся вновь за литературные труды—и тѣмъ съ бо́льшимъ восторгомъ, конечно, принято будетъ появленіе новаго его изданія».

По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ Крылова, б. эта касалась самаго чувствительнаго современнаго вопроса,—именно, вопроса о цензурѣ. Въ ней онъ изобразилъ печальное состояніе русской литературы, которая, въ тѣ времена, въ эпоху реакціи, подверглась невѣроятнымъ цензурнымъ стѣсненіямъ. Хотя цензоры обязаны были руководиться цензурнымъ уставомъ 1804 года, однако примѣненіе его зависѣло отъ личнаго взгляда министра (А. Н. Голицына) и членовъ главнаго правленія училищъ, и самъ онъ измѣнялся и утрачивалъ свой первоначальный характеръ, вслѣдствіе различныхъ толкованій тѣхъ его статей, которыми до нѣкоторой степени ограждалась свобода книгопечатанія. Такъ событія политическія, отношенія Россіи къ иностраннымъ государствамъ, конституціонныя начала и въ особенности крѣпостное право включены были въ кругъ тѣхъ предметовъ, которые не подлежали суду и разбору печати; запрещались книги, которыя, по мнѣнію цензоровъ, не вели къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, или въ которыхъ находили мысли, противныя началамъ нравственности, личной чести и политическому устрой-

ству страны (напр. «Эгмондъ» Гёте, «Замокъ Смальгольмъ» Жуковскаго); цензура переходила иногда въ область литературной критики и возвращала рукописи для исправленія слога; наконецъ, въ отношеніи къ журналистамъ, она не только задерживала ихъ програмы, если не была увѣрена въ успѣхѣ предпріятія; но бывали случаи, что откладывала изданіе журнала до того времени, пока редакторъ журнала не пріобрѣтетъ необходимыя свѣдѣнія и опытность (какъ было съ А. Бестужевымъ въ 1819 году). (Подробности см. въ ст. М. Сухомлинова, «Матеріалы для ист. просвѣщ. въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I», «Журналъ Министерства нар. просвѣщ.», ноябрь, 1866 г.).

CXLIV. Двѣ Собаки.

Напечатана въ первый разъ въ «Трудахъ Высочайше утвержденнаго вольнаго общества любителей россійской словесности», 1824, ч. XXVI, кн. I, стр. 64. Въ сохранившихся рукописяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1—7: Собака добрая, Барбосъ,
Который на дворѣ усердно службу несъ,
Жужу, кудрявую болонку,
Лежащую увидѣвъ на окнѣ,
Онъ, ей обрадуясь.... (1 ред.).
— Обрадуясь ей, какъ роднѣ (2 ред.).
8: Отъ радости едва (1 ред.).
16: На счастье грѣхъ пенять (2 ред.).
17: Кусочекъ лучшій мнѣ идетъ съ стола (1 ред.).
20: А ежели рѣзвязь устану....
24: Живу по-старому....
27: Сплю подъ заборомъ здѣсь....
31: Безсиленъ ты и малъ.

Басня Измайлова: «Два Кота», заимствованная имъ у Флоріана (кн. II ,б. IX) и явившаяся уже въ изданіи его «Басенъ и сказокъ» 1821 г. весьма близка по содержанію къ этой б. Крылова. У него тоже котъ-Васька находитъ счастіе въ томъ, что «ходитъ на заднихъ лапкахъ, пляшетъ» и вообще забавляетъ хозяина; между тѣмъ какъ котъ-Ванька, честно исполняющій свою службу, оберегающій цѣлый домъ отъ крысъ и отъ мышей, голодаетъ. Басня заключается слѣдующимъ четверостишіемъ, которое произноситъ первый котъ:

Знай, глупенькій, что тотъ, кто людямъ угождаетъ
Въ бездѣлкахъ, пустякахъ, — у нихъ не потерястъ:
А кто для пользы ихъ трудится и не спитъ,
Тотъ часто голоденъ бываетъ.

CXLV. Рыбьи пляски.

Напечатана въ первый разъ въ «Трудахъ Высочайше утвержденнаго вольнаго общества любителей россійской словесности», 1824 г., ч. XXVII, кн. I, стр. 3 (цензорская отмѣтка, отъ 1-го іюля 1824); тогда же перепечатана въ «Сынѣ Отечества» (т. 29, стр. 33) и въ «Полярной звѣздѣ на 1824 годъ.»

Въ рукописяхъ сохранились двѣ различныя редакціи этой басни: первая въ совершенно чистомъ спискѣ; вторая въ нѣсколькихъ черновыхъ, составляющихъ переработку печатной редакціи. Приводимъ первую вполнѣ:

От жалобъ на судей,
На сильныхъ и на богачей
Левъ, вышедъ изъ терпѣнья,
Пустился самъ свои осматривать владѣнья.
Онъ идетъ—а мужикъ, расклавши огонекъ,
Наудя рыбъ, изжарить ихъ сбирался.
Бѣдняжки прыгали отъ жару кто какъ могъ;
Всякъ, видя близкій свой конецъ, метался.
На мужика разинувъ зѣвъ,
Кто ты? что дѣлаешь? спросилъ сердито левъ.
Всесильный царь! сказалъ мужикъ, оторопѣвъ,
Я старостою здѣсь надъ водянымъ народомъ;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здѣсь тебя съ твоимъ приходомъ.
Ну, какъ они живутъ? богатъ ли здѣшній край?
Великій государь! здѣсь не житье имъ—рай.
Богамъ о томъ мы только и молились,
Чтобъ дни твои безцѣнные продлились.
(А рыбки между тѣмъ на сковородкѣ бились),
Да отчего же, левъ спросилъ, скажи ты мнѣ,
Онѣ хвостами такъ и головами машутъ?

О, мудрый царь! мужикъ отвѣтствовалъ: онѣ
Отъ радости, тебя увидя, пляшутъ.
Тутъ старосту лизнувъ левъ милостиво въ грудь *,
Отправился въ дальнѣйшій путь.

Въ такомъ видѣ Крыловъ хотѣлъ напечатать эту басню; но цензоръ, вообразивъ, что баснописецъ разумѣетъ въ ней путешествовавшаго тогда по Россіи имп. Александра, положительно ее запретилъ. Это такъ оскорбило Крылова, что онъ въ порывѣ негодованія хотѣлъ-было уничтожить свою басню; но уступилъ наконецъ просьбамъ своихъ друзей и передѣлалъ ее. (Сл. отъ В. А. Олениной.). Оказывается однакоже, что догадка цензора была не безъ основанія. «Есть преданіе», говоритъ Я. К. Гротъ, «объясняющее слѣдующимъ образомъ происхожденіе басни Рыбьи пляски. Во время одного изъ своихъ путешествій по Россіи, императоръ Александръ I, въ какомъ-то городѣ остановился въ губернаторскомъ домѣ. Готовясь уже къ отъѣзду, онъ увидѣлъ изъ окна, что на площади приближается къ дому довольно большое число людей. На вопросъ государя, что это значитъ, губернаторъ отвѣчалъ, что это депутація отъ жителей, желающихъ принести его величеству благодарность за благосостояніе края. Государь спѣша отъѣздомъ, отклонилъ пріемъ этихъ лицъ. Послѣ распространилась молва, что они шли съ жалобою на губернатора, получившаго между тѣмъ награду.» (Сборн. II отд. ак. н. т. VI, стр. 41.)

Приводимъ начало и заключеніе первой передѣлки, которыя имѣютъ мало общаго съ предыдущею и послѣдующею редакціями:

Когда-то въ царствѣ льва такъ развратились нравы,
Что безъ суда и безъ расправы,
Кто по-сильнѣй, тотъ слабаго давилъ.
Не только что въ лѣсахъ, но въ глубинѣ подводной
Былъ ропотъ всенародной.
И всякій день до льва онъ доходилъ.
Онъ слушать уставалъ прошенья
Въ лѣсахъ на тигровъ, на волковъ,
А изъ воды на щукъ и рыболововъ,
И вышедъ наконецъ отъ жалобъ изъ терпѣнья,
Пустился самъ *и проч.*

Далѣе какъ въ 1-й редакціи до стиха 24:
Не могши болѣ тутъ обмана левъ стерпѣть,
Я вижу, говоритъ, что ты чудакъ великій:
Какъ можно музыки на балѣ не имѣть?

---

* Этотъ стихъ зачеркнутъ и замѣненъ слѣдующимъ:
Еще изволя разъ на пляску ихъ взглянуть;
но и этотъ зачеркнутъ.

Однакожъ я тотчасъ ихъ сдѣлаю съ музыкой.
И плута онъ въ когтяхъ своихъ заставилъ пѣть.

Въ остальныхъ трехъ рукописныхъ редакціяхъ и въ перепечаткахъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 1—2: Левъ, получа въ свое владѣнье воды,
А съ ними подданныхъ несмѣтное число.
— Какой-то левъ завоевалъ
Не только что лѣса, и воды.
— Имѣя въ области своей лѣса и воды,
Левъ собралъ на совѣтъ звѣрей, чтобъ посудить. (3 ред.).
— Имѣя въ области своей
Не только-что лѣса, и воды (5 ред., 1824).
Ст. 4: Послѣ этого стиха:
Какъ водится, пошли на голоса (5 ред. и до изд. 1830).
5: Вотъ велѣно къ тому лисицу нарядить (3 ред.).
10: .... Лиса, какъ воевода, судитъ (3 ред.).
— Межъ тѣмъ какъ съ берегу.... (5 ред. и 1824).
11: И дѣлитъ съ лисынькой (3 ред.).
— И дѣлится съ кумой (5 ред. и 1824).
15: Что покривилися Ѳемидины вѣсы. 5 ред. и 1824).
18: Вотъ онъ идетъ..... (3 ред.).
28—29: При мнѣ онъ секретарь;
За правду здѣсь почтенъ всѣмъ водянымъ народомъ (3 ред.).
33: Ну какъ суды идутъ?.... (5 ред. и 1824).
36: Этого стиха въ ред. 1824 г. и предыдущихъ нѣтъ.
42: Для пляски рыбьяго народу (3 ред.).
44: По-своему въ когтяхъ .... (3 ред.).

1825.

CXLVI. Муха и Пчела.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», собранныхъ б. Дельвигомъ, на 1825 г., стр. 261 (цензорская отмѣтка отъ 9 авг. 1824 г.).

Вѣроятно по ошибкѣ или по забывчивости, Крыловъ не отнесъ этой басни къ разряду заимствованныхъ; но что она заимствована у Ла Фонтена, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Съ своей стороны Ла Фонтенъ свою басню la Mouche et la Fourmi (кн. IV, б. III), которую для сравненія приводимъ ниже, передѣлалъ изъ б. Федра: Formica et Musca (кн. IV, б. 21). Ее находимъ у Тредьяковскаго подъ тѣмъ же заглавіемъ: «Муха и Муравей» (т. I, стр. 213).

Въ рукописяхъ и перепечаткахъ заключаются слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 4: И въ близости.... (р.).
7: Я съ грусти бъ....
8—9: Вотъ на меня бъ ты посмотрѣла.
11: Летать день цѣлый по гостямъ.
12: И молвя....
20: Беру, что думаю.... (рукоп. и 1824).
23: И въ нѣгѣ отдыхать.... (р.).
28: И на пирахъ....

ПРИЛОЖЕНІЕ.

La Mouche et la Fourmi.

(Ла Фонтена).

La mouche et la fourmi contestaient de leur prix.
O Jupiter! dit la première,
Faut-il que l'amour-propre aveugle les esprits

D'une si terrible manière,
Qu'un vil et rampant animal
A la fille de l'air ose se dire égal!
Je hante les palais, je m'assieds à ta table:
Si l'on t'immole un boeuf, j'en goûte devant toi;
Pendant que celle-ci, chétive et misérable,
Vit trois jours d'un fétu qu'elle a traîné chez soi.
Mais, ma mignonne, dites-moi,
Vous campez-vous jamais sur la tête d'un roi,
D'un empereur, ou d'une belle?
Je le fais; et je baise un beau sein quand je veux;
Je me joue entre des cheveux;
Je rehausse d'un teint la blancheur naturelle;
Et la dernière main que met à sa beauté
Un femme allant en conquête,
C'est un ajustement des mouches emprunté.
Puis allez-moi rompre la tête
De vos greniers!—Avez-vous dit?
Lui répliqua la ménagère.
Vous hantez les palais; mais on vous y maudit.
Et quant à goûter la première
De ce qu'on sert devant les dieux,
Croyez-vous qu'il en vaille mieux?
Si vous entrez partout, aussi font les profanes.
Sur la tête des rois et sur celle des ânes
Vous allez vous planter, je n'en disconviens pas;
Et je sais que d'un prompt trépas
Cette importunité bien souvent est punie.
Certain ajustement, dites-vous, rend jolie;
J'en couviens: il est noir ainsi que vous et moi.
Je veux qu'il ait nom mouche: est-ce un sujet pourquoi
Vous fassiez sonner vos mérites?
Nomme-t-on pas aussi mouches les parasites?
Cessez donc de tenir un langage si vain:
N'ayez plus ces hautes pensées.
Les mouches de cour sont chassées;
Les mouchards sont pendus: et vous mourrez de faim,
De froid, de langueur, de misère,
Quand Phébus régnera sur un autre hémisphère.
Alors je jouirai du fruit de mes travaux:
Je n'irai, par monts ni par vaux,
M'exposer au vent, à la pluie:
Je vivrai sans mélancolie:
Le soin que j'aurai pris de soin m'exemptera.
Je vous enseignerai par là
Ce que c'est qu'une fausse ou véritable gloire.
Adieu; je perds le temps: laissez-moi travailler,
Ni mon grenier, ni mon armoire,
Ne se rempit à babiller.

CXLVII. Богачъ и Поэтъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», собранныхъ б. Дельвигомъ, на 1825 г., стр. 283.

Приводимъ варіанты по рукописямъ и печатнымъ редакціямъ:

Ст. 1: Поэтъ къ Юпитеру Вельможу позвалъ въ судъ (1 рук. ред.).
Поэтъ съ Вельможею затѣялъ судъ (2 ред.).
2: И на него просилъ у Зевса онъ управы.
Обоихъ велѣно представить для расправы (1 ред.).
20: .... не будутъ вѣдать внуки (2 ред., 1824, 25).
23—24: Но вѣрь, коль при его умѣ была бъ возможность
Почувствовать свою.... (2 ред. и 1824, 25).

Прототипъ этой басни г. Флёри находитъ въ извѣстномъ стихотвореніи Шиллера: *Раздѣлъ земли*, которое еще въ 1813 г. было переведено Жуковскимъ и помѣщено въ началѣ посланія къ Батюшкову (Вѣстникъ Европы, 1813, № IX и X, стр. 32).

CXLVIII. Прихожанинъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», собранныхъ б. Дельвигомъ, на 1825 г., стр. 284.

Эта б. ни въ одномъ изданіи не причислена къ разряду заимствованныхъ; но г. Лонгиновъ («Русскій Архивъ», 1866 г., 11 и 12 вып.) указалъ на эпиграмму стариннаго, давно забытаго французскаго писателя, Баратона, l'Excuse, какъ на источникъ, изъ котораго Крыловъ почерпнулъ сюжетъ своей басни. У Баратона, дѣйствительно, есть эпиграмма одинаковаго содержанія съ б. «Прихожанинъ», но она носитъ другое заглавіе. Помѣщаемъ здѣсь эту эпиграмму, по изд. 1705 г. *

* Баратонъ родился въ Парижѣ около половины XVII в., умеръ около 1725 года. Собраніе его сочиненій было издано два раза: въ 1704 и въ 1705 г. Послѣднее изданіе, находящееся въ имп. публ. библіот., носитъ слѣдующее заглавіе: Poésies diverses, contenant des Contes choisis, Bons Mots, Traits d'Histoire et de Morale, Madrigaux, Epigrammes et Sonnets. Par M. Baraton. Paris. Упомянутая эпиграмма на стр. 224.

Les Pleureurs.

Epigramme.

Près de Meudon, dans un village,
Prêchoit un Père Capucin,
Qui le Crucifix à la main,
Pour émouvoir les coeurs mettoit tout en usage.
Sur les peines d'Enfer au long il s'étendoit;
Chacun des assistans pleuroit.
Parmi ces bonnes gens chose assez ordinoire.
Un Payson de Vaugirard,
Qui se trouvoit là par hazard,
Tranquille, et d'un oeil sec écoutoit le bon Père.
«Tu vois que je pleurons, luy dit le grand Colas,
D'où vient que tu ne pleures pas?
Morgué quand j'avons tous le coeur serré d'angoisse,
Le tien est aussi dur qu'une pierre à fusil,
— Pourquoy pleurerois-je, dit-il,
Je ne suis pas de la Paroisse

Этотъ сюжетъ обработалъ и другой французскій писатель, Экушаръ Лебренъ (род. 1729, ум. 1807), подъ заглавіемъ:

Le Sermon.

Un bon curé dans son village
Prêchait la passion si bien
Qui'il n'était bon paroissien
Qui de larmoyer ne fit rage.
Un seul paysan à l'écart
Semblait ne prendre aucune part
A cette universelle angoisse.
— Eh pourquoi ne pleures-tu pas?
Dit quelqu'un.—Moi! répond Lucas,
Je ne suis point de la paroisse.

Г. А. Марковъ въ своей замѣткѣ, помѣщенной въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1866 г., № 313, указалъ еще на одинъ источникъ, очень вѣроятный, если принять во вниманіе страсть Крылова къ пустымъ книгамъ. «Есть старинная книжонка 1778 года», пишетъ г. Марковъ, «едва ли кому нибудь теперь извѣстная, да быть можетъ, и въ дни своего процвѣтанія не пользовавшаяся особенною извѣстностію. Называется она: «Отрада въ скукѣ, или книга веселія и размышленія», напечатана въ Москвѣ, въ типографіи при театрѣ у Клаудія.

Книжечка эта наполнена анекдотами, изъ которыхъ иные забавны и остроумны. Нѣкоторые изъ нихъ и теперь помѣщаются въ современныхъ изданіяхъ и приводятся изустно, какъ произведеніе новѣйшаго остроумія. Въ этой книжечкѣ, во второй ея части, есть слѣдующій анекдотъ: «Въ нѣкоторой деревнѣ, священникъ, сказывая проповѣдь внятнымъ слогомъ и чувствительными выраженіями, привелъ въ слезы слушающихъ его поселянъ; всѣ плакали, исключая одного крестьянина. Его спросили, для чего онъ не плачетъ. На сіе отвѣчалъ онъ: «Я не здѣшняго прихода*». Нашъ неподражаемый И. А. Крыловъ позаимствовалъ смыслъ изъ этого анекдота, далъ баснѣ своей новую жизнь и значеніе, направивъ эпиграмму анекдота на литературные приходы».

Лобановъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ происхожденіе этой басни: «Едва ли какой писатель при жизни своей имѣлъ столько пріятностей, какъ нашъ Крыловъ; едва ли чье либо самолюбіе было такъ лелѣяно, даже до упоенія, какъ нашего баснописца; живой—онъ уже наслаждался безсмертіемъ. Критика почти не прикасалась къ нему; первыя басни его даже въ Москвѣ были приняты по достоинству. В. А. Жуковскій отозвался объ нихъ тогда въ журналѣ («Вѣстникъ Европы», 1809 г., ч. 45, № 9, стр. 35) добросовѣстно и уважительно. Но если въ послѣдствіи Москва не вполнѣ дѣлила восторги Петербурга, вспомнимъ, что въ стѣнахъ ея жилъ заслуженный гражданинъ и знаменитый поэтъ, котораго вѣнокъ ей тяжело было уступить другому. За нѣкоторую ея холодность Крыловъ позволилъ себѣ мщеніе—такова была его натура—въ баснѣ «Прихожанинъ», которую онъ составилъ изъ анекдота о мужикѣ, мною ему случайно разсказанному.»

Такимъ образомъ разсказъ Лобанова есть уже четвертый источникъ, которымъ могъ воспользоваться Крыловъ. Какъ бы то ни было, но сравненіе его б. съ французскими стихотвореніями, положительно доказываетъ, что онъ воспользовался

* Повторяемъ разсказъ въ томъ видѣ, какъ онъ приведенъ въ замѣткѣ г. Маркова, потому что указанной имъ книжки мы не имѣли возможности найти.

только однимъ скелетомъ разсказа и заключительнымъ отвѣтомъ.

Въ рукописи, гдѣ б. озаглавлена «Проповѣдникъ«, и въ первой печатной редакціи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 7: Хоть, можетъ быть, я ихъ немного разсержу (рукоп.).
— Хоть, можетъ быть, я имъ немного досажу (Сѣв. ц., 1825 г.).
8: .... быль на это вамъ скажу (рук. и Сѣв. ц.).
.... быль на это я скажу (1825).
13: Въ немъ правда чистая безъ помощи искусства (рук.).
15: Восхитя .... (рук.).
22: Какой прелестный даръ.
30: Вѣдь я не этого прихода (р., 1825).

Приведенное выше замѣчаніе Лобанова отчасти объясняетъ обстоятельства, вызвавшія б. «Прихожанинъ». Дѣйствительно послѣ извѣстной статьи Жуковскаго, упомянутой Лобановымъ, и рѣзкаго отзыва Каченовскаго о «Новыхъ басняхъ», 1811 года, «Вѣстникъ Европы», бывшій тогда средоточіемъ литературной дѣятельности въ Москвѣ, до самаго 1825 г., когда появилась эта басня, даже не упомянулъ его имени. Всѣ изданія его басенъ, не говоря уже о тѣхъ басняхъ, которыя явились отдѣльно въ журналахъ, пройдены молчаніемъ. Конечно, такое невниманіе московской журналистики могло задѣть самолюбіе баснописца, избалованнаго петербургскими журналами и публикою.

Булгаринъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ объ И. А. Крыловѣ» несравненно точнѣе и подробнѣе разсказываетъ о поводѣ къ сочиненію б. «Прихожанинъ». Въ «Извѣстіи о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева», помѣщенномъ вмѣсто предисловія въ изданіи «Стихотвореній И. И. Дмитріева», 1823 года, кн. П. А. Вяземскій, «превознося И. И. Дмитріева, впрочемъ по заслугамъ..... и желая отдать ему преимущество предъ всѣми и въ басняхъ, напечаталъ между прочимъ слѣдующее: «По счастію совершенство нашего баснописца (т. е. И. И. Дмитріева) не испугало, а подстрекнуло къ соревнованію многихъ истинныхъ поэтовъ; прибавимъ, къ сожалѣнію, многихъ и подложныхъ; но они неизбѣжные гаеры, слѣдующіе по пятамъ за каждымъ образцовымъ твореніемъ. Въ числѣ первыхъ сыскался одинъ, который не только послѣдовать и, такъ сказать, бороться дерзнулъ съ нашимъ поэтомъ (т. е. И. И. Дмитріевымъ), перерабатывая басни уже имъ переведенныя, и басни превосходныя, и мы благодарны ему за его смѣлость».—Послѣ нѣсколькихъ похвалъ дарованію Крылова въ общихъ выраженіяхъ, сочинитель «Извѣстія» заключилъ сужденіе о немъ тѣмъ, что хотя достоинство слога и языка Кры-

лова не такъ велико въ отношеніи къ предмѣстнику его, который былъ изобрѣтателемъ своего слога, то оно велико въ сравненіи съ тѣми; которые не изобрѣли ни слога, ни содержанія своихъ басенъ» (см. стр. LX и XLI).

Этотъ приговоръ, по словамъ Булгарина, тронулъ Крылова, «потому что ему было извѣстно, что сочинитель «Извѣстія», кн. Вяземскій, находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Карамзину, Дмитріеву и Жуковскому, и слѣдовательно, это печатное мнѣніе есть отголосокъ и ихъ мнѣнія. Однакожъ онъ не входилъ въ полемику, хотя изъ рѣчей его можно было заключать, что сердце его уязвлено».—Тогда Булгаринъ началъ въ «Литературныхъ Листкахъ» (1823 г.) полемику; вызвавшую, какъ онъ говоритъ, множество эпиграммъ и сатиръ на него.

«Однажды», продолжаетъ Булгаринъ, «Крыловъ сказалъ ему: «Напрасно ты за меня поссорился и раздражилъ сильныхъ словесниковъ: мнѣ, право, это больно».—Богъ милостивъ, Ив. Андр., хоть и укусятъ, а не съѣдятъ», отвѣчалъ я.—«А все-жъ тебѣ нельзя жить долѣе въ этомъ приходѣ».—Черезъ нѣсколько дней на вечерѣ А. Н. Оленина И. А. Крыловъ прочелъ новую басню свою, одну изъ превосходнѣйшихъ: «Прихожанинъ».—Всѣ догадались, что значила эта басня». («Сѣв. Пчела», 1845 г. № 8).

Этотъ разсказъ въ общемъ весьма вѣроятенъ: замѣчательно, «что изъ лучшихъ поэтовъ того времени говоритъ г. Лонгиновъ («Соврем.» 1857 г., май, стр. 72), только Крыловъ и Гнѣдичъ не были арзамасцами и, хотя находились съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ, но состояли членами Шишковской Бесѣды». Между ними двумя и членами арзамасскаго общества существовалъ какой-то необъяснимый антагонизмъ. Это подтверждаетъ и В. А. Оленина, которая видитъ въ б. «Прихожанинъ» отвѣтъ на эпиграмматическій отзывъ кн. Вяземскаго. (Объ отношеніяхъ Крылова къ арзамасскому обществу см. также «Воспомин.» Вигеля, ч. IV, стр. 165 и слѣд.).

CXLIX. Левъ состарѣвшійся.

Эту б. Крыловъ заимствовалъ изъ б. Ла Фонтена: le Lion devenu vieux (кн. III, б. XIV), которому источникомъ послужила б. Федра: Leo senex, Aper, Taurus, et Asinus (кн. I, б. 21). Такъ какъ въ связи съ этими произведеніями упомянутыхъ двухъ баснописцевъ находится не только б. «Левъ состарѣвшійся», но и слѣдующая за нею: «Лисица и Оселъ», то мы помѣщаемъ ихъ въ приложеніи.

Изъ русскихъ писателей эту басню передѣлывали: Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: «Левъ престарѣлый» (т. I, стр. 241), Сумароковъ—«Левъ состарѣвшійся» (кн. I, притча XXXVII), и, наконецъ Измайловъ—«Дряхлый Левъ» («Соч.» т. I, стр. 10), помѣстившій ее въ «Сынѣ Отечества», 1815 г.

Басня Крылова напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», собранныхъ б. Дельвигомъ на 1825 г., стр. 290. Въ сохранившихся трехъ рукописныхъ редакціяхъ * находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 1: Левъ, царь звѣрей, лѣсовъ гроза (1 ред.).
2: .... своей лишился силы (1—3 ред.).
3: Нѣтъ взора пламенна.... (1 ред.).
— Нѣтъ глазъ тѣхъ огненныхъ.... (2 ред.).
— Огонь въ глазахъ потухъ.... (зачеркнуто въ 3 ред.).
— Нѣтъ пламенныхъ тѣхъ глазъ.... (тамъ же).
4: Чѣмъ прежде наводилъ.... (3 ред.; въ 1-й ред. этого стиха нѣтъ).
6: А что всего больнѣй, что въ подданныхъ звѣряхъ
Нетолько что пропалъ къ нему весь прежній страхъ,
Но всякъ за прежнія обиды льву въ отмщенье
Старался дѣлать оскорбленье (1 ред.).
— Не только что къ нему исчезъ весь прежній страхъ,
Но всякъ за старыя обиды льву въ отмщенье
Наноситъ оскорбленье (2 ред.).
— Стремится дѣлать оскорбленье (3 ред.).
10: Конь на-отмашъ его копытомъ.... (1 и 2 ред.).
13: Въ 1 ред. этого стиха нѣтъ.
14: Сжавъ сердце, терпитъ левъ, готовясь къ смерти злой (1 ред.)
— Сжавъ сердце, сноситъ.... (2 и 3 ред.).
15: Оплакивая жребій свой (2 ред.).
19: И мѣсто выбиралъ.... (1 ред.).
— Тутъ вовсе левъ терпѣнье потерялъ (3 ред.).

* На томъ же листѣ, на которомъ переписана эта б. на-чисто, въ томъ видѣ, какъ появилась въ печати, набросано частью чернилами, частью карандашемъ, весьма неразборчиво 13 строкъ; изъ того что можно было разобрать, видно, что Крыловъ задумывалъ басню, но почему-то оставилъ ее. Вотъ эти строки:

Попалъ Заяцъ (sic) въ тенета,
И отведенъ ему въ жилье пустой сарай.
Какъ хочешь, бѣгай въ немъ, играй,
Была бы лишь охота;
Лишь худо то, что заперты ворота....

Остальные 8 стиховъ написаны карандашемъ, который совершенно стерся.

19—20: Тутъ левъ терпѣнье потерялъ:
О боги! къ небесамъ онъ жалобно воззвалъ:
Пошлите мнѣ.... (1—3 ред.).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Leo senex, Aper, Taurus et Asinus.

(Федра).

Quicunque amisit dignitatem pristinam,
Ignavis etiam jocus est in casu gravi.
Defectus annis, et desertus viribus
Leo quum jaceret, spiritum extremum trahens,
Aper fulmineis ad eum venit dentibus.
Et vindicavit ictu veterem iniuriam.
Infestis taurus mox confodit cornibus
Hostile corpus. Asinus ut vidit ferum
Impune laedi, calcibus frontem exterit.
At ille expirans: Fortes indigne tuli
Mihi insultare: Te, naturae dedecus,
Quod ferre cogor, certe bis videor mori *.

II.

Le Lion devenu vieux.

(Ла Фонтена).

Le lion, terreur des forêts,
Chargé d'ans, et pleurant son antique prouesse,
Fut enfin attaqué par ses propres sujets,
Devenus forts par sa faiblesse.
Le cheval s'approchant lui donne un coup de pied;
Le loup, un coup de dent; le boeuf, un coup de corne.
Le malheureux lion, languissant, triste, et morne,
Peut à peine rugir, par l'âge estropié.
Il attend son destin, sans faire aucunes plaintes;
Quand voyant l'âne même à son antre accourir:
Ah! c'est trop, lui dit-il; je voulais bien mourir;
Mais c'est mourir deux fois que souffrir tes atteintes.

---

* Т. е. Старый Левъ, Вепрь, Волкъ и Оселъ.—Кто утратилъ прежнее достоинство, тотъ въ случаѣ несчастія бываетъ посмѣшищемъ и для презрѣнныхъ.—Удрученный годами и лишенный силъ, левъ лежалъ, испуская послѣднее дыханіе. Подошелъ къ нему вепрь съ оскаленными зубами, и ударомъ отмстилъ прежнюю обиду. Затѣмъ и волъ непріязненными рогами пропоролъ ненавистное тѣло (льва). Лишь только увидѣлъ оселъ, что безнаказанно оскорбляютъ звѣря (льва), копытами ударилъ его въ лобъ. Левъ, издыхая (сказалъ): Я переносилъ съ негодованіемъ, когда сильные меня обижали; принужденный же терпѣть (обиды) и отъ тебя, поношеніе природы, я подлинно считаю это двойною смертью.

CL. Лисица и Оселъ.

Во всѣхъ изданіяхъ, начиная съ изданія 1825 года, Крыловъ относилъ эту басню къ разряду заимствованныхъ. По содержанію она очень близка къ предыдущей и при томъ не только одновременно съ нею явилась въ печати, но даже, какъ видно изъ рукописей, одновременно задумана: на оборотѣ того листа, на которомъ набросана первая редакція б. «Левъ состарѣвшійся», находимъ черновую накидку и б. «Лисица и Оселъ». Что такое раздѣленіе сюжета возможно, это видно изъ сравненія обѣихъ басенъ Крылова съ произведеніями Федра и Ла Фонтена.

Пропустивъ первые два стиха Федра, заключающіе общую мысль, Ла Фонтенъ пересказалъ почти слово-въ-слово все содержаніе басни, измѣнивъ только то, что относилось къ ослу. Федръ представилъ дѣло уже конченнымъ, между тѣмъ какъ Ла Фонтенъ останавливается на одномъ намѣреніи осла; а потому вмѣсто стиховъ:

.... Asinus ut vidit ferum
Impune laedi, calcibus frontem exterit,—

у него читаемъ:

Quand voyant l'âne même à son antre accourir:
Ah! c'est trop, lui dit-il....

По поводу этого отступленія отъ подлинника, сдѣланнаго Ла Фонтеномъ, Валькнэеръ замѣчаетъ: «Кажется Ла Фонтенъ боялся оскорбить величество льва, представивъ намъ его переносящимъ послѣднюю обиду; онъ только указываетъ на ту картину, которою Федръ заключаетъ эту басню: calcibus frontem exterit».

Въ своей б. «Левъ состарѣвшійся» Крыловъ послѣдовалъ примѣру французскаго баснописца; хотя онъ значительно распространилъ ее вставкою многихъ подробностей; однакожъ, подобно ему, ограничился только указаніемъ на намѣреніе осла. Но роль осла, бьющаго копытомъ безсильнаго льва, сама по себѣ такъ богата, и нравоученіе, выводимое изъ этого поступка, такъ часто можетъ находить примѣненіе,

что Крыловъ не могъ не остановиться на ней. Онъ отдѣлилъ ее и основалъ на ней другую басню, которая окончательно исчерпываетъ содержаніе б. Федра съ его нравоученіемъ. Этимъ объясняется между прочимъ и то, почему въ б. «Лисица и Оселъ» роль лисицы сравнительно безцвѣтна и почему эта басня, не представляя дѣйствія во время его совершенія (чего у Крылова вообще не бываетъ), заключаетъ только разсказъ о фактѣ, уже совершившемся.

Приводимъ вполнѣ первую рукописную редакцію:

Гдѣ былъ ты, умна голова?
Лисица, встрѣтяся съ осломъ, его спросила.
Въ пещерѣ былъ у стараго я льва,
Оселъ въ отвѣтъ.—Куда его дѣвалась сила!
Бывало зарычитъ, такъ лѣсъ кругомъ *
. . . .
. . . . . отъ этого урода.
Теперь, чуть шевелясь, безъ силъ
Лежитъ въ пещерѣ, какъ колода.
За то ужъ всякъ безъ страха заходилъ.
И поплатился левъ старинными долгами!
Всякъ терзалъ (?) его—кто зубомъ, кто рогами.
Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ?
Лиса осла перерываетъ.
Да, какъ не такъ!...
И я его лягнулъ—
Пускай другихъ не обижаетъ.

Сверхъ этой редакціи сохранились еще двѣ, значительно полнѣйшія. Извлекаемъ изъ нихъ варіанты:

Ст. 1: Отколѣ умна голова? (2 и 3 ред.).
4: Куда, кума, его дѣвалась сила (2 ред.).
— .... вся дѣлась сила (3 ред.).
5: .... такъ стонъ въ горахъ кругомъ (2 ред.).
6—7: И со страстей, признаться, я не зналъ,
Куда бѣжать.... (2 ред.).
8—16: А нынѣ въ старости, чуть шевелясь, безъ силъ
Лежитъ въ пещерѣ, какъ колода.
За то ужъ всякъ къ нему безъ страха заходилъ.
И поплатился левъ старинными долгами:
Всякъ принималъ его—кто зубомъ, кто рогами (2 ред.).
11—12: Въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь страхъ (3 ред.).

* Мѣстъ, означенныхъ точками, нельзя было разобрать.

14: Кто тутъ ни шелъ....
17—21: Но тронуть льва ты, вѣрно, не дерзнулъ?
Лиса осла перерываетъ.
А мнѣ что онъ за сватъ?—Я такъ его лягнулъ,
Что онъ и ноги протянулъ.
Пускай другихъ не обижаетъ (2 и 3 ред.).
22—25: Какъ много есть людей,.... *
Тогда твои имъ страшны взгляды;
Но поскользнись лишь съ высоты,
То менѣ всѣхъ отъ нихъ себѣ ты жди пощады (2 и 3 ред.).
(Въ приведенной выше, черновой ред. эти стихи набросаны такъ неразборчиво, что можно прочитать только нѣкоторыя слова).

CLI. Мельникъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Полярной звѣздѣ», изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ на 1825 г., стр. 374. Въ рукописяхъ сохранилось пять редакцій этой басни: 1-я крайне неразборчивая и перечерканная, на сколько можно судить по нѣкоторымъ стихамъ, мало чѣмъ отличается отъ 2-й редакціи; 5-я совершенно согласна съ печатною; а потому приводимъ варіанты изъ 2-й, 3-й и 4-й.

Ст. 4: Мельникъ мой не думаетъ тужить (2 ред.).
6: Вода ужъ бьетъ . . . .
9: Но мельникъ....
11—15: И ею мельница моя богата;
А между тѣмъ
Глядитъ: вода ужъ льетъ, какъ изъ ушата.
.... мельница совсѣмъ;
Едва-едва ужъ жорновъ служитъ. (2, 3 ред.).
16—17: Мой мельникъ охаетъ и тужитъ,
Сбирается унять въ плотинѣ течь (2 ред.).
18: Вотъ. ходя у рѣки.... (2 и 3 ред.).
19: Онъ видитъ, что къ рѣкѣ....
20: Негодныя! кричитъ мой мельникъ: дуры!
26—34: Есть люди—эта басня имъ сдѣлана въ улику:
Имъ тысячей не жаль для прихотей своихъ;

* 2-я половина стиха осталась неразобранною.

На дѣло жъ попроси у нихъ копѣйку—то отъ нихъ
Не оберешься крику (2 ред.).
— Что этимъ я хотѣлъ сказать?
(Остальные стихи, какъ во 2-й ред.).
Есть люди—эта басня пусть будетъ имъ въ улику—
На прихоть тысячми сорятъ;
Спроси на дѣло рубль—заспорятъ, зашумятъ,
И ты отъ нихъ не оберешься крику;
А съ бережью такою, диковинка-ль, что домъ
Скорехонько пойдетъ вверхъ дномъ (4 ред.).

Въ этой б., какъ должно заключить изъ Словъ Плетнева, Крыловъ изобразилъ самого себя: «Онъ былъ», говоритъ Плетневъ «безпеченъ и неразсчетливъ...» «Отправляясь со мною вмѣстѣ куда нибудь въ гости (разсказывалъ Гнѣдичъ), Крыловъ никакъ не соглашался заплатить хорошему извощику столько же, сколько платилъ я, и считалъ это мотовствомъ. Половину дороги онъ шелъ пѣшкомъ, и наконецъ, усталый, бывалъ принужденъ сѣсть на самый дурной экипажъ, и за половину дороги платить почти столько же, сколько просили его при началѣ. Это называлъ онъ бережливостью». Вотъ образщикъ разсчетливости поэта, имъ же изображенной въ б. «Мельникъ» («Собр. соч.» т. I, стр. XXXIX).

Отзывъ Пушкина объ этой баснѣ сохранился въ письмѣ его къ Дельвигу, отъ 8 іюня 1825 г.: «Какую Крыловъ выдержалъ операцію*? Дай Богъ ему многія лѣта! Его «Мельникъ» хорошъ, какъ «Демьянъ и Ѳока». («Соч.» 1855 г., т. I, стр. 157).

CLII. Пестрыя Овцы.

При жизни поэта эта басня не была напечатана и едва ли кому извѣстна. Мы открыли ее въ рукописяхъ, принадлежащихъ г. Савельеву, и напечатали въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 года, вып. 3, стр. 386—392. Помѣщаемъ ее подъ 1825 г. и именно послѣ б. «Мельникъ» на слѣдующихъ основаніяхъ:

* Мы никогда не слышали, чтобы Крылову дѣлали какую либо операцію; да врядъ ли бы онъ на нее рѣшился. Очень можетъ быть, что петербургскій корреспондентъ Пушкина употребилъ это слово въ переносномъ смыслѣ, намекая на прежнюю болѣзнь Крылова, о которой Пушкинъ, жившій тогда въ деревнѣ, могъ узнать очень поздно.

вопервыхъ, черновые ея списки находятся на однихъ листахъ съ баснями «Мельникъ» и «Змѣя и Овца», изъ коихъ первая одобрена цензурою 20-го марта 1825 года, а вторая 30-го августа того же года; во-вторыхъ, листъ на которомъ совершенно чисто и четко переписана послѣдняя редакція этой б., положенъ былъ между листами, изъ которыхъ первый, означенный числомъ 20, заключалъ б. «Мельникъ», а второй, означенный числомъ 21, б. «Голикъ», появившуюся въ печати одновременно съ б. «Змѣя и Овца». Поэтому можно совершенно достовѣрно сказать, что «Пестрыя Овцы» занимаютъ середину въ группѣ басенъ, написанныхъ Крыловымъ въ промежутокъ времени отъ 1819 года, когда онъ объявилъ, что болѣе писать не будетъ, до 1825 года, когда появилось пятое изданіе его басенъ, съ прибавленіемъ седьмой книги.

Изъ четырехъ редакцій б. «Пестрыя Овцы» четвертая *, судя по четкости письма, по относительной правильности орѳографіи и пунктуаціи, которыхъ вообще Крыловъ не соблюдалъ, была, повидимому, наравнѣ съ другими, приготовлена къ печати. Изъ остальныхъ 3-хъ двѣ значительно различаются между собою и не вполнѣ закончены; третья же**, сохраняя нѣкоторыя подробности второй, въ цѣломъ совершенно сходна съ четвертой; въ ней не достаетъ только двухъ заключительныхъ стиховъ. Помѣщаемъ послѣднюю, совершенно законченную редакцію а за тѣмъ первыя двѣ, чтобы дать возможность прослѣдить процессъ созданія и всѣ перемѣны, которымъ подвергалась основная мысль произведенія.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправосудно:
Онъ не на то носилъ въ лѣсахъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить, но имъ давать расправу;—
А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ!
Какъ сбыть ихъ и свою сберечь на свѣтѣ славу?
И вотъ къ себѣ зоветъ
Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ,

* На оборотѣ этого листа черновая б. «Змѣя и Овца».

** На томъ же листѣ написана карандашемъ черновая б. «Свинья подъ дубомъ», весьма неразборчиво, съ большими помарками.

И имъ за тайну открываетъ,
Что, видя пеструю овцу, онъ всякій разъ
Глазами цѣлый день страдаетъ,
И что придетъ ему совсѣмъ лишиться глазъ,
И, какъ такой бѣдѣ помочь, совсѣмъ не знаетъ.
Всесильный левъ! сказалъ, насупившись, медвѣдь:
На что тутъ много разговоровъ?
Вели безъ дальнихъ сборовъ
Овецъ передушить.—Кому о нихъ жалѣть?
Лиса увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
Смиренно говоритъ: О царь! нашъ добрый царь!
Ты вѣрно запретишь гнать эту бѣдну тварь
И не прольешь невинной крови.
Осмѣлюсь я совѣтъ иной произнести:
Дай повелѣнье ты луга имъ отвести,
Гдѣ бъ былъ обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ бы поскакать, побѣгать для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
То прикажи овецъ волкамъ пасти.
Не знаю, какъ-то мнѣ сдается,
Что родъ ихъ самъ собой переведется.
А между тѣмъ пускай блаженствуютъ онѣ;
И что бъ ни сдѣлалось, ты будешь въ сторонѣ.
Лисицы мнѣніе въ совѣтѣ силу взяло *,
И такъ удачно въ ходъ пошло, что наконецъ
Не только пестрыхъ тамъ овецъ,
И гладкихъ стало мало.
Какіе жъ у звѣрей пошли ** на это толки?
Что левъ бы и хорошъ, да все злодѣи волки!

Первая редакція, на отдѣльномъ листѣ, безъ заглавія, написана такъ неразборчиво, что нѣсколькихъ словъ вовсе нельзя прочесть; эти слова означаемъ точками.

Левъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправосудно.
(Чтожъ левъ придумалъ наконецъ ***
Онъ не затѣмъ носилъ въ лѣсахъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить, но имъ давать расправу;
Притомъ сберечь свою онъ хочетъ славу.
. . . . придумалъ наконецъ....

---

* И мнѣніе лисы въ совѣтѣ силу взяло.
Проектъ свой выполнять (зачеркнуто).

** Какіе жъ вышли (зачеркнуто)

*** Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты.

На оборотѣ того же листа продолженіе:

Придумалъ—и звѣрей сзываетъ на совѣтъ.
Друзья, онъ говоритъ . . . .
. . . .
Съ прискорбіемъ давно я замѣчалъ,
Что кто у насъ и слабъ и малъ,
Тому съ трудомъ есть гдѣ и пріютиться,
Не только что кормиться;
А это не годится....
Кому жъ за слабаго и гдѣ.... вступиться?
Я . . . .
И для того хочу, чтобъ бѣдненькихъ овецъ,
Которыхъ между насъ житье бываетъ тошно,
И прокормить и.... какъ можно,
И для того луга имъ отвести,
Гдѣ бъ былъ обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ бы поскакать,.побѣгать для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
(То наряжать волковъ овецъ п....).
То волки могутъ ихъ пасти.

Вторая редакція, написанная на одномъ листѣ съ черновою б. «Мельникъ», уже гораздо полнѣе, но все еще съ значительными помарками и также безъ заглавія.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ (истребить ему) прямо перевесть ему не трудно;
Но это было бы неправосудно;
А онъ былъ милостивъ и подданныхъ отецъ
(И наблюдалъ свою онъ славу);
Такіе бы ему поступки не по нраву.
При томъ же наблюдалъ свою онъ очень славу;
А видѣть пеструю овцу (ему бѣда) терпѣнья нѣтъ.
Въ такой кручинѣ и печали
Медвѣдя и лису зоветъ онъ на совѣтъ.
Пришли—и разсуждать о царскомъ горѣ стали.
Всесильный левъ! сказалъ медвѣдь:
Начто тутъ много разговоровъ!
Вели (ты ихъ) безъ дальнихъ сборовъ
Ихъ всѣхъ передушить (кто станетъ ихъ жалѣть); кому о нихъ жалѣть?
(Лишь ты бы былъ у насъ въ покоѣ).
Лиса, увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
(Вертя хвостомъ, смиренно говоритъ)
Смиренно говоритъ: о царь! нашъ добрый царь!
Ты, вѣрно, гнать не станешь эту тварь,
И не прольешь невинной крови.
Напротивъ: повели луга имъ отвести,

Гдѣ бъ былъ разгулъ и пища какъ для матокъ,
Такъ и для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
То ихъ вели волкамъ пасти.
(Пускай невинныхъ родъ овецъ....)
Пускай блаженствуютъ онѣ;
А тамъ, что ни случись,
Ты будешь въ сторонѣ.

Относительно историческаго значенія этой б. не только нѣтъ возможности сказать что либо положительное, но даже сдѣлать болѣе или менѣе основательное предположеніе. Послѣдняя редакція могла бы быть примѣнена къ занимавшей въ тѣ времена общественное мнѣніе университетской исторіи; но первая редакція, въ которой левъ скорбитъ о томъ, что «бѣдненькимъ овечкамъ нечѣмъ прокормиться и негдѣ пріютиться, что никто за нихъ не заступается» разрушаетъ такое предположеніе. Поэтому вопросъ о томъ, на что здѣсь намекаетъ баснописецъ, остается нерѣшеннымъ.

CLIII. Ворона.

Басню такого содержанія находимъ у Эзопа: «Соя и Голуби (№ 101, перев. Мартынова): «Соя, увидѣвши, что въ голубятнѣ хорошо кормятъ голубей, выбѣлила себя и пошла къ нимъ. Пока она молчала, голуби, полагая, что она голубка, оставляли ее въ покоѣ; но однажды, забывшись, она крикнула. Голуби узнали, кто она, стали бить ее и прогнали отъ себя. Лишившись здѣсь корму, она возвратилась къ соямъ; но тѣ не узнали ея и отказали ей въ пищѣ.—Баснь учитъ, что и намъ должно быть довольными своимъ, помня, что жадность, не пользуя ни къ чему, часто отнимаетъ и то, что имѣемъ». Федръ (кн. I, б. 3) сохранилъ разсказъ Эзопа, но вывелъ изъ него другое нравоученіе: онъ осуждаетъ тѣхъ, кто «тщеславится чужимъ». Басня Ла Фонтена: le Geai paré des plumes du Paon (кн. IV, б. 9) по содержанію сходна съ произведеніями обоихъ его предшественниковъ; но въ примѣненіи значительно отличается отъ б. Эзопа. Ла Фонтенъ относитъ ее къ тѣмъ,

.... que l'on nomme plagiaires,

и такимъ образомъ приближается къ Федру. Этотъ сюжетъ въ значительно измѣненномъ видѣ является у Тредьяковскаго въ баснѣ: «Ворона, чванящаяся чужими перьями». («Соч.» т. I, стр. 242): Ворона, набравъ перьевъ другихъ птицъ, убралась ими и стала величаться. Ласточка, замѣтивъ на ней свое перо, вырвала его; другія птицы послѣдовали ея примѣру. Обнаженная такимъ образомъ ворона подвергается общему посмѣянію.—Сумароковъ замѣнилъ ворону коршуномъ (кн. VII, притча III), который утыкавши себя павлиными перьями, сталъ ими гордиться. Разсказъ примѣняется къ низкимъ людямъ, которые гордятся чинами.

По содержанію б. Крылова близка ко всѣмъ упомянутымъ; но значительно различается въ примѣненіи.

Она напечатана въ первый разъ въ «Полярной здѣздѣ», изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, на 1825 годъ, стр. 375, и сохранилась въ двухъ рукописяхъ. Приводимъ варіанты:

Ст. 2: Старайся быть въ кругу, въ которомъ ты рожденъ (1 ред.).
3: Не знатный....
— Простолюдимъ.... (до изд. 1830).
4—5: И въ великаны не тянися,
Коль карлика дала тебѣ природа ростъ (1 ред.).
6: И озирайся ты на свой по-чаще ростъ (2 ред.; въ 1-й этого стиха нѣтъ).
— А помни свой ты скудный ростъ (тамъ же).
Ст. 7: Натыкавши себѣ павлиныхъ перьевъ въ хвостъ,
Ворона въ стадо павъ. . . . (1 и 2 ред.).
12—26: Что такъ, какъ равную сестру
Ее. . . . павы всѣ. . . ;
И даже, что ее представятъ
Къ Юнонину двору;
Но бѣдную ворону нашу
Щипали для забавы,
А прежніе друзья оставили совсѣмъ.
Я къ этой баснѣ быль прибавлю (1 ред.).
— Что павамъ всѣмъ она пабитая сестра (2 ред.).
26: Я въ этой баснѣ быль простую принялъ.
29: Въ 2 ред. этого стиха нѣтъ.
30: Матрешенька графиней стала.
34: И стала бѣдная Матрена.

Къ ст. 24—25: . . . . отъ воронъ она отстала,
А къ павамъ не пристала.

Ср. пословицы: «Отъ воронъ отсталъ, а къ павамъ не присталъ»; «Ни пава, ни ворона» (заключительный стихъ басни). Сюда же относятся поговорки: «Соколъ — вороньи перья»; «Ворона въ павлиныхъ перьяхъ» (Даль, стр. 817).

CLIV. Булыжникъ и Алмазъ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1825 года, кн. VII, стр. 257. Въ сохранившейся рукописи * находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 14: Не понимаю я, за что же въ случай онъ попался.
15: . . . . здѣсь по грязи валялся.
16—18: . . . . набитый братъ;
А вѣсомъ я его еще и по-тяжелѣ.
Но только бъ выбраться отсѣлѣ!
Кто знаетъ, если я въ столицу покажуся,
Быть можетъ, что и я тожъ въ дѣло пригожуся.
Ст. 21: Мой камень думаетъ, что рядомъ. . . .
24: Мой камень въ дѣло взятъ. . . .

Послѣ этого стиха слѣдуютъ въ рукописи еще два стиха, которые долженствовали составить нравоученіе:

Какъ часто я слыхалъ такое разсужденье:
За что онъ въ почести, въ чинахъ и въ уваженьѣ. . . .

CLV. Плотичка.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1825 года, кн. VII, стр. 258. Въ рукописяхъ и перепечаткахъ находимъ слѣдующія перемѣны:

---

* На томъ же листѣ написано 10 строкъ крайне неразборчиво; однакожъ нѣсколько стиховъ можно разобрать, и изъ нихъ видно, что Крыловъ начиналъ писать другую басню, но оставилъ:

Купецъ.....
А чтобы сберегать отъ кражи свой товаръ
Къ амбару злыхъ собакъ приставилъ.
Послѣдній стихъ зачеркнутъ и вм. него:
Къ амбару онъ собакъ приставилъ стаю.

Ст. 5: Вотъ юный другъ.... (рукоп.).
25: .... она къ несчастью первый шагъ.
26: Она становится сперва привычкой....
27: И, вовлекая насъ....
29: Чтобы тебѣ еще живѣй представить.
45: Вотъ, кажется, взяла....
56: Сегодня съ рукъ сошло.... (рукоп. и изд. до 1843).

Къ ст. 57: Но глупымъ, что глухимъ разумныя слова.

Ср. стихъ Дмитріева въ б. «Два Голубя»: «Безумцамъ умна рѣчь, что въ ручейкѣ вода».

По словамъ В. А. Оленпной, Крыловъ написалъ эту басню для одного изъ племянниковъ Елисаветы Марковны, Полторацкаго, который умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.

CLVI. Паукъ и Пчела.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 г., кн. VII, стр. 261. Въ двухъ сохранившихся рукописяхъ и перепечаткахъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: Въ которыхъ пользы нѣтъ (1 ред.).
3: Хоть иногда и имъ дивится свѣтъ (2 ред.).
Ст. 4: .... ярмонку.... (рукоп. и изд. до 1843).
5: .... что надобны для всѣхъ (2 ред.).
9—10: Товаръ прекрасно сходитъ съ рукъ.
Увидя то, завистливый паукъ
На барыши.... (рукоп.).
17—18: И ждетъ, надувшися спесиво,
Не отходя отъ лавки прочь (1 ред.).
21: Насталъ и день.—Но что жъ? Затѣйника метлой (1 ред.).
26—27: Твое, пчела ему тутъ отвѣчаетъ (1 ред.).
— Пчела въ отвѣтъ ему.... (2 ред.).

CLVII. Крестьянинъ и Змѣя.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 г., кн. VII, стр. 263. Изъ трехъ сохранившихся рукописей двѣ совершенно

сходны съ печатною редакціею, а въ третьей заключаются слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 2: Съ разборомъ выбирай. . . .
5: Такъ вкралась въ мужика. . . .
16: Ни огорчилъ ничѣмъ, ни опечалилъ.

CLVIII. Котелъ и Горшокъ.

Содержаніе этой б. Крыловъ заимствовалъ изъ б. Ла Фонтена, le Pot de terre et le Pot de fer (кн. V, б. 11), который въ свою очередь заимствовалъ у Эзопа изъ слѣдующей б., подъ заглавіемъ: «Горшки» (№ 289, перев. Мартынова): «Плыли по рѣкѣ два горшка: глиняный и мѣдный. Глиняный сказалъ мѣдному: плыви по-дальше отъ меня; если до меня дотронешься, то расшибешь меня, хотя бы я и не хотѣлъ до тебя дотрогиваться.—Жизнь бѣдняка бываетъ подвержена опасности, когда близъ него живетъ вельможа».

Ла Фонтенъ значительно измѣнилъ какъ разсказъ, такъ и нравоученіе: у него желѣзный горшокъ приглашаетъ глиняный путешествовать. Глиняный сначала отказывается, но потомъ, уступивъ убѣжденіямъ товарища, отправился въ путь и былъ имъ разбитъ въ куски. Отсюда нравоученіе:

Ne nous associons qu'avecque nos égaux;
Ou bien il nous faudra craindre
Le destin d'un de ces pots.

Сумароковъ въ своей притчѣ: «Горшки» (кн. VII, пр. XXXIX) вполнѣ сохранилъ какъ основу разсказа, такъ и нравоученіе.

Изъ сравненія б. Крылова съ предшествовавшими переработками этого сюжета видно, что онъ заимствовалъ только основу разсказа; изложеніе же и нравоучительный выводъ вполнѣ принадлежитъ ему. Эта б. была въ первый разъ напечатана въ изданіи 1825 г., кн.. VII, стр. 264. Въ трехъ рукописяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Этого и слѣдующаго стиховъ въ 1-й ред. нѣтъ.
7: И на огнѣ. . . . (3 ред.).
— Другъ безъ друга и на огнѣ имъ скучно (2 ред.).
10—11: Вотъ надобно котлу въ дорогу отправляться,
И друга онъ зоветъ съ собой (1 ред.).
12: Пускается съ котломъ горшокъ въ дорогу.
19: Горшокъ и чести ужъ не радъ (2 ред.).
21: Что такъ съ котломъ онъ подружился.
22—24: Какъ были странствія ихъ далеки,
Не знаю — только то провѣдать я успѣлъ,
Что изъ пути домой котелъ пріѣхалъ цѣлъ (1 ред.).
23: . . . . вѣрно извѣстился (3 ред.).
26—27: Сей басни мысль простая,
Что въ дружбѣ и любви равенство вещь святая (1 ред.).

Основная мысль этой басни выражается во многихъ народныхъ пословицахъ: «Горшокъ чугуну не товарищъ»; «Лычко съ ремешкомъ не связывается»; «Сапогъ лаптю не братъ» и проч. (Даль, стр. 856—7).

CLIX. Свинья подъ Дубомъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 г., кн. VII, стр. 268, и безъ перемѣнъ перешла въ позднѣйшія изданія (рукописей не сохранилось).

Идея этой басни заимствована изъ б. Эзопа: «Пѣшеходцы и Яворъ» (№ 251, перев. Мартынова): «Пѣшеходцы лѣтнею порою, около полудня, томимые зноемъ, увидѣвши яворъ, пошли подъ него и, легши подъ его тѣнью, покоились. Взглянувши же на яворъ, говорили другъ другу, что это дерево безплодно и безполезно для людей. Яворъ имъ отвѣчалъ: о неблагодарные! наслаждаясь моимъ благодѣяніемъ, называете меня безполезнымъ и безплоднымъ. Такъ многіе бываютъ несчастны: благотворя ближнимъ, больше лишь дѣлаютъ ихъ неблагодарными». У Лессинга есть басня подъ тѣмъ же заглавіемъ, и хотя по сюжету она имѣетъ сходство съ б. Крылова, но по примѣненію значительно отличается отъ нея. Вотъ она:

Die Eiche und das Schwein.

Ein gefrässiges Schwein mästete sich unter einer hohen Eiche mit der herabgefallenen Frucht. Indem es die eine Eichel zerbiss, verschluckte es bereits eine andere mit dem Auge.

Undankbares Vieh! rief endlich der Eichbaum herab. Du nährst dich von meinen Früchten, ohne einen einzigen dankbaren Blick auf mich in die Höhe zu richten.

Das Schwein hielt einen Augenblick inne und grunzte zur Antwort: Meine dankbaren Blicke sollten nicht aussenbleiben, wenn ich nur wüsste, dass du eine Eicheln meinetwegen hättest fallen lassen. (Erstes Buch, F. 15).

Въ заключительныхъ стихахъ:

Невѣжда также въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученіе
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что самъ вкушаетъ ихъ плоды.

Высказывается мысль, которую Крыловъ развивалъ неоднократно какъ въ басняхъ (напр. Мартышка и Очки), такъ и въ предшествовавшихъ сочиненіяхъ, особенно въ Почтѣ Духовъ, т. I, письмо 8.

CLX. Змѣя и Овца.

Напечатана въ первый разъ, въ изданіи 1825 г., кн. VII, стр. 273. Въ единственной сохранившейся рукописи находимъ слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 7: Какъ вдругъ. . . .
9: Кровь ядомъ въ немъ горитъ.
14: . . . . и съ жизнію растался.
17: И злость одну. . . .

CLXI. Дикія Козы.

Содержаніе этой басни заимствовано изъ б. Эзопа «Пастухъ и Козы» (№ 149, перев. Мартынова): «Пастухъ въ ненастіе привелъ козъ къ необитаемой пещерѣ, гдѣ нашелъ дикихъ козъ и козловъ больше числомъ и ростомъ, чѣмъ было у него. Почему, оставивши своихъ, началъ кормить дикихъ

листьемъ. Когда наступила хорошая погода, то онъ нашелъ своихъ козъ околѣвшими съ голоду, а дикія убѣжали въ горы. Пастухъ, разсмѣявшись, пошелъ домой безо всего.—Никогда не надобно пренебрегать своимъ добромъ, въ надеждѣ прибыли отъ чужаго».

Эта басня напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 274. Въ рукописныхъ и первой печатной редакціи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: Онъ въ радости судьбу. . . . (1 и 2 ред.).
6: И этихъ козъ къ себѣ. . . .
11: . . . . и шкурками беретъ. . . . (1 ред.).
14: Вотъ отъ своихъ овецъ онъ къ гостьямъ.... (1, 2 ред. и изд. до 1843).
20: При томъ съ своими легче сладить (1 и 2 ред.).
29: И мой пастухъ пошелъ къ веснѣ съ сумой (2 ред. и изд. до 1833 г.).
33—34: Чѣмъ въ дикихъ тратить кормъ напрасно,
Не лучше ли бъ своихъ по-болѣ поберечь (2 ред. и изд. 1825).

Существуетъ мнѣніе, что Крыловъ написалъ эту б. по поводу дарованія конституціи царству польскому и что имп. Александръ, которому будто бы эта б. была представлена, крайне былъ недоволенъ баснописцемъ и, сказавъ: «Не ожидалъ я этого отъ старика», запретилъ ее печатать. Но сохранившіяся рукописи, свидѣтельствующія, что басня написана почти десять лѣтъ спустя послѣ упомянутаго событія, положительно доказываютъ неосновательность молвы. Вѣроятнѣе всего, что Крыловъ, перечитывая Эзопа, безъ всякой задней мысли остановился на этой баснѣ.

CLXII. Голикъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 г., кн. VII, стр. 276. Въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Голикъ попалъ въ большую честь (1 ред.).
2: . . . . не будетъ въ сѣняхъ местъ.
11—14: Видалъ я иногда,
Что у людей бѣды выходятъ тѣ же,
Коль поправлять дадутъ ученаго невѣжѣ (2 ред.).

CLXIII. Соловьи.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 278. Въ рукописи и перепечаткахъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Когда въ тюрьму попалъ.... (рукоп.).
14:.... злу горемъ не помочь.
22—26:.... свободу заслужу.
И началъ пѣсни мой пѣвецъ:
И вечеръ пѣснями кончаетъ,
И солнечный восходъ онъ пѣснями встрѣчаетъ (рукоп. и изд. 1825).
24: Такъ разсудилъ.... (1830).
34: Тѣмъ берегли.... (рукоп.).

CLXIV. Скупой.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 281. Въ рукописи и печатной редакціи находимъ слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 2: Какъ вдругъ ему нарядъ (рукоп.).
12: Оставить просто кладъ, такъ можетъ онъ пропасть.
24: Пей, ѣшь теперь.... (1825).
42: Не домовому ли онъ деньги бережетъ (рукоп.).

Ср. пословицы: «Что скупому въ руки попало, то и пропало»; «Въ могилу глядитъ, а надъ копѣйкой дрожитъ» и т. п. (Даль, стр. 90—91).

CLXV. Волкъ и Мышенокъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 283. Въ сохранившихся двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1—11: Волкъ изъ овцы черево вырвалъ вонъ,
И такъ надъ ней трудился онъ,

Что на зубахъ хрустятъ лишь кости.
Мышенокъ, запахомъ пирушки привлеченъ
(1 ред.).

Ст. 12: По мхамъ и кочкамъ онъ . . . . (2 ред.).
13—14: Кусокъ мясца схватилъ и съ нимъ скорѣй убрался
Домой къ себѣ въ дупло (1 ред.).
— Въ укромный свой пріютъ, въ дупло (2 р.).
16—18: Волкъ поднялъ вой — пошелъ по лѣсу гулъ:
Разбой! кричитъ онъ: караулъ! (1 ред.).
21—23: У Климыча судьи часишки воръ стянулъ;
Онъ то жъ кричитъ на вора: караулъ,
Хлопочетъ,
Радъ цѣлый міръ поднять вверхъ дномъ;
А этого и вспомнить онъ не хочетъ,
Что самъ имѣніе все нажилъ грабежомъ (1 ред.).

CLXVI. Два Мужика.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 284. Въ двухъ сохранившихся рукописяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3—4: Охъ, кумъ, вижу, ты бѣды моей не знаешь!
Господь прогнѣвался . . . . (1 ред.).
12: Ты какъ живешь . . . .
15: Какъ живъ еще . . . .
— Какъ спасся самъ . . . . (1 ред.).
18—19: . . . . полугара
. . . . пожара (до изд. 1830).
22: Послѣ этого стиха:
Я съ лѣстницы стремглавъ, чуть шеи не свихнулъ.
Убавилъ у меня полвѣка (2 ред.).
24—29: Неправы оба вы, друзья,
Сказалъ имъ сватъ Степанъ: пустая осторожность
Вредна не менѣе, какъ и оплошность.
Свѣчи въ дому держу и я,
И тоже иногда о праздникахъ гуляю;
Но со свѣчею не зѣваю:
А ежели бываю на дворѣ,
Свѣчу держу я въ фонарѣ (2 ред.).

CLXVII. Котенокъ и Скворецъ.

Напечатана въ первый рвзъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 288. Въ рукописи и перепечаткахъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2—3: Философъ, говорунъ презнатный (рукоп. и изд. 1825).
17: Но и совѣсть . . . . (рукоп.).
24: Тутъ на свои манеры (рукоп. и изд. 1825).
26: Котенку по-сердцу пришла (р.).
29: Хоть голоду совсѣмъ . . . .
31: Съ большимъ вниманьемъ весь прослушалъ.

Г. Флёри (128) указываетъ на сходство этой басни Крылова съ баснею Ла Фонтена le deux Moineaux. Но это сходство столь отдаленно, что трудно пріискать общія точки, какъ въ сюжетѣ, такъ и въ изложеніи.

1829.

—

CLXVIII. Бритвы.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 127 (цензорская помѣтка отъ 27 дек. 1828). Въ сохранившихся двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1—2: Съ знакомцемъ встрѣтясь я однажды на дорогѣ (1 ред.).

1—6: Съ пріятелемъ въ дорогѣ
Я на одномъ ночлегѣ ночевалъ.
Заутра — я едва глаза продралъ —
И что же слышу . . . . (2 ред.).
— И что жъ мнѣ слышится . . . . (1 ред.).

9: . . . . Такъ, ничего! я брѣюсь.

11: Противу зеркала такъ кисло . . . .

14—16: Что дива? я сказалъ: пожалуй, посмотри:
Вѣдь у тебя не бритвы — косари (1 ред.).

18: Охъ, братецъ, отвѣчалъ бѣдняжка: признаюсь (2 ред.).

20—21: . . . . очень тупы,
Вѣдь мы не такъ-то глупы (2 ред.).

26—29: Не такъ ли многіе, боясь большихъ умовъ,
Охотнѣй при себѣ лишь держатъ дураковъ (1 ред.).
— Не такъ ли многіе, боясь большихъ умовъ . . .

Значеніе этой басни объяснено у Гоголя: «Какъ у нѣкоторыхъ доброжелательныхъ, но недогадливыхъ начальниковъ утвердилось было странное мнѣніе, что нужно опасаться бойкихъ, умныхъ людей и обходить ихъ въ должностяхъ изъ-за того единственно, что нѣкоторые изъ нихъ были когда-то шалуны и замѣшались въ безразсудное дѣло, онъ (Крыловъ) написалъ замѣ-

чательную басню: «Двѣ Бритвы», и въ ней справедливо попрекнулъ начальниковъ, которые

Людей съ умомъ боятся
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ.
(«Сочин.» т. III, стр. 463).

CLXIX. Бѣдный Богачъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1829 годъ, стр. 127, и безъ перемѣнъ перешла въ слѣдующія изданія. Въ рукописяхъ сохранилась одна черновая накидка до того неразборчиво написанная карандашемъ, что невозможно разобрать ни одного полнаго стиха.

CLXX. Пушки и Паруса.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1829 годъ, стр. 149. Рукописи не сохранилось; но въ первой печатной редакціи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 11: Какъ будто равнаго намъ сану (1829).
15: Не мы ль съ собой несемъ....
18: .... помоги, могучій намъ Борей.
22: Покрылись тучами густыми небеса.
26: Межъ тѣмъ бушуетъ непогода.
28: Игрушкой сдѣлался....
29: И въ морѣ носится, какъ вялая колода.

«Когда нѣкоторые, черезъ-чуръ военные люди», говоритъ Гоголь, «стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ и въ ней одно спасеніе, а чиновники штатскіе начали, въ свою очередь, притрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые изъ военныхъ не понимали истинной важности своего званія, Крыловъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ ихъ законныя границы симъ замѣчательнымъ четверостишіемъ:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ—врагамъ она грозна,
А паруса—гражданскія въ ней власти.

Какая мѣткость опредѣленія! Безъ пушекъ не защитишься, а безъ парусовъ и вовсе не поплывешь». («Сочинен.» т. III, стр. 463).

Плетневъ находитъ соотношеніе между этой б. и другимъ сочиненіемъ Крылова, именно: «Посланіемъ о пользѣ страстей». Вотъ его слова: «онъ (Крыловъ) здѣсь (въ этомъ «Посланіи»), говоря о значеніи страстей, какъ бы подготовилъ канву для одного изъ совершеннѣйшихъ своихъ произведеній, которое назвапо: «Пушки и Паруса».

Г. Галаховъ въ своей Ист. Рус. Слов. (стр. 320 и слѣд.) замѣчаетъ, что хотя эта басня и появилась въ 1829 году, но «по своему содержанію была бы кстати и въ царствованіе Александра I. И тогда статская, или гражданская, служба ставилась ниже военной, особенно гвардейской, съ которой могло равняться только служеніе по дипломатической части». Противъ такого предубѣжденія вооружались просвѣщенные люди и между ними Муравьевъ-Апостолъ въ одномъ изъ своихъ Нижегородскихъ писемъ, которыя печатались въ Сынѣ Отечества (1813 г. № 46).

1830.

—

CLXXI. Крестьянинъ и Лошадь.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 261. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Такъ про себя съ досадой разсуждала.
7—9: Какъ разбросать овесъ свой по-пустому.
12—16: А тутъ не вижу я ни пользы, ни ума.
Въ той осени овесъ тотъ сжали
И той же лошади его давали.
— И лошадь ту жъ кормить имъ стали.
17—20: Что глупо конь судилъ, конечно, нѣтъ сомнѣнья;
Но съ древности начавъ, въ нашъ даже самый вѣкъ
Не такъ ли .... *и проч.*

CLXXII. Бѣлка.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 262 *. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 8: И скалитъ предъ царемъ ....
23: У бѣлки ужъ давно ни зуба во рту нѣтъ.
На что жъ орѣхи ей? пустое только бремя:
Награда хороша, когда она во время.

Обыкновенно думаютъ, что эту б. Крыловъ написалъ по поводу назначенія пенсіи за очень долгій срокъ службы; но приведенный варіантъ указываетъ на совершенно иное обстоятельство.

---

* И въ томъ же году въ «Московскомъ телеграфѣ», № 9, стр. 44.

CLXXIII. Щука.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 263 *. Сохранилась въ двухъ спискахъ; въ одномъ изъ нихъ, черновомъ, находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Чтобъ форму соблюсти и учинить допросъ,
То виноватую....
11: Да добрая лиса за прокурора.
13—14: Лиса любила рыбный столъ.

CLXXIV. Кукушка и Орелъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 265. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 6—10: Глядитъ—всѣ прочь летятъ. Кукушка огорчилась,
И съ просьбою къ орлу: Помилуй, говоритъ.
13: .... Орелъ въ отвѣтъ: я сдѣлалъ все, что могъ.
15—16: Звать соловьемъ тебя я могъ заставить,
Но голосъ соловья я дать тебѣ не могъ.

Мы слышали, что подъ этою кукушкою должно разумѣть профессора Толмачева, который, замѣнивъ въ Педагогическомъ институтѣ Мартынова, не удовлетворялъ своихъ слушателей и жаловался министру, что студенты не посѣщаютъ его лекцій; но едва ли это справедливо, потому что Мартыновъ оставилъ институтъ въ началѣ 1817 года.

CLXXV. Левъ, Серна и Лиса.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 266. Сохранившаяся черновая рукопись, весьма неразборчивая, съ большими помарками, показываетъ, что Крыловъ, дописавъ эту басню почти до половины, задумалъ

---

* А также въ «Литературной газетѣ», 1830 г., т. I, стр. 143.

было перестроить ее совершенно по другому плану; но оставилъ это намѣреніе и возвратился къ первому.

Ст. 2: Уже ее онъ догонялъ.
— . . . . достигалъ.
5: Спастись нельзя никакъ.
10: Все до этого стиха зачеркнуто; за тѣмъ слѣдуетъ:
Лиса ко льву въ большую дружбу вкралась.
Передо львомъ
Вертитъ хвостомъ. (зачеркн.)
— Лиса ко льву въ большую милость вкралась.
. . . .
И честью лишь своей клянется,
Что онъ сильнѣй Самсона,
И во сто разъ премудрѣй Соломона.
Ну такъ, что левъ, душой къ ней прилепясь,
Жилъ . . . . (друзья у сильныхъ рѣдки).
. . . .
За то свою лису
Онъ часто жаловалъ отъ своего обѣда (зачеркнуто).
16: Махни за ней и сдѣлай чудеса.
17: Хоть пропасть глубока, но коль захочешь,
Ты вѣрно. . . .
21: Когда бъ навѣрно я не знала.
25: Но пропасти . . . .
32: У друга пировать на похоронахъ сталъ.
Послѣ этого стиха начато нравоученіе:
Я впрочемъ этого самъ . . . . не видалъ;
Но слышалъ стороною:
Такихъ друзей . . . . (зачеркнуто).

Я. К. Гротъ находитъ соотношеніе между этою баснею и б. *Левъ и Человѣкъ*. Вотъ его слова: «Басня *Левъ и Человѣкъ* была напечатана только въ двухъ первыхъ изданіяхъ басенъ Крылова (1809 и 1811). Поэтому можно заключить, что онъ вовсе оставилъ ее; но между позднѣйшими его баснями есть одна, которая, кажется, не что иное какъ пересозданіе *Льва и Человѣка*. Въ этой послѣдней Крыловъ справедливо сознаъ не только отсутствіе художественнаго развитія, но бѣдность вымысла, а потому, сохранивъ въ основѣ первоначальную идею, онъ облекъ ее въ другіе образы: такъ произошла около 1830 года басня *Левъ*, *Серна и Лисица*, въ которой вновь изображена побѣда хитрости или ума надъ тѣлесной силой... Это двоякое выполненіе одного и того же сюжета въ два періода, на разстояніе 20 лѣтъ слишкомъ одинъ

отъ другаго, показываетъ, какъ настойчивъ былъ Крыловъ въ преслѣдованіи родившейся у него художественной идеи и какъ взыскателенъ къ себѣ въ ея разработкѣ.» *Дополн. изв. о Крыловѣ. Сб. ст. чит. во II отд. Ак. Н.* т. VI, стр. 41).

CLXXVI. Соколъ и Червякъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 272; въ сохранившейся рукописи находимъ слѣдующую незначительную перемѣну:

Ст. 6: . . . . высоко такъ доползъ.

CLXXVII. Булатъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 274. Въ трехъ рукописныхъ редакціяхъ, изъ которыхъ первыя двѣ весьма сходны между собою, а третья съ печатною редакціею, находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 8: И началъ драть въ лѣсу булатомъ лыки.
. . . .
То вѣтви у плетня имъ обрубать (1 ред.).
13: Какъ бѣдный мой булатъ
Весь въ ржавчинѣ, въ зубцахъ, игрушкой сталъ ребятъ (2 ред.).
14: Сталъ наконецъ ребятамъ ужъ конькомъ (3 ред.).
16: Вотъ ужъ . . . . (вм. *ежъ* (1 ред.).
22—30: Не стыдно ли тебѣ игрушкой быть ребятъ,
Или щепать лучину,
Или обтесывать тычину . . . . (1 ред. не кончена).
— Не стыдно ли тебѣ конькомъ служить ребятамъ,
Или щепать лучину,
Или обтесывать тычину.
Такъ отвѣчалъ булатъ ему:
Я знаю то, что здѣсь въ дому
Истощены мои въ пустыхъ работахъ силы;
Работы эти мнѣ не сродны и не милы;
Но стыдно то не мнѣ, а стыдно лишь тому,
Кто, самъ родясь къ большимъ дѣламъ не сроденъ,
Не могъ понять, къ чему я годенъ (2 ред.).

24: А наконецъ . . . . (3 ред.).
26: Отвѣтствовалъ булатъ . . . .
27—30: Но я ль тому виною?
Въ рукахъ у мужика — я ножикъ лишь простой,
Въ рукахъ дѣтей служу игрушкою пустою.

CLXXVIII. Купецъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 276. Въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

1—2: Фадѣй! Фадѣй!
Куда ты тамъ запалъ? Подитка поскорѣй (1 ред.).
— . . . . поди же поскорѣй (2 ред.).
Ст. 4: . . . . то будешь . . . . (1 ред.).
5—6: Такъ своего племянника училъ купецъ.
Смотри-ка молодца . . . .
11: Самъ Богъ помогъ мнѣ.
15—21: Сказать здѣсь людямъ не въ укоръ:
На свѣтѣ столько я обмановъ примѣчалъ,
Что изъ того невольно заключалъ:
Едва ли свѣтъ похожъ не на гостинный дворъ (1 ред.,
во 2-й эти стихи зачеркнуты).

CLXXIX. Миронъ.

Напечатана въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 277. Сохранилась въ трехъ рукописныхъ редакціяхъ; въ двухъ первыхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: . . . . сосѣди въ томъ не правы (1 ред.).
7: А нищимъ . . . .
14: . . . . онъ бѣдный разорился.
16—27: Суббота какъ придетъ, онъ съ цѣпи злыхъ собакъ
Отвяжетъ,
И нищенькій на дворъ лишь только носъ покажетъ,
Не только чтобы тамъ попить, поѣсть,
А дай Богъ ноги лишь убраться.
И нашъ богачъ не кормитъ нищихъ — травитъ.
А между тѣмъ молва повсюду славитъ
Ему за щедрость похвалы.

Всѣ говорятъ: онъ радъ послѣднимъ подѣлиться;
Лишь жаль, что у него собаки очень злы.
Случалось часто мнѣ
Видать такой пріемъ въ палаты:
Но въ томъ то секретарь, то жучки виноваты (1 ред.).
— И нищихъ бѣдныхъ онъ не кормитъ, только травитъ (2 ред.).

24—27: Случалось въ старину — и то едва ли не во снѣ —
Вельможу видѣть мнѣ:
Нѣтъ доступа въ его палаты;
Но все секретари его въ томъ виноваты,
А самъ онъ вѣчно въ сторонѣ (2 ред.).

CLXXX. Крестьянинъ и Лисица.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, ч. VIII, стр. 278. Въ сохранившейся рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 9—13: Не въ разумѣ, кума, тутъ сила,
Крестьянинъ ей въ отвѣтъ:
Въ умѣ ея мнѣ нужды нѣтъ,
А нужно, чтобъ она меня возила.

CLXXIX. Оселъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, ч. VIII, стр. 279.

У Эзопа есть басня весьма близкая къ этой б. Крылова, какъ по содержанію, такъ и по заключенію, подъ заглавіемъ: «Собака» (№ 210, перев. Мартынова): «Собака привыкла кусать изъ-подъ-тиха. Хозяинъ привѣсилъ ей гремушку, чтобы всѣ ея остерегались. Она, потряхивая гремушкою, на рынкѣ величалась. Старуха сказала ей: что ты хвастаешь? Не за добродѣтель носишь ты это, но для обличенія кроющагося въ тебѣ лукавства. — Тщеславные нравы хвастуновъ обнаруживаютъ скрытную ихъ злость».

Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Что имъ не могъ крестьянинъ нахвалиться.
11: Но надобно сказать вамъ напередъ.
13: Но прежде до звонка ему все съ рукъ сходило.
17: . . . . мой новый господинъ.
25: И кости лишь на немъ осталися да кожа.
26—30: И людямъ въ чинахъ
Съ плутами та жъ бѣда — что кто богаче чиномъ,
Такъ пакости его виднѣй.

CLXXXII. Филинъ и Оселъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, ч. VIII, стр. 280. Сохранившаяся рукопись заключаетъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: Онъ странствовать было пустился.
4: Что двинуться назадъ не могъ онъ....
7—8: И, сторговавшися съ осломъ,
Онъ взялся быть его проводникомъ.
22—25: Ему кричитъ: лѣвѣй, еще лѣвѣе шагъ!
И втюрился оселъ всей харею въ оврагъ;
А филинъ такъ въ него вцѣпился,
Что вмѣстѣ съ нимъ и самъ убился.
25: Послѣ этого стиха слѣдуетъ:
Есть люди, коимъ просвѣщенье
Не пользу, но одно наводитъ ослѣпленье (зачеркнуто).
— Иному также просвѣщенье
Не пользу, но одно наводитъ ослѣпленье;
Чѣмъ болѣе онъ съ книгами знакомъ,
Тѣмъ болѣ голова его идетъ кругомъ;
Не дай Богъ въ путь идти съ такимъ проводникомъ.

CLXXXIII. Собака и Лошадь.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 282. Въ рукописи находимъ только одинъ стихъ, несогласный съ печатной редакціею:

Ст. 14: То не было бъ чего тебѣ здѣсь и стеречь.
— То было бъ нечего тебѣ здѣсь и стеречь.

CLXXXIV. Левъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 283. Въ рукописи находимъ слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 3: Онъ въ ней лишь кости мялъ....
9: Мнѣ шерсти бы набрать.
10: Послѣ этого стиха слѣдовало:
А овцы то на что?
12: Кто для тебя жалѣть подумаетъ своей.
16: На что имъ шерсть? собрать съ нихъ шерстью дань.
19: Имъ же легче бѣгать будетъ.

CLXXXV. Змѣя.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 284. Въ двухъ сохранившихся рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 11—12: То привлекла бъ отъ всѣхъ любовь и удивленье.
И даже, можетъ быть, почтенье (1 ред.).
14—15: Послушалъ Юпитеръ змѣинаго прошенья,
И свисту и шипѣнья
Пропалъ у ней и слѣдъ.
18—19: И стая птицъ къ змѣѣ было подсѣла,
Но возрясь, кто поетъ такой,
Дождемъ всѣ съ дерева долой.
—Но возрясь, кто пѣвецъ.... (2 ред.).
23—26: Нѣтъ, птицы ей въ отвѣтъ: онъ силенъ, звученъ,
Но издали сладка бесѣда намъ твоя.
— Но пѣснь какъ ни сладка твоя,
Еще твое страшнѣе жало (1 ред.).
27—30: Вм. этихъ стиховъ въ 1-й ред.:
Въ чемъ этой басни смыслъ, мы тотчасъ пояснимъ:
Восхитить можешь всѣхъ талантомъ ты своимъ;
Но если хочешь быть почтенъ или любимъ,
Къ тому однихъ талантовъ мало (зачеркн.).
— И ты, пріятель мой,
Сказать тебѣ не для досады,
Твоихъ мы пѣсенъ слушать рады,
Да только ты отъ насъ подальше пой.

Вторая ред.:

Ты можешь удивить талантомъ всѣхъ своимъ,
Но если хочешь быть почтенъ или любимъ,
Къ тому талантовъ мало.

Варіанты послѣднихъ стиховъ не оставляютъ никакого сомнѣнія, что въ этой баснѣ Крыловъ разумѣлъ извѣстное лицо; но чтобы положительно сказать, кого именно, для того у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ; всякое же предположеніе, даже болѣе или менѣе основательное, въ настоящемъ случаѣ почитаемъ неумѣстнымъ.

CLXXXVI. Волкъ и Котъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 285. Въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 4: За нимъ гналася гончихъ стая (1 и 2 ред.).
5—7: Онъ радъ бы въ первые махнуть тутъ ворота;
Да то лишь горе,
Что въ деревняхъ всегда ворота на запорѣ (1 ред.).
10: И говоритъ: скажи мнѣ, Васенька, скорѣе (1 и 2 ред.).
11: Кто здѣсь изъ мужичковъ у васъ добрѣе (2 ред.).
14: .... Просись же у Степана.
Онъ очень добръ....
17: Ну, отвѣдай....
20: Такъ къ Сидору. Тебя навѣрно онъ спасетъ;
Его добрѣй во всей деревнѣ нѣтъ (зачеркн.).
— Бѣги жъ вонъ къ той избѣ:
Авось тебя укроетъ Климъ.
Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка (1 ред.).
25—26: Въ досадѣ котъ сказалъ тутъ волку:
Я вижу: ты здѣсь всѣмъ въ деревнѣ насолилъ.
. . . .
Кому не сдѣлалъ ты убытку иль досады.
За то теперь ты.... (1 ред. не кончена).

31: Какъ ты посѣялъ, такъ и жни (2 ред.).

Къ ст. 31: Что ты посѣялъ, то и жни.

Народня пословица (Д. К. стр. 282). Ср. также пословицы: «Чѣмъ кого взыщешь—и себѣ тоже сыщешь»; «Какъ постлался, такъ и выспался» и др. (Даль, стр. 281).

CLXXVII. Лещи.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 287. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2—4: Въ прозрачной, какъ хрусталь, водѣ
Лещи водились,
И барской милостью они не нахвалились.
— И барской милостью хвалясь, они рѣзвились.
7—8: Вотъ баринъ напускать велѣлъ въ прудъ этотъ щукъ.
Такой приказъ его услыша другъ.
11—12: Или ты свойства щукъ не знаешь?
Вѣдь у тебя они лещей переведутъ.
14: Тутъ баринъ отвѣчалъ: я самъ все это знаю.

На листѣ, на которомъ написана эта б., Крыловъ написалъ было заглавіе: «Лисица и Куры» и первый стихъ: «Увидя куръ»; но все зачеркнулъ.

CLXXVIII. Три Мужика.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 288. Въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2—4: Этихъ стиховъ въ 1 ред. нѣтъ.
6—7: Въ деревнѣ не великъ бываетъ разносолъ:
Поставили пустыхъ имъ щей на столъ.
9—13: Скудненекъ ужинъ былъ, но рады и тому.
Ужъ всякій ложку взялъ, перекрестился...;
Однако же одинъ, досмѣтливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего не много для троихъ,
Смѣкнулъ, какъ дѣлу быть, и умудрился.
11—12: .... перекрестились,
И къ чашѣ было пріютились (2 ред.).
20: Нашъ царь велѣлъ собрать оброкъ съ Китайцевъ чаемъ.
22—23: Они же грамотѣ хотя не сильно знали
И кой-какъ иногда газеты разбирали (2 ред.).
24—36: Кому быть рекрутомъ, кому повелѣвать.
Тутъ пошли догадки, толки, споры:
Быть такъ! Нѣтъ, будетъ такъ....
А что жъ зачинщикъ нашъ?—Онъ время не терялъ:

Пока по-своему они дѣла вершали
И, быть войнѣ иль нѣтъ, рѣшали,
Онъ щи всѣ до-чиста убралъ.
И двое мужиковъ легли съ пустымъ желудкомъ.
И въ свѣтѣ я видалъ людей съ такимъ разсудкомъ:
Готовы разсуждать они и такъ и сякъ,
О мирѣ, о войнѣ—вверхъ дномъ всѣ царства ставятъ;
Послушаешь, кажись, они всѣмъ свѣтомъ правятъ,
Лишь о своихъ дѣлахъ не думаютъ никакъ,
И часто оттого ложатся натощакъ.

29—36: Пока они судили да рядили
И войска на словахъ водили,
Онъ ни-гугу—и щи всѣ до-чиста прiѣлъ.
Такихъ политиковъ мы много находили:
Готовы разсуждать и такъ они и сякъ,
О мирѣ, о войнѣ—вверхъ дномъ всѣ царства ставятъ;
Послушать,—кажется, они всѣмъ свѣтомъ правятъ;
Управить лишь своихъ не знаютъ дѣлъ никакъ.
И часто оттого ложатся натощакъ (послѣдн. 7 стиховъ зечеркн.).
—Чѣмъ на словахъ вверхъ дномъ чужiе флоты ставить,
Не лучше ль челнокомъ своимъ вѣрнѣе править (зачеркн.).
—Когда бы въ сторону, друзья, не заходили
Въ дѣлахъ, гдѣ вашъ совѣтъ не надобенъ никакъ,
То не легли бы натощакъ (зачеркн.).
—Друзья, чѣмъ толками пустыми заниматься,
Въ которыхъ съ васъ ни справокъ.... (зачеркн.).
— .... ни въ совѣтъ не просятъ васъ никакъ,
Вы бъ лучше подъ носомъ смотрѣли по-точнѣе,
То было бы для васъ прочнѣе
И не легли бъ вы натощакъ (зачеркн.).

Приведенные варiанты показываютъ, что въ этой б. Крыловъ, говоритъ о страсти къ политикѣ; о томъ свидѣтельствуетъ также и Гоголь. («Мертв. души», гл. X, стр. 210).

Г. Флёри (129) находитъ, что хотя эта басня вполнѣ русская во всѣхъ своихъ подробностяхъ, однакоже сюжетъ ея заимствованъ изъ старинной французской басни, которая подвергалась многимъ измѣненiямъ, смотря по вкусу тѣхъ, кто ее повторялъ. Существуетъ не менѣе восьми редакцiй, не считая плохой передѣлки Эмбера. Французскiй изслѣдователь Крылова приводитъ слѣдующiй прозаическiй разсказъ Legrand d'Aussy.

Les deux Bourgeois et le Villain.

Deux bourgeois allaient en pèlerinage. Un paysan qui se rendait au même terme s'étant joint à eux dans le chemin, ils firent route

ensemble et réunirent même leurs provisions. Mais à une demi journée de la *maison du Saint*, elles leur manquèrent, et il ne leur resta qu'un peu de farine, à peu près ce qu'il en fallait pour faire un petit pain. Les bourgeois, de mauvaise foi, complotèrent de le partager entre eux deux et d'en frustrer leur camarade, qu'à l'air grossier qu'il avait montré, ils se flattaient de duper sans peine. «Il faut que nous prenions notre parti, lui dit un des citadins; ce qui ne peut suffire à la faim de trois personnes peut en rassasier une et je suis d'avis que le pain soit pour un seul. Mais afin de pouvoir le manger sans injustice voici ce que je propose. Couchons—nous tous trois, faisons chacun un rêve, et qu'on adjuge le pain à celui qui aura eu le plus beau».

Le camarade, comme on s'en doute bien, applaudit beaucoup à cette idée. Le villain même l'approuva et feignit de donner pleinement dans le piége. On fit donc le pain, on le mit à cuire sous la cendre et l'on se coucha. Mais nos bourgeois étaient si fatigués qu'in-volontairement bientôt ils s'endormirent. Le manant, plus malin qu'eux, n'épiait que ce moment. Il se leva sans bruit, alla manger le pain et revint se coucher.

Cependant, un des bourgeois s'étant réveillé et ayant appelé ses deux compagnons: «Amis, leur dit-il, écoutez mon rêve. Je me suis vu transporté par deux anges en enfer. Longtemps ils m'ont tenu suspendu sur l'abîme du feu éternel. Là, j'ai vu les étourments, etc...

— Et moi, reprit l'autre, j'ai songé que la porte du ciel m'était ouverte; les archanges Michel et Gabriel, après m'avoir enlevé par les airs, m'ont conduit devant le trôn de Dieu. J'ai été témoin de sa gloire...» Et alors le songeur commença à dire des merveilles du paradis, comme l'autre en avait dit de l'enfer.

Le villain, pendant ce temps, quoiqu'il les entendit fort bien, feignait toujours de dormir. Ils vinrent le réveiller. Lui, affectant l'espèce de saisissement d'un homme qu'on tire subitement d'un profond sommeil, cria avec un ton effrayé: «Qui est là? — Eh! ce sont vos compagnons de voyage. Quoi! vous ne nous connaissez plus? Allons, levez-vous et contez-nous votre rêve.—Mon rêve! Oh! j'en ai fait un singulier et dont vous allez bien rire. Tenez, quand je vous ai vu transportés l'un en paradis, l'autre en enfer, moi j'ai songé que je vous avais perdus et que je ne vous reverrais jamais. Alors je me suis levé, et, ma foi, puisqu'il faut vous le dire, je suis allé manger le pain.» (Fabliaux et contes du douzième et du treizième siècle, t. II).

Въ заключеніе г. Флёри говоритъ: Крыловъ стряхнулъ пыль съ этой старой басни и обновилъ ее; наивное условіе самого лучшаго сна замѣнилъ политическимъ споромъ; пилигримовъ — промышленниками; французскіе нравы среднихъ вѣковъ—русскими, но рамка осталась таже: хитрѣйшій съѣдаетъ все, пока другіе спорятъ.

Но онъ опустилъ самую остроумную черту. Во французскомъ разсказѣ то лицо, которое полагали самымъ глупымъ, играетъ другими и мститъ тѣмъ, кто хотѣлъ имъ играть.

1833.

CLXXXIX. Пастухъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельѣ», 1833 года, т. I, стр. 401. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: .... (онъ пасъ овецъ господскихъ).
2—4: Пошла бѣда, онъ въ горѣ и печали.
14—15: Изъ поваренковъ онъ былъ сосланъ въ пастухи.
16: Такъ кухня у него была похожа съ нашей.
17—20: Вотъ вся деревня поднялась,
Чтобъ защитить своихъ овецъ.
На волка поднялись войной (зачеркнуто).
— Ругаетъ волка цѣлый свѣтъ,
На волка поднялся весь свѣтъ.
Обшарили весь лѣсъ—и духу волка нѣтъ (зачеркн.).
— Про волка всѣ кричатъ—бранитъ его весь свѣтъ;
Весь лѣсъ обшарили, а волка слѣду нѣтъ.
Друзья, сказать ли вамъ?—на волка *и проч.*

Къ ст. 19—20: . . . на волка только слава,
А ѣстъ овецъ-то—Савва.

Народная пословица, которую находимъ уже въ сборникѣ Д. К., стр. 150; см. также Снегирева, стр. 24: «На волка токмо слава, а овецъ таскаетъ Савва».

CXC. Бѣлка.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельѣ», 1833 года, т. I, стр. 402. Въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1—3: На бѣлку въ колесѣ дивился свѣтъ (зачеркн.).
15—16: Что ты бѣжишь, сказалъ ей дроздъ,—то ясно мнѣ,
Да только все на томъ же ты окнѣ (1 ред.).
— Тутъ улетая.... (2 ред.).

На оборотѣ того листа, на которомъ 2 редакція этой б., написано заглавіе: «Разбойникъ и возъ пузырей», но зачеркнуто; затѣмъ слѣдуетъ 14 строкъ, перечеркнанныхъ и весьма неразборчивыхъ. На сколько возможно разобрать эти строки, кажется, Крыловъ задумывалъ еще одну басню. Вотъ эти строки:

Юпитеръ нѣкогда построить вздумалъ домъ.
Извѣстно, какъ живали пышно боги.
Въ Гомерѣ образецъ остался ихъ хоромъ;
Такъ Зевсу надобны чертоги.
. . . .
. . . .
Сколь припасы для строенья.
И подлинно, везутъ со всѣхъ сторонъ.

Остальныхъ 6-ти строкъ, какъ и двухъ, означенныхъ точками, разобрать нельзя.

CXCI. Мыши.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельѣ», 1833 года, т. I, стр. 404. Въ рукописи, гдѣ эта басня озаглавлена «Двѣ Мыши», находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Что, кумушка, совсѣмъ бѣда!
6: Этого стиха нѣтъ.
7: .... какъ самый капитанъ.
11—14: И я имъ всѣмъ твержу довольно,
Что нашъ корабль идетъ на дно.
Сейчасъ давала имъ совѣтъ.
16—17: А кораблю до ночи не проплыть.
Сестрица, какъ намъ быть?
20: Тутъ въ море кумушки спрыгнули.
25—28: А что же течь? что капитанъ? матросы?
Течь слабая, и та въ минуту унята,
А достальное одна лишь клевета.
— А достальное—клевета («Новос.»).

CXCII. Лиса.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельѣ», 1833 года, т. I, стр. 405. Въ рукописи и въ первой печатной редакціи находимъ слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 1: Лиса у проруби пила въ большой морозъ (р.).
— Зимой по-утру близъ жилья.
— Зимою рано близъ....
11: Да какъ попортить (р. «Новос.»).
30: Читатель, я скажу тебѣ смыслъ басни сей (р.).

Протопипъ это басни г. Фрѣли (131—135) находитъ въ извѣстномъ эпизодѣ Roman de Renard, гдѣ лисица учить волка ловить рыбу, опустивъ хвостъ въ прорубь; при этомъ онъ замѣчаетъ, что сюжетъ остается тотъ же, только измѣнены роли дѣйствующихъ лицъ. Хотя, по всей вѣроятности, Крылову и былъ извѣстенъ этотъ романъ, но нельзя не замѣтить, что совершенно такіе же разсказы, въ иной только формѣ, находимъ и въ русскихъ народныхъ сказкахъ о животныхъ (см. *Сказки* Афанасьева).

CXCIII. Волки и Овцы.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельѣ», 1833 года, т. I, стр. 407. Въ сохранившейся рукописи находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 5: И учрежденъ совѣтъ звѣрей.
8: Видали многократъ
Такихъ волковъ.
12: Такъ почему-жъ въ совѣтѣ имъ не быть.
17—18: И наконецъ премудрый объявили
Звѣрямъ законъ.
Вотъ онъ.
24: Въ дремучій боръ.
25: Законъ хорошъ—въ немъ нечего убавить и прибавить.
27—30: Что волки въ лѣсъ овецъ таскаютъ.
29: Да только волки все овецъ («Новос.»).

CXCIV. Крестьянинъ и Собака.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельѣ», 1833 года, т. II, стр. 473. Въ двухъ сохранившихся рукописяхъ, изъ коихъ въ одной, почти совершенно сходной съ печатною редакціею, она озаглавлена: «Собака и Мужикъ», находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Собака нанялась въ деревнѣ . . . . (1 ред.).
6—7: Какой же вздоръ!
Читатель скажетъ мнѣ.
18: Тамъ погулялъ и воротился (2 ред.).
23—28: . . . . на дворъ
Залѣзъ и обобралъ его до чиста воръ.
А что жъ барбосъ? Онъ дворъ оставилъ,
Но жалованье все съ хозяина доправилъ.
Я примѣчалъ, что въ этакихъ дѣлахъ
Хозяева всегда бываютъ въ дуракахъ.
— Всегда хозяинъ въ дуракахъ (1 ред.; послѣд. 5 ст. зачеркн.).
— Вотъ мой хозяинъ развозился:
Зачѣмъ ты хлѣба не испекъ?
Да некогда — я дворъ тогда стерегъ (зачеркн.).
25: Однако жъ у него готово оправданье (2 ред.).

1834.

CXCV. Разбойникъ и Извощикъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Библіотекѣ для чтенія» 1834 года, т. III, стр. 235. Сохранилась въ пяти спискахъ: три изъ нихъ совершенно сходны съ печатной редакціею, въ остальныхъ двухъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: Послѣ этого стиха слѣдовало:
Услышали его желанье боги (зачеркн.).
4: Свирѣпымъ взглядомъ онъ дорогу озиралъ (1 ред.).
— Свирѣпымъ взоромъ онъ долину озиралъ (2 ред.).
5: . . . . какъ будто валъ (1 ред.).
9: И не пропалъ . . . . (2 ред.).
10: Подъѣхалъ возъ . . . . (1 ред.).
12: Да повстрѣчался онъ . . . .
13—14: Извощикъ самъ былъ малый удалой:
Злодѣя встрѣтилъ онъ тяжелой мостовиной (1 и 2 ред.).
17: Пришло брать Трою съ бою.
20: Да переломлена рука . . . . (1 ред.).
26: . . . . безчестнаго и злаго (2 ред.).
(Въ первой ред. заключительныхъ 2-хъ стиховъ нѣтъ).

CXCVI. Левъ и Мышь.

Напечатана въ первый разъ въ «Библіотекѣ для чтенія», 1834 года, т. III, стр. 236. Основою этой басни, обработанной Эзопомъ, воспользовался Ла Фонтенъ: въ баснѣ le Lion et le Rat (кн. II, б. XI), нравоученіе которой:

Il faut, autant qu'on peut, obliger tout le monde:
On a souvent besoin d'un plus petit que soi;

и стихъ:

De cette vérité deux fables feront foi, —

связываютъ ее съ слѣдующею баснею: la Colombe et la Fourmi. Обѣ онѣ въ старыхъ изданіяхъ печатались вмѣстѣ, подъ общимъ заглавіемъ, и вторая, такъ же какъ и первая, заимствована у Эзопа. Такъ какъ б. Крылова находится съ первою изъ нихъ въ связи, то мы приводимъ ее: «Левъ и Мышь» (№ 217, перев. Мартынова), а б. Ла Фонтена относимъ въ приложеніе.

«Когда левъ спалъ, мышь пробѣжала по его тѣлу. Онъ, вставши, поймалъ ее. Мышь просила оставить ее въ живыхъ, говоря, что она за это много возблагодаритъ ему. Левъ, разсмѣявшись, пустилъ ее. Спустя не много времени послѣ того, дѣйствительно спасенъ онъ мышью. Когда охотники, поймавши его, привязали веревкою къ дереву, то мышь, услышавъ его стонъ и пришедши въ нему, перегрызла веревку и, освободивъ его, сказала: ты смѣялся надо мною, не думая, чтобы я могла тебѣ когда либо возблагодарить; увѣрься же теперь, что и мыши благодарны. — Благомыслящіе люди, хотя бы и бѣдны были, при случаѣ могутъ быть полезны и вельможамъ».

Сравненіе басни Крылова съ произведеніями Эзопа и Ла Фонтена показываетъ, что нашъ баснописецъ воспользовался ихъ сюжетомъ, но измѣнилъ характеръ главнаго дѣйствующаго лица, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развязку разсказа, равно какъ и его подробности, а потому нельзя положительно сказать, которая изъ двухъ приводимыхъ нами редакцій послужила ему оригиналомъ. Сдѣланное имъ измѣненіе въ этомъ сюжетѣ составляетъ весьма важную характеристическую черту: онъ почти никогда не увлекаетъ людей къ добру примѣрами добродѣтели, но старается отклонить ихъ отъ порока, показывая имъ вредныя его послѣдствія; «онъ зналъ», говоритъ Плетневъ, «что люди перемѣняютъ свои мнѣнія только послѣ собственныхъ опытовъ» (стр. LXVI); оттого въ его басняхъ такъ мало идеаловъ добродѣтели.

Басня Ла Фонтена подала поводъ его комментаторамъ (edit. variorum) написать слѣдующее примѣчаніе: «Въ баснѣ l'Aigle et l'Escarbot, такъ же какъ въ le Lion et le Mouche-

ron, баснописецъ угрожалъ силѣ местью слабости. Здѣсь, въ б. le Lion et le Rat, напротивъ, онъ показываетъ, какія услуги можетъ оказать слабость силѣ, когда послѣдняя бываетъ къ ней великодушна». Крыловъ же не только учитъ сильнаго быть великодушнымъ въ отношеніи къ слабому, но и показываетъ, какъ жестоко наказывается презрѣніе къ нему.

Басню Ла Фонтена передѣлалъ Сумароковъ, (кн. VI, пр. XXXVI), подъ заглавіемъ: «Левъ и Мышь».

Въ рукописяхъ сохранился одинъ довольно чистый списокъ этой басни; другой, копія съ котораго была доставлена намъ Я. К. Гротомъ, хранился въ собраніи автографовъ А. С. Норова; оба эти списка совершенно сходны между собою и въ обоихъ басня озаглавлена: «Левъ и Мышенокъ».

Приводимъ варіанты:

Ст. 1—17:
Мышенокъ полевой
Просилъ у льва смиренно позволенье
По близости его въ дуплѣ завесть селенье
Со всей своей семьей;
А къ этому прибавилъ,
Что какъ де силою себя ты ни прославилъ
И какъ ни малымъ я кажусь;
Но въ нуждѣ, можетъ, самъ тебѣ я пригожусь.
Ты! вскрикнулъ левъ: ты, существо ничтожно!
Такого случая представить невозможно,
Чтобъ помощи левъ сталъ искать въ мышахъ.
Прочь, мерзкій, прочь отсель, чтобъ духъ твой здѣсь не пахъ!
Отъ эдакой тревоги
Бѣднякъ — давай скорѣй Богъ ноги,
Простылъ его и слѣдъ....

Къ ст. 32—33: Не плюй въ колодезь, пригодится
Воды напиться.

Эти два стиха составлены изъ народной пословицы: «Не плюй въ чужой колодезь, случится въ немъ воды испить» (Снегиревъ, стр. 134); «Не плюй въ колодезь, Титъ, случится въ немъ воды испить» (Д. К. стр. 175).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Le Lion et le Rat.

(Ла Фонтена).

Il faut, autant qn'on peut, obliger tout le monde:
On a souvent besoin d'un plus petit que soi.
De cette vérité deux fables feront foi;
Tant la chose en preuves abonde.

Entre les pattes d'un lion
Un rat sortit de terre assez à l'étourdie.
Le roi des animaux, en cette occasion,
Montra ce qu'il était, et lui donna la vie.
Ce bienfait ne fut pas perdu.
Quelqu'un aurait-il jamais cru
Qu'un lion d'un rat eût affaire?
Cependant il avint qu'au sortir des forêts
Ce lion fut pris dans des rets,
Dont ses rugissements ne le purent défaire.
Sire rat accourut, et fit tant par ses dents
Qu'une maille rongée emporta tout l'ouvrage.

Patience et longueur de temps
Font plus que force ni que rage.

1835.

CXCVII. Вельможа.

По свидѣтельству Плетнева, эта басня была написана въ 1835 году, а потому она и отнесена къ этому году, хотя появилась въ печати позже двухъ остальныхъ басенъ, а именно: въ 1836 году, въ «Сынѣ Отечества», ч. CLXXV, стр. 36. Въ рукописяхъ, принадлежавшихъ г. Савельеву, сохранилось нѣсколько совершенно чистыхъ списковъ этой басни, сходныхъ съ печатною редакціею, и одна черновая рукопись, въ которой находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Отправился туда....
6: Тотчасъ вопросъ ему....
8—12: Но такъ какъ я все былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
Но только пилъ, да ѣлъ, да спалъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ,
И онъ за подписью моею управлялъ (зачерки.).
18—19: Когда съ его бы властью
Входилъ въ дѣла онъ по несчастью.
22—23: Затѣмъ то мы ему и присудили рай,
Что за дѣла онъ самъ не принимался.

Появленіе этой б. въ печати сопровождалось слѣдующими не лишенными интереса обстоятельствами. Крыловъ былъ иногда приглашаемъ на придворные маскарады. Въ 1836 году при дворѣ устраивался маскарадъ. Крыловъ былъ также въ числѣ приглашенныхъ. За нѣсколько дней до маскарада онъ въ мрачномъ расположеніи духа сидѣлъ послѣ обѣда у А. Н. Оленина.—«Что съ вами, дѣдушка»? спросила Варвара Алексѣевна, къ которой Крыловъ питалъ глубокую привязанность*.—«Да вотъ бѣда: надо

* Разсказъ подтвержденъ вполнѣ В. А. Олениною.

ѣхать во дворецъ въ маскарадъ, а не знаю, какъ одѣться».—«А вы бы, дѣдушка, помылись, побрились, одѣлись бы чистенько, васъ тамъ никто бы и не узналъ».—Шутка искренно любимой «фавориточки» (такъ называлъ Крыловъ Варвару Алексѣевну) развеселила старика, но не уменьшила заботы. Мы слышали (и это вполнѣ подтверждается Бантышъ-Каменскимъ), что разрѣшить трудную задачу, какъ одѣться, удалось знаменитому трагику Каратыгину, который нарядилъ баснописца въ костюмъ боярина-кравчаго *. Сообразно съ этою ролью и написано нижеслѣдующее стихотвореніе **. Предварительно нужно замѣтить, что праздникъ былъ устроенъ по англійскому обычаю. Кому достался кусокъ пирога со спрятаннымъ въ немъ бобомъ, тотъ и былъ царемъ праздника.

Къ этому-то царю Крыловъ и обращаетъ рѣчь:

По части кравческой, о царь, мнѣ рѣчь позволь,
И то, чего тебѣ желаю,
И то, о чемъ я умоляю,
Не морщась, выслушать изволь.
Желаю, нашъ отецъ, тебѣ я аппетита,
Чтобъ на день разъ хоть пять ты кушалъ бы до сыта,
А тамъ бы спалъ, да почивалъ,
Да снова кушать бы вставалъ.
Вотъ жить здоровая манера!
Съ ней къ году,— за это я, кравчій твой, берусь —
Ты будешь ужъ не бобъ, а будешь царь-арбузъ!
Отецъ нашъ! не бери ты съ тѣхъ царей примѣръ,
Которые не лакомо ѣдятъ,
За подданныхъ не спятъ,
И только лишь того и смотрятъ и глядятъ,
Чтобъ были всѣ у нихъ довольны и счастливы;
Но, разсуди премудро самъ,
Что за житье съ такой заботой пополамъ;
И бѣднымъ кравчимъ намъ
Какой тутъ ждать себѣ награды?
Тогда хоть брось все наше ремесло.
Нѣтъ, не того бы мнѣ хотѣлось!
Я всякій день молюсь тепло,
Чтобы тебѣ, отецъ, пилось бы лишь, да ѣлось,
А дѣло бы на умъ не шло.

Стихотвореніе это государь выслушалъ съ видимымъ удовольствіемъ; тогда Крыловъ обратился къ гр. Бенкендорфу съ просьбою доложить государю, что онъ желалъ бы прочесть вновь сочиненную имъ басню. Государь изъявилъ на то согласіе, и Крыловъ прочелъ «Вельможу». Вся басня и особенно заключительные стихи такъ понравились государю, что онъ обнялъ автора, поцѣловалъ его и промолвилъ: «пиши, старикъ, пиши». Воспользовав-

* См. статью Бантышъ-Каменскаго, И. А. Крыловъ, «Библіот. для чтенія», 1845, т. LXIX.

** Оно сохранилось, переписанное писарскою рукою, въ бумагахъ Крылова.

шись этимъ случаемъ, Крыловъ просилъ высочайшаго разрѣшенія напечатать басню и, разумѣется, получилъ.

Причина, понудившая Крылова поступить такимъ образомъ, была слѣдующая. Еще за годъ до этого маскарада онъ написалъ «Вельможу». Предполагалъ ли Крыловъ, что его произведеніе не будетъ дозволено цензурою, или дѣйствительно цензура его запретила, но только онъ передалъ его тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, гр. Уварову, для представленія государю императору. Не знаемъ, по какой причинѣ, Уваровъ не исполнилъ просьбы баснописца; рукопись оставалась у него около года. Между тѣмъ кто-то ее списалъ, передалъ другому, тотъ третьему и такимъ образомъ въ короткое время басня разошлась въ публикѣ во множествѣ списковъ; дошло до того, что ученики Пажескаго корпуса читали ее на экзаменѣ, а въ публикѣ распространилось мнѣніе, что Крыловъ написалъ басню, которую цензура запретила; а онъ, на зло ей, распространилъ эту басню въ рукописи. Чтобы прекратить эти толки, онъ рѣшился лично просить государя о дозволеніи напечатать эту басню *.

Нельзя не замѣтить, что основная мысль басни неоднократно высказывалась Крыловымъ въ различныхъ формахъ въ его прежнихъ сочиненіяхъ и особенно въ «Почтѣ Духовъ». Такъ напр., въ двадцатомъ письмѣ (ч. I, стр. 258, изд. 1789 г.), когда Плутону донесли доктора, что изъ адскихъ судей двое навсегда оглохли, а третій невозвратно лишился ума, и тотъ въ недоумѣніи не зналъ, что дѣлать, танцмейстеръ Фурбиній даетъ ему благой совѣтъ: такъ какъ по разнымъ причинамъ ихъ невозможно отставить отъ занимаемыхъ ими должностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя имъ поручать отправленіе важныхъ дѣлъ, не подвергнувъ ихъ замѣшательству, то остается одинъ исходъ: «оставя при нихъ прежнія ихъ достоинства не давать имъ власти, и все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы приставить къ нимъ умнаго секретаря, который бы вмѣсто ихъ разсматривалъ дѣла, а они бы подписывали то, что онъ имъ скажетъ».

---

* Разсказъ подтвержденъ нѣсколькими лицами, знавшими Крылова. См. также статью Бантышъ-Каменскаго, «Крыловъ», «Библ. для чт.» 1845 г. мартъ, отд. критики, стр. 17, гдѣ приведено и другое стихотвореніе, читанное Крыловымъ на маскарадѣ, тогда же напечатанное въ небольшой брошюркѣ, составленной изъ стихотвореній, написанныхъ по этому случаю и другими лицами, на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; въ ней же находится между прочимъ и стихотвореніе Пушкина «Циклопъ», о которомъ упоминаютъ Бантышъ-Каменскій и Анненковъ (въ матеріалахъ для біогр. Пушкина, ст. 354).

1836.

CXCVIII. Два Мальчика.

Напечатана въ первый разъ въ «Библіотекѣ для чтенія», 1836 г. т. XIV, стр. 65. Изъ четырехъ сохранившихся рукописныхъ редакцій первая такъ неразборчива, что въ ней можно прочитать только отдѣльныя слова; четвертая, чистая, совершенно сходна съ печатнымъ текстомъ; изъ двухъ же промежуточныхъ извлекаемъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: Насъ не погнали въ классъ (2 ред.).
5: Хоть, кажется, они и не далеко,
Да знаешь вѣдь, какъ дерево высоко (2 и 3 ред.).
Такъ видно, намъ ужъ ихъ не ѣсть (2 ред.).
10: До ближняго сука....
11: А тамъ ужъ мы и сами....
14—15: Мой Сеня помогать пріятелю тутъ взялся,
Ужомъ и жабой извивался (2 и 3 ред.).
18: Что жъ Сеня?—Сеня мой внизу каштановъ ждалъ,
Да смотря вверхъ, облизывалъ лишь губки.
Какъ это?—Такъ же.—Нашъ Ѳедюша не дремалъ:
За обѣ щеки самъ каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки (зачеркн.).
— Что жъ вышло? Сеня нашъ облизывалъ лишь губки,
Вверху Ѳедюша не дремалъ (и проч., какъ выше).
(Стиховъ, составляющихъ нравоученіе, во 2-й ред. нѣтъ; въ 3-й они сходны съ печатнымъ текстомъ).

По мнѣнію г. Флёри (136) эта басня составляетъ переработку басни Ла-Фонтена Le Singe et le Chat (IX, XVII), гдѣ кошка выгребаетъ изъ горячихъ угольевъ каштаны для своей сосѣдки. Хотя въ содержаніи обѣихъ басенъ и есть нѣкоторое сходство, но какъ самое изложеніе, такъ и выведенное нравоученіе слишкомъ различны между собою, потому едва ли возможно утверждать, что, сочиняя свой разсказъ о двухъ мальчикахъ, Крыловъ имѣлъ въ виду именно упомянутую басню Ла-Фонтена.

CXCIX. Кукушка и Пѣтухъ.

Напечатана въ первый разъ въ альманахѣ: «Сто русскихъ литераторовъ», 1841 г., т. II, стр. 15. Сохранилось пять рукописныхъ редакцій; первыя двѣ, написанныя весьма неразборчиво и во многихъ мѣстахъ перечерканныя, почти совершенно сходны между собою; но значительно отличаются отъ печатнаго текста. Приводимъ вторую редакцію вполнѣ:

Куда ты, кумушка, поешь какъ величаво!
Пѣтухъ (воронѣ) кукушкѣ говорилъ:
Мнѣ льстить не для чего,—а право,
Я, слушая тебя, про куръ совсѣмъ забылъ.—
Спасибо, куманекъ, хвалы твои мнѣ лестны;
Вѣдь ты у насъ и самъ пѣвунъ большой,
И слушать голосъ твой я рада всей душой.
Да и кому твои таланты неизвѣстны?
Пусть говорятъ, что твой напѣвъ не очень чистъ,—
Да это все злословье;
За то, дай Богъ тебѣ здоровье,
Ужъ какъ ты голосистъ!—
То правда, я пою отважно;
За то ужъ ты, кума, такъ тянешь плавно, важно.
Когда бъ не этотъ вотъ проклятый соловей,
Тебя заслушалась бы я.
Поди жъ съ народомъ ты! Хоть тресни,
На нихъ не угодишь.
Однако же: друзья....
Скажу вамъ правду хоть въ досаду;
Хвалите вы себя хоть до упаду,
Не пѣть вамъ лучше соловья.

Третья редакція до 14 стиха включительно сходна съ печатною; помѣщаемъ остальную часть басни:

Случася близко, дроздъ тутъ молвилъ имъ: друзья!
Хвалите вы себя хоть до упаду,
Далеко вамъ до соловья;
За тѣмъ что въ васъ ни складу нѣтъ ни ладу.
Когда замѣчу я, что, не боясь грѣха,
Друзья писатели такъ хвалятъ дружка дружку,
Все хвалитъ, кажется, пѣтухъ кукушку,
Кукушка хвалитъ пѣтуха.

Эти же стихи въ 4-й ред.:

Услыша это, дроздъ промолвилъ имъ: друзья!
Хвалите вы себя хоть до упаду,
Далеко вамъ до соловья:
Въ обоихъ васъ ни складу нѣтъ, ни ладу.
Когда увидишь ты, что, не боясь грѣха,
Друзья писатели (возносятъ такъ) честятъ другъ дружку,
Все хвалитъ, кажется, пѣтухъ кукушку,
Хоть слава обоихъ плоха (зачеркн.).
Вмѣсто послѣднихъ пяти стиховъ:
Повѣрьте, хвалитъ тутъ кукушка пѣтуха
За то, что хвалитъ онъ кукушку (зачеркн.).

Въ пятой редакціи, написанной писарскою рукою, все заключеніе отъ стиха: «Услыша дроздъ»,—зачеркнуто и рукою самого Крылова приписано:

Пріятели! на то имъ молвилъ воробей:
Хоть вы охрипните, хваля другъ дружку,
А слава ваша все плоха.
Какъ ни хвали кукушка пѣтуха,
Какъ ни хвали пѣтухъ кукушку,
Далеко имъ до соловья.
Инымъ писателямъ сказалъ бы то же я.

Извѣстно, что въ этой б. въ образѣ Пѣтуха и Кукушки изображены Гречъ и Булгаринъ, которые, сдѣлавшись издателями «Сѣверной Пчелы», при всякомъ удобномъ случаѣ восхваляли другъ друга. Это подтверждаетъ и замѣтка Н. М. Колмакова, который слышалъ такое объясненіе басни отъ самого ея автора. («Русск. Архив.», 1865 г., вып. 8, стр. 1011).

БАСНИ НЕИЗВѢСТНЫХЪ ГОДОВЪ.

I. Пиръ.

Въ голодный годъ, чтобы утѣшить міръ,
Затѣялъ левъ богатый пиръ.
Разосланы гонцы и скороходы,
Зовутъ гостей:
Звѣрей
И малой и большой породы.
На зовъ со всѣхъ сторонъ стекаются ко льву.
Какъ отказать такому зву?
Пиръ дѣло доброе и не въ голодны годы. —
Вотъ приплелись туда жъ сурокъ, лиса и кротъ.
Да только часомъ опоздали
И за столомъ гостей застали.
У кумушки лисы хлопотъ
На ту бѣду случился полонъ ротъ;
Сурокъ прохохлился, промылся,
А кротъ съ дороги сбился.
Однакожъ на тощакъ никто домой нейдетъ,
И, мѣсто подлѣ льва увидѣвши пустое,
Всѣ на него хотятъ добраться трое.
Послушайте, друзья! сказалъ имъ барсъ:
То мѣсто широко, да только не про васъ.
Тутъ придетъ слонъ и васъ сойти заставитъ,
Иль хуже: васъ онъ передавитъ.
И такъ,
Когда не хочется домой вамъ на тощакъ,
Такъ оставайтесь у порогу:
Вы сыты будете, и это слава Богу.
Мѣста не ваши впереди:
Ихъ берегутъ звѣрямъ лишь крупнаго покроя;
А кто изъ мелочи не хочетъ кушать стоя,
Тотъ дома у себя сиди. *

---

* Такъ стихъ окончательно поправленъ карандашемъ; сперва же было: Такъ ранѣ приходи.

Напечатана въ «Сборникѣ статей, читанныхъ въ отд. Рус. яз. и Слов. Имп. Акад. Н.» т. VI, стр. 273. 1869 г. со слѣдующею замѣткою Я. К. Грота: «Эта, здѣсь въ первый разъ печатаемая басня Крылова, сохранилась въ автографѣ его между бумагами покойнаго А. Н. Оленина и доставлена намъ Н. И. Стояновскимъ съ согласія дочери его Варвары Алексѣевны Олениной, рукою которой на автографѣ отмѣчено: Въ то время, какъ была написана Крыловымъ, цензура запретила ее печатать.»

II. Обѣдъ у Медвѣдя.

Медвѣдь обѣдъ давалъ,
И созвалъ не одну родню свою, медвѣдей,
Но и другихъ звѣрей сосѣдей,
Кто только на глаза и въ мысль ему попалъ.
Поминки ль были то, рожденье, именины,
Но только праздникъ тотъ принесъ Медвѣдю честь,
И было у него попить что и поѣсть.
Какое кушанье! какой десертъ и вины!
Медвѣдь примѣтилъ самъ,
Что гости веселы, пирушкою довольны,
А чтобы угодить и болѣе друзьямъ,
Онъ тосты затѣвалъ и пѣсни пѣлъ застольны;
Потомъ, какъ со стола ужъ начали сбирать,
Пустился танцовать.
Лиса въ ладоши хлопъ: «Ай, Миша, какъ пріятенъ!
Какъ ловокъ въ танцахъ онъ, какъ легокъ, милъ и статенъ!»
Но волкъ, сидѣвши рядомъ съ ней,
Ворчалъ ей на ухо: «Ты врешь, кума, ей-ей!
Откуда у тебя такая блажь берется?
Ну что тутъ ловкаго? какъ ступа онъ толчется».
—«Вздоръ самъ ты мелешь, кумъ», лиса на то въ отвѣтъ:
Не видишь, что хвалю танцора за обѣдъ?
А если похвала въ немъ гордости прибавитъ,
То, можетъ быть, онъ насъ и ужинать оставитъ».

Напечатана въ Русской Старинѣ, 1870 г. за іюль, стр.82. Въ рукописяхъ Крылова ея нѣтъ вовсе; она найдена А. Н. Петровымъ въ рукописномъ сборникѣ первой четверти текущаго столѣтія г. Шувчинскаго (ум. 1850). Въ той же книжкѣ Русской Старины было высказано нами сомнѣніе относи-

тельно принадлежности этой басни перу Крылова. Сомнѣніе свое мы основывали главнымъ образомъ на томъ, что 1) въ тщательно сохраненныхъ Крыловымъ рукописяхъ на эту басню нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека; 2) что какъ по внѣшней отдѣлкѣ, такъ и по содержанію она несравненно ниже всего, что написано Крыловымъ (также стр. 83—85). М. И. Семевскій, не отвергая вполнѣ значенія нашихъ соображеній, высказалъ однакожъ мысль, что Обѣдъ у Медвѣдя написанъ Крыловымъ (тамъ же, стр. 86). Въ сентябрской книжкѣ Русской Старины того же года (стр. 414—416) появилась замѣтка подъ заглавіемъ: «Еще два слова о приписанной Крылову баснѣ «Обѣдъ у Медѣдя», за подписью Читатель (Я. К. Гротъ). Уважаемый авторъ, также соглашаясь отчасти съ нашими соображеніями, приходитъ къ заключенію, что «хотя подписанное подъ новою баснею имя Крылова и не составляетъ вполнѣ достовѣрнаго свидѣтельства о ея происхожденіи, однакожъ нѣтъ и достаточныхъ данныхъ, чтобы отвергнуть это показаніе современника». Позднѣе Я. К. Гротъ частнымъ образомъ высказалъ намъ, что «готовъ оставить сомнительную басню въ подозрѣніи; но чтобы положительно отвергнуть ея принадлежность Крылову, находитъ наши доводы недостаточными». Такимъ образомъ вопросъ о подлинности этой басни остается не рѣшеннымъ, и рѣшеніе его зависитъ отъ случайности.

УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ О КРЫЛОВѢ И ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

Драматическій вѣстникъ, 1808, ч. I, № 8, стр. 72. «Стихи» подписаны буквою Н., и ч. IV, № 58, стр. 41. «Письмо» къ г. Крылову (безъ подписи). Въ обоихъ стихотвореніяхъ Крыловъ восхваляется, какъ авторъ комедіи «Урокъ дочкамъ», и призывается къ дальнѣйшему служенію этого рода поэзіи.

Драматическій вѣстникъ, 1808, № 70, стр. 136.—«Разговоръ общества со временемъ».

Общество.

Какъ, время, ты могло промчаться такъ мгновенно?
Вчера ты тише шло, и тише несравненно.

Время.

Крыловъ мнѣ крылья далъ
Тогда, какъ басенки тебѣ свои читалъ.
— а — а.

Вѣстникъ Европы, 1809, ч. 45, № 9, стр. 35. «Басни Ив. Крылова», ст. Жуковскаго. Перепечатана въ Полномъ собр. соч. 1849, ч. 7, стр. 79.

Цвѣтникъ, 1809, ч. I, стр. 378. «Басни Ивана Крылова». Спб., тип. губ. правленія, 1809 г., ст. А. Измайлова (по словамъ Быстрова). Авторъ сожалѣетъ, что всѣхъ басенъ не много, всего 23; выписываетъ б. «Разборчивая Невѣста», «которая, говоритъ онъ, безъ сомнѣнія, понравится нашимъ читателямъ и, можетъ быть, принесетъ пользу нѣкоторымъ читательницамъ». Сравнивъ басни «Дубъ и Трость» съ подлинникомъ и съ переводомъ Дмитріева и замѣтивъ нѣсколько отступленій какъ у того, такъ и другаго баснописца, перечисляетъ лучшія б. Кр. и заключаетъ статью слѣдующими словами: «Двѣ изъ сихъ б., взятыя изъ Ла Фонтена, а именно: *Старикъ и трое молодыхъ* и *Два голубя* переведены уже давно, какъ и всѣмъ извѣстно, г. Дмитріевымъ. Переводъ его первой б. кажется намъ лучше пе-

ревода г. Крылова; но трудно рѣшить, кто изъ нихъ лучше перевелъ послѣднюю: *Два голубя*».

Вѣстникъ Европы, 1811, ч. 58, № 15, стр. 216. Авторъ «Письма къ пріятелю о третьемъ чтеніи въ Бесѣдѣ люб. рус. сл.», Р. Ц., замѣчаетъ автору «Разсужденія о стихотворствѣ», что онъ, упомянувъ о Дмитріевѣ, «умолчалъ о господинѣ Крыловѣ, который въ своемъ родѣ также имѣетъ пріятную и привлекательную кисть».

Вѣстникъ Европы, 1812, ч. 61, № 4, стр.333. «Новыя басни И. Крылова» (Каченовскій). Содержаніе ея слѣдующее: сказавъ въ началѣ, что изобрѣтателемъ басни могъ быть не рабъ, а свободный человѣкъ, щадившій чужое самолюбіе, которое несравненно вспыльчивѣе и взыскателнѣе всякаго тирана, а потому предлагавшій истину подъ покрываломъ аллегоріи, онъ продолжаетъ: «Я этому очень вѣрю и желаю, чтобы какой нибудь изобрѣтательный умъ выдумалъ бозопаснѣйшій способъ писать баснями критическія замѣчанія на книги и открылъ бы тайну, какъ можно, не расточая невѣжественныхъ похвалъ и не показывая ребяческаго удивленія, угождать сочинителямъ. На бѣломъ свѣтѣ искони такъ ведется, что въ комъ родилась охота напечатать и сдать книгопродавцамъ произведеніе своей музы, тотъ иногда признаетъ неотъемлемымъ правомъ своимъ папскую непогрѣшительность. Всякій тогда уже обязанъ, купивши книгу, непремѣнно восхищаться всѣмъ тѣмъ, что въ ней написано, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ подвергнуть себя жестокимъ ругательствамъ, уликамъ въ невѣжествѣ, въ зависти, въ развратности, въ вольнодумствѣ и даже и безбожіи. Irritabile genus vatum! Будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ сего спасительнаго изобрѣтенія».... Затѣмъ слѣдуютъ отрывочныя замѣчанія о нѣкоторыхъ басняхъ; они помѣщены при самыхъ басняхъ.

Сынъ Отечества, 1814, ч. 14, № XXIV, стр. 206. — Скрывъ время первыхъ двухъ изданій басенъ, книгопродавцы, въ 92 № Санктпетербургскихъ Вѣдомостей объявили, безъ вѣдома автора, что онѣ продаются по 10 рублей, тогда какъ первоначальная цѣна ихъ была 2 руб. 50 коп. Крыловъ нашелся вынужденнымъ обличать ихъ подлогъ.

Сынъ Отечества, 1816; ч. 27, № XI. — Объявленіе о выходѣ въ свѣтъ изданія басенъ 1815 г.; при томъ замѣчено, что въ книгѣ много опечатокъ: «этотъ недостатокъ непріятенъ въ книгѣ, которая во многихъ отношеніяхъ должна быть и будетъ классическою».

Сынъ Отечества, 1816, № XVI, стр. 54. «Разборъ басенъ Крылова» ст. А. Измайлова (некончена). Она состоитъ изъ замѣчаній, вошедшихъ потомъ въ статью «о Разсказѣ басни» (Соч. т. II).

С.-Петербургскія вѣдомости, 1819, марта 28 дня, № 25. «Басни И. А. Крылова» въ 6 частяхъ. «Изданіе сіе заключаетъ въ себѣ, сверхъ прежде бывшихъ пяти частей, новую шестую и по-

слѣднюю часть сихъ твореній знаменитаго нашего баснописца. — Авторъ, желая симъ новымъ и послѣднимъ изданіемъ заключить достославное поприще свое во всемъ родѣ поэзіи, столь черезъ него прославившейся, имѣлъ въ виду соединить въономъ всѣ свои басни со времени послѣдняго изданія вновь сочиненныя, какъ манускриптами у него находившіяся, такъ и въ разныхъ временныхъ листкахъ отпечатанныя, дабы черезъ то удовлетворить справедливымъ ожиданіямъ своихъ соотечественниковъ, желающихъ имѣть вполнѣ всѣ его произведенія». — Далѣе издатель говоритъ, что употребилъ всѣ средства, чтобы сдѣлать изданіе доступнымъ для всѣхъ состояній, и объявляетъ цѣну 10 рублей за экземпляръ на бѣлой бумагѣ.

Сынъ Отечества, 1819, ч. 53, стр. 90. Крыловъ избранъ въ члены С.-П-скаго общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія.

Полярная звѣзда, 1823, изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, стр. 21. «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи» А Бестужевъ. «И. Крыловъ возвелъ русскую басню въ оригинально классическое достоинство. Невозможно дать большаго простодушія разсказу, большей народности языку, больше осязаемости нравоученію. Въ каждомъ его стихѣ виденъ русскій здравый умъ *. Онъ похожъ природою описаній на Ла Фонтена, но имѣетъ свой особый характеръ: его каждая басня — сатира, тѣмъ сильнѣйшая, что она коротка и разсказана съ видомъ простодушія. Читая стихи его, не замѣчаешь даже, что они стопованы,—и это-то есть верхъ искусства. Жаль, что Крыловъ подарилъ театръ только двумя комедіями. По своему знанію языка и нравовъ русскихъ, по неистощимой своей веселости и остроумію, онъ могъ бы дать ей черты народныя».

Литературные листки, журналъ нравовъ и словесности, изд. Булгаринымъ, 1824, ч. I, стр. 61.—По поводу извѣстія о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева, написаннаго кн. Вяземскимъ (вм. предисловія къ изд. стихотв. И. И. Дмитріева, 1823 г.), Булгаринъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній. Вотъ то, которое относится къ Крылову:

«Что касается до мнѣнія автора о заслугахъ и дарованіяхъ И. А. Крылова, то мы осмѣлимся сказать, что находимъ оное слишкомъ строгимъ и даже пристрастнымъ. Ссылаемся на читателей: можно ли говорить такимъ образомъ о семъ несравненномъ баснописцѣ.

«Въ числѣ первыхъ (т. е. поэтовъ) сыскался одинъ ** (т. е.

* «Неужели это принадлежность одного Крылова? и что значитъ, русскій здравый умъ»? спрашиваетъ рецензентъ «Вѣстника Европы». «Надобно говорить и осторожнѣе и яснѣе». («Вѣстн. Евр.» 1823 г. январь, стр. 142).

** Мнѣ кажется, что здѣсь бы надлежало упомянуть объ А. Е. Измайловѣ, котораго многія басни имѣютъ большое достоинство, особенно въ отношеніи къ разсказу. Кн. П. А. Вяземскій слишкомъ строго и смѣло назвалъ всѣхъ прочихъ поэтовъ, стоящихъ за И. И. Дмитріевымъ, гаерами. Къ чему ведетъ это заключеніе? *Примѣч. Булгарина.*

Крыловъ), который не только послѣдовалъ, но, такъ сказать, бороться дерзнулъ съ нашимъ поэтомъ (т. е. Дмитріевымъ), перерабатывая басни ужъ имъ переведенныя, и басни превосходныя и мы благодаримъ его за смѣлость». Какъ? И. А. Крылова мы должны только благодарить за то, что онъ *дерзнулъ* бороться съ И. И. Дмитріевымъ и осмѣлился подражать ему? — Но гдѣ это подражаніе? Слогъ И. А. Крылова совершенно *различный*, разсказъ ни мало не *сходствуетъ*; планъ басенъ Крылова оригинальный, а языкъ его есть, такъ сказать, возвышенное простонародное нарѣчіе, неподражаемое въ своемъ родѣ, и столь же понятное и милое для русскаго вельможи, какъ и для крестьянина. Прибавимъ къ тому вымыселъ, печать генія, и мы рѣшительно можемъ сказать, что И. А. Крыловъ есть первый *оригинальный* русскій баснописецъ, по изобрѣтенію, языку и слогу. Басни И. И. Дмитріева прелестны; но онѣ не народныя русскія. Главнѣйшее ихъ достоинство есть чистота слога, и мы никакъ не согласимся съ кн. П. А. Вяземскимъ на счетъ достоинства Крылова. Вотъ что онъ говоритъ: «Между тѣмъ забывать не должно, что онъ (т. е. И. А. Крыловъ) часто творецъ содержанія прекраснѣйшихъ изъ своихъ басенъ, и что если сіе достоинство не такъ велико въ отношеніи къ предмѣстнику его (И. И. Дмитріеву), который былъ изобрѣтателемъ своего слога и проч.» — Если бы въ И. А. Крыловѣ не было другаго достоинства кромѣ того, что *онъ часто творецъ содержанія прекраснѣйшихъ своихъ басенъ*, то и сего одного было бы много; но онъ также *творецъ* своего слога, который, хотя вовсе не похожъ на слогъ его предмѣстника, но имѣетъ необыкновенную прелесть для того, кто знаетъ русскій народъ не въ однѣхъ только гостиныхъ. Слогъ басенъ И. И. Дмитріева, по нашему мнѣнію, есть языкъ образованнаго свѣтскаго человѣка; слогъ И. А. Крылова изображаетъ простодушіе и вмѣстѣ съ тѣмъ замысловатость русскаго народа: это русскій умъ, народный русскій языкъ, облагороженный философіею и свѣтскими приличіями. Содержаніе его басенъ представляетъ галлерею русскихъ нравовъ, но только не въ родѣ Теньера, а въ родѣ возвышенной исторической живописи, принадлежащей къ русской народной школѣ. Впрочемъ для И. И. Дмитріева остается столь много преимуществъ, что ему легко уступить другому первенство въ басняхъ. Онъ первый въ сатирахъ и посланіяхъ, первый въ сказкахъ, первый въ пѣсняхъ *, *одинъ изъ первыхъ* въ лирической поэзіи и первый въ легкихъ стихотвореніяхъ. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] *[illegible]* [illegible] [illegible] [illegible].

Полярная звѣзда на 1825, изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, стр. 13. «Взглядъ на русскую словесность въ теченіи 1824 и началѣ 1825 г.». А. Бестужева. — «И. А. Крыловъ [illegible]

---

* Наравнѣ съ И. И. Дмитріевымъ можно поставить въ пѣсняхъ Нелединскаго-Мелецкаго. Прим.

насъ новыми прекрасными баснями; нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ, и скоро сіи плоды вдохновенія, числомъ до *тридцати*, покажутся въ полномъ собраніи».

«Сѣверные цвѣты», собр. б. Дельвигомъ на 1825, стр. 26 «О русскихъ поэтахъ», письмо къ гр. С. Н. С., П. Плетнева. (См. б. «Орелъ и Пчела»).

Сынъ Отечества, 1825, ч. 99, стр. 313. «Отечественная литература, Письма на Кавказъ», 2-е письмо. — «Должно ли говорить о басняхъ И. А. Крылова? Онѣ прекрасны, замысловаты, но . . . . право, не хочется высказать, — по разсказу не могутъ сравниться съ прежними его баснями, въ которыхъ съ прелестью поэзіи соединено что-то русское, національное. Въ прежнихъ басняхъ И. А. Крылова мы видимъ русскую курицу, русскаго во́рона, медвѣдя, соловья и т. п. Я не могу хорошо изъяснить того, что чувствую при чтеніи его первыхъ басенъ, но мнѣ, кажется, будто я видѣлъ гдѣ-то этихъ звѣрей и птицъ, будто они водятся въ моей родительской вотчинѣ. Лучшія басни Крылова, по моему мнѣнію, суть тѣ, которыхъ нельзя перевесть на чужой языкъ, и почти ни одна прежняя его басня не можетъ быть переведена со всѣми подлинными красотами. О новыхъ басняхъ, напечатанныхъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» и въ «Сѣверной пчелѣ (?)», по совѣсти нельзя сказать этого. Онѣ чрезвычайно хороши, однимъ словомъ, б. Крылова (особенно «Муха и Пчела» и «Прихожанинъ»); но онѣ могутъ быть столь же хорошо переведены. Нельзя не замѣтить здѣсь антологической бездѣлки И. А. Крылова: «Три поцѣлуя». Анакреонъ въ преклонныхъ лѣтахъ не могъ бы лучше изъяснить возвратившихся на минуту воспоминаній юности» *.

Сынъ Отечества, 1825, ч. 100, стр. 285. «Нѣсколько замѣчаній на статью г. Геро о переводѣ басенъ Крылова, помѣщенную въ іюньской книжкѣ журнала: Revue Encyclopédique: Fables Russes, tirées du recueil de M. Kriloff, etc». Авторъ статьи, подписавшійся NN, исправляетъ сначала ошибки Геро въ сужденіяхъ его о б. Сумарокова, переходитъ къ разсмотрѣнію проведенной имъ параллели между Ла Фонтеномъ и Крыловымъ, и останавливается на слѣдующемъ заключеніи Геро: «Но есть одна точка, на которой французскій баснописецъ беретъ верхъ; русскій же поэтъ, кажется, ее слишкомъ пренебрегъ, а именно: вѣроятность дѣйствія, столь необходимая въ баснѣ, что безъ нея обманъ воображенія становится невозможнымъ». Можно ли . . . . «чтобы щука ходила съ котомъ на ловлю мышей, чтобъ мужикъ нанялъ осла стеречь свой огоро́дъ, чтобъ у другаго мужика змѣя бралась воспитать дѣтей, чтобъ щука, лебедь и ракъ впряглись въ одинъ

* На эту статью въ «Московскомъ телеграфѣ» № 4, было напечатано возраженіе: «Жуковскій, — Пушкинъ, — о новой піитикѣ басенъ», ст. кн. П. А. Вяземскаго. Авторъ письма, высказавшій мнѣніе свое и объ упомянутыхъ двухъ поэтахъ, написалъ антикритику, въ «С. От.» 1825, ч. 100, стр. 280.

возъ и проч.?» Замѣчаніе опровергается тѣмъ, что и у Ла Фонтена есть подобныя же несообразности: звѣри посылаютъ дань Александру Македонскому (кн. IV); летучая мышь, кустъ и улитка слѣлались торговыми товарищами и даже завели конторы (кн. VII); что крысѣ черепашки кажутся корабликами (кн. VIII) и пр.»

«Г. Геро дѣлаетъ упрекъ почтенному издателю басенъ Крылова въ Парижѣ, гр. Г. В. Орлову, за помѣщеніе въ семъ собраніи трехъ слѣдующихъ басенъ: «Демьянова Уха», «Свинья» и «Гребень». Еще болѣе жалѣетъ онъ, какъ рыцарь прекраснаго пола, что переложеніе сихъ б. на французскіе стихи досталось двумъ дамамъ *. «Могли ли ихъ дарованія, говоритъ онъ, явиться съ выгодной стороны въ столь неблагодарномъ трудѣ? и какія пріятныя картины, какой привлекательный урокъ можно было извлечь изъ такихъ предметовъ»? Хваля г. критика за уваженіе къ прекраснымъ его соотечественницамъ, мы все-таки скажемъ, что г. Крыловъ здѣсь не виноватъ. Вольно-жъ было г-жѣ Амабль Тастю развернуть въ б. Soupe au poisson, написанной, можно сказать, въ подражаніе б. Крылова, «Демьянова Уха», такую картину, которую нашъ баснописецъ открылъ своимъ читателямъ съ большою осторожностію. Стихъ:

«А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ»

замѣненъ слѣдующимъ:

Etienne se soumet; son coeur bondit.... il crève....

Эта картина и въ самомъ дѣлѣ отвратительна. Также и въ б. «Свинья» весьма осмотрительно нашъ писатель, можно сказать, намекнулъ только о томъ, что видѣла хавронья на барскомъ дворѣ:

Все только лишь навозъ да соръ;
А, кажется, ужъ не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ.

Перелагательница же сей б. дала себѣ волю сказать гораздо больше и яснѣе:

C'est dans la basse-cour un assez beau fumier,
Puis un bassin d'eau verte, *un gros tas d'immondices*,
Voilà tout, et ma bonne foi,
Par un seul fait je vous le prouve,
Car des beautés, qu'en ce château l'on trouve
Je porte encor les parfums avec moi.

* Демьянова Уха и Гребень — г-жѣ Амабль Тастю, Свинья — г-жѣ С. Ге (Gay).

Но хотѣлъ бы я знать, чѣмъ оскорбляется разборчивый вкусъ критика въ б. «Гребень»? Картина, представленная Крыловымъ, именно изъ тѣхъ, которыя сами французы называютъ *привлекательными* (des tableaux gracieux). Вотъ изображеніе волосовъ дитяти:

. . . . . Кудри золотые,
Волнистые, барашкомъ завитые
И мелкіе, какъ тонкій ленъ.

Наконецъ, дополнительная мысль г. Крылова, когда мальчикъ бросилъ гребень въ рѣку:

Теперь имъ чешутся наяды . . . .

такова, что въ поэмѣ, требующей гораздо больше разборчивости вкуса, составляла бы красоту».

Далѣе слѣдуютъ бѣглыя замѣчанія о сужденіяхъ Геро о переведенныхъ басняхъ Крылова. Статья заключается сравненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ перевода рецензіи Геро, помѣщеннаго въ «Московск. телеграфѣ» (№ 18).

Сынъ Отечества, 1825, ч. 102, стр. 67 и 173. «Предисловіе г. Лемонтея къ изданію б. Крылова съ французскими и италіанскими переводами», переводъ С . . . . — Послѣ общаго и весьма поверхностнаго очерка исторіи русскаго народа и его литературы, авторъ переходитъ къ баснописцамъ, которыхъ насчитываетъ три: Хемницера, Дмитріева и Крылова. Послѣднему отдаетъ между ними первенство. Разсказавъ весьма кратко и мѣстами ошибочно его біографію и перечисливъ его драматическія сочиненія, авторъ предисловія продолжаетъ: «Но истинный свой талантъ г. Крыловъ явилъ въ басняхъ и сталъ въ первомъ ряду литераторовъ своей отчизны. Вниманіе, которое привлекаетъ къ себѣ столь отличный писатель, возбуждаетъ желаніе узнать его самого, и вотъ подробности, сообщенныя мнѣ нѣкоторыми путешественниками, сведшими съ нимъ знакомство въ Петербургѣ. Г. Крыловъ имѣетъ отъ роду около 56 лѣтъ, высокъ ростомъ, полонъ лицемъ и тѣломъ; походка его небрежна; простое и открытое его обращеніе внушаетъ къ нему довѣріе. Ни отъ кого не завися и не бывъ женатъ, онъ не избѣгаетъ ни игры, ни удовольствій. Въ обществѣ, онъ больше замѣчаетъ, нежели говоритъ; но когда его взманятъ, то разговоръ его бываетъ весьма занимателенъ. При всемъ томъ, онъ никогда не выѣзжалъ изъ Россіи, не говоритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ *и только понимаетъ по-французски* *. Подъ тучною его наружностію кроется умъ тонкій и быстрый, вкусъ разборчивый, сердце человѣколюбивое и доброхотное, и всѣ качества превосходнаго друга. Въ одномъ только его укоряютъ, — и это, къ сожалѣнію, есть господ-

* Переводчикъ замѣчаетъ, что это несправедливо, потому что Крыловъ кромѣ французскаго, зналъ нѣмецкій и италіанскій языки, да кромѣ того въ преклонныхъ уже лѣтахъ научился греческому.

ствующая черта его характера: онъ перенесъ подъ 60 градусъ широты безпечность неаполитанскую, и предается той роскошной лѣни, которая взлелѣяла геній Ла Фонтена и Шольё. Муза его уступаетъ только настойчивымъ просьбамъ друзей: это *басенникъ* *, который должно крѣпко потрясти, чтобы съ него упали плоды.

«Баснями г. Крылова открылся славный періодъ, въ который Россія, испытавъ себя въ литературѣ, такъ сказать, *заморской*, увидѣла у себя и словесность истинно народную, и публику, ей внемлющую. Басни сіи, думаю, и донынѣ то, что Парнассъ невскій имѣетъ совершеннѣйшаго. Ни одинъ народъ не имѣетъ баснописца, который бы превзошелъ сего писателя въ новости разсказа и изобрѣтенія. Почти всѣ его басни принадлежатъ собственно ему. Разсказъ его отличается тонкостію подъ видомъ простосердечія и правдоподобіемъ, и усѣянъ веселыми и остроумными подробностями. Онъ съ отмѣннымъ искусствомъ употребляетъ краски мѣстныя, и кисть его, прямо русская, показываетъ, какъ въ зеркалѣ, необыкновенное подобіе народа, который заемлетъ столько же простоты отъ праотеческаго образа своей жизни, сколько тонкости ума отъ положенія своего въ обществѣ человѣческомъ.

«Изобрѣтеніе въ басняхъ г. Крылова вообще исполнено ума. Онъ рѣдко играетъ своими уроками; нравоученіе его открыто и твердо, иногда даже сбивается на эпиграмму, или на ту общую сатиру, которая есть оружіе добродѣтели. Слогъ его, котораго совершенство живо чувствуютъ его единоземцы, совокупляетъ въ себѣ два рода красотъ, недоступныхъ для переводчиковъ: съ одной стороны онъ обилуетъ словами звукоподражательными, а съ другой онъ искусно извлекаетъ изъ нарѣчія простонароднаго самыя, такъ сказать, удобныя и нежданныя выраженія, которыя сами собою пробуждаютъ множество понятій, чувствованій и воспоминаній, любезныхъ русскимъ. Къ счастію русскаго языка, одна и та же эпоха являетъ въ немъ г. Карамзина и г. Крылова, и оба они оказываютъ ему важныя и разнообразныя услуги. Первый изъ нихъ возвышаетъ ту часть сего языка, которая прилична достоинству исторіи, второй изощряетъ въ немъ то, что способно къ списыванію нравовъ. Можно сказать, что г. Карамзинъ даетъ избираемымъ имъ словамъ грамоты на благородство, а г. Крыловъ надѣляетъ слова своего выбора патентами на умъ . . . . .

«Правда, не легко было доказать сего переводомъ г. Крылова. То, что мы сказали о его слогѣ, богатомъ звукоподражаніями и выраженіями, такъ сказать, сродными народу и нравамъ его отчизны, довольно ясно уже доказываетъ, что сіи мѣстныя красоты неудобопереносимы въ другой языкъ. Крыловъ, переселенный такимъ образомъ подъ чужое небо, не былъ бы узнанъ своими соотечественниками, такъ какъ и мы не узнаемъ Монтаня и Ла

---

* Французы въ семъ случаѣ употребляютъ слово Fablier, означающее какъ бы *басенное дерево* и составленное по образцу словъ: *pommier, poirier*, murier etc.

Фонтена въ самыхъ лучшихъ переводахъ. Посему должно было оставить напрасныя попытки — переводить поэзію его басенъ, а ограничиться подражаніями, для которыхъ дѣльность содержанія, прелесть и новость подробностей доставляютъ писателямъ всѣхъ странъ удобный запасъ. Для облегченія сихъ подражаній, графъ Орловъ началъ переводить басни своего единоземца на французскій языкъ прозою и какъ можно ближе къ подлиннику и надъ симъ, уже готовымъ запасомъ, трудились поэты французскіе и италіанскіе, съ свободою таланта и отбросивъ всѣ препоны, противополагаемыя текстомъ подлиннымъ.Такимъ образомъ, изъ творенія г. Крылова до насъ дойдетъ все, что могло перейти за предѣлы Россіи, и новыя красоты, безъ сомнѣнія, замѣнятъ тѣ, которыхъ намъ не суждено постигнуть.» — Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе писателей, принимавшихъ участіе въ переводѣ басенъ Крылова, и художниковъ, составлявшихъ картинки (числомъ 5) для этого изданія.

Московскій телеграфъ, 1825, часть V, № XVII, критика и библіографія, стр. 40—46. «О предисловіи г. Лемонте къ переводу басни И. А. Крылова»; статья подписана: Н. К. Подъ этими буквами скрылъ свое имя Пушкинъ. (Соч. т. I, стр. 157).

Московскій телеграфъ, 1825, ч. V, № XVIII, отд. Науки и искусства, стр. 100—121. — «Разсужденіе Ф. Сальфи о переводѣ басни Крылова».

Московскій телеграфъ, 1825, № LXI, стр. 245, отд. критики и библіографіи. Рецензія на изданіе перевода басенъ Крылова: Fables russes, tirées du recueil de M. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs, précédées d'une Introduction française de M. Lemontey et d'une Préface italienne de M. Salfi, publiées par M. le comte Orloff, Paris. 1825.

Сѣверные цвѣты, собр. б. Дельвигомъ на 1831 г., стр. 36. Объ изданіи: «Басни И. Крылова» въ 8 книгахъ. «Есть люди, которые по разсчетамъ ли здраваго ума, или по экономіи самой природы, позже другихъ начинаютъ предаваться всѣмъ наслажденіямъ жизни; за то эти наслажденія долговѣчнѣе, чувства ихъ соблюдаютъ всю живость, ощущенія всю свѣжесть молодости въ такія лѣта, когда другіе живутъ уже однимъ воспоминаніемъ. Тоже можно примѣнить и къ талантамъ, и, говоря о нихъ, естественно приходитъ на мысль несравненный нашъ Крыловъ. Талантъ сего баснописца развился въ возрастѣ зрѣлаго мужества и съ тѣхъ поръ безпрерывно шелъ отъ успѣховъ къ успѣхамъ, отъ совершенства къ совершенствамъ. Избранный имъ родъ сочиненій весьма благопріятствовалъ сему позднему развитію: басня требуетъ *поэзіи ума*, т. е. отчетливости въ созданіи, обдуманности въ цѣли, правдоподобія, глубокой истины въ примѣненіяхъ и, такъ сказать, *цѣлости* и полноты обѣихъ частей ея — вымысла и нравственныхъ слѣдствій, изъ онаго извлекаемыхъ. Въ лѣта, когда страсти перестаютъ мучительно тревожить насъ, въ лѣта опытности и соображенія, человѣкъ яснѣе видитъ пороки и недо-

статки человѣческіе, полнѣе постигаетъ ихъ, и вѣрнѣе передаетъ въ своихъ поучительныхъ разсказахъ. Таковъ плѣнительный наставникъ нашъ Крыловъ: онъ чудно соединилъ въ себѣ юность поэтическаго дарованія съ пожилыми совѣтами и наставленіями разсудительной опытности; любуешься и дивишься, встрѣчая у него часто свѣжіе, трепещущіе жизнью и цвѣтущіе молодостью стихи на ряду съ поученіями ума, давно знакомаго съ жизнью и по опыту знающаго ея превратности. — Новыхъ басенъ его въ этомъ новомъ изданіи двадцать одна: всѣ онѣ свидѣтельствуютъ о сочной зрѣлости таланта баснописцева, и ни въ одной нѣтъ ни малѣйшихъ примѣтъ преклонности или охлажденія. Издатель—книгопродавецъ Смирдинъ, заслуживаетъ благодарность русскихъ за то, что сію истинно народную русскую книгу, чтеніе по сердцу всякаго, старался сдѣлать *чтеніемъ и по карману* каждаго, даже недостаточнаго читателя: экземпляры оной, хорошо напечатанные на порядочной бумагѣ, продаются по 4 рубля».

Библіотека для чтенія, 1834, № I, отд. I, стр. 163. «Письмо въ Парижъ къ Якову Николаевичу Толстому»; Н. Гречъ.

«Первыя мѣста въ числѣ дѣйствующихъ нашихъ поэтовъ занимаютъ Крыловъ и Пушкинъ. Жаль, что къ нимъ нельзя приложить рецепта Репетилова:»

Писать, писать, писать!

Крыловъ изрѣдка выдаетъ свои новыя басни. Пять было напечатано въ *Новосельѣ*. Надѣемся, что и *Библіотека для чтенія* будетъ украшаться ими. Крыловъ, какъ человѣкъ умный, не довѣряетъ самъ себѣ и на старости боится славы архіепископа гренадскаго. Мнѣ кажется, что это опасеніе напрасно. Не говоря о поэтическомъ талантѣ его, который ни мало не увялъ съ лѣтами, замѣтили, что и самый родъ его стихотвореній менѣе другихъ подверженъ вліянію лѣтъ. Воображеніе, чувство, пламя лирическое, могутъ потухнуть съ лѣтами, но свѣтская наблюдательность, умъ, прелесть разсказа не ветшаютъ въ человѣкѣ съ дарованіемъ.

Стр. 174: «И. А. Крыловъ по прежнему проводитъ утра, занимаясь своею должностію главнаго библіотекаря русскаго отдѣленія имп. пуб. библіотеки, обѣдаетъ въ англійскомъ клубѣ и тамъ просиживаетъ вечеръ, невольно собирая вокругъ себя кружокъ всего, что есть умнаго, грамотнаго и толковаго въ семъ разнообразномъ обществѣ.

Библіотека для чтенія, 1834, № IV, отд. VI, стр. I. — «Басни Ивана Крылова» Спб. 1834. «Это прекрасное изданіе твореній великаго баснописца соединяетъ съ занимательностію содержанія художническую важность: девяносто три переводныхъ картинокъ карандаша г. Сапожникова . . . усугубляютъ прелесть живописной поэзіи Крылова».

Библіотека для чтенія, 1834, т. III, отд. III, стр. 177. «Кар-

тинки г. Сапожникова и б. Крылова» В. И. Григоровича.— Авторъ находитъ, что къ басн. Крылова картинки необходимы: онѣ помогаютъ памяти: наглядное изученіе крѣпче вкореняетъ въ ней пріобрѣтаемыя свѣдѣнія. Крыловъ самъ хотѣлъ сдѣлать подобное изданіе и принималъ къ тому мѣры; хотѣлъ, по недостатку граверовъ въ Россіи, поручить выгравировать картинки на стали въ Англіи и напечатать тамъ самый текстъ. Съ него спросили милліонъ рублей. Сапожниковъ осуществилъ мысль Крылова. Вообще о картинахъ авторъ говоритъ:

«Искусство художественнаго произведенія состоитъ въ точномъ выраженіи избраннаго предмета; но изобразить не болѣе того; что нужно изобразить такъ, чтобы не было ни въ чемъ недостатка, — это задача, которой разрѣшеніе дается не многимъ. Художникъ долженъ быть богатъ воображеніемъ, чтобы не повторять собственныхъ своихъ, тѣмъ болѣе чужихъ идей и представлять предметы въ ихъ характерѣ. Онъ долженъ знать условія искусства, чтобы умѣть составить картину группу; долженъ твердо и свободно рисовать, чтобы рука повиновалась его фантазіи, долженъ чувствовать за другихъ и постигать, какъ обнаруживаются чувства въ лицахъ и движеніяхъ, чтобы живописать страсти, безъ чего самыя важныя художественныя творенія бываютъ холодны и безжизненны. Въ картинкахъ г. Сапожникова разнообразіе сочиненія чрезвычайно. Всякое изъ нихъ совершенно ново и оригинально; характеры лицъ, званій, половъ, дѣйствія схвачены вѣрно. Животныя имѣютъ свою свойственную каждому характеристику. Все начертано, легко свободно, кажется, безъ малѣйшаго труда; неисправностей въ рисункѣ нѣтъ, или онѣ незамѣтны. Вездѣ видѣнъ разговоръ, страсти ясно выказаны, гравировка замѣчательна особенною непринужденностію руки опытнаго художника, управлявшаго иглою по мѣди, какъ карандашемъ или перомъ по бумагѣ». — Затѣмъ разсказывается содержаніе нѣкоторыхъ картинъ, при чемъ указываются моменты разсказа, изображенныя на картинахъ.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1838, ч. XVII, отд. разныя извѣстія. «Обѣдъ, данный Ивану Андреевичу Крылову въ залѣ благороднаго собранія, 2 февр. 1838 года». Описаніе обѣда; въ примѣчаніяхъ приведены рѣчи: Оленина, А. С. Норова, Жуковскаго, кн. Одоевскаго и стихи кн. Вяземскаго. (Статья подписана буквами Б. Ф.).

Современникъ, 1838, т. IX, стр. 57. «Праздникъ въ честь Крылова». Статья написана по поводу пятидесятилѣтняго юбилея Крылова Плетневымъ (2-го февр. 1838 г.).

«Поэтъ, по назначенію своему, обязанъ все, доступное обработыванію душевныхъ силъ, лучшими орудьями языка пересоздать въ ясные, полные и живые образы, которые бы изъ области его искусства представляли намъ еще природу со всѣми вѣчными ея законами». «Крыловъ въ точномъ смыслѣ слова поэтъ, хотя не разнороденъ, но разнообразенъ. Оставивъ другія отрасли безгра-

сяча. Статья Бѣлинскаго, перепечатанная въ IV томѣ его сочиненій, стр. 9.

Современникъ, 1841, т. XXII, стр. 42, въ отдѣлѣ новостей русской литературы. — Разсказывается анекдотъ о листѣ нотной бумаги, неправильно переданный въ біографіи Крылова, напечатанной въ *Портретной и біографической галлереѣ словесности, наукъ, художествъ и искуствъ въ Россіи*, которая здѣсь разбирается.

Звѣздочка, 1844, ч. IX, № 1. «Крыловъ», статья, написанная, какъ видно изъ примѣчанія редакціи, одною дамою, лично знавшею Крылова; съ эпиграфомъ:

Какой-то чародѣй, какъ говоритъ преданье,
Ключъ къ тайнѣ нравиться въ волшебный ларчикъ скрылъ;
Его могло открыть одно лишь дарованье:
Крыловъ нашъ просто взялъ — да и открылъ.

Статья обнимаетъ дѣтство Крылова; важнѣйшіе факты, въ ней изложенные, внесены Плетневымъ и Бантышъ-Каменскимъ въ біографію баснописца.

Библіотека для чтенія, 1844, т. 62, отд. VI, стр. 30. «Басни И. А. Крылова», въ девяти книгахъ, 1843 г. — Которое это изданіе басенъ И. А. Крылова, право, мы ужъ и сосчитать не умѣемъ. Но дѣло въ томъ, что И. А. умножилъ его одиннадцатью новыми баснями. И новыхъ басенъ Крылова! Да это кладъ для литературы, цѣлая библіотека для публики, золотая розсыпь для книжной торговли: для «разработки» этихъ 11-ти басенъ, вѣрно, составилась уже компанія на акціяхъ. Изумителный старецъ! 2-го Февр. 1843 г. кончилось ему 75 лѣтъ; но прочитайте его новыя басни: онѣ также свѣжи, такъ тѣ, которыя писалъ онъ въ лучшіе дни своей жизни». Приводится б. «Волки и Овцы».

Отечественныя записки, 1844, т. II, отд. библіографіи. «Басни Ивана Крылова», въ девяти книгахъ. Спб. 1844. — Статья Бѣлинскаго, перепечатанная въ его сочиненіяхъ, т. IX, стр. 78.

Современникъ, 1844, т. XXXV, стр. 299. Упоминается о Крыловѣ, какъ постоянномъ посѣтителѣ субботнихъ вечеровъ Жуковскаго.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1844, ч. XLIV, Новости и смѣсь, отд. VII, стр. 11. Извѣстіе о смерти и погребеніи Ивана Андреевича Крылова (перепеч. изъ Сѣверной пчелы).

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1844, XLV, отд. VII, стр. 19. Объявленіе о памятникѣ Крылову.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1844, ч. XLV, отд. III, стр. 25. Отчетъ Имп. Акад. Наукъ по отд. Русс. языка и Слов., читанный 29 дек. 1844 г. въ публ. собр. Ордин. Акад. Д. Ст. Сов. П. А. Плетневымъ.

Въ краткомъ вступленіи сказано, что «Крыловъ для другихъ *націй всегда* останется какъ самый вѣрный и точный представи-

тель того, что есть оригинальнаго, любопытнаго и выразительнаго въ русскомъ духѣ, въ русскихъ нравахъ, въ русскомъ соображеніи и дѣятельности мысли»; что онъ, «посвятивъ себя преимущественно апологической поэзіи, не смотря на тѣсную раму ея, умѣлъ обнять главное въ народной жизни и нарисовать картины свои характерными красками, заимствованными изъ нашей природы, изъ нашей общежительности, изъ нашей чистой рѣчи»; что «изученіе иностранныхъ языковъ, чтеніе писанныхъ на нихъ сочиненій, сближеніе съ людьми разныхъ націй, принятіе привычекъ, разлучающихъ насъ съ чисто русскимъ бытомъ, словомъ, все вліяніе той общительности, которая въ Европѣ такъ сглаживаетъ національныя особенности, — не покорили себѣ Крылова, какъ многихъ изъ нашихъ писателей; и онъ своими сочиненіями оставилъ потомству памятникъ русской народности въ совершеннѣйшемъ видѣ по созданію, изложенію и краскамъ».

За тѣмъ слѣдуетъ бѣглое изложеніе его біографіи и литературной дѣятельности; авторъ останавливается на Крыловѣ какъ баснописцѣ: «Крыловъ написалъ въ это время (во время службы въ библіот.) большую часть своихъ басенъ, годъ отъ году восходя выше и выше въ соображеніи ихъ, въ оригинальности мыслей и описаній, въ глубокозначительности вымысловъ, въ неподражаемой вѣрности характеровъ, въ изумительной точности русскаго языка и обрисовкѣ природы. Прежде высочайшею похвалою для баснописца было у насъ выраженіе: это русскій Ла Фонтенъ. Оно для Крылова теперь уже было бы несправедливостію. Въ его созданіяхъ, принадлежащихъ лучшей эпохѣ его, видѣнъ самобытный геній, извлекающій все изъ собственной души, изъ окружающаго его общества, изъ жизни изученнаго имъ народа, изъ смысла и духа роднаго языка и внятной сердцу поэта нашей природы. Изъ всѣхъ Русскихъ писателей наиболѣе Крылову угрожали двѣ крайности: послѣ Ла Фонтена онъ нечувствительно могъ впасть въ принужденное французское простодушіе и привыкнуть къ изысканности въ разсказѣ и отдѣлкѣ стиховъ; или увлекшись ложною, такъ называемою народностію, онъ могъ обременить, даже обезобразить свои произведенія вынужденно простыми выраженіями, безвкусными картинами и неумѣстнымъ во всемъ подражаніемъ грубой простонародности. Его талантъ, его тонкій умъ, его врожденное, такъ сказать, чутье, указали ему истинный путь по каждой сторонѣ искусства, и онъ сдѣлался русскимъ народнымъ писателемъ въ благородномъ, въ надлежащемъ значеніи этого слова. Его басни вразумительны, увлекательны и исполнены поэзіею для всѣмъ возрастовъ, длѣ всѣхъ сословій. Онъ простъ въ созданіи, краткокъ, но полонъ въ разсказѣ, живъ и самообразенъ въ украшеніяхъ, точенъ, всегда правиленъ, выразителенъ и новъ въ языкѣ. Высочайшая тайна магическаго искусства его заключалась въ полномъ его сочувствіи съ духомъ народа: умъ, сердце и душа его проникнуты были русскими элементами».

Авторъ переходитъ къ опредѣленію дѣятельности Крылова какъ академика: «Умственная дѣятельность Крылова не была дѣятельностію ученою въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее обыкновенно. Ему были чужды эти утомительные, разнообразные, хотя и однородные труды, которые изъ науки образуютъ послѣдовательность первоначальныхъ идей, ихъ успѣховъ и окончательныхъ выводовъ. Ни частная, ни общая, ни сравнительная грамматика или лексикографія не привлекали его вниманій. Филологія, критика, эстетика и философія не пріобрѣли отъ него особенныхъ изслѣдованій, разсужденій и системъ. Правда: въ этомъ значеніи онъ не былъ академикомъ; за то онъ былъ едва ли не цѣлою академіею. Въ творческомъ, свѣтломъ и дѣятельномъ умѣ его возникали, принимали образы и полную жизнь геніальныя откровенія, вѣчныя истины, уроки мудрости, завѣты опытовъ, идеалы художнической красоты. Ихъ приняли милліоны людей въ тѣхъ вѣчно неизмѣнныхъ формахъ, съ тѣми многозначительными выраженіями, какія созидаются только природою и геніями. Всѣ академіи въ мірѣ не могутъ похвалиться столь дѣйствительнымъ вліяніемъ на умственное, нравственное, гражданское и даже религіозное образованіе человѣчества, какое производилъ незамѣтно, но повсемѣстно и безпрерывно одинъ геніяльный писатель. Онъ не только творецъ и законодатель языка, но и всего, что въ душу нашу входитъ изъ этой метафизической вселенной. Разскрытіе и объясненіе силы и законовъ геніяльнаго писателя—этой натуральной академіи—достаточно снабжаютъ благороднымъ трудомъ всѣхъ академиковъ, хотя нерѣдко и здѣсь они такъ же приходятъ въ недоумѣніе, какъ испытуя силы и законы природы. Геніяльныя произведенія, подобно произведеніямъ природы, оставляютъ въ насъ неизгладимыя впечатлѣнія; но тѣ и другія, такъ легко и свободно сливаясь съ душею нашею, по большей части хранятся въ ней неразгаданными».

«Не удивительно, что Крыловъ, не выходя изъ своей, тѣсной по наружности, сферы дѣятельности, проникнулъ своимъ геніемъ въ каждое русское сердце и населилъ каждое воображеніе своими сказаніями. Не одинъ слѣпой случай ввелъ его какъ наставника, любимца и друга въ семейный кругъ русскаго народа и въ шумные классы дѣтей. Его чтили, изучали и пользовались уроками его люди высшаго образованія, на всѣхъ ступеняхъ гражданской дѣятельности. Его почтили вниманіемъ, благоволеніемъ, любовію два Монарха наши—Александръ и Николай. Благоволящее ко всему, прекрасному, семейство ихъ усладило жизнь его нѣжнымъ участіемъ и осыпало гробъ его цвѣтами трогательнаго воспоминанія. Всѣ ученыя сословія наши торжественно внесли имя его въ свои лѣтописи, какъ дѣятельнаго участника въ общеполезныхъ трудахъ ихъ. Бывшая императорская россійская академія избрала его въ 16 день декабря 1811 г. въ свои дѣйствительные члены—званіе, которое носилъ онъ до кончины своей и въ отдѣленіи русскаго языка и словесности академіи наукъ». — Далѣе упоми-

нается о празднованіи юбилея, возбудившемъ общій энтузіазмъ. «Въ этомъ же (1838) году * написана имъ послѣдняя басня его *Вельможа*. Она останется для потомства памятникомъ, что и въ старости геній Крылова сохранялъ всю свою свѣжесть и силу».— Въ заключеніи упомянуто о погребеніи и о подпискѣ на памятникъ.

Сѣверная пчела, 1845, № 8. «Воспоминаніе объ И. А. Крыловѣ», ст. Ѳ. Булгарина. Существенная часть ея приведена въ поясненіе басни *Прихожанинъ*.

Прибавленіе къ Журналу министерства народнаго просвѣщенія. 1845, кн. 2, стр. 35. Статья В. Т. Плаксина: «Въ память Ив. Андр. Крылова», съ эпиграфомъ изъ Державина:

Здѣсь персть твоя — а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ? Онъ тамъ!. . . Гдѣ тамъ?. . . Не знаемъ!
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

Во вступленіи авторъ говоритъ, что смерть И. А. даетъ возможность, не опасаясь упрековъ въ пристрастіи, смѣло высказать свои мысли о его произведеніяхъ.

Послѣ краткаго очерка литературной дѣятельности Крылова, авторъ переходитъ къ баснямъ, при чемъ замѣчаетъ, что «мы должны быть чрезвычайно благодарны И. И. Дмитріеву за его высокій, истинно благородный поступокъ въ отношеніи къ Крылову», которому онъ указалъ его настоящее призваніе. Далѣе сравненіемъ басни «*Ворона и Лисица*» и отрывка изъ басни «*Моръ звѣрей*» съ оригиналомъ, доказывается, что переводы Крылова возвышаютъ достоинства подлинника.

Переходя къ баснямъ оригинальнымъ, В. Т. Плаксинъ говоритъ, что «Крыловъ умѣлъ создать народность русской басни, которая свободно вылилась изъ души его и слилась также свободно съ народнымъ умомъ и сердцемъ, потому что въ ней нѣтъ ничего чужаго; въ ней все родное; въ ней нѣтъ извороты ума, русскія движенія сердца, русскія формы выраженія. «Крылова несправедливо называютъ дѣтскимъ писателемъ, потому что многія его басни недоступны дѣтямъ. Чѣмъ болѣе вникаешь въ ихъ смыслъ, тѣмъ обширнѣе становится объемъ ихъ и сила». Потому-то вообще о басняхъ Крылова можно безошибочно сказать то, что древніе писатели говорили объ Иліадѣ: въ этой книгѣ всякій можетъ почерпать столько, на сколько у него достанетъ силъ».—Мысль эта доказывается разборомъ баснѣ *Ручей*, *Добрая Лисица*, *Орелъ и Паукъ*. — Совершенство внѣшней отдѣлки басни опредѣляется разборомъ б. *Вороненокъ*, *Слонъ на Воеводствѣ* и *Оселъ и Соловей*, содержаніе которыхъ незначительно, но въ нихъ все зависитъ отъ изложенія.

*) Это несправедливо; см. примѣч. къ этой баснѣ.

Къ числу достоинствъ б. Крылова, авторъ относитъ то, «что онъ умѣлъ соединить высшую степень народности съ міровою общностію». Это доказывается разборомъ б. *Крестьянинъ и Работникъ* и указываются б. *Волкъ и Котъ*, *Заяцъ на ловлѣ*, *Крестьянинъ и топоръ*, *Крестьянинъ въ бѣдѣ*, *Курица и Ворона* и проч.

Мнѣніе, что Крыловъ свои басни списывалъ съ частныхъ случаевъ, авторъ не отрицаетъ, но и не утверждаетъ, потому что ни для того, ни для другаго не находитъ достаточныхъ доказательствъ; но замѣчаетъ, что если онъ и точно списывалъ съ частныхъ случаевъ, то придавалъ своимъ изображеніямъ идеальное значеніе.

Въ заключеніи авторъ говоритъ о заслугахъ Крылова въ отношеніи къ языку: «Онъ раскрылъ геній русскаго языка, исполнилъ то, къ чему стремились другіе. Онъ познакомилъ образованныя сословія съ роднымъ языкомъ. — Дмитріевъ для басенъ и сказокъ своихъ образовалъ особый языкъ, простой и легкій, — но все же составленный изъ началъ книжнаго языка. Крыловъ отвергъ вѣковой предразсудокъ противъ народности и народнаго языка. Въ разсказѣ онъ сообразуется съ свойствами предметовъ и возбуждаемыхъ ими мыслей; а когда заставляетъ говорить самихъ дѣйствователей, то даетъ имъ и слова и обороты и даже связь выраженій, согласные и съ нравственнымъ характеромъ и съ свойствами ихъ. На зло гонителямъ раздѣленія слога на *высокій*, *средній* и *низкій*, Крыловъ раздѣлилъ его самымъ дѣломъ такъ рѣзко, какъ никто еще не дѣлилъ». (Приводятся примѣры: описаніе бури въ б. *Пушки и Паруса*, отрывокъ изъ *Левъ, Серна и Лисица*; начало б. *Крестьянинъ и Смерть* и начало *Свиньи подъ Дубомъ*). «Эта разность описаній даетъ ясное понятіе о разности колорита въ языкѣ и слогѣ».

«И такъ Крыловъ великъ, какъ переводчикъ; ибо онъ свои переводы поставилъ выше прекрасныхъ подлинниковъ славнаго Ла Фонтена; великъ, какъ подражатель: его подражанія далеко превосходятъ образцы; но выше всего онъ является тогда самостоятельно почерпаетъ мысли изъ природы, изъ дѣйствительнаго міра: тогда онъ глубокомысленный философъ, вѣрный другъ природы, предъ которымъ она открываеть свои тайны; тогда онъ поэтъ въ мысляхъ, въ картинахъ, въ формахъ языка и въ сочетаніи звуковъ. — Онъ разгадалъ нравственный міръ и опредѣлилъ всѣ его изгибы, всѣ пути и уклоненія» . . .

Современникъ, 1845, т. XXXVII, стр. 33. Иванъ Андр. Крыловъ, статья Плетнева, вышедшая потомъ въ написанную имъ біографію баснописца.

Современникъ, 1845, т. XXXVII, стр. 308. «Избранныя басни Крылова», на французскомъ языкѣ. Съ четырмя гравированными картинками. Изд. И. Эйнерлинга. Краткое заявленіе объ изданіи, въ которомъ помѣщено 89 басенъ, переведенныхъ по предложенію гр. Г. Орлова французскими писателями.

Библіотека для чтенія, 1845, т. 69, отд. критики, стр. 1.

«Крыловъ», статья Бантышъ-Каменскаго. Въ этой статьѣ изложена біографія поэта въ связи съ его литературною дѣятельностію; бѣгло указано отношеніе Крылова, какъ баснописца, къ его предшественникамъ; за тѣмъ описывается 50-ти лѣтній юбилей и церемонія погребенія поэта. Разсказавъ нѣсколько извѣстныхъ анекдотовъ, характеризующихъ Крылова, какъ человѣка, авторъ заключаетъ статью сравненіемъ, впрочемъ совершенно внѣшнимъ, его съ Ла Фонтеномъ.

Отечественныя записки, 1845, т. XXXVIII, отд. II, стр. 62. — Бѣглый очеркъ литературной дѣятельноси Крылова, оканчивающійся объявленіемъ о подпискѣ на памятникъ ему.

Сѣверная пчела, 1845, № 71. «Два отрывка изъ неизданнаго сочиненія: Русская Библіотека», С. Полторацкій. — Говорится о времени и мѣстѣ появленія первыхъ трехъ басенъ Крылова.

Сѣверная пчела, 1845, № 203. «Отрывки изъ записокъ моихъ объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ», ст. Быстрова. — «Съ Ив. Андр. находился я въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, сначала по службѣ (1829—1841 г.), а потомъ по *привычкѣ* (1841—1844 г.); слѣдовательно, не прибѣгая къ системѣ правдоподобныхъ вымысловъ, могу говорить о бывшемъ моемъ сослуживцѣ и благодѣтелѣ только то, что мнѣ лично о немъ извѣстно. — Памятныя записки мои, изъ коихъ позволяю себѣ извлечь самую малую часть въ пополненіе извѣстныхъ біографій Крылова, заключаютъ въ себѣ непрерывную нить отношеній моихъ къ Ивану Андреевичу, съ 1829 года по день кончины незабвеннаго. Посему было бы съ моей стороны даже непростительно, если бы я не посвятилъ священной памяти сослуживца нѣсколькихъ строкъ. Я увѣренъ также, что никто не сочтетъ за дерзость, если (въ послѣдствіи) составлю я сводъ, повѣрку и соглашеніе крупныхъ и мелкихъ противорѣчій, которыя, безъ сомнѣнія безъ умысла авторовъ, вкрались въ ихъ біографическія свѣдѣнія объ Иванѣ Андреевичѣ *.

(Перечисляются извѣстные біографическіе очерки и воспоминанія о баснописцѣ).

Извѣстно, что Иванъ Андреевичъ испытывалъ свой талантъ въ разныхъ родахъ словесности: онъ писалъ сатиры, трагедіи, комедіи, драмы оперы, любовные стишки, подражанія псалмамъ и басни. Иванъ Андреевичъ принималъ также самое дѣятельное участіе въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ 1789 году издавалъ онъ еженедѣльный журналъ, подъ названіемъ: *Почта Духовъ*. Товарищемъ ему былъ Рахмановъ, котораго Иванъ Андреевичъ любилъ за остроту его ума, за откровенный и веселый нравъ. «Помнится, мой милый, что разъ поссорились мы съ Рахмановымъ за то, какое названіе дать журналу. . . . Пельскій, кажется, помирилъ насъ. . . . Ну, Рахмановъ хорошо былъ ученъ:

* Такого свода Быстровъ не успѣлъ составить.

зналъ языки, исторію, философію. . . . Онъ давалъ намъ матеріалы. . . . Послѣ еще ближе сошелся я съ Клушинымъ. . . . Онъ былъ умный, услужливый человѣкъ. . . . Мы съ нимъ много писали въ тогдашнихъ журналахъ. . . .» Это подлинныя слова Ивана Андреевича.

Другіе журналы, въ которыхъ Иванъ Андреевичъ печаталъ свои статьи, были: *Зритель* (1792) и *Санктпетербургскій Меркурій* (1793). Въ *Зрителѣ* помѣщены: а) Ночи; б) Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ; в) Утро, ода; г) Разсужденіе о дружествѣ; д) Мысли философа по модѣ; е) Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ; ж) Каибъ. Въ *Меркуріи*: а) Похвальная рѣчь наукѣ убивать время, говоренная въ новый годъ; б) Примѣчанія на комедію: *Смѣхъ и горе*, соч. А. Клушина; в) Похвалная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей; г) Утѣшеніе Анютѣ, стихи; д) Мое оправданіе къ Анютѣ, стихи; е) Замѣчанія на комедію въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ, соч. А. Клушина, подъ названіемъ: «*Алхимистъ*»; ж) Стихи къ другу моему, А. И. К.; з) Стихи къ счастію, и мой отъѣздъ, пѣсня.

Теперь эти журналы, въ коихъ Крыловъ съ такимъ усердіемъ и искусствомъ нѣкогда подвизался, стали довольно рѣдки. А кто бы изъ насъ не пожелалъ прочесть хоть что нибудь изъ *сочиненій* Ивана Андреевича, писанныхъ имъ *прозою?*

(Слѣдуютъ выписки: изъ рѣчи Ермалафиду и изъ примѣчаній на комедію Клушина: *Смѣхъ и Горе*).

Кто не согласится, что замѣчанія Ивана Андреевича, высказанныя имъ въ 1793 году, не могли бы имѣть равнаго приложенія и къ настоящему времени? . . . .

Въ стихахъ «Къ счастію», Иванъ Андреевичъ такъ пеняетъ на фортуну:

> «Богиня рѣзвая, слѣпая,
> Худыхъ и добрыхъ дѣлъ предметъ,
> Въ которую влюбленъ весь свѣтъ,
> Подъ часъ не кстати слишкомъ злая,
> Подъ часъ роскошна не впопадъ,
> Скажи, фортуна дорогая,
> За что у насъ съ тобой не ладъ?»

Въ 1831 году, по совѣту Ивана Андреевича, сталъ я заниматься составленіемъ *Алфавитнаго указателя къ русскимъ періодическимъ изданіямъ*, начавъ эту работу со старинныхъ, нынѣ довольно рѣдкихъ журналовъ. — Однажды я принесъ къ Ивану Андреевичу *Зрителя* и *Меркурія*, въ коихъ находились вышепоименнованныя статьи его. И. А. хорошо помнилъ свое прошедшее время, но захотѣлъ снова прочесть прежнія свои сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Между тѣмъ, я обратилъ вниманіе его на стихи «Къ счастію». — «Иванъ Андреевичъ, за что это вы пеняете

на фортуну, когда она такъ милостива къ вамъ?» — «Ахъ, мой милый; со мною былъ случай, о которомъ теперь смѣшно говорить; но тогда. . . . я скорбѣлъ и не разъ плакалъ, какъ дитя. . . . Журналу не повезло; полиція, и еще одно обстоятельство. . . . да кто не былъ молодъ и не дѣлалъ на своемъ вѣку проказъ». . . . Это подлинныя слова Ивана Андреевича.

Вообще, проза И. А. лучше его стиховъ, писанныхъ имъ въ 1792 и 1793 годахъ. Любовные стишки его больно плохи, какъ справедливо замѣтилъ Ѳ. В. Булгаринъ (Сѣв. пчела, 1845 г. № 8); но въ 1795 году Иванъ Андреевичъ является уже высокимъ лирическимъ поэтомъ. Въ русскомъ отдѣленіи императорской публичной библіотеки, въ кипѣ разрозненныхъ газетъ и журналовъ, нашелъ я тетрадь стиховъ, писанныхъ собственною Ивана Андреевича рукою. (Это было въ апрѣлѣ 1832 года). «Въ этой тетради есть прекрасная ваша *Молитва къ Богу*», сказалъ я Ивану Андреевичу. — «Покажите, мой милый». — И. А. взялъ рукопись, и сталъ читать про себя. Какой огонь, какой благовѣйный восторгъ одушевляли въ то время поэта! И не одна слеза скатилась на грудь его!

Говорятъ, что Иванъ Андреевичъ изучилъ греческій языкъ въ совершенствѣ и въ самое короткое время. Такъ, но къ этому надобно прибавить, что Иванъ Андреевичъ началъ учиться по-гречески безъ грамматики, по *Новому Завѣту*, и скоро такъ успѣлъ, что въ состояніи былъ переводить классиковъ. Въ Геродота Иванъ Андреевичъ, такъ сказать, влюбился, и предполагалъ также перевести его. — Когда А. Н. Оленинъ изъявилъ свое намѣреніе издать въ свѣтъ, въ буквальномъ русскомъ переводѣ, Одиссею, съ рисунками греческихъ древностей, то Иванъ Андреевичъ не прочь былъ отъ любимой мысли своего начальника друга и перевелъ изъ этой поэмы, экзаметромъ, двадцать семь стиховъ первой пѣсни, вотъ какъ:

«Мужа повѣдай мнѣ, Муза, *хитраго* *) странствія многи,
Имъ понесенны **, когда былъ священный Пергамъ испровергнутъ,
Много онъ видѣлъ градовъ и обычаевъ разныхъ народовъ;
Много, носясь по морямъ, претерпѣлъ сокрушеній сердечныхъ,
Пекшися всею душей о своемъ и друзей возвращеньѣ;
Но не спасъ онъ друзей и сподвижниковъ, сколько ни пекся,
Сами они отъ себя и своимъ безрасудствомъ погибли.
Буйные! — тучныхъ воловъ они *высокаго солнца* ***
Пожрали; онъ на вѣкъ обрекъ ихъ не видѣть отчизны.
Ты, богиня, и Діева дщерь, намъ все то повѣдай.
Всѣ ужъ иные, кого не постигла горькая гибель,
Въ домы свои возвратились, войны избѣжавши и моря.

---

* Сверху написано рукою И. А. *мудраго*.
** *Кои претекъ онъ* зачеркнуто, и сверху написано: *имъ понесенны*.
*** Прежде написано было: *свѣтозарнаго Ѳеба*.

Онъ лишь одинъ, по отчизнѣ тоскуя и вѣрной супругѣ,
Властью удержанъ былъ сильной, божественной нимфы Калипсы.
Въ утлыхъ † *прекрасныхъ* †† пещерахъ — она съ нимъ узъ брачныхъ желала.
Годъ же когда совершился и новое лѣто настало,
Боги тогда присудили въ отчизну ему возвратиться
Въ область Итаку — и тутъ не избѣгли трудовъ и злосчастій
Онъ и дружина его; боги всѣ къ нему умилились.
Только Посейдонъ одинъ гнѣвенъ жестоко былъ къ Одиссею,
Мужу божественну, доколь не вступилъ онъ на землю.
Но тогда былъ Посейдонъ далеко въ странѣ Еѳіоповъ.
Два Еѳіопскихъ народа земли на концахъ обитаютъ:
Тамо, гдѣ солнце восходитъ, и тамъ, гдѣ солнце нисходитъ,
Жертвами тучныхъ воловъ и богатой стотельчною жертвой
Онъ отъ нихъ услаждался — боги же купно другіе
Были тогда на Олимпѣ, въ чертогахъ могущаго Дія †††».

По словамъ Ивана Андреевича, *экзаметръ ему не дался*. «Я не могу сладить съ этимъ Голіафомъ, говаривалъ иногда Иванъ Андреевичъ.

Сѣверная пчела, 1845, № 208. Въ статьѣ И. Быстрова: *Отрывки изъ записокъ моихъ объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ*, помѣщенной въ № 202-мъ Сѣв. Пчелы, мы обѣщали сообщить стихотвореніе *Молитва къ Богу*, отысканное г. Быстровымъ, въ 1832 г. (въ рукописи), въ кипѣ разрозненныхъ газетъ и журналовъ, въ русскомъ отдѣленіи императорской публичной библіотеки ***. (Это стихотвореніе повторено въ «Полномъ собр. сочинен. Крылова»).

Г. Быстровъ пишетъ относительно этихъ стиховъ: «Присемъ замѣчу, что 1) подлинная рукопись Ивана Андреевича, съ разрѣшенія А. Н. Оленина, отдана была г. С., который выпросилъ ее у И. А. на самый короткій срокъ. Была ли возвращена она А. Н. Оленину, или самому автору, мнѣ не извѣстно. По крайней мѣрѣ, ея нѣтъ въ императорской публичной библіотекѣ. 2) На спискѣ, сдѣланномъ мною въ 1833 году, съ автографа Ивана Андреевича, отмѣчены собственною рукою послѣдняго слѣдующія въ стихахъ поправки:

Строфа 3-я, стихъ 10-й:
«Сгустилъ онъ тучи подъ собой».
Строфа 4-я, стихъ 10-й:
«Смутясь, изъ бездны рвутся вонъ».

† Сначала написано было: *темныхъ*, но оно зачеркнуто.

†† *Прохладныхъ* зачеркнуто, и рукою А. Н. Оленина написано сверху: *прекрасныхъ*.

††† Драгоцѣнная рукопись И. А. принадлежитъ имп. публ. библіотеки библіотекарю ст. сов. П. Попову.

*** Въ «Аонидахъ» Карамзина, 1796 г., кн. I, стр. 36, напечатана также Ода Ивана Андреевича, подъ названіемъ: *Вольное подражаніе Псалму:* «Смягчи, о Боже, гнѣвъ Твой ярый», и проч.

Строфа 5-я, стихъ 8-й:

«Столь тѣсны вражьихъ силъ предѣлы».

Строфа 6-я, стихъ 5-й:

«Бѣги мужей коварныхъ льстивыхъ».

Сѣверная пчела, 1846, № 63. «Отрывки изъ записокъ моихъ объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ». Ивану Андреевичу обязанъ я первыми и нѣкоторыми свѣдѣніями моими въ библіографіи. Совѣты и наставленія его заохотили меня къ изученію сей науки. Въ маѣ 1829 года, И. А. писалъ мнѣ: «Пришлите мнѣ мои карточки. Что у васъ сдѣлано? Не скучаете ль новою должностью? — Старайтесь, старайтесь, мой милый! Сопиковъ много трудился, ему и честь. Но не безъ грѣха и онъ, и при ссылкахъ на него будьте осторожны. Въ чемъ усомнитесь, спросите Анастасѣвича. Онъ живетъ», и проч.

Таковы были заботы И. А. объ успѣхахъ моихъ въ библіографіи, и это заставляетъ меня, въ память великаго моего учителя, хотя въ краткомъ очеркѣ представить здѣсь хронологическое обозрѣніе басенъ его.

Первое собраніе басенъ Ивана Андреевича, числомъ двадцать три, напечатано было въ началѣ 1809 года, въ типографіи С.-Петербургскаго губернскаго правленія, въ малую осьмую долю листа, и тогда же появились два замѣчательные разбора ихъ: одинъ въ «Вѣстникѣ Европы» *, написанный В. А. Жуковскимъ, другой въ журналѣ «Цвѣтникъ» **. Здѣсь надобно замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ академикъ Георгій, въ извѣстномъ своемъ «Описаніи Петербурга» ***, на страницѣ 558-й провозгласилъ міру о существованіи какого-то Ивана Крылова, какъ *сочинитель разныхъ сатиристическихъ писаній и нѣкоторыхъ комедій, трудящагося также въ Россійскомъ Меркуріи»*, В. А. Жуковскій, въ превосходной критической статьѣ своей, первый съ удивительнымъ искусствомъ разобралъ и оцѣнилъ высокое достоинство литературныхъ произведеній неподражаемаго нашего баснописца. (Слѣдуетъ перечисленіе изданій басенъ.)

Весьма хороша, по изобрѣтенію, заглавная картинка, относящаяся къ баснѣ *Василекъ*: Иванъ Андреевичъ сидитъ на камнѣ въ Павловскомъ саду, возлѣ бюста Августѣйшей его Покровительницы, *Императрицы Маріи Ѳеодоровны*, и подслушиваетъ разговоръ Василька съ Жукомъ. Извѣстно, что басня эта написана авторомъ по случаю благодѣяній, оказанныхъ автору сею *Императрицею*. Иванъ Андреевичъ питалъ въ душѣ своей безпредѣльное благоговѣніе къ *Государынѣ*, и однажды, со слезами

* Часть 3, 1809 г. Съ 35-й до 50-й стр. В. А. Жуковскій разсуждаетъ о баснѣ вообще, а съ 59-й до 67-й стр. разбираетъ *Басни господина Крылова*.

** Часть I, стр. 378—994. Рецензентъ не называлъ себя, но онъ, какъ мнѣ извѣстно, А. Е. Измайловъ.

*** Изд. Безакомъ, въ С.-Петербургѣ 1794 г. (8).

на глазахъ разсказывая мнѣ о милостяхъ къ нему Царицы, примолвилъ: «Да, мой милый, это одно обязываетъ меня написать исторію моей жизни». Однакожъ, какъ послѣ увидимъ, Иванъ Андреевичъ не сдержалъ своего слова. Онъ былъ безпеченъ, и не скрывалъ отъ меня этой слабости. Разъ (это было въ началѣ 1837 г.), когда я пришолъ къ Ивану Андреевичу дать отчетъ о трудахъ моихъ по службѣ, онъ спросилъ: «А каково идетъ вашъ Указатель къ журналамъ»? Я отвѣчалъ, что отмѣтилъ на карточкахъ до 117 тысячъ статей, и что это, по моему мнѣнію, третья доля изъ того количества историческихъ матеріаловъ, которые возможно будетъ извлечь изъ періодическихъ изданій. — Иванъ Андреевичъ, подумавъ немного, сказалъ: «А я, мой милый, лѣнивъ ужасно. . . Началъ было нѣчто похожее на вашъ трудъ, и бросилъ. . . . скучно показалось. . . Да что, мой милый, говорить! . . . И французы знаютъ, что я лѣнтяй» *. Кончивъ послѣднюю фразу, Иванъ Андреевичъ вынулъ изъ корзины листъ бумаги и, отдавая его мнѣ, сказалъ: «Прочтите-ка, мой милый!». Это была копія съ предложенія А. А. Оленина императорской публичной библіотекѣ, отъ 10 января 1812 г., слѣдующаго содержанія: «Помощнику библіотекаря, титулярному совѣтнику Крылову, по извѣстнымъ его успѣхамъ въ россійской словесности и по свойственному ему пріятному слогу, поручено было заняться составленіемъ критическихъ замѣчаній, которыя должны были входить въ составъ разборныхъ каталоговъ (catalogues raisonnés). Въ сихъ замѣчаніяхъ (по части только исторической и словесныхъ искусствъ, т. е. витійства и поэзіи), г. Крыловъ долженъ былъ въ виду имѣть слѣдующіе предметы: 1) Краткій критическій разборъ содержанія книгъ; 2) Критическій таковой разборъ слога; 3) Опредѣленіе книгъ въ число рѣдкихъ, полезныхъ или изящныхъ твореній». — «Каковъ же я молодецъ! . . . Да и Алексѣй Николаевичъ не принуждалъ меня. . . . Другое дѣло, если бъ

---

* Этими словами И. А. намекалъ на предисловіе Лемонтея къ баснямъ его, изданнымъ графомъ Г. В. Орловымъ въ Парижѣ, подъ названіемъ: Fables Russes, tirées du recueil de Mr. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs; précédées d'une introduction française de Mr. Lemontey et d'une préface italienne de Mr. Salfi, publiées par Mr. le Comte Orloff, ornées du portrait de Mr. Kriloff et cinq gravures. Deux vol. imprim. par F. Didot. 1825 (8), т. е. русскія басни, заимствованныя изъ сочиненій г. Крылова съ французскими и италіанскими подражаніями разныхъ авторовъ, съ французскимъ введеніемъ г. Лемонтея и италіанскимъ Сальфи, изданныя гр. Орловымъ, съ портретомъ автора и пятью картинками, два тома, печ. у Ф. Дидота. — Въ переводѣ басенъ Крылова участвовали всѣ тогдашія знаменитости французской и италіанской литературъ. Изъ французовъ, напримѣръ: графъ Буесси д'Англа, два графа Сегюра, графъ Дарю, Казимиръ Делавинь, Арно, Герцогъ де Бассано, Андріе, Жуи, Суме и другіе; дамы: Констанція Сальмъ, Софія Ге, г-жа Тастю и другія. Рисунки къ изданію дѣлали: Изабе, Бертонъ и другіе отличные художники. — Лемонтей, въ предисловіи къ сему изданію, между прочимъ сравниваетъ Ивана Андреевича съ *басеннымъ деревомъ* (у Лемонтея игра словъ), котораго вѣтви надобно сильно потрясать, если желаешь стряхнуть съ нихъ плоды.

потребовалъ. . . . А то. . . ну, вы постараетесь за меня, мой милый. . . .»

Сѣверная пчела, 1846, № 64. «Отрывки изъ записокъ моихъ объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ» ст. Быстрова. Иванъ Андреевичъ любилъ читать романы въ старинныхъ переводахъ, и чѣмъ романъ былъ глупѣе, тѣмъ онъ болѣе нравился нашему поэту. Въ мартѣ 1829, при первомъ свиданіи и разговорѣ моемъ съ Иваномъ Андреевичемъ, я увидѣлъ на столѣ его книгу; это, какъ на другой день узналъ я, была повѣсть подъ названіемъ: *Похожденіе задомъ напередъ*. Дорожа и мелкими чертами великаго человѣка, я сохранилъ собственноручную ко мнѣ записку Ивана Андреевича, въ которой онъ говоритъ: посылаю 27 книгъ счетомъ. У меня осталось 5 книгъ, да покорно прошу прислать ко мнѣ *Сказки духовъ*, чѣмъ очень одолжите. Всѣ сочиненія полны.*

Изъ періодическихъ изданій Иванъ Андреевичъ читалъ весьма усердно: Сѣверную пчелу, Библіотеку для чтенія и Сына Отечества, и все прочитанное въ этихъ журналахъ, отъ первой строки до послѣдней, онъ очень хорошо и долго помнилъ. Статьи, относящіяся къ домоводству, технологіи и хозяйству вообще, Иванъ Андреевичъ нарочно отмѣчалъ для Алексѣя Николаевича Оленина. Въ удостовѣреніе сего, можетъ быть, не всѣмъ извѣстнаго факта, ссылаюсь на подлинную ко мнѣ записку Алексѣя Николаевича, отъ 19-го іюля 1838 года. Вотъ она: «Иванъ Андреевичъ Крыловъ сказывалъ мнѣ, что въ послѣднихъ нумерахъ (за мѣсяцъ, должно быть, назадъ) Сѣверной пчелы или Сына Отечества напечатано извѣщеніе отъ какого-то сельскаго хозяина въ Германіи, который объявляетъ, что онъ нашелъ средство добывать лучшій сахаръ изъ свекловицы, безъ машинъ и безъ дальныхъ заведеній, такъ что каждый можетъ варить сахаръ у себя дома, и предлагаетъ принимать учениковъ для изученія сего новаго производства. Прошу Ивана Павловича Быстрова отыскать мнѣ эту статью.»

(Далѣе слѣдуетъ разсказъ, приведенный въ примѣчаніи къ б. «Волкъ на Псарнѣ.»)

«Душевно благодаримъ г. Струйскаго (автора повѣсти «*Преобразованіе*») за прекрасный историческій анекдотъ, но мы обязаны поправить автора тамъ, гдѣ онъ отступаетъ отъ истины: 1) По словамъ г. Струйскаго, И. А. Крыловъ проникъ думу Кутузова. Это вовсе несправедливо. Нашъ маститый поэтъ, довольный безсмертными лаврами, которые заслужилъ онъ на скромномъ поприщѣ литературы, торжественно отрекается отъ сюрприза, предлагаемаго ему г. Струйскимъ, и откровенно сознает-

* Иванъ Андреевичъ не любилъ медицины, и всегда, какъ только начиналъ чувствовать себя подъ вліяніемъ хандры, обращался къ чтенію нелѣпыхъ романовъ. Это было единственное средство къ возстановленію его здоровья.

ся, что онъ тогда уже разгадалъ высокую думу князя Смоленскаго, когда ангелъ-истребитель, въ лицѣ русскаго Фабія, губилъ полки враговъ, стремглавъ бѣжавшихъ изъ Россіи; 2) И. А. Крыловъ, *собственною рукою переписавъ басню: «Волкъ на псарнѣ», отдалъ ее княгинѣ Катеринѣ Ильиничнѣ, а она при письмѣ своемъ отправила ее къ Свѣтлѣйшему своему супругу.* Однажды, послѣ сраженій подъ Краснымъ, объѣхавъ съ трофеями всю армію, полководецъ нашъ сѣлъ, на открытомъ воздухѣ, посреди приближенныхъ къ нему генераловъ и многихъ офицеровъ, вынулъ изъ кармана рукописную басню И. А. Крылова, и прочелъ ее вслухъ. При словахъ: «ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ», произнесенныхъ имъ съ особенною выразительностію, онъ снялъ фуражку и указалъ на свои сѣдины. Всѣ присутствовавшіе восхищены были этимъ зрѣлищемъ, и радостныя восклицанія раздались повсюду.—Извѣстно, что армія вошла въ Тарутинскій лагерь 20-го сентября, а Краснинское дѣло происходило 2—5 ноября. Большая разница! Въ это время сѣрый волкъ бѣжалъ уже отъ побѣдоносной гончихъ стаи, и проч. — Когда я прочелъ Ивану Андреевичу эту статью, то онъ сказалъ: «Не мудрено, мой милый, отгадать, когда дѣло сдѣлано . . . . Я не люблю этого . . . Нынче пишутъ, напримѣръ, *всемогущій* геній . . . и тому подобное . . . » Тутъ Иванъ Андреевичъ весьма пріятно улыбнулся и примолвилъ: «Всѣ мудрецами стали . . . Пожалуй, скоро недостанетъ превосходныхъ степеней въ русскомъ языкѣ . . . Всѣ выберемъ для себя; что жъ оставимъ Тому? . . . » При послѣднемъ словѣ Иванъ Андреевичъ устремилъ къ Небу взоръ, въ которомъ выражалось чувство живѣйшаго благоговѣнія его къ Божеству»...

Сѣверная пчела, 1846, № 292. «Матеріалы для біографіи И. А. Крылова». — «Знаменитый нашъ баснописецъ Крыловъ принадлежитъ особенно нашей Твери: здѣсь онъ воспитался и провелъ первые годы своей юности; здѣсь онъ началъ свое гражданское служеніе. Я засталъ еще въ Твери одного старика, его бывшаго школьнаго товарища. Онъ передалъ мнѣ объ юношѣ Крыловѣ, что могъ замѣтить особенно замѣчательнаго въ его характерѣ. «Иванъ Андреевичъ,» разсказывалъ онъ между прочимъ, «посѣщалъ, съ особеннымъ удовольствіемъ народныя сборища, торговыя площади, качели и кулачные бои, гдѣ толкался между пестрою толпою, прислушиваясь съ жадностью къ рѣчамъ простолюдиновъ. Нерѣдко сиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги, противъ платомоекъ, и, когда возвращался къ своимъ товарищамъ, передавалъ имъ забавные анекдоты и поговорки, которые уловилъ изъ устъ словоохотныхъ прачекъ, сходившихся на рѣку съ разныхъ концевъ города, изъ дома богатаго и бѣднаго. Можетъ быть, эти забавныя росказни были богатыми темами для многихъ изъ его басенъ.

По случаю разборки архива тверскаго губернскаго правленія, я открылъ въ немъ любопытные акты о первоначальной службѣ Ивана Андреевича; и, какъ все, что до него касается, особенно

насъ интересуетъ, то и передаю ихъ, въ первобытной ихъ простотѣ, съ соблюденіемъ и правописанія подлинника.

Втверское наместническое правленіе Тверскаго Губернскаго Магистрата изъ 2-го Департамента

Репортъ.

Сего Апрѣля 7-го числа здешнему департаменту репортомъ приставъ Никифоръ Ивановъ представилъ что посыланъ онъ былъ отъ департамента вквартиру къ подканцеляристу Ивану Крылову который числился больнымъ для проведыванія естли ему отъ болезни облегченіе но и вквартирѣ его неполучилъ отбабки его Крылова Матрены Ивановой ему приставу объявлено что онъ подканцелярист Крыловъ отлучился отсюда всанктпетербургъ внынешнемъ году зимнимъ временемъ а котораго мѣсяца и числа о томъ она не упомнитъ. Того ради Тверскаго Губернскаго Магистрата во второмъ департаменте определено оботлучкѣ означеннаго подканцеляриста Крылова наместническому правленію отрепортовать о чемъ симъ и репортуетъ Апрѣля 11-го дня 1783 году.»

«Указъ *Ея Императорскаго Величества* Самодержицы Всероссійской изъ тверскаго наместническаго правленія тверскаго губернскаго магистрата 2-му департаменту присудствию наместническаго правленія докладывано что прошлаго 782 года іюля съ 29-го числа по представленію онаго губернскаго магистрата 2-го департамента и по прошенію находящагося въ ономъ департаментѣ подканцеляриста ивана крылова отпущенъ онъ зданнымъ отнаместническаго правленія пашпортомъ для его нуждъ всанктъ петербургъ на двадцать на девять днеи но стоговремени не токмо на указаной срокъ но и понынѣ чему минуло болѣе года вдолжности не явился того ради наместническое правленіе приказали всанктпетербургское губернское правленіе сообщить и требовать дабы благоволило кому надлежитъ приказать означеннаго подканцеляриста крылова *яко проживающаго самовольно засрокомъ сыскавъ прислать за присмотромъ вздешнее наместническое правленіе* когдажъ по сыску ево тамъ неокажется то о семъ уведомить о чемъ губернскаго магистратя 2-му департаменту за известіе дать знать симъ указомъ Июля 24-го дня 1783 года на подлинномъ подписано тако Михаило Олсуфьевъ секретарь еѳремъ вешняковъ справилъ канцеляристъ Ѳедоръ тихановъ».

«Указъ *Ея Императорскаго Величества* Самодержицы Всероссійской изъ тверскаго наместническаго правленія губернскаго магистрата 2-му департаменту предложеніемъ наместничоскому правленію его сиятелство господинъ генералъ Аншеѳъ сенаторъ *Ея Императорскаго Величества* генералъ адъютантъ лейбъ гвардіи семеновскаго полку подполковникъ тверскои и новгородскои генералъ губернаторъ водяныхъ каммуникаціи главныи директоръ

и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ яковъ александровичь брюсъ прописывая что явясь къ его сіятельству уволенный симъ правленіемъ для надобностеи всанктпетербургъ губернскяго магистрата подканцеляристъ иванъ крыловъ подалъ доношеніе о увольненіи его за слабостію здоровья отдолжности на основаніи о вольности дворянства указа поелику онъ изштабъ. офицерскихъ дѣтей предлагать изволилъ буде никакихъ унего Крылова на рукахъ дѣлъ нетъ аравномерно и ничемъ по здешнему наместничеству обязаннымъ несостоить втакомъ случаѣ его отъ должности уволить и дать ·пашпортъ относително награжденія его забеспорочную службу чиномъ то его сіятельство представляетъ на разсмотрѣніе наместническому правленію а по справкѣ по послужному списку значитъ что реченнои проситель крыловъ точно изштабъ-офицерскихъ дѣтей отроду имеетъ 15 летъ, по прошенію по наместническимъ правленіемъ 778 іюня 15-го определенъ вгубернской магистратъ подканцеляристомъ 782 года июля 27-го дня отпущенъ для его надобности всанктпетербургъ впредь на двадцать на девять дней по протеченіи которыхъ по ныне вдолжности не явился по чему о сыску и о присылке ево сюда писано исъ здешняго наместническаго правленія всанкпетербургское губернско правленіе справкою ныне отъ онаго департамента показано что у онаго крылова на рукахъ ни какихъ делъ неимелось и потому ко увольненію ево препятствия по департаменту не состоитъ того ради намѣстническсе правленіе приказали поелику какъ изъ оной справки видно что у показаннаго подканцеляриста крылова на рукахъ делъ нетъ и чтобъ по здешнему намѣстничеству былъ чемъ обязанъ не значитъ и для того ево по прошенію отдолжности уволить снагражденіемъ забезпорочную ево службу чиномъ канцеляриста о чемъ иснабдя ево пашпортомъ которой для отдачи ему по обрегательству ево всанктпетербургѣ препроводить въ тамошнее губернское правленіе при сообщеніи стемъ дабы напередъ онъ на тотъ чинъ приведенп кприсяге о чемъ за известіе губернскаго магистрата 2 департаменту дать знатьсимъ указомъ августа 23 дня 1783 года».

Сѣверная пчела, 1847, № 22. «Матеріалы для біографіи И. А. Крылова», (изъ Тверск. губ. вѣдом.). «Помѣщаемъ здѣсь два анекдота о Крыловѣ: они близко выражаютъ его добродушіе и простоту нрава; разсказывалъ ихъ пріятель его, извѣстный художникъ, живущій нынѣ въ своемъ тверскомъ помѣстьѣ. Вотъ подлинныя слова почтеннаго разсказщика:

Я зашелъ однажды къ Ивану Андреевичу, и обошелъ всѣ комнаты; въ нихъ не было ни одной живой души; плачь ребенка привелъ меня въ кухню. Я полагалъ найти въ ней кого либо изъ немногочисленныхъ слугъ его; напротивъ, я нашелъ самого хозяина. Онъ сидѣлъ на простой скамейкѣ; въ колыбели передъ нимъ лежалъ ребенокъ, неугомонно кричавшій. И. А. съ отеческою заботливостью качалъ его и прибаюкивалъ. На спросъ мой, давно ли занимается этимъ ремесломъ, онъ преспокойно отвѣчалъ: «Что жъ дѣлать? Негодяи, отецъ и мать, бросили на мои руки бѣднаго ре-

бенка, а сами ушли, Богъ знаетъ куда». И. А. продолжалъ усердно исполнять обязанность няньки до тѣхъ поръ, пока не возвратилась мать.

Замѣтивъ на стѣнѣ его комнаты грязное пятно, позади тѣхъ креселъ, на которыхъ онъ постоянно сиживалъ, образовавшееся отъ частаго прикосновенія головы къ одному мѣсту, я посовѣтовалъ И. А. выкрасить комнату. Замѣчаніе мое, повидимому, удивило его, какъ бы важное открытіе.—«Эхъ, братецъ, сказалъ онъ, немного подумавши», вѣдь чрезъ нѣсколько дней появится новое пятно; неужто для этого всякій разъ красить комнату»? Призвавъ потомъ служанку, сталъ ей выговаривать, почему она не позаботится смыть пятно; когда же она возразила, что пятно будетъ еще хуже и больше, если его вымыть, потому что краска кругомъ сойдетъ, И. А. отвѣчалъ пресеріозно: «Да, правда твоя! Ну, пока мы сдѣлаемъ лучше: прикрой пятно чистою тряпичкою, прикрѣпивъ ее къ стѣнѣ, и каждый разъ, какъ тряпичка замарается, можешь ее вымыть». Выдумкою этою онъ остался такъ доволенъ, что лице его, прежде озабоченное, тотчасъ просіяло особеннымъ удовольствіемъ».

Сынъ Отечества, за январь 1847, «Жизнь и Сочиненія И. А. Крылова». М. Лобанова. (Напечатана также отдѣльно).

Современникъ, 1847, т. I, русск. литер., стр. 124. Рецензія на вышедшее въ этомъ году «Полное собраніе сочиненій И. Крылова, съ біографіею, писанною Плетневымъ,» три тома, 1847, и «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова», сочин. академика М. Лобанова. Вся рецензія состоитъ изъ извлеченій изъ этихъ изданій.

Отечественныя записки, 1847, т. LI, отд. рус. лит., стр. 1.— Рецензія на статью М. Лобанова: «Жизнь и Сочин. И. А. Крылова», состоящая изъ выписокъ изъ этой статьи.

Отечественныя записки, 1847, т. L, отд. рус. лит., стр. 88.— Замѣтка о выходѣ «Полн. собр. соч. Крылова», въ 3-хъ томахъ, съ біографіею, написанною Плетневымъ.

Финскій вѣстникъ, 1847, томъ XIV, отд. библіографич. хроники. Рецензія по поводу изданія «Сочин. Ив. Крылова», три тома, 1847 года.

Отечественныя записки, 1847, т. LV, библіографич. хроника, стр. 4.—Замѣтка о выходѣ въ свѣтъ басенъ Крылова отдѣльнымъ изданіемъ.

Москвитянинъ, 1849, № 13. Эпиграмма Крылова, напечатанная имъ въ журналѣ: «Лекарство отъ скуки и заботъ», 1786 г., Туманскаго, ч. I, стр. 268.

Москвитянинъ, 1849 г. ч. IV, И. Н. Быстрова и С. Д. Полторацкаго замѣтка объ *Эпиграммѣ къ N*. . . напечатанной въ журналѣ, который издавался въ 1785 г. *Туманскимъ*, Лекарство отъ скуки и заботъ, ч. I, стр. 268.

Москвитянинъ, 1851, № 21. «Бесѣда люб. русскаго слова и Арзамасъ», ст. Струдзы, стр. 10 и 11. — Говорится объ

участьи его въ Бесѣдѣ, затѣмъ разсказано объ отношеніяхъ его къ Гнѣдичу и о томъ, какъ Крыловъ научился греческому языку.

Москвитянинъ, 1851, т. XII, стр. 424. Упомянуто объ отношеніяхъ Крылова къ Оленину и Елисаветѣ Марковнѣ, статья А. В.

Современникъ, 1852, т. XXXV, отд. соврем. замѣтки, стр. 270. Статья въ Revue des deux Mondes о Крыловѣ. — По поводу этой статьи, авторъ которой Сенъ-Жульенъ, замѣчено, что въ ней безошибочно только то, что Крыловъ названъ народнымъ русскимъ писателемъ.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1852 г., № LXXV, отд. VI, стр. 204 Bajki I. Kryłowa, w IX księgach z rossyjskiego. Wilno, w drukarni M. Żymelowicza, 1851.

Поставляется переводчику въ заслугу какъ самая мысль перевести басни Крылова на польскій языкъ, такъ и исполненіе мысли. Рецензентъ указываетъ на нѣкоторыя частныя неточности; но находитъ, что многія басни: какъ напр. Wilk w Psiarni, Kot i Kucharz, Mucha i Podróżni, Zwierciadło i Małpa, Liszka i Winogrona, Owce i Psy, Dwaj Chłopi, Dwaj Psy, читаются весьма легко и пріятно. Особенно хорошо переведена Бѣлка — Wiewiórka, — и Прихожанинъ. (Статья подписана буквами И. Б.).

Пантеонъ, 1852 года, т. V, октябрь, Смѣсь. Сообщается извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ книги Бужо: Kryloff ou le La Fontaine russe, sa vie et ses fables, par Alfred Bougeault: «Въ этой книгѣ Бужо является достойнымъ цѣнителемъ дарованія Крылова, но что всего любопытнѣе—очень удачнымъ переводчикомъ нашего баснописца. Всѣ знаютъ, какъ трудно перевести на иностранный языкъ красоты его басенъ, проникнутыхъ чистымъ русскимъ духомъ».— Далѣе перечисляются французскіе поэты, переводившіе басни Крылова по предложенію гр. Орлова, которыхъ переводы большею частію весьма неудачны. «Не скажемъ, чтобы г. Бужо былъ счастливѣе ихъ всѣхъ, но не можемъ не отдать справедливости его старанію передать Крылова, по возможности подстрочно. Переводъ грѣшитъ скорѣе противъ звучности и гармоніи французскихъ стиховъ, нежели противъ вѣрности съ подлинникомъ. Г. Бужо перевелъ 17 басенъ и помѣстилъ, сверхъ того, еще три въ концѣ книги, переведенныя г. Жеребцовымъ и де Местромъ». Приводятся въ переводѣ б. les Oies и le Caftan de Trichka,—которыя по возможности близки къ подлиннику. Краткій очеркъ русской литературы, приложенный къ переводу, не заключаетъ въ себѣ ничего несправедливаго, кромѣ мысли, что «русская литература еще молода и не можетъ представить достаточно пищи для образованности и жажды знаній высшихъ классовъ общества.»

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1853, т. LXXVIII, отд. VI, стр. 120. Взглядъ французскихъ критиковъ на басни Крылова. Въ 1852 г. появилось два соч. о Крыловѣ: Сенъ-Жульена, въ XV томѣ Revue des deux Mondes, который сначала весьма поверхностно, но пространно говоритъ вообще о русской литературѣ, а потомъ переходитъ къ Крылову: «Между нашими старыми

баснями найдется нѣсколько маленькихъ поэмъ, которыя выражаютъ сатирическое направленіе въ самой легкой и живой формѣ. Басни Крылова скорѣе похожи на нихъ, чѣмъ на апологи Ла-Фонтена. Существенное отличіе Крылова — это мѣстная точность и вполнѣ русская физіономія лицъ, которыхъ онъ выводитъ на сцену». Подъ перомъ Крылова всѣ предметы дѣлаются русскими. Онъ всегда остается оригинальнымъ, даже въ подражаніи, но когда онъ найдетъ предметы и содержаніе въ самомъ себѣ, соединитъ ихъ въ своемъ воображеніи съ жизнью и нравами своего отечества, тогда вся вообще Россія отразится въ его произведеніяхъ: нравы, мысли, предразсудки, характеръ, физіономія, языкъ, одежда, все тамъ найдется; всѣ лица выходятъ на сцену неподражаемо. Другое сочиненіе Бужо (Bougeault), Kryloff ou le La Fontaine Russe, sa vie et ses fables. Paris, 1852, начинается общимъ обозрѣніемъ русской литературы весьма поверхностнымъ и неточнымъ; о Крыловѣ же сказано: «Изъ всѣхъ новѣйшихъ писателей Крыловъ особенно заслуживаетъ изученія по своему таланту и по своей народности. Его назвали русскимъ Ла-Фонтеномъ, и такой титулъ, принадлежащій ему по праву, показываетъ всю важность этого писателя» (извлечено изъ Сына Отечества, № 10, и Совр. № 10).

Москвитянинъ, янв. 1854, «Мелочи изъ запаса моей памяти» М. Дмитріева. (См. б. «Дубъ и Трость» и «Оселъ и Соловей»).

Отечественныя записки, 1856, т. CVI, отд. Библіограф. Хрон., стр. 72. — Извѣстіе о брошюрѣ: «И. А. Крыловъ, для простонародія», при чемъ замѣчено, что она вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію.

Сѣверная пчела, 1857 г., № 119. Пчелка. *Газетныя Замѣтки.* Эрміонъ (Гречъ). По поводу *Библіографич. Записокъ*, которыя М. Н. Лонгиновъ печаталъ въ Современникѣ, Гречъ разсказываетъ:

«Не всѣмъ извѣстенъ слѣдующій анекдотъ, въ достовѣрности котораго мы ручаемся: 9-го апрѣля 1812 года имп. Александръ Павловичъ отъѣзжалъ къ дѣйствующей арміи. На молебствіе въ Казанскомъ соборѣ съѣхались всѣ знавшіе объ отъѣздѣ государя. Площадь передъ соборомъ наполнилась народомъ. И. А. Крыловъ, пробираясь въ толпѣ, столкнулся съ гр. Хвостовымъ. «Ну, что, графъ, спросилъ онъ, не напишете ли вы оды? Вы, конечно, пришли сюда за вдохновеніемъ?» Графу не понравилось это насмѣшливое привѣтствіе. «Почему жъ именно я долженъ писать?» спросилъ онъ: «вы также пишете стихи, и, какъ говорятъ, очень хорошіе». «Мои стихи», отвѣчалъ Крыловъ, «ничтожныя басни, а вы парите высоко, вы лирикъ». Толпа разлучила ихъ.

Должно знать, что государь, назначивъ А. С. Шишкова государственнымъ секретаремъ на мѣсто Сперанскаго, пожаловалъ ему на дорогу придворную карету. Въ тотъ день данъ былъ прощальный обѣдъ Александромъ Семеновичемъ Хвостовымъ. Въ концѣ обѣда,

когда начались тосты, подали хозяину пакетъ на его имя. Онъ распечатываетъ его и читаетъ вслухъ слѣдующее:

Стихи А. С. Шишкову.

(На случай всемилостивѣйше пожалованной ему коляски).

Шишковъ! оставя днесь бесѣды свѣтлый домъ,
Ты ѣдешь въ дальній путь въ каретѣ подъ орломъ:
Нашъ добрый царь, тебѣ вручая важно дѣло,
Старается твое беречь, покоить тѣло;
Лишь это надобно, о тѣлѣ только рѣчь:
Неколебимый духъ умѣешь самъ беречь. *Иванъ Крыловъ.*

Восторженные гости захлопали въ ладоши, закричали: прекрасно, безподобно! Хозяинъ сказалъ экспромтомъ:

Не диво то, что нашъ Крыловъ умно сказалъ,
А диво, что онъ самъ стихи переписалъ.

Отправили стихи въ типографію, напечатали и роздали въ публикѣ. Остолбенѣлъ Крыловъ, получивъ, въ званіи библіотекаря русскаго отд. имп. публ. библіотеки, это свое печатное стихотвореніе! Онъ написалъ возраженіе, въ которомъ отступался отъ литературнаго *подкидыша* *; но не могъ его нигдѣ напечатать. Литературныхъ журналовъ тогда въ Петербургѣ не было, а въ газетахъ сочтено было неприличнымъ печатать статьи такого рода. И знаменитые стихи остались за нимъ. Для курьоза слѣдовало бы помѣстить ихъ въ полномъ собраніи твореній Крылова.

Графъ Хвостовъ торжествовалъ: онъ не объявлялъ гласно о своей хитрости, но вездѣ, гдѣ только могъ, хвалилъ эти стихи, прибавляя изрѣдка: «Ихъ хвалятъ по достоинству; но еслибъ, вмѣсто *Иванъ Крыловъ*, было подписано *гр. Дмитрій Хвостовъ*, бранили бы безъ милосердія».

Сѣверная пчела, 1857, № 137, *Пчелка, Газетныя Замѣтки.* По поводу замѣчанія М. Н. Лонгинова (Соврем. 1857 г., май, стр. 72), «что изъ лучшихъ поэтовъ того времени только Крыловъ и Гнѣдичъ не были Арзамасцами, и хотя находились съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ, но состояли членами Шишковской Бесѣды. Оба они избѣгали крайностей»,—Гречъ говоритъ объ отношеніяхъ Крылова къ Гнѣдичу и ихъ обоихъ къ Оленину. Тутъ же разсказано о томъ, какъ Крыловъ изъ дружбы къ Гнѣдичу, чтобы имѣть возможность говорить съ нимъ объ Иліадѣ, научился по-гречески.

Сѣверная пчела, 1857, № 147. *Пчелка, Газетныя Замѣтки*, Гречъ.

Собраны воспоминанія о Крыловѣ. Здѣсь заключается бѣглый очеркъ его литературнаго развитія, разсказанъ анекдотъ о происхожденіи комедіи *Проказники* (въ которой Рифмокрадъ — Княжнинъ, Таратора—его жена, урожденная Сумарокова; Тениславъ—Карабановъ (?) и Ланцетинъ — докторъ Віенъ, другъ дома Княж-

---

* Собственное выраженіе Крылова.

нина. Княжна Тройкина выведена, видно, только для того, чтобы можно было сказать: это портретъ княжнинъ (въ новомъ изданіи замѣнено: *сестринъ*). Съ 1794 года Крыловъ предался карточной игрѣ и разъѣзжалъ по ярмаркамъ метать банкъ. Онъ нажилъ значительный капиталъ, но потомъ все спустилъ до копѣйки.—Далѣе говорится объ отношеніяхъ его къ князю Голицыну, о возвращеніи въ Москву и о первыхъ basняхъ, напечатанныхъ при участіи И. П. Дмитріева. Въ 1806 г. онъ написалъ двѣ комедіи (*Урокъ Дочкамъ* и *Модная Лавка*) по внушенію Оленина, потомъ *Илью богатыря* по просьбѣ Александра Львовича Нарышкина, чтобы замѣнить нелѣпое либретто Русалки. Въ 1808 году онъ помѣщалъ свои басни въ Драм. Вѣстникѣ, который ими однѣми и былъ интересенъ.—Басня *Гуси*, прочитанная Крыловымъ въ первомъ чтеніи Бесѣды Любителей р. сл., заставила всѣхъ безъ исключенія признать за нимъ талантъ — «онъ сдѣлался писателемъ истинно народнымъ». Статья заключается разсужденіемъ о томъ, что писателю для его развитія необходимо образованное общество.

Сборникъ литературныхъ статей, посвященныхъ русскими писателями памяти покойнаго книгопродавца-издателя Алекс. Филипповича Смирдина, т. I, Пбргъ, 1858 года. «*Голосъ за прошедшее*», статья В. Т. Плаксина. — Говоря объ литературной дѣятельности 30 годовъ, авторъ ставитъ во главѣ тогдашнихъ писателей Крылова, за которымъ въ это время утвердилась слава великаго самостоятельнаго баснописца. Смирдинъ изданіями его басенъ облегчилъ знакомство съ ними всѣмъ сословіямъ. — Басни Крылова продавались по 15 рубл. ассигн. Смирдинъ заплатилъ Крылову 40000 руб., напечаталъ ихъ въ числѣ 44000 экземпляровъ, прибавивъ къ прежнимъ болѣе 20 басенъ, и пустилъ въ продажу по 4 руб. ассигн.

Утро, литературный альманахъ, М. 1859. Здѣсь напечатана приписываемая Крылову ѣб. *Конь*; потомъ съ нѣкоторыми варіантами перепечатана въ Библіографич. запискахъ, 1859 г., № 2.

Библіографическія записки, 1861, стр. 638. «Видѣнія на берегахъ Леты», Батюшкова. Слѣдующія строфы относятся къ Крылову:

Тутъ тѣнь къ Миносу подошла
Неряхой и въ нарядѣ странномъ:
Въ широкомъ шлафрокѣ издранномъ,
Въ пуху, съ косматой головой,
Съ сафьеткой, съ книгой подъ рукой:
«Меня въ расплохъ, она сказала,
Въ обѣдъ нарочно смерть застала;
Но съ вами я опять готовъ
Еще хоть съизнова отвѣдать
Вина и адскихъ пироговъ.
Теперь же часъ, друзья, обѣдать.
Я вамъ знакомый — я Крыловъ»*.
Крыловъ! Крыловъ! въ одно вскричало
Собранье шумное духовъ,

* Крыловъ познакомился съ духами черезъ «Почту». (*Прим. поэта*).

И эхо глухо повторяло
Подъ сводомъ адскимъ: здѣсь Крыловъ!
— Садись сюда, пріятель милый!
Здоровъ ли ты? — «И такъ, и сякъ».
— Ну, что жъ ты дѣлалъ?—«Все пустякъ!
Тянулъ тихонько вѣкъ унылый,
Пилъ сладко, ѣлъ, а болѣ спалъ.
Ну вотъ, Миносъ, мои творенья;
Съ собой я очень мало взялъ:
Комедіи, стихотворенья,
Да басни всѣ». — Купай! купай!
О чудо! всплыли всѣ — и вскорѣ
Крыловъ, забывъ житейско горе,
Пошелъ обѣдать прямо въ рай...

Библіографическія записки, 1861, стр. 673. Замѣтка о комедіи Крылова *Пирогъ*, считавшейся потерянною. Она находится въ библіотекѣ Александринскаго театра; была отдана на театръ авторомъ въ 1802 году и была играна 26 іюля.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1862, за апрѣль, май, августъ и декабрь. — Четыре статьи В. Водовозова. Первыя три подъ заглавіемъ: «Народное и общественное значеніе Крылова», послѣдняя — «О педагогическомъ значеніи Крылова».

Русскій архивъ, 1863, вып. I, стр. 68. Отрывокъ изъ Воспоминаній Вигеля: характеристика Крылова. (См. «Воспоминанія» Вигеля, изд. 1866, ч. I, стр. 141).

Русскій архивъ, 1864, стр. 1158. «Нѣсколько свѣдѣній о басняхъ Крылова», М. Н. Лонгинова.

Русскій архивъ, 1865, стр. 1316. Письмо И. А. Крылова къ молодой дамѣ, и стр. 1319. «Разсказы объ И. А. Крыловѣ», Н. М. Колмакова.

Русскій архивъ, 1865, стр. 1323. «Хронологія басенъ Крылова», В. Кеневича.

Русскій архивъ, 1865, стр. 1340. «Замѣтки о заимствованныхъ басняхъ Крылова». Его же.

Учитель, 1865, № 1. «Замѣтки о басняхъ Крылова». В. Кеневича, и № 3 и 4. «Исторія происхожденія двухъ басенъ Крылова». Его же.

Русскій архивъ, 1866, стр. 255. «Басня Крылова — Прихожанинъ». Его же.

Русскій архивъ, 1866, стр. 1335. «Маскарадныя стихотворенія Крылова». Его же.

Русскій архивъ, 1867, стр. 386. «Неизданная басня Крылова, *Пестрыя овцы*». Его же.

Примѣчаніе. Столѣтняя годовщина со дня рожденія Крылова, отпразднованная торжественнымъ собраніемъ Императорской Академіи Наукъ и Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, вызвала рядъ изслѣдованій, въ которыхъ собрано почти все, что необходимо для изученія какъ личности, такъ и произведеній нашего баснописца. Здѣсь перечисляемъ эти статьи.

Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, томъ шестой. Со снимками почерка Крылова. Спб. 1869 г. Чтеніе 2-го февраля 1868 г. въ память Ивана Андреевича Крылова (съ приложеніями).

Содержаніе его слѣдующее:

I. **Литературная жизнь Крылова.** Я. К. Грота, стр. 1—28.

Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ. Его же, стр. 29.

Приложенія: (1. Представленіе Оленина отъ 23 мая 1830 года объ исходатайствованіи Крылову чина статскаго совѣтника. 2. Представленіе Оленина отъ 29 декабря 1840 года, объ увольненіи библіотекаря Императорской Публичной библіотеки Крылова. 3. Журнальные труды Крылова: Почта духовъ, Зритель, Ст. Петербургскій Меркурій), стр. 42—47.

II. **О басняхъ Крылова въ художественномъ отношеніи.** А. В. Никитенко.

III. **О языкѣ Крылова.** И. И. Срезневскаго.

IV. **О басняхъ Крылова, въ переводахъ на иностранные языки.** А. Ѳ. Бычкова.

V. **Сатира Крылова** и его «Почта Духовъ». Я. К. Грота **.

VI. **Слово въ день столѣтняго юбилея И. А. Крылова.** Преосвященнаго Макарія.

Приложенія къ чтеніямъ.

I. **Пирогъ,** комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. И. А. Крылова (съ предварительною замѣткою В. Ѳ. Кеневича).

II. **Лѣнтяй,** комедія въ стихахъ, соч. И. А. Крылова (съ надписью на автографѣ и предварительною замѣткою).

III. **Кофейница,** комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. И. А. Крылова (съ предварительною замѣткою Я. К. Грота).

Посмертныя мелочи Крылова.

I. **Пиръ,** басня.

II. **Объясненіе Крылова,** по поводу приписанныхъ ему чужихъ стиховъ.

III. **Письмо Крылова** къ В. А. Олениной.

IV. **Замѣтка о нѣкоторыхъ басняхъ Крылова.** Я. К. Грота ***.

---

* Съ тѣхъ поръ появились два замѣчательные перевода: на англійскій языкъ Ральстона и на нѣмецкій Леве. О первомъ изъ нихъ см. замѣтку Я. К. Грота, въ VI т. Сборника, стр. 286. О второмъ замѣтка того же автора (безъ подписи) напечатана въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1874 г., № 61.

** Читана на литературномъ вечерѣ, устроенномъ отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, 3 февраля 1868 г. Напечатаны также въ *Вѣстникѣ Европы*, 1868, за мартъ.

*** Эта замѣтка написана по поводу отзыва о Крыловѣ, какъ о человѣкѣ и баснописцѣ, высказаннаго г. Галаховымъ во II части его *Исторіи Русской Словесности*. Мы сочли необходимымъ привести въ настоящемъ изданіи извлеченія изъ сужденій г. Галахова и сопоставлять ихъ съ мнѣ-

V. **О новомъ англійскомъ переводѣ басенъ Крылова** *. Его же.

VI. **Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова,** В. Ѳ. Кеневича.

VII. **Матеріалы для біографіи Крылова.** Его же **.

VIII. **Матеріалы для біографіи Крылова** (изъ Замѣтокъ, писанныхъ въ 1820 году) В. М. Княжевича.

IX. **Матеріалы для біографіи Крылова,** доставленные М. И. Семевскимъ.

Примѣчаніе Я. К. Грота къ этимъ матеріаламъ заключаютъ документы, касающіеся служебной жизни Крылова.

X. **Снимки съ почерковъ Крылова** ***.

Вѣстникъ Европы, 1868 г. за февраль. И. А. Крыловъ. Біографическій очеркъ. В. Кеневича.

Вѣстникъ Европы, 1868 года за май. Крыловъ и Радищевъ. А. Н. Пыпина. Объ этомъ предметѣ см. замѣтку Я. К. Грота (Сборникъ, т. VI, стр. 39), а также Ист. Рус. Словесности г. Галахова, т. II, стр. V — VII. *Дополненія и поправки.*

Русскій Архивъ, 1868 г., №№ 4 и 5. Любовь баснописца Крылова, замѣтка П. В. Алабина.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1868 г. февраль. О Крыловѣ и его литературной дѣятельности. Н. А. Лавровскій ****.

Русскій Архивъ, 1869 г., № 4. Эпиграма Крылова. И. И. Ханенки.

Русская Старина, 1870 г. май. Посланіе И. А. Крылова къ В. П. I — вой, 1820 г. Сообщ. А. Н. Петровъ. — Анекдоты объ И. А. Крыловѣ. М. Ѳ. де-Пуле.

Русская Старина, 1870 г. за іюль. «Обѣдъ у Медвѣдя», неизданная басня Крылова, сообщ. А. Н. Петровъ и замѣтка объ этой баснѣ. В. Ѳ. Кеневича (стр. 81).

Тамъ же. Разсказы объ И. А. Крыловѣ. Сообщ. В. Ѳ. Кеневичъ и С. А. Соболевскій (стр. 86).

Тамъ же. 1870 г. октябрь. Еще два слова о б. Крылова: «Обѣдъ у Медвѣдя» подписано: *Читатель.* (См выше примѣч. къ этой баснѣ, стр. 114).

Тамъ же. 1871 г. за февраль, *Подщипа*, шуто-трагедія, въ двухъ дѣйствіяхъ въ стихахъ. Сочиненіе И. А. Крылова. 1800 годъ въ селѣ Казацкомъ. (Предварительная замѣтка В. Ѳ. Кеневича и М. И. Семевскаго).

Тамъ же. 1871 г. за май. О вновь найденномъ спискѣ шуто-трагедіи И. А. Крылова. *Подщипа.* Сообщ. А. П. Нордштейнъ (стр. 643).

ніями почтеннаго изслѣдователя нашей литературы. Замѣтка Я. К. Грота составляетъ часть его статьи, напечатанной въ Журналѣ министерства нар. просвѣщенія.

* Рѣчь идетъ о переводѣ Ральстона.

** Всѣ они съ нѣкоторыми дополненіями помѣщаются въ настоящемъ изданіи.

*** Необходимость ихъ объясняется вопросомъ о годѣ рожденія Крылова, который, если не ошибаемся, теперь уже рѣшенъ окончательно.

**** Замѣтки по ея поводу см. Сборн. Ак. Н. VI, стр. 39 и 40.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ

И. А. КРЫЛОВА.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ КРЫЛОВА.

I.

Свѣдѣнія о службѣ А. П. Крылова и о годѣ рожденія И. А. Крылова.

Андрей Прохоровичъ Крыловъ, отецъ баснописца, своею дѣятельностію во время защиты Яика отъ скопищъ Пугачева обратилъ на себя вниманіе автора «Исторіи Пугачевскаго бунта», который призналъ его однимъ изъ главныхъ защитниковъ этой крѣпости. Слава и заслуги его сына даютъ ему еще большее право на вниманіе потомства. Нѣкоторые документы, относящіеся къ его служебной дѣятельности, доставленные намъ изъ Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба, благодаря обязательному содѣйствію Л. Г. Иванова и Г. Н. Александрова, а равно и сохранившіеся въ бумагахъ К. С. Савельева, даютъ возможность сообщить нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о судьбѣ и заслугахъ почтеннаго воина.

Изъ указа объ его отставкѣ, даннаго 14 мая 1775 года, узнаемъ, что А. П. Крыловъ происходитъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; умѣлъ читать и писать, но наукамъ не учился. Въ 1751 году* 6-го сентября онъ поступилъ на службу въ Оренбургскій драгунскій полкъ рядовымъ; прошелъ должности ротнаго писаря, каптенармуса, сержанта, и наконецъ 1-го января 1764 года произведенъ въ прапорщики. Черезъ два года (1766 г. 1-го января) его пожаловали въ поручики того же полка, какъ видно изъ даннаго ему на этотъ чинъ диплома а 1-го марта 1772 г. въ капитаны. Въ этомъ чинѣ онъ по-

* По формуляру 1769 г.

ступилъ подъ команду генералъ-маіора Фреймана, командированнаго въ 1772 г. противъ мятежныхъ Яицкихъ козаковъ; а въ 1774 г. перешелъ подъ начальство полковника Симонова, отряженнаго для защиты Яицкаго городка, который бунтовщики держали въ осадѣ съ 30-го декабря 1773 по 16-е апрѣля 1874 г. Приводимъ изъ прошенія объ отставкѣ то мѣсто, гдѣ А. П. описываетъ свою дѣятельность и положеніе гарнизона... «во время чинимыхъ отъ злодѣевъ на ретранжаментъ неоднократно приступовъ и покушеній, имѣя въ вѣдѣніи моемъ отдѣленной фасъ, оной во всякое время ревностно оборонялъ, да и къ подкрѣпленію другихъ опасныхъ мѣстъ былъ же употребляемъ; а наконецъ, когда въ пропитаніи людямъ наступилъ крайній недостатокъ и опасность настояла, чтобы солдаты, не стерпя голоду, не оставили свою должность, имѣя въ вѣдѣніи моемъ шестую легкую полевую команду, всѣ силы употреблялъ черезъ увѣщанія и обнадеженіи прибытіемъ скорѣйшаго сикурса, о чемъ ни малѣйшаго извѣстія ни откуда не было, подкомандующихъ въ должномъ послушаніи удержать, которые удобнѣе наконецъ согласились, по неимѣнію всякой пищи, землю ѣсть. Слѣдовательно и доказали изъ того, что лучше померетъ хотѣли, нежели присяжную свою должность презрѣть; въ таковыхъ обстоятельствахъ и я самъ съ ними какъ въ пищѣ, такъ и во всемъ равному недостатку и всѣмъ трудностямъ былъ подверженъ» *.

Послѣ освобожденія Яицкаго городка отъ осады, капитану Крылову поручено было произвести поиски за измѣнниками, «коихъ онъ», по засвидательствованію генералъ-маіора П. Потемкина**, «не малое число привелъ къ должности».« А какъ гвардіи капитанъ-поручикъМавринъ» ***, продолжаетъ П. По-

* Намъ кажется, что напрасно гр. Саліасъ въ своемъ романѣ «Пугачевцы» перевелъ маленькаго И. А. Крылова въ Яикъ. Соблюденіе исторической правды не нарушило бы достоинствъ его повѣствованія; напротивъ, Яицкій герой выигралъ бы болѣе: онъ былъ бы гораздо драматичнѣе, ибо жертвовалъ бы собою въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что дѣлается съ его женою и дѣтьми въ Оренбургѣ.

** Начальника секретной коммиссіи.

*** Членъ секретной коммиссіи; онъ находился въ Яицкомъ городкѣ въ сентябрѣ 1774 г. и производилъ тамъ первый допросъ выданному своими сообщниками Пугачеву. (*Матеріалы для ист. п. б.*, *Зап. Ак. Н.* т. I, кн. 2)

темкинъ, «посланъ былъ отъ меня со отдѣленною коммиссіею въ Уральскъ тогда онъ, Крыловъ, въ его, Маврина, вѣдѣніи состоялъ и всѣ его повелѣнія, касающіяся по долгу службы исправлялъ, съ таковымъ усердіемъ и ревностію, какъ надлежитъ вѣрноподданному ея императорскаго величества рабу».

Въ мартѣ 1775 года А. П. подалъ челобитную объ «увольненіи его отъ воинской въ статскую службу», при чемъ ссылался на разстроенное здоровье, находя себя болѣе способнымъ къ статской службѣ, нежели къ военной, и на узаконеніе о вольности дворянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы его за «безпорочную и ревностнѣйшую службу, при сей перемѣнѣ, какъ онъ уже въ послѣднемъ чинѣ состоялъ три года, въ переименованіи изъ воинскаго чина въ статской повышеніемъ всемилостивѣйше повелѣно было наградить».

Вслѣдствіе этого прошенія, 28-го апрѣля состоялось опредѣленіе военной коллегіи, гдѣ между прочимъ сказано: «капитанъ Крыловъ... за слабостію здоровья отъ воинской службы отставленъ, а какъ онъ желаетъ къ статскимъ дѣламъ, каковыя при опредѣленіи награждаются не воинскими, но статскими чинами отъ правительствующаго сената, то тѣмъ же чиномъ и съ симъ ея императорскаго величества указомъ отпущенъ на его пропитаніе, и при томъ ему объявлено, чтобы онъ о опредѣленіи къ статскимъ дѣламъ просилъ гдѣ надлежитъ». Указъ этотъ данъ былъ въ Москвѣ 14-го мая 1775 года.

Не удовлетворенный рѣшеніемъ военной коллегіи, Крыловъ 22-го іюня того же года обратился съ слѣдующимъ прошеніемъ къ П. С. Потемкину, которое наводитъ на мысль что дѣйствительною причиною его отставки была обида, а не разстроенное здоровье.

«Принеся вашему высокопревосходительству чрезъ покойнаго атамана Бородина * мою всенижайшую просьбу, хотя изливаемаго на всѣхъ вашего милосердія и не отчаяваюся, но внаступающее торжество мира ** и что за кончиною того милостивца, можетъ статься, уже припомнить обо мнѣ некому,

* Мартеміанъ Бородинъ — старшина Яицкаго войска, преслѣдовавшій Пугачева послѣ отраженія его отъ Царицына.

** Кучукъ-Кайнарджискаго, празднованнаго 10-го іюля 1775 года.

осмеливаюся внадеждѣ безприкладной милости вашему высокопревосходительству съ моимъ наиглубочайшимъ подобострастіемъ доложить. Слухъ здѣсь носится, что 10-го числа іюля ея императорскаго величества милостію имѣютъ быть многіе награждены. Не возможно ль, высокомилостивѣйшій гдрь, и меня пріобщить къ числу тѣхъ. Тамъ всеконечно многихъ чиновъ заслуги взыщутся; а я во всю въ Уральскомъ городкѣ осаду, которая столь изъ рѣдкихъ, что едва ль по исторіи другая ей подобна сыщется, будучи при комендантѣ подъ нимъ вторымъ, при всякомъ случаѣ всѣ силы употреблялъ, какъ къ преодоленію непріятеля, такъ вразсужденіи ретраншамента и всѣхъ онаго укрѣпленій, а наиболѣе воинской предосторожности въ попеченіи и наблюденіи нужнаго распорядка, такъ что не было никакого и малѣйшаго предначертанія ниже дѣйствія, въ которомъ бы я совершеннаго участія не имѣлъ, ибо естьли я не больше, что изъ пристойности неприлично выговорить, то по послѣдней мерѣ неменьше самаго командира во всѣхъ подробностяхъ распростирался. О чемъ, уповаю, каждый изъ бывшихъ въ помянутой блокадѣ можетъ по справедливости засвидѣтельствовать. Знаю, высокомилостивѣйшій гдрь, что меня, какъ и каждаго непремѣнной долгъ къ тому обязуетъ; но ея величеству благоугодно все заслуги милостиво награждать; а такимъ особамъ, какъ ваше высокопревосходительство за безгласныхъ людей заступаться. И такъ не отрыньте, премилосердый гдрь, усерднѣйшаго прошенія на ваше отеческое заступленіе все свое упованіе полагающаго, который тѣмъ наиболѣе милость своего мецената долженствовать будетъ чувствовать, что мѣнше щастія имѣетъ вашему высокопревосходительству быть въ состояніи оную когда либо заслужить, какъ только съ наиглубочайшимъ решпѣктомъ къ знаменитому вашего высокопревосходительства имени и со всеусерднымъ подобострастіемъ быть, называться не перестанетъ во всю свою жизнь,

Всемилостивѣйшій государь,

Вашего высокопревосходительства

всенижайшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою *.

* Съ черновой, сохранившейся въ бумагахъ, принадлежавшихъ г. Савельеву.

Вслѣдствіе этого письма П. Потемкинъ, 7-го іюля 1775 г., сдѣлалъ представленіе въ военную коллегію, въ которомъ, исчисливъ заслуги капитана Крылова во время осады Яицкаго городка и послѣ, просилъ не оставить его безъ награжденія. «Принимая во уваженіе сего офицера отличную службу», писалъ онъ, «задолжное почелъ представить и покорнѣйше просить, чтобъ противу другихъ его братіи въ награжденіи оставленъ не былъ». Но военная коллегія, основываясь на томъ, что капитанъ Крыловъ уже уволенъ отъ военной службы къ статскимъ дѣламъ и что награжденіе его зависитъ отъ правительствующаго сената, опредѣлила (7 августа 1775 г.) сообщить объ его похвальной службѣ въ герольдмейстерскую канцелярію, для вѣдома промеморіею, что и было исполнено 12-го августа того же года.

Полагать надо, что герольдмейстерская канцелярія не обратила вниманія на промеморію военной коллегіи, потому что А. П., три года спустя, умеръ (на 41 году) * въ чинѣ коллежскаго ассесора, слѣдовательно, не получивъ повышенія.

---

* Въ указѣ объ отставкѣ ему показано 37 лѣтъ.

** Что служба была для него не мать, а мачиха, видно изъ слѣдующихъ документовъ, извлеченныхъ нами изъ Московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба, которые прилагаемъ въ ихъ подлинномъ видѣ. (Считаемъ долгомъ благодарить г. Александрова за указаніе намъ этихъ документовъ). (Изъ дѣлъ армейскаго повытья, опись II. № 687). Письмо къ графу Чернышеву.

Сіятельнѣйшій Графъ!
Высокомилостивѣйшій Гднѣ,
Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Ежели въ справедливости своей, позволяется каждому приносить въ надлежащихъ мѣстахъ жалобы, и чрезъ то надѣяться удовольствія; то кажется всемилостивѣйшій Гдрь! и я лишняго тѣмъ недѣлалъ, что о исключеніи меня безъвинно изъ московскаго лѣгеона, а за то самое о лишеніи капитанскаго чина подалъ по командѣ прошеніе, которое на сей почтѣ и въ Государственную военную коллегію отправлено. Но какъ я знатныхъ у себя патроновъ, не только въ Петербургѣ, но и нигдѣ по бѣдности моей не имѣю, то не остается другова средства, какъ въ покровъ къ вашему высокографскому сіятельству прибѣгнуть.

Удивите великодушный Герой! высокую вашу милость вразсмотрѣніи по сему челобитью, сущей моей безвинности, и вдоставленіи того на капитанскій чинъ права, которое совсемъ напрасно у меня отнято. Самая дерзость, къ толь высокой особѣ, сего прошенія доказываетъ, сколько,

Извѣстно, что послѣ смерти А. П. семейство его впало въ крайнюю нищету. Марья Алексѣевна, мать поэта, убѣдившись въ безполезности всѣхъ ея хлопотъ о пенсіи за службу мужа, принуждена была наконецъ опредѣлить своего старшаго сына подканцеляристомъ въ калязинскій уѣздный судъ. Какъ свидѣтельство тогдашняго ея положенія, сохранилось ея прошеніе на высочайшее имя, заключающее въ себѣ нѣсколько интересныхъ данныхъ; а потому предлагаемъ его вполнѣ.

«Всемилостивѣйшая Государыня! Сердобольное вашего величества ко всѣмъ несчастнымъ снисхожденіе и милость, вли-

---

высокомилостивѣйшій Гдрь! чувствительно мнѣ оное приключеніе, какъ отъятіе такой причинитъ, которая не меньше и мнѣ какъ многимъ всей службы почти основаніемъ: и сколь великимъ благодѣяніемъ для меня быть можетъ сіе Вашего высокографскаго сіятельства безпримѣрное и прямое отческое снисхожденіе!

Утруждать въ семъ письмѣ подробностію дѣла онаго я уже недерзаю, для того что изъ челобитной усмотрѣть то соизволите: но смѣю вашему Высокографскому Сіятельству предварительно симъ донесть (когда прежде челобитной сіе получить изволите), что не быть въ московскомъ лѣгеонѣ и чрезъ то лишится слѣдовавшаго намъ съ Поставаловымъ тамъ законно производства, ни самой малой, какую только представить можно, причины мы не подали: чѣмъ несказанно увеличивается наше нещастіе. И сіе то даетъ мнѣ смѣлость Ваше высокографское Сіятельство просить о защищеніи, не смотря на то, что совсемъ знать обо мнѣ не изволите, и что отъ персоны, которую я утруждаю не менѣе я отстою, какъ земля отъ неба!

Естлибъ я за сіе дерзновеніе отъ Вашего Высокографскаго Сіятельства опасался гнѣва, то бы сумневался еще о томъ славномъ великодушіи и справедливости, которые въ персонѣ вашего сіятельства обитаютъ: но я на оные столько полагаюсь, что при всей моей низости велику вгорести своей получаю изъ того отраду, что пустился въ сіе предпріятіе. Не презрите Высокомилостивѣйшій Гдрь! Усердно о семъ просящаго и всю свою надежду, а съ нею и самаго себя отеческому В-го Высокографскаго Сіятельства благоволенію съ искреннимъ благоговеніемъ препоручаю! который за щастіебъ себѣ счелъ, чтобы вовсю свою жизнь быть и называться

Сіятельнѣйшій Графъ
Всемилостивѣйшій Гдрь!
Вашему Высокографскому сіятельству
преданнѣйшимъ рабомъ
Андрей Крыловъ.

Февраля 4 дня
1771 года
Изъ Оренбурга.

ваютъ смелость всѣмъ, бѣдствіямъ подверженнымъ, припадая къ престолу Вашему, искать облегченія своего бремени, и утешенія своимъ горестямъ.

«Я исчисла сихъ нещастныхъ. Мужъ мой сего году марта 17 числа, по власти Божіей окончившей жизнь, тверскаго намѣстничества губернскаго магистрата председатель, коллежскій ассесоръ Андрей Крыловъ вслужбѣ вашего імператорскаго величества находился съ 751 года, сперва въ оренбургскомъ гарнизонѣ, а потомъ вполевой службѣ капитаномъ, и, командуя шестою полевою командою, въ многократныхъ противъ Уральскихъ мятежниковъ военныхъ дѣйствіяхъ и въ

Справка.

Прошлаго 1770 года сентября 22 дня въ военную коллегію Господинъ Генералъ Маіоръ и москов. Легіона командиръ Баннеръ при рапортѣ представилъ о произведенныхъ имъ Московскаго Легіона оберъ-офицерахъ съ старшинствомъ прошлаго 770 года іюля съ числа 1 списокъ, по которому между прочимъ показано Поручикъ Андрей Крыловъ—отъ роду 35 лѣтъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей въ службѣ съ 751 года сент. 6. И проходилъ чинами ротнымъ писаремъ 756 окт. 11, каптенармусомъ 758 ноября 12, сержантомъ 759 сент. 20, прапорщикомъ 764 генваря 1, поручикомъ 766 генв. 1. Въ походахъ и штрафахъ не бывалъ, по аттестату полковника Бринка показано, что онъ Крыловъ по карабинерной службѣ парадными вещами исправлять себя не въ состояніи, впѣхоту однако ко оной несродности съ повышеніемъ капитанскаго чина исключенъ въ драгунскіе полки.

И по опредѣленію военной коллегіи учиненному тогда сент. 29 дня велѣно онаго порутчика Крылова, какъ онъ по карабинерной службѣ парадными вещами исправлять себя не въ состояніи и атестовался въ пѣхоту однако по несродности назначенъ къ исключенію въ драгунскіе полки чегоради его для опредѣленія вдрагунскіе полки оренбургскаго корпуса необъявляя капитанскаго тѣмъ же поручьичимъ чиномъ отправить въ Оренбургъ къ Генер. Маіору Давыдову, которому его въ тѣ полки и причислить, и когда ему по старшинству приходить будетъ линія по тѣмъ Драгунскимъ полкамъ и повышенію то тогда по произведенія его въ капитаны, поступить на основаніи законовъ о чемъ и генералъ-маіору Браннеру и Давыдову указы изъ коллегіи посланы.

Прошеніе на Высочайшее имя. (Опись 32 связка 1-я армейскаго повытья № 4406.

Бьетъ челомъ шестой легкой полевой команды капитанъ Андрей Прохоровъ сынъ Крыловъ, а о чемъ мое челобитіе, тому слѣдуютъ пункты:

1-е.

Въ службѣ вашего Имп. вел-ва нахожусь я съ 752 года сентября съ 6 числа, изъоберъ-офиц. дѣтей; чинами происходилъ: 772 съ марта 6

осадѣ отъ сихъ же злодѣевъ въ Уральскомъ городкѣ былъ, причемъ оказалъ отменную ревность и храбрость. Наконецъ истоща всѣ силы, по окончаніи уже всѣхъ тамъ бывшихъ неспокойствъ въ 775 году просилъ о опредѣлѣніи встатскую службу, почему и отъставленъ съ чиномъ коллежскаго ассесора и опредѣленъ втверское наместничество; а хотя онъ былъ і изъ оберъ офицерскихъ дѣтей, но никакихъ вотчинъ и ниже такого достатка, коимъ бы я себя здѣтьми и семействомъ, содержать могла, неимѣлъ, а содержалъ себя однимъ токмо жалованьемъ; то я нынѣ лишеніемъ его съ двумя сынами, изъ коихъ одному десятой, а другому второй годъ,

---

числа капитаномъ, продолжая оную по 764 годъ въ оренбургскомъ гарнизонѣ, а стого времени и понынѣ въ поле; въ штрафахъ и въ преступленіяхъ никакихъ не бывалъ, отроду имѣю 37 лѣтъ; въ походахъ былъ въ 769 года по причинѣ турецкой войны изъ оренбургской губерніи съ бывшимъ въ троицкой крѣпости оренбургскимъ драгунскимъ полкомъ в астрахань; продолжая походъ сей по дальности разстоянія не только черезъ всю зиму но и въ половинѣ лѣта. Въ 772 г. вкомандированномъ противъ мятежниковъ Яицкихъ казаковъ корпусъ подъ командою Г. Г. Фреймана, гдѣ во время тѣхъ бунтовщиковъ двоекратнаго на насъ нападенія и въ дѣйствительномъ сраженіи находился. Въ 774 году былъ же съ прочими въ учиненой отъ бунтовщиковъ въ яицкомъ городкѣ воинскихъ командъ блокадѣ декабря съ 30 апрѣля по 16 число, гдѣ во время чинимыхъ отъ злодѣевъ на ретранжаментъ неоднократно приступовъ и покушеній, имѣя въ вѣдѣніи моемъ отдѣльный фасъ, оной во всякое время ревностно оборонялъ, да и къ подкрѣпленію *другихъ* опасныхъ мѣстъ былъже употребляемъ, а наконецъ когда въ пропитаніе людямъ наступилъ крайній недостатокъ и опасность настояла, что солдаты не стерпя голоду не оставили свою должность, имѣя въ вѣдѣніи моемъ шостую легкую полевую команду всѣ силы употребилъ чрезъ увѣщанія и обнадеженія прибытіемъ скорѣйшаго секурса, о чемъ ни малѣйшаго извѣстія ниоткуда не было; подкомандующихъ въ должномъ послушаніи удержать, которые удобнѣе наконецъ согласились по неимѣнію всякой пищи землю ѣсть, слѣдовательно и доказали изъ того, что лучше помереть хотѣли, нежели присяжную свою должность презрѣть. Въ каковыхъ обстоятельствахъ и самъ съ ними какъ въ пищѣ, такъ и во всемъ ровному недостатку и всѣмъ трудностямъ былъ подверженъ *къ сей*

2.

Нынѣжъ по слабости моего здоровья нахожу болѣе за способнаго въ штатской чѣмъ въ военной службѣ быть, о чемъ слѣдуя вашего Имп. Вел-ва о вольности дворянства высочайшему узаконенію и просьбу мою принять за дозволенное почитаю, *челобитной.*

всѣмъ произходящимъ отъ крайней бѣдности жесточайшимъ слѣдствіямъ преданная, безъ подкрѣпленія вашего императорскаго величества матернія щедроты впаду въ неминуемое отчаяніе.

«Всемилостивѣйшая Государыня! всей моей крайности дерзаю припасть ко освященнымъ вашего величества стопамъ и повергнутъ себя здѣтьми вбеспримѣрныя вашего величества матернія щедроты, воззрите милостиво на наше нещастное состояніе и, принявъ воуваженіе двадцати семи лѣтнюю мужа моего беспорочную и ревностную службу, повелите на пропитаніе наше и на воспитаніе дѣтей опредѣлить что вашему величеству всевышній Богъ на сердце положитъ.

Всемилостивѣшая Государыня,
вашего величества
всеподданнѣйшая раба *.

И дабы Высочайшимъ В. И. В-ва приказомъ повелѣно было сіе мое челобытіе принять и меня отъ воинской службы уволя опредѣлить въ статскую, куда за способнаго могу быть признанъ, за безпорочную В-му И-му В-ву и ревностнѣйшую мою службу при сей премѣнѣ, какъ я уже въ послѣднемъ чинѣ состою 3 года въ переименованіи изъ воинскаго чина въ статскій и повышеніемъ всемилостивѣйше наградить. *Капитанъ* Всем. Государыня, прошу вашего И-го Вел-ва о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Марта дня ...1775 года къ подаціи надлежитъ въ государственной военной коллегіи. *Челобитную писалъ за неимѣніемъ здѣсь въ Уральскомъ городкѣ гербовой на простой бумагѣ шестой легкой полевой команды сержантъ Андронъ Маниловъ сынъ Кучинъ. Андрей Прохоровъ сынъ Крыловъ руку приложилъ.*

Въ Государственную Военную Коллегію
Отъ Генералъ-Маіора и кавалера Потемкина
Рапортъ.

Шестой легкой полевой команды капитанъ Андрей Крыловъ во время причиненныхъ государственнымъ злодѣемъ Пугачовымъ разореній, находился въ Уральскомъ городкѣ и когда отъ бунтовщиковъ состоящій воономъ ретранжаментъ былъ въ обложеніи, тогда состоялъ онъ подъ командою полковника Симонова. Будучи въ ретражаментѣ, преимущественно отъ другихъ подавалъ собою примѣръ подчиненнымъ къ храброй оборонѣ отъ злодѣевъ и вооживданіи сикурса претерпѣвалъ всякую нужду. Какъ же городъ Уральскъ отъ злодѣевъ освобожденъ сталъ, тогда онъ, Крыловъ,

---

* Съ черновой, сохранившейся въ бумагахъ г. Савельева, написанной писарскою рукою и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправленной другою рукою, вовсе не писарскою.

*

Какія послѣдствія имѣло это прошеніе для семейства Марьи Алексѣевны и даже было-ли оно отослано—не знаемъ; но для насъ оно имѣетъ весьма важное значеніе, потому что даетъ возможность разрѣшить недоразумѣнія и устранить противорѣчія, которыя находимъ въ біографіяхъ нашего баснописца, составленныхъ преимущественно на основаніи собственныхъ его разсказовъ. Такъ, въ статьѣ Лобанова сказано: «Онъ (Иванъ Андреевичъ) лишился его (отца) на 13-мъ году своей жизни, т. е. въ 1781 году». По словамъ же Плетнева, А. Пр. долженъ былъ отправиться въ Оренбургъ въ 1777 г., а умеръ въ 1780 году, когда Ивану Андреевичу было одиннадцать лѣтъ (X, XI стр.). Эти противорѣчивыя показанія вмѣстѣ съ другими данными, столь же сомнительными, дали поводъ Я. К. Гроту высказать весьма правдоподобное предположеніе, что Иванъ Андреевичъ родился раньше 1768 г., напримѣръ, въ 1764 г. (См. Сборникъ II Отд. Имп. Акад. Н. т. VI. *Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ*).

Если Андрей Прохоровичъ опредѣлился на службу въ 1751 году, какъ показано въ его формулярномъ спискѣ, и прослужилъ двадцать семь лѣтъ, что видно изъ приведеннаго выше прошенія, то онъ умеръ въ 1778 году. Умирая, онъ оставилъ двухъ сыновей, изъ коихъ старшему, т. е. Ивану Андреевичу, былъ *десятый* годъ, а младшему, Льву, *второй*; отсюда слѣдуетъ, что Иванъ Андреевичъ родился въ 1768 г., а его братъ 1776 г. Такой выводъ совершенно согласенъ съ собственнымъ показаніемъ Льва Андреевича: 6-го января 1823 г. въ письмѣ своемъ къ брату онъ между прочимъ го-

---

посланъ былъ для поисковъ надъ измѣнниками коихъ немалое число привелъ къ должности, а какъ гвардіи капитанъ поручикъ Мавринъ посланъ былъ отъ меня съ отдѣльною комиссіею состоялъ и всѣ его повелѣнія, касающіяся къ дѣлу службы исправлялъ съ таковымъ усердіемъ и ревностію, какъ надлежитъ вѣрноподданному Ея Им. Величества рабу. Принимая во уваженіе сего офицера отличную службу за должное почелъ представить и покорнѣйше просить, чтобы противу другихъ его братіи въ награжденія оставленъ не былъ.

Генералъ-Маіоръ Павелъ Потемкинъ.

Іюня дня
1775.

ворить: «Мы теперь оба становимся старики, ибо мнѣ скоро 46 лѣтъ кончится (а въ службѣ 37-й годъ съ сентября пошелъ), а тебѣ, голубчикъ тятенька, 54 скоро минетъ», т. е. 2-го февраля 1823 г. Иванъ Андреевичъ вступилъ въ 55-й годъ жизни.

II.

Служба И. А. Крылова до первой отставки.

Какъ сказано выше, бѣдность принудила Марью Алексѣевну прервать ученическія занятія сына и опредѣлить его на службу. Въ атестатѣ, выданномъ ему въ 1810 г. 30 сентября, при увольненіи отъ службы въ монетномъ департаментѣ, сказано: «...въ службу вступилъ въ калязинскій уездный судъ подъканцеляристомъ 1781 года февраля 2-го дня» (т. е. ровно 14-ти лѣтъ).

«Того жъ года декабря 4-го дня переведѣнъ въ тверской губернскій магистратъ, канцеляристомъ.

»782 года января 10-го по увольненіи отъ туда опредѣленъ въ санктпетербургскую казенную палату темъ же чиномъ *, гдѣ произведенъ 785 апреля 6-го провинціальнымъ секретаремъ.

«788 марта 11-го изъ оной по прошенію уволенъ и опредѣленъ въ кабинетъ его императорскаго величества.

«790 декабря 7-го изъ онаго за болѣзнію уволенъ» **.

Предпослѣдній (1789) годъ службы Крылова замѣчателенъ участіемъ его въ издаваемомъ Рахманиновымъ журналѣ *Почта Духовъ*, который и печатался въ его типографіи; хотя въ то время и не было обычая обозначать на заглавномъ листѣ, гдѣ печаталась книга, однакожъ по вензелю на оборотѣ перваго листа (И. Р.) изданныхъ Рахманиновымъ журналовъ: *Утренніе Часы* (1788 г.) и *Почта Духовъ* (1789) должно заключить, что типографія принадлежала ему, а не

* Переписка, возникшая по причинѣ этого перевода, сохранилась въ архивѣ тверскаго губернскаго правленія; она была напечатана въ *Спб. Пчелѣ* 1846 г. № 292.

** Ср. *Вѣстн. Евр.* 1868 г. № III стр. 221.

Крылову*. Единственное извѣстное намъ свидѣтельство объ участіи Крылова въ послѣднемъ изъ этихъ журналовъ заключается въ собственныхъ его словахъ, сказанныхъ Быстрову: «Помнится, мой милый, что разъ поссорились мы съ Рахмановымъ (sic) за то, какое дать названіе журналу» (*Сѣв. Пч.* 1845, № 203). Что здѣсь рѣчь идетъ о *Почтѣ Духовъ*, въ томъ нельзя сомнѣваться, потому что въ 1802 г. Крыловъ вторично издалъ этотъ сборникъ, на что, конечно, не рѣшился бы, еслибъ не считалъ его собственностію. Это обстоятельство подтверждаетъ мнѣніе Я. К. Грота, что такъ какъ Крыловъ «признавалъ *Почту Духовъ* за свой трудъ,

* Въ статьѣ, напечатанной въ *Русскомъ Инвалидѣ* (1868 г. 2 февр. № 31) высказана мысль, что Крыловъ вышелъ въ отставку вслѣдствіе связи своей съ Радищевымъ, который въ томъ же году издалъ свою книгу. Если бы было такъ, то, вѣроятно, его удалили бы изъ кабинета, какъ неблагонадежнаго человѣка, немедленно по открытіи его неблагонадежности; между тѣмъ мы видимъ, что онъ почти полгода послѣ выхода въ свѣтъ *Путешествія въ Москву* остается на службѣ (это сочиненіе появилось въ іюнѣ 1790 г. (*Зап.* Храповицкаго, 26-го іюня этого года).

Въ біографическомъ очеркѣ Крылова, напечатанномъ нами въ *Вѣстникѣ Европы* (1868 г. № 2, стр. 712) сказано, что Крыловъ долженъ былъ закрыть типографію и прекратить изданіе журнала вслѣдствіе подозрѣнія, будто онъ участвовалъ въ изданіи книги Радищева. Почитаемъ своею обязанностію объясниться. Весь этотъ разсказъ (какъ и сказано въ *Очеркѣ*) переданъ нами почти буквально со словъ покойнаго Н. И. Греча, которому мы не могли не вѣрить тѣмъ болѣе, что и самъ Крыловъ въ разговорахъ своихъ съ Быстровымъ намекалъ на полицію, бывшую, повидимому, причиною прекращенія его типографической дѣятельности. Изложенные факты свидѣтельствуютъ, что разсказъ Греча совершенно не вѣренъ: въ 90 году у Крылова не было типографіи, и самъ онъ спокойно оставался на службѣ (о типографіи Крылова и причинѣ ея закрытія см. ниже). Всѣ эти соображенія даютъ поводъ думать, что между Радищевымъ и издателями *Почты Духовъ* не было никакихъ литературныхъ отношеній; а если и были, то весьма отдаленныя. Что же касается до посѣщенія полицейскимъ чиновникомъ типографіи Рахманинова (а не Крылова, какъ сказано въ *Очеркѣ*), то нѣтъ никакой причины отвергать достовѣрность этого факта: весьма вѣроятно, что Шешковскій, получивъ приказаніе произвести слѣдствіе надъ Радищевымъ, прежде, чѣмъ тотъ сознался, что напечаталъ свое сочиненіе въ домашней типографіи, купленной у Шнора, разослалъ своихъ сыщиковъ по всѣмъ типографіямъ, чтобы развѣдать, гдѣ напечатана его книга. Такъ, а не иначе и должно было ему поступить, потому что въ переданныхъ ему замѣчаніяхъ Императрицы 1-й пунктъ указывалъ на то, что на книгѣ не означено типографіи.

и во всякомъ случаѣ былъ ея главнымъ редакторомъ, то приходится включить ее въ составъ его сочиненій» (*Вѣстн. Евр.*, 1868 г. № III, стр. 222).

Первый годъ по выходѣ въ отставку (1791) Крыловъ провелъ въ провинціи, именно, въ брянскомъ уѣздѣ, гдѣ по словамъ г. Алабина (*Рус. Арх.* 1868 г. № 4 и 5, стр. 864) познакомился съ Анной Алексѣевной Константиновой, которой посвятилъ свои стихотворенія, появившіяся въ печати въ 1793 г. въ *Меркуріи*, вѣроятно, послѣ окончательнаго разрыва его съ семействомъ Константиновыхъ.

III.

1791—1796 г.

Крыловъ-типографъ

и 1797—1811 г.

Въ *Опытѣ* Сопикова (ч. I, стр. CXIX) о типографіи Крылова находимъ слѣдующее извѣстіе: «Когда въ 1783 году указомъ Генваря 15-го дана свобода всякому подъ надзираніемъ полицейской цензуры заводить оныя (типографіи), то въ С.-Петербургѣ немедленно открылись вольныя типографіи: Брейткопфа, Вильковскаго, Гека, П. Богдановича, Крылова, Мейера и другихъ». Лонгиновъ въ своемъ сочиненіи: «Новиковъ и московскіе мартинисты» (стр. 282) также относитъ типографію Крылова къ числу существовавшихъ въ осьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Но внимательное разсмотрѣніе этого предмета приводитъ совершенно къ инымъ заключеніямъ.

Г. Пыпинъ въ своей статьѣ «Крыловъ и Радищевъ» (Вѣстникъ Европы, 1868 г. кн. 5) высказалъ предположеніе, что въ «Почтѣ Духовъ» принималъ участіе Радищевъ. По поводу этого предположенія, высказали свои мнѣнія Я. К. Гротъ (Сборникъ II отд. Им. Ак. Н. т. VI, стр. 39) и г. Галаховъ (Ист. р. сл. т. II), вторая половина, 1875 г. *Дополненія и поправки*, стр. V—VII. Оба эти ученые опровергаютъ мысль г. Пыпина. Мы же съ своей стороны должны заявить, что не могли найти никакихъ данныхъ, которыя опровергали бы предположеніе г. Пыпина и потому принуждены согласиться съ мнѣніями г.г. Грота и Галахова.

Типографское общество, во главѣ котораго стоялъ Крыловъ, начало свою дѣятельность въ 1792 году изданіемъ ежемѣсячнаго журнала *Зритель*, на заглавномъ листѣ котораго означена типографія «Крылова съ товарищами». Съ этою надписью появляются книги до 1796 года. Единственнымъ свидѣтельствомъ существованія типографіи Крылова въ этомъ году остается изданіе *Приключеній шевалье де Фобласа, соч. Лувета де Кувре*, перев. съ французскаго, въ 13 частяхъ, начатое еще въ 1792 году и окончившееся въ 1796 г. *.

Надо полагать, что дѣятельность типографіи Крылова была весьма ограниченная: въ Смирдинской Росписи мы нашли только десять изданій, вышедшихъ изъ этой типографіи, и всѣ они весьма незначительны по объему; указъ императора Павла объ упраздненіи всѣхъ типографій, за исключеніемъ состоящихъ при присутственныхъ мѣстахъ **, положилъ конецъ и этой дѣятельности.

1797—1801 годы, ничѣмъ особеннымъ не отмѣченные въ біографіи Крылова, проведены имъ въ имѣніи князя С. Ѳ. Голицина, Казацкомъ. Свѣдѣнія объ этой эпохѣ жизни баснописца сообщены Я. К. Гротомъ въ статьѣ, помѣщенной въ Сборникѣ II Отд. Имп. Имп. Ак. Наукъ, т. VI, подъ заглавіемъ: *Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ*.

Осенью 1801 г. князь Голицынъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Ригу, и Крыловъ «801, октября 5-го опредѣленъ по указу правительствующаго сената къ нему секретаремъ, гдѣ произведенъ 802-го декабря 31-го губернскимъ секретаремъ» *. Эту должность онъ оставилъ въ сентябрѣ 1803 года, что видно изъ слѣдующаго аттестата, даннаго ему княземъ Голицынымъ:

«Отдавая справедливость прилежанію и трудамъ служившаго при мнѣ секретаремъ губернскаго секретаря Крылова, сопрягающаго съ расторопностію, съ каковою онъ выполнилъ

---

* См. Смирдинскую Роспись.

** Полное собр. законовъ, т. XXIV, № 17811, декабрь 1796.

*** Атестатъ 1810 года.

всѣ на него возложенныя дѣла, какъ хорошее познаніе должности, такъ и отличное поведеніе, долгомъ почитаю засвидѣтельствовать симъ, что достоинства его заслуживаютъ вниманія. Рига, Сентября 26-го дня 1803 года«. Подписано: «князь Голицынъ».

Что происходило съ Крыловымъ въ теченіе слѣдующихъ за тѣмъ двухъ лѣтъ (1804 и 1805), неизвѣстно: ни въ бумагахъ его, ни въ перепискѣ Льва Андреевича, которая въ это время прерывается, не сохранилось никакихъ извѣстій *. Я. К. Гротъ весьма основательно предполагаетъ, что именно къ этому времени относится его полукочевая жизнь и страсть къ карточной игрѣ, заманившая его между прочимъ на нижегородскую ярмарку, о чемъ онъ самъ впослѣдствіи разсказывалъ Н. И. Гречу (см. *Біограф. Очеркъ*, *Вѣстн. Европы*, № II, стр. 714).

Въ концѣ 1805 г. онъ былъ въ Москвѣ, гдѣ написалъ первыя три басни, заимствованныя изъ Лафонтена и напечатанныя И. И. Дмитріевымъ въ первыхъ книжкахъ *Московскаго Зрителя*, издаваемаго кн. Шаликовымъ.

1806-й годъ онъ, кажется, провелъ въ Петербургѣ, и мы думаемъ, что именно къ этому времени должно отнести происшествіе, о которомъ впослѣдствіи онъ разсказывалъ Гречу: вмѣстѣ съ какими-то шулерами онъ былъ призванъ къ генералъ-губернатору, который объявилъ имъ, что они подлежатъ высылкѣ изъ столицы (см. *Біограф. Очеркъ*, *Вѣстн. Евр.* 1868, № 2). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ этомъ году приняты были новыя мѣры противъ азартныхъ игръ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. (См. *Полн. Собр. Зак.* т. XXIX, № 22107).

1807 годъ былъ посвященъ театру. Въ этомъ году были написаны и поставлены на сцену комедіи: *Модная Лавка* и *Урокъ Дочкамъ* и волшебная опера *Илья Богатырь*.

1808 годъ особенно замѣчателенъ въ жизни нашего поэта;

---

* Въ 1804 г. 25-го января была играна въ Московскомъ театрѣ его комедія *Пирогъ* въ пользу Сандунова; но отсюда не слѣдуетъ, кажется, заключать, что самъ авторъ долженъ былъ находиться въ Москвѣ.

не переставая служить развитію драматическаго искусства, для чего онъ находилъ необходимымъ издавать спеціальный журналъ, который, дѣйствительно, выходилъ въ теченіе 1808 года подъ заглавіемъ: *Драматическій Вѣстникъ*, онъ въ то же время положилъ основаніе своей славѣ, какъ баснописецъ. Не бывъ редакторомъ, ни издателемъ упомянутаго журнала, онъ почти каждую книжку его украшалъ своими баснями *.

Въ томъ же году «Октября 6-го опредѣленъ въ монетный департаментъ тѣмъ же чиномъ (губернскимъ секретаремъ) и того жъ года декабря 31-го по именному Высочайшему указу пожалованъ титулярнымъ совѣтникомъ». Такъ значится въ атестатѣ 1810 года, 30-го сентября.

Конецъ 1810 и 1811 г. Крыловъ провелъ въ Петербургѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ басни, читанныя имъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, имѣвшей первое свое засѣданіе 14-го марта 1811 года.

24-го декабря того же года секретарь Россійской Академіи писалъ къ нему: «Императорская Россійская Академія, отдавая справедливость извѣстному ей въ словесныхъ наукахъ знанію вашему, а особливо сочиненіямъ вашимъ, служащимъ истиннымъ обогащеніемъ и украшеніемъ словесности россійской, въ бывшее сего декабря 16-го числа засѣданіе, избрала васъ дѣйствительнымъ своимъ членомъ. На меня возложено, извѣстя васъ о семъ избраніи и препроводя прилагаемый у сего дипломъ, пригласить васъ къ будущему собранію Академію, сего декабря 30-го дня въ 10 часовъ до полудня.

Исполняя сіе весьма для меня лестное порученіе, съ истиннымъ почтеніемъ и таковою жъ преданностію имѣю честь быть *и проч*. Петръ Соколовъ».

* «Мысль издавать театральный журналъ или газету принадлежитъ кн. Шаховскому, котораго въ этомъ намѣреніи поддерживалъ Крыловъ, обѣщая свое содѣйствіе. Онъ изъявилъ намѣреніе напечатать въ немъ свои басни, до тѣхъ поръ нигдѣ не напечатанныя. Издержки бралъ на себя Рыкаловъ, содержатель театральной типографіи». (*Дневникъ Чиновника Отеч. Зап.* 1855, окт. стр. 363).

IV.

Служба при Императорской публичной библіотекѣ.

7-го января 1812 г., какъ сказано въ аттестатѣ, данномъ Крылову при окончательной отставкѣ, онъ былъ опредѣленъ въ Императорскую Публичную библіотеку помощникомъ библіотекаря. Высочайшимъ указомъ, даннымъ кабинету 10-го февраля 1812 г., «повелѣно титулярному совѣтнику Крылову производить изъ кабинета въ пенсіонъ по тысячѣ пяти сотъ рублей на годъ» *.

Съ опредѣленія на службу въ Публичную библіотеку почти до самой смерти, въ жизни Крылова не произошло никакихъ внѣшнихъ перемѣнъ. Важнѣйшими фактами въ этомъ періодѣ остаются его басни и тѣ случаи, когда ему приходилось выслушивать выраженіе уваженія къ его заслугамъ и таланту. Приводимыя ниже письма остаются единственнымъ—и правду сказать, весьма однообразнымъ свидѣтельствомъ его быстрыхъ успѣховъ, а съ другой стороны, того всеобщаго вниманія, какимъ онъ пользовался во все время своего служенія баснѣ. Замѣчательно, что всѣ онѣ были имъ тщательно сохранены и вмѣстѣ съ рукописями басенъ пореданы К. С. Савельеву; можно думать, что онъ дорожилъ ими и желалъ, чтобы они не погибли и для потомства.

Отъ Вилламова къ Оленину, 1814 г. 15-го мая.

М. г., Алексѣй Николаевичъ. Вашему пр—ву извѣстно, съ какимъ удовольствіемъ ея императорское величество слушать изволила чтеніе басней Ивана Андреевича Крылова, также сочиненій г. Гнѣдича. Въ память сего пріятнаго для ея величества чтенія и всемилостивѣйшаго къ сочинителямъ благоволенія, государыня императрица всемилостивѣйше пожаловать имъ изволила по украшенному бриллiантами перстню, указать мнѣ доставить оные къ вашему пр—ву для врученія имъ.

* Копія съ указа писана рукою Оленина (см. ниже).

Исполняя симъ высочайшую волю и прилагая при семъ всемилостивѣйше жалуемые гг. Гнѣдичу и Крылову перстни, прошу о полученіи меня увѣдомить, и съ совершеннымъ почтеніемъ *и проч*. Григорій Вилламовъ.

Отвѣтъ Оленина, 1814 г. 16-го мая (съ копіи).

М. г. мой, Григорій Ивановичъ. Я имѣлъ счастіе вчера получить посредствомъ вашего пр—ва высочайше пожалованные два перстня отъ ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Федоровны, на имя извѣстныхъ гг. Крылова и Гнѣдича, коимъ оные мною и вручены. Я не умѣю вамъ описать, м. г., мои чувства той истинной благодарности, съ каковою они приняли сей знакъ всемилостивѣйшаго къ нимъ благоволенія. Съ моей стороны я долгомъ почитаю, какъ начальствующій въ императорской публичной библіотекѣ, слѣдственно, какъ сослуживецъ гг. Гнѣдича и Крылова и какъ истинный любитель русской словесности, покорнѣйше просить ваше пр—во принять на себя трудъ при удобномъ случаѣ, довести до свѣдѣнія ея величества и мою всенижайшую благодарность за оказанную означеннымъ чиновникамъ высокомонаршую милость и съ тѣмъ вмѣстѣ за высокое ея покровительство отечественной нашей словесности. Я увѣренъ, что гг. Крыловъ и Гнѣдичъ, поощренные столь лестною наградою, и впредь будутъ стараться новыми произведеніями удостоиться вниманія ея императорскаго величества.

Имѣю честь быть *и проч*. А. Оленинъ».

14-го августа 1814 г. Оленинъ препроводилъ Крылову копію съ слѣдующаго Высочайшаго указа правительствующему сенату:

«Во увѣреніе отличныхъ дарованій въ россійской словесности служащаго въ императорской публичной библіотекѣ титулярнаго совѣтника Крылова, извѣстнаго пріятными и полезными стихотвореніями, всемилостивѣйше жалуемъ его въ коллежскіе ассесоры, на основаніи 9 пункта повелѣнія, нами даннаго, на имя министра народнаго просвѣщенія въ 14 день

генваря 1811 г. Въ С.-Петербургѣ, августа 14-го дня 1814 года.

«На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако: Александръ».

(*Приписка Оленина*): Поспѣшая вамъ сообщить копію съ сего явнаго свидѣтельства монаршаго къ вамъ благоволенія и поздравляя васъ съ царскою милостію, не премину по возвращеніи съ дачи моей, въ понедѣльникъ, если васъ тамъ не увижу, васъ лично поздравить.

Преданный вамъ А. Оленинъ.

Отъ Н. Лонгинова 1816 г. 15-го мая.

М. г. мой, Иванъ Андреевичъ. По высочайшему повелѣнію государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны имѣю честь препроводить у сего брилліантовый перстень, всемилостивѣйше пожалованный вамъ въ знакъ монаршей милости и отличнаго благоволенія, съ которымъ ея императорское величество удостоила принять басни ваши въ стихахъ, заслужившія уже всеобщую похвалу и одобреніе и доставившія ея величеству не меньше удовольствія, сколько оныя пріобрѣли вамъ самому и россійской словесности истинной славы.

При исполненіи столь пріятной для меня обязанности, прошу васъ, м. г. мой, принять увѣреніе *и проч.* Н. Лонгиновъ.

Отъ Прокоповича-Антонскаго, Москва, 1816 г. 20-го мая.

М. г. мой, Иванъ Андреевичъ. Общество любителей россійской словесности, при московскомъ императорскомъ университетѣ учрежденное, отдавая должную справедливость превосходнымъ сочиненіямъ вашимъ и знанію отечественнаго языка, пріятнымъ долгомъ поставляетъ препроводить къ вамъ, м. г. мой, дипломъ на званіе дѣйствительнаго члена и при ономъ печатный экземпляръ устава. Исполняя съ удовольствіемъ порученіе общества, искренно васъ уважающаго, честь имѣю *и проч.* Антонъ Прокоповичъ-Антонскій.

Отъ А. Измайлова, 1817 г. 22-го іюня.

М. г. Иванъ Андреевичъ. Санктпетербургское вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ, уважая отличныя дарованія ваши и труды, принесшія честь и пользу отечественной литературѣ, въ засѣданіи своемъ вчерашняго числа избрало васъ единогласно въ свои почетные члены и возложило на меня пріятную обязанность увѣдомить объ ономъ васъ, м. г., съ тѣмъ что дипломъ на сіе званіе и экземпляръ новаго устава общества въ непродолжительномъ времени къ вамъ доставленъ будетъ.

Исполняя съ особеннымъ удовольствіемъ таковое порученіе, имѣю честь быть *и проч.* А. Измайловъ, предсѣдатель общества.

Отъ П. Кондырева, Казань, 1818, іюля 25-го.

М. г. Иванъ Андреевичъ. Казанское общество любителей отечественной словесности, достодолжно уважая васъ, какъ знаменитаго нашего баснописца, твореніями своими отечественную словесность украсившаго и прославившаго, въ засѣданіи 24-го числа іюня единодушно избравъ васъ въ свои дѣйствительные иногородные члены, поручило мнѣ, какъ секретарю своему, извѣстить васъ о томъ и усердно пригласить въ семъ званіи принимать участіе въ дѣлахъ общества. Съ особеннымъ удовольствіемъ исполняя столь пріятное для меня порученіе и препровождая при семъ уставъ общества, съ истиннымъ почтеніемъ *и проч.* Петръ Кондыревъ, секретарь казанскаго общества любителей отечественной словесности.

Указъ Нашему кабинету. С.-Петербургъ, 27-го марта 1820 г. (съ копіи [1]).

Въ воздаяніе засвидѣтельствованной начальствомъ усердной и похвальной службы дѣйствительнаго библіотекаря императорской публичной библіотеки коллежскаго ассесора Крылова, всемилостивѣйше повелѣваю производить ему въ дополненіе къ полученному имъ пенсіону, тысячи пятистамъ

рублямъ, по указу, данному кабинету въ 10-й день февраля 1812 года, еще по тысячѣ пятисотъ рублей въ годъ изъ суммъ онаго кабинета.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано тако: Александръ.

Отъ Оленина, 1820 г. 17 апрѣля.

Государь Императоръ, по докладу господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе засвидѣтельствованія моего объ усердной и похвальной службѣ вашей, всемилостивѣйше пожаловать васъ соизволилъ въ 27-й день марта сего года кавалеромъ ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра 4 степени, котораго знаки были уже къ вамъ доставлены, а нынѣ при семъ доставляется и изготовленная въ капитулѣ имп. рос. орденовъ на сіе всемилостивѣйшее пожалованіе васъ грамота вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о взносѣ въ капитулъ на богоудодныя заведенія установленныхъ тридцати рублей, которые по сдѣланному мною распоряженію имѣютъ вычтены быть изъ получаемаго вами по библіотекѣ жалованія для отсылки въ капитулъ въ будущемъ маѣ мѣсяцѣ **.

А. Оленинъ.

Докладъ статсъ-секретаря Оленина Государю Императору, 1824 года 16 апрѣля (съ копіи).

Въ 1814 году по всеподданнѣйшему моему докладу ваше императорское величество всемилостивѣйше пожаловать соизволили знаменитому баснописцу Крылову 4200 рублей для напечатанія трехъ первыхъ частей превосходныхъ и поучительныхъ, слѣдственно и полезныхъ его басенъ. Изъявляя высочайшее соизволеніе на выдачу сихъ денегъ изъ кабинета, ваше величество изволили при томъ примолвить: »что Вы всегда готовы Крылову вспомоществовать, если онъ только будетъ продолжать хорошо писать«. Съ того времени г. Кры-

* Съ этого указа сохранилось двѣ копіи: одна, написанная повидимому, рукою писаря; другая—рукою самого Крылова.

** Къ этой бумагѣ приложены грамота и квитанція изъ капитула.

ловъ сочинилъ еще три части и издалъ ихъ вмѣстѣ съ первыми, не дерзая утруждать ваше императорское величество о высочайшемъ пособіи; хотя впрочемъ, какъ мнѣ то извѣстно, все его богатство состоитъ въ жалованіи по императорской публичной библіотекѣ и во всемилостивѣйше ему данномъ пенсіонѣ, что все вмѣстѣ составляетъ 4200 рублей въ годъ. Нынѣ г. Крыловъ, оправясь съ трудомъ отъ жестокаго и нечаяннаго болѣзненнаго припадка, счастливымъ поэтическимъ вдохновеніемъ написалъ еще седьмую часть басенъ, состоящую слишкомъ въ двадцати басняхъ, превосходнѣйшаго содержанія и слога. Для напечатанія вновь всѣхъ уже семи частей, съ нѣкоторыми исправленіями, нужно ему теперь денежное пособіе, состоящее, по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ, въ десяти тысячахъ рублей, или онъ долженъ быть жертвою разсчетливыхъ книгопродавцевъ. Въ семъ затруднительномъ для него положеніи, онъ дерзаетъ, посредствомъ моимъ, всеподданнѣйше прибѣгнуть къ щедротѣ вашего императорскаго величества.

Всемилостивѣйшій государь! Я бы никакъ не осмѣлился утруждать ваше величество подобною просьбою, еслибъ не имѣлъ еще въ памяти царскаго вашего изрѣченія въ подобномъ случаѣ, и еслибъ г. Крыловъ, сверхъ отличнаго своего таланта, не былъ всегда твердъ въ образѣ своихъ мыслей о необходимости и пользѣ чистой нравственности о отвращенія его отъ вольнодумства, что доказывается всѣми его баснями и негодованіемъ, за то ему изъявленнымъ, въ недавнемъ времени Парижскимъ Журналомъ *.

Всемилостивѣйшій государь! Если сія всеподданнѣйшая и моя просьба въ пользу отличнаго таланта удостоится благотворнаго вашего величества вниманія, то не благоугодно ли будетъ сію мою всеподданнѣйшую записку утвердить, дабы я могъ посредствомъ сего повелѣнія истребовать означенную сумму для г. Крылова изъ кабинета вашего императорскаго величества.

* Здѣсь Оленинъ упоминаетъ о статьѣ Бауръ-Лорміана, появившейся 2-го января 1824 г. (См. рѣчь академика Бычкова, произнесенную на столѣтнемъ юбилеѣ Крылова).

»На подлинной собственною его императорскаго величества рукою написано тако«: *»Истребовать изъ кабинета десять тысячь рублей для врученія г-ну Крылову«*. Царское село, 4-го маія 1824 года.

Отъ Н. Новосильцева, С.-Петербургъ, 1826 г. 21-го апрѣля.

М. г. мой, Иванъ Андреевичъ. Государыня императрица въ знакъ всемилостивѣйшаго къ вамъ благоволѣнія и по случаю поднесеннаго ея императорскому величеству отъ васъ экземпляра новаго изданія басенъ, вами сочиненныхъ, пожаловать вамъ соизволила бриліантовый перстень, который у сего къ вамъ, м. г. мой, препровождая, покорно прошу о полученіи онаго меня увѣдомить. Пребывая съ истиннымъ почтеніемъ *и проч*. Николай Новосильцевъ.

Въ 1831 году императоръ Николай выразилъ свое особенное благоволеніе къ баснописцу, подаривъ Наслѣднику Цесаревичу его бюстъ. Объ этомъ сообщенно было въ *Сѣверной Пчелѣ*: »Что, подумайте, подарилъ Государь Своему сыну на новый годъ? Бюстъ баснописца Крылова. Въ этомъ подаркѣ заключается много: и признаніе величія поэта, и знакъ любви государя къ русской поэзіи и наставленіе юному князю«. (1831 года, № 98).

Отношеніе Оленина — имп. публ. библ. г-ну библіотекарю статскому совѣтнику Крылову *. 1834 а., 9 марта.

Сей часъ я получилъ отъ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія ** предписаніе, отъ 9-го сего марта мѣсяца, № 368 слѣдующаго содержанія:

»По всеподданнѣйшему докладу моему, Государь Императоръ, во уваженіе заслугъ, оказанныхъ отечественной словесности отличнымъ литераторомъ нашимъ библіотекаремъ императорской публичной библіотеки, статскимъ совѣтникомъ Крыловымъ, въ 26-й день минувшаго февраля всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: производить ему сверхъ получаемыхъ

---

* Крыловъ произведенъ въ статскіе совѣтники по именному высочайшему указу 19-го декабря 1839 г., вслѣдствіе представленія Оленина (см. 1-е приложеніе къ ст. Я. К. Грота).

** С. С. Уварова.

окладовъ добавочныхъ по три тысячи рублей въ годъ изъ суммъ государственнаго казначейства.

»О таковомъ всемилостивѣйшемъ пожалованіи стат. сов. Крылову добавочнаго жалованія увѣдомляя ваше высокопревосходительство, имѣю честь присовокупить, что отъ г. министра финансовъ сдѣлано уже надлежащее по сему предписаніе«.

Поспѣшая увѣдомить васъ, м. г., о сей новой царской милости, я ласкаю себя надеждою, что сей знакъ особаго монаршаго къ вамъ благоволенія подкрѣпитъ ваши силы и воспламенитъ піитическій вашъ геній къ новымъ опытамъ на поприщѣ литературной европейской вашей славы.

Директоръ А. Оленинъ.

Отъ С. Уварова, 1834 г. 9-го марта.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ имѣю честь увѣдомить, что Государь Императоръ, обращая вниманіе на отличныя услуги, оказанныя вами отечественной словесности, 26-го минувшаго февраля Высочайше повелѣть изволилъ: производить вамъ, сверхъ получаемыхъ вами окладовъ, по три тысячи рублей ежегодно изъ государственнаго казначейства.

Извѣщая васъ, м. г., о сей монаршей милости, я считаю пріятнѣйшимъ долгомъ васъ съ оной поздравить и увѣрить въ совершенномъ почтеніи *и проч.* Сергій Уваровъ.

Отъ Уварова, 1834 г. 11-го апрѣля.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Государь Императоръ, принявъ благосклонно вновь написанныя вами три басни *, повелѣть соизволилъ изъявить вамъ за поднесеніе оныхъ высочайшую свою признательность.

Сообщая о семъ вамъ, м. г., имѣю честь быть *и проч.* Сергій Уваровъ.

* По нашему соображенію, эти три басни, представленныя Государю въ началѣ 1834 года, могли быть: *Разбойникъ и Извощикъ*, *Левъ и Мышь* и *Два мальчика*. См. *Примѣчанія* къ этимъ баснямъ.

Отношеніе Оленина къ Крылову, 1836 г. 17-го сентября.

Департаментъ народнаго просвѣщенія при сообщеніи мнѣ, отъ 5-го сего сентября за № 9388, о доставленіи ему для объясненія въ составленномъ для государственнаго контроля отчетѣ о суммахъ императорской публичной библіотеки за 1835 годъ дополнительныхъ свѣдѣній проситъ доставить и слѣдующее:

По какой причинѣ не видно въ приходѣ по отчету и шнуровой книгѣ библіотеки 2940 руб., назначенныхъ по высочайше утвержденной росписи расходамъ по министерству народнаго просвѣщенія на 1835 годъ къ отпуску изъ главнаго казначейства, на основаніи высочайшаго повелѣнія 26-го февраля 1834 года, въ жалованіе вамъ, и если вы сами получаете сію сумму изъ казначейства, то департаментъ проситъ впредь принимать оныя деньги въ библіотеку для выдачи вамъ.

По сему даю вамъ знать, что съ будущаго 1837 года всемилостивѣйше пожалованное вамъ добавочное жалованіе по высочайшему указу 26-го февраля 1824 года, будетъ требуемо изъ главнаго казначейства въ библіотеку въ началѣ каждой трети года вмѣстѣ съ штатными суммами ея и съ сего времени будете получать оное уже изъ библіотеки, а не прямо изъ казначейства.

Имп. публ. библіотеки директоръ, А. Оленинъ.

V.

Пятидесятилѣтній юбилей Крылова.

По разсказу покойнаго Греча, Крыловъ въ одномъ обществѣ, гдѣ было нѣсколько литераторовъ, проговорился, что въ 1838 году совершится ровно пятьдесятъ лѣтъ со времени появленія въ печати перваго его сочиненія *. Это обстоятельство

* Въ этомъ случаѣ Крыловъ ошибся: первое произведеніе его, которое было напечатано, пяти-актная трагедія *Филомела*, была напечана имъ въ 1786 г.; если же онъ почиталъ началомъ своей литературной дѣятельности участіе въ *Почтѣ Духовъ*, то 50-тилѣтній юбилей надлежало праздновать въ 1839 году.

подало мысль отпраздновать его юбилей, на что немедленно было испрошено министромъ народнаго просвѣщенія, Уваровымъ, разрѣшеніе Государя Императора, который пожаловалъ въ этотъ день баснописцу орденъ св. Станислава 2-й ст. со звѣздою и удостоилъ его высочайшаго рескрипта. Этотъ рескриптъ напечатанъ вполнѣ въ статьѣ Плетнева (стр. LXXVI), а подлинникъ его, какъ святыня, хранится въ семействѣ К. С. Савельева. Къ празднованію юбилея относится нѣсколько нелишенныхъ интереса писемъ *, которыя здѣсь предлагаемъ.

---

* Рѣчи, произнесенныя на юбилейномъ обѣдѣ, а равно два стихотворенія, написанныя къ этому дню (кн. Вяземскаго и Бенедиктова) помѣщены въ статьѣ Плетнева и въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: *Привѣтствія, говоренныя Ивану Андреевичу Крылову въ день его рожденія и совершившагося 50-тилѣтія его литературной дѣятельности, на обѣдѣ 2-го февраля 1838 г. въ залѣ благороднаго собранія. С.Петербургъ, въ Гуттенберговой типографіи, 1838*. Но сюда не вошло стихотвореніе Е. Гребенки, написанное уже послѣ юбилея и появившееся въ *Литературныхъ прибавл.* къ *Русск. Инв.* 13-го февраля (№ 7), подъ заглавіемъ:

Лавровый листокъ.

Пиръ волшебными огнями
Разливался и горѣлъ,
Стройно-звучными стихами
Хоръ пѣвцовъ веселый пѣлъ.
Мы гуляли именины
Басни русскія творца,
Отъ временъ Екатерины
Къ намъ дошедшаго пѣвца.
Всѣ мы шумно пировали
На волшебномъ пирѣ томъ,
И поэта увѣнчали
Свѣжимъ лавровымъ листомъ.

***

Какъ онъ былъ великъ, прекрасенъ,
Въ этотъ мигъ сѣдой пѣвецъ!
Неподкупенъ и согласенъ
Былъ восторгъ къ нему сердецъ.
Мы смотрѣли съ умиленіемъ
На поэта-старика;
Жрецъ прекрасный вдохновенья,
Онъ намъ далъ благословенье:
Листъ лавровый отъ вѣнка.

***

Отъ Оленина, 1838 г. 1-го февраля.

М. Г. Иванъ Андреевичъ. Завтра минетъ день рожденія вашего и пятидесятилѣтнихъ занятій и успѣховъ вашихъ на поприщѣ русской словесности.

Нравоучительныя и между тѣмъ пріятныя ваши творенія для всѣхъ возрастовъ составили неколебимую вашу славу—и славу Россіи.

Сіи обстоятельства побудили общество литераторовъ, художниковъ и любителей русской словесности праздновать сей памятный день веселою бесѣдою и пиршествомъ. Въ качествѣ предсѣдателя сего общества, вновъ и на этотъ только случай составленнаго, я приглашаю васъ, м. г., украсить сіе пиршество вашимъ присутствіемъ. Завтра около пятаго часа по полудни къ вамъ явятся два члена распорядителя изъ среды сего общества, чтобъ имѣть честь и удовольствіе васъ сопровождать до мѣста, назначеннаго къ сему празднеству. Общество надѣется, что вы не отрините усердную его просьбу.

Имѣю честь быть *и проч.* Алексѣй Оленинъ.

P. S. Гражданскіе чиновники приглашаются къ сему празднеству въ вицъ-мундирахъ.

Заключительная рѣчь Оленина на обѣдѣ.

Въ заключеніе сего празднества въ честь И. А. Крылова, предлагается гг. участвующимъ въ пиршествѣ (и всѣмъ кто пожелаетъ быть соучастникомъ въ томъ же преднамѣреніи) выбить въ память сего событія медаль, съ изображеніемъ съ одной стороны профильнаго портрета И. А. Крылова, а съ другой приличной къ сему надписи.

Этотъ чистый даръ поэта
Я умѣю оцѣнить;
Въ треволненьяхъ, въ бурѣ свѣта,
Стану я его хранить;
А о праздникѣ народномъ,
Безкористномъ, благородномъ
Позднимъ внукамъ разскажу
И листокъ вѣнка Крылова
Для потомка молодова
Какъ святыню покажу.

Каждый изъ гг. соучаствующихъ денежнымъ пожертвованіемъ въ исполненіи сего предложенія благоволитъ на предлагаемыхъ печатныхъ листахъ вписать свое имя и фамилію съ означеніемъ количества жертвуемой имъ суммы*.

Отъ Н. И. Греча. 1838 г. 2-го февраля.

Почтеннѣйшій Иванъ Андреевичъ. Разстройство здоровья, причиненное жестокимъ огорченіемъ, лишаетъ меня удовольствія быть сегодня на обѣдѣ, который даютъ вамъ ваши благодарные читатели. Это мнѣ до крайности досадно. Но чтобы облегчить и физическое и душевное страданіе, рѣшился я хоть на бумагѣ принесть вамъ искреннее поздравленіе съ празднествомъ, котораго (sic) писатели рѣдко доживаютъ, а еще рѣже заслуживаютъ. Желаю вамъ, для васъ и для любящей васъ Россіи, еще много счастливыхъ, спокойныхъ, здоровыхъ и пріятныхъ лѣтъ наслажденія и праведно пріобрѣтенною славою и нелицемѣрною къ вамъ любовью тѣхъ, кто васъ читаетъ, и болѣе еще тѣхъ, которые знаютъ и уважаютъ васъ лично**.

---

* Изъ брошюры: *Привѣтствія, говоренныя И. А. Крылову* и проч. 1838 г.

** То обстоятельство, что Гречъ не участвовалъ въ обѣдѣ, возбудило различные толки, такъ что онъ вынужденъ былъ оправдаться въ *Сѣверной Пчелѣ* (№ 32); это оправданіе вызвало слѣдующее *объясненіе* со стороны учредителей празднества, которое было напечатано въ *Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русск. Инв.* [№ 7): «Для устраненія отъ себя нареканій въ произвольной раздачѣ билетовъ на обѣдъ, данный 2-го февраля въ честь И. А. Крылова, или въ умышленномъ исключеніи изъ этого празднества кого либо изъ литераторовъ, желавшихъ въ немъ участвовать, учредители его просили насъ дать слѣдующее поясненіе на поясненіе г. Греча, напечатанное въ *Сѣв. Пчелѣ* (№ 32): «За нѣсколько дней до праздника и тотчасъ по составленіи подписныхъ листовъ для внесенія именъ желавшихъ въ немъ участвовать, учредители сообщили при письмѣ одного изъ нихъ таковый листъ г. Гречу съ 30 билетами, предоставляя ихъ въ его распоряженіе. Г. Гречъ возвратилъ немедленно списокъ и 30 билетовъ при письмѣ, въ которомъ изъявлялъ, что не имѣетъ случая раздать билеты и, находясь въ невозможности участвовать въ празднествѣ, онъ препровождаетъ обратно и листъ и билеты. Письмо сіе 29-го января, а обѣдъ данъ былъ 2-го февраля. Въ тоже время разосланы были подписные листы ко всѣмъ литераторамъ, находящимся въ Петербургѣ»...

Примите сей скудный, но усердный даръ отъ вашего всепокорнѣйшаго Николая Греча.

Письмо безъ подписи *, безъ означенія числа, писанное на большомъ листѣ женскою рукою:

Вашею поэтическою милостію

мы Левъ, царь звѣрей, и прочіе звѣри лѣсные и скоты домашніе; и мы Орелъ, царь птицъ, и прочія птицы всякаго рода, роста и свойства.

Узнавъ, что нынѣ другими животными (т. е. людьми) празднуется въ 69-й разъ счастливый для нихъ и для насъ день вашего рожденія, хотимъ участвовать въ семъ (или въ *этомъ*) ** торжествѣ (только не на кухнѣ и не на столѣ въ видѣ жертвъ), и для того избрали, уполномочили и акредитовали нашего любезно вѣрнаго товарища, Пса Медорку, который, не смотря на вашу басню о собачьей дружбѣ, взялся увѣрить васъ въ нашей.

Просимъ принять отъ него наши усердныя поздравленія и столь же усердную благодарность за то, что на пути къ безсмертію вы разсудили за благо взять насъ съ собою. Если когда нибудь, благодаря постепенному усовершенствованію всего въ мірѣ, и нашъ міръ звѣриный и птичій преобразится и получитъ способности, которыя онъ имѣлъ доселѣ только въ вашихъ поэтическихъ видѣніяхъ, то и мы устроимъ для васъ свой особенный праздникъ, безъ кровопролитія, и слѣдственно, безъ обѣда; но на семъ праздникѣ избранные умнѣйшіе звѣри будутъ говорить съ вами и между собою если не такими стихями, какъ ваши, то по крайней мѣрѣ хорошими, разсказывая, какъ ваши нравоученія исправили, улучшили ихъ нравы; между тѣмъ на хорахъ изъ вѣтвей соловьи, въ свою очередь будутъ воспѣвать своего любимаго пѣвца, аословъ (и это всего труднѣе) мы заставимъ молчать.

Левъ	Орелъ
за себя и прочихъ звѣрей и скотовъ.	за себя и прочихъ птицъ.

* Всѣ наши усилія узнать, кто авторъ этого письма, остались тщетны; одно только узнали мы навѣрное, что оно вышло не изъ семейства А. Н. Оленина.

** Намекъ на Сенковскаго: «*сей и оный*».

Отъ В. Григоровича, 1838 г., 3-го февраля.

М. г. Иванъ Андреевичъ. Если бы вы были свидѣтелемъ того умиленія, тѣхъ слезъ дѣтей моихъ, которыя были слѣдствіемъ разсказа моего о вчерашнемъ торжествѣ вашемъ и общемъ всѣхъ любителей изящнаго о славѣ и заслугахъ вашихъ; если бы вы видѣли радость, изображавшуюся на лицахъ дѣтей моихъ, когда я вручилъ имъ на память лавровые листочки, можетъ быть, неловко у васъ выпрошенные; если бы вы слышали, съ какимъ восторгомъ 10-лѣтній сынъ мой произнесъ, что и онъ постарается пріобрѣсть славу, — то, безъ сомнѣнія, вы убѣдились бы, что нескромное, можетъ быть, желаніе мое имѣть нѣсколько этихъ листочковъ произошло единственно отъ глубокаго къ вамъ уваженія.

Скажу вамъ отъ сердца (а я иначе никогда еще не говорилъ и говорить не умѣю), что уваженіе многихъ, очень многихъ должно быть для васъ пріятнѣе; но ни чье уваженіе не можетъ быть ни полнѣе, ни чистосердѣчнѣе моего, ибо, если я сознаю въ себѣ какое достоинство, то единственно одно, не отъ меня зависящее: я чувствую и всей душею люблю все прекрасное и высокое.

Вчера я былъ счастливъ именно по этой причинѣ и потому, что увѣнчанъ достойный! Дай Богъ, чтобъ вы жили очень, очень долго и чтобы я могъ когда нибудь увѣрить васъ въ моемъ уваженіи, преданности, любви и удивленіи, которыми преисполненъ къ вамъ съ самаго моего младенчества.

Имѣю честь быть, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Василій Григоровичъ.

Отъ И. Лажечникова, 1838 г. 10-го февраля*.

М. г. Иванъ Андреевичъ. Благодаря счастливому случаю, я имѣлъ честь получить листокъ изъ лаврова вѣнка, которымъ вся Русь, въ лицѣ ея Государя и представителей всего высокова и прекраснова въ столицѣ, почтила васъ, знаменитова своево народнова поэта. Въ нынѣшнее торжество ваше

* Съ сохраненіемъ орѳографіи.

она собрала въ одинъ вѣнокъ то, что вы разсыпали по ней всей, по всѣмъ намъ — ваше же вамъ возвращаетъ съ прибавкою только достойнова изъясненія общей нашей признательности и восторга. Лавровый листокъ вашъ послужитъ намъ живымъ, бесцѣннымъ выраженіемъ тово, чѣмъ вы ужъ насъ прежде надѣлили—участкомъ вашей славы. Дорого цѣню вашъ даръ, и сто разъ, изъ глубины моей души, благодарю за нево.

Съ раннихъ лѣтъ поклонникъ вашева генія, а нынѣ за счастіе почитаю изъяснить вамъ это вмѣстѣ съ чувствомъ глубокова уваженія и совершенной преданности, съ коими имѣю честь быть, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Ложечниковъ.

Отъ Жуковскаго (безъ означенія числа).

Великая княгиня Марія Николаевна хочетъ, чтобы ты написалъ *себя* въ своемъ кабинетѣ въ томъ благолѣпномъ видѣ, въ какомъ одна только муза тебя видитъ, то есть въ шлафрокѣ, и чтобъ кабинетъ былъ точно такимъ представленъ, каковъ онъ бываетъ ежедневно. Жуковскій.

Отъ Оленина, 1838 г. 15-го февраля.

Вотъ молодой нашъ художникъ, академикъ 1-й степени Ухтомскій, которому г. министръ нар. просв. С. С. Уваровъ поручилъ списать кабинетъ или гостиную Ивана Андреевича Крылова. Прошу допустить художника до исполненія даннаго ему порученія. Всего бы лучше снять видъ той комнаты, гдѣ онъ трудился надъ своими баснями *.

А. Оленинъ.

* Желаніе великой княгини было исполнено. Картина, представляющая кабинетъ Крылова, находится во дворцѣ ея высочесва. Кстати замѣтимъ, что у покойнаго И. П. Вольскаго (Академикъ и преподаватель рисованія въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ въ Первой С.-Петербургской военной гимназіи) мы видѣли картину его собственной работы, изображающую комнату въ Пріютинѣ надъ банею, гдѣ лѣтомъ живали Крыловъ и Гнѣдичъ, когда посѣщали своего патрона. Въ этой комнатѣ, по разсказу И. П. Вольскаго (проведшаго свою

(*Приписка сбоку*): Можно И. А. представить пишущаго за столикомъ во время поэтическаго вдохновенія?

Отъ Загоскина, 1838 г. 23-го февраля.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Андреевичъ. Не знаю, слышали ли вы въ Петербургѣ, какъ я закричалъ въ Москвѣ «ура»! когда прочелъ письмо пріятеля моего Аверкіева, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня о вашемъ торжествѣ. Слава Богу! Наконецъ мы дожили до того, что смѣемъ называть свои великіе таланты великими, и предъ лицемъ всей Европы подносить имъ лавровые вѣнки—а что всего лучше, не говоримъ: «нашъ русскій Лафонтенъ», а просто: «нашъ Крыловъ». Поздравляю васъ, мой милый, добрый и почтенный Иванъ Андреевичъ, и отъ всей души благодарю за присланный лавровый листокъ—онъ перейдетъ въ наслѣдство къ моимъ дѣтямъ.

Я отдалъ въ цензуру новый романъ мой. Если не будетъ какихъ либо неожиданныхъ затрудненій, то я надѣюсь, что вы скоро его прочтете, или по крайней мѣрѣ будете имѣть въ рукахъ. Прощайте, будьте здоровы и любите вашего бывшаго сослуживца, который самъ безъ памяти васъ любитъ,— и потому—что вы Иванъ Андреевичъ Крыловъ, добрѣйшій и любезнѣйшій изъ людей, и потому — что этотъ Иванъ Андреевичъ честь и слава матушки святой Руси, которую Загоскинъ любитъ болѣе всего на свѣтѣ.

Обнимаю васъ съ чувствомъ самой искренней дружбы не одинъ, а тысячи разъ, вашъ М. Загоскинъ*.

юность въ домѣ Оленина), оба они писали очень много. (См. примѣч. къ баснѣ *Водолазы*). Было бы очень желательно, чтобы лица, которыя остались наслѣдниками И. П., предали извѣстности эту картину. Не смотря на то, что это заявленіе было сдѣлано десять лѣтъ тому назадъ, мы къ сожалѣнію не видимъ, чтобы кто либо принялъ на себя трудъ воспроизвести картину, о которой мы говоримъ, и возстановить ту память, которую заслужилъ Иванъ Петровичъ, какъ художникъ и какъ преподаватель, неутомимо трудившійся для искусства. Этотъ укоръ мы относимъ къ товарищамъ и друзьямъ покойнаго, которые такъ скоро его забыли.

* Мы слышали за достовѣрное, что у сыновей почтеннаго романиста хранится коллекція писемъ, писанныхъ къ нему Крыловымъ по вы-

Отъ А. Бутакова, Николаевъ, 1833 г. 23-го февраля.

М. г. Иванъ Андреевичъ. Прочитавъ въ *Инвалидѣ* * о бывшемъ празднествѣ вашему пятидесятилѣтію, я въ ту минуту мыслью былъ съ вами, душевно радовался съ нѣсколькими выкатившимися отъ умиленія слезами, поздравлялъ васъ истинно отъ чистаго моего сердца и желалъ вамъ всѣхъ благъ земныхъ. По привычкѣ давней почитать и любить васъ, я иначе не могъ сдѣлать. Примите это изъявленіе моихъ чувствъ на бумагѣ съ тою благосклонностію, какъ вы удостоивали меня лично. Я не имѣлъ счастія писать къ вамъ; и теперь обременяю васъ онымъ истинно по ревнію моихъ чувствъ, происходящихъ отъ истиннаго моего всегдашняго почитанія и преданности. Къ статьѣ сказать, я былъ лично слушателемъ вашей басни *Демьянова уха*, въ домѣ г. Державина. Это моя эпоха, съ которой я **.... (выражаясь по-морски) къ вамъ моимъ почитаніемъ и любовью, которыя останутся со мною до гроба.

Сказать вамъ о себѣ, я, слава Богу, чувствую себя въ Николаевѣ лучше отъ моихъ недуговъ, счастливъ въ кругу своего семейства, хорошо обласканъ многими, и слава Богу!

Поручая себя продолженію вашего добраго расположенія, съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію пребуду, покорнѣйшій слуга

Александръ Бутаковъ.

ходѣ его изъ публичной библіотеки. Если это справедливо, то опубликованіе этихъ писемъ тѣмъ болѣе желательно, потому что, какъ извѣстно, Крыловъ во всю жизнь неохотно принимался писать и никогда не велъ постоянной переписки.—И этотъ нашъ вызовъ остался безъ отвѣта! Десять лѣтъ!

* Мы опустили газетные отчеты объ юбилеѣ Крылова, потому что онъ описанъ и у Плетнева и у Лобанова съ большими подробностями.

** Этого слова въ письмѣ нельзя разобрать; надо полагать, что это синонимъ *прилѣпился*.

Отъ С. И. Карпова, Ардатовъ, 1838 г. 24-го февраля.

(*Эпиграфъ*): Мудрецъ игривый и глубокій,
И дочкамъ онъ давалъ уроки,
И батюшекъ училъ шутя.

***

Длись счастливою судьбою
Нить любезныхъ намъ годовъ! (*Изъ стих. кн. Вяземскаго.*)

М. г. Иванъ Андреевичъ, 32 № *Сѣверной Пчелы* и московскихъ газетъ и насъ, сельскихъ жителей, провели въ умиленіе. Мы съ восторгомъ читали и перечитывали описаніе торжества 2-го февраля, которымъ праздновался знаменитый день рожденія чуднаго старца. Вы, м. г., вполнѣ заслужили и милость царскую и ту почесть, которой просвѣщенные любители изящнаго наградили долговременный подвигъ вашъ на славу русской литературы. Князь Петръ Андреевичъ въ прекрасныхъ стихахъ своихъ превосходно изобразилъ услугу, оказанную вами и современникамъ, и потомству; послѣ него никакія уже выраженія быть не могутъ, и какъ намъ, такъ и дѣтямъ нашимъ остается только повторять эти достопамятные стихи и вытвердить ихъ наизусть. Простите моей дерзости, что я, не имѣя счастія лично быть вамъ знакомымъ, осмѣлился выразить чувства, меня одушевляющія, симъ письмомъ; по крайней мѣрѣ дерзость эта будетъ доказательствомъ, что великое и прекрасное, какъ въ центрѣ просвѣщенія, такъ и въ отдаленныхъ степяхъ имѣетъ одинаковую силу — двигать сердца и заставлять иногда забывать законъ свѣтскаго приличія; а потому и смѣю надѣяться, что вы мнѣ простите мое искренне чувство, которое какъ бы невольно вылилось на бумагу.

Примите увѣреніе въ томъ глубочайшемъ почтеніи къ генію и особѣ вашей, съ коимъ за особенную честь поставляю называться, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою Семенъ Ив. Карповъ.

Отъ С.-Петербургскаго Дворянскаго Собранія, 1838 г. февраля (копія).

1838 г. 2-го числа сего февраля въ домѣ ст. петербургскаго дворянскаго собранія происходило празднованіе дня рож-

денія и совершившагося пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Ивана Андреевича Крылова.

Мы, директоры и постоянные члены, въ ознаменованіе столь достопамятнаго въ домѣ нашего собранія совершившагося событія, желая сохранить отнынѣ на всегда присутствіе среди насъ почтеннаго литератора, которымъ Русскіе не престанутъ гордиться, единогласно положили: избрать Ивана Андреевича Крылова непремѣннымъ почетнымъ членомъ с.-петербургскаго дворянскаго собранія и поднести ему на сіе званіе билетъ чрезъ директоровъ.—Слѣдуетъ 76 подписей.

Письмо, 1838 г., 2-го мая (подписи разобрать невозможно).

Извѣщаю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Андреевичъ, что на другой день, какъ вы у меня были, т. е. 27-го апрѣля, фарфоровая чашка съ крышкою, покрытой кобольтомъ съ живописью въ клеймахъ, внесена въ комнаты Государыни Императрицы, въ чемъ имѣетъ у насъ росписку камеръ-лакей Константинъ Уреценко. Всего лучше вамъ отнестись о полученіи упомянутой чашки къ А. И. Блоку *.

Отъ Гр. Канкрина, 1838 г. 29-го іюня.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Съ душевнымъ удовольствіемъ препровождаю къ вамъ, м. г., золотую медаль съ портретомъ вашимъ, по Высочайшему повелѣнію на день празднованія пятидесятилѣтія литературнаго вашего поприща вычеканенную, присовокупляя искреннее мое желаніе, чтобы ваши труды надолго еще обогощали нашу словесность и служили къ пользѣ и удовольствію вашихъ соотечественниковъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ *и проч*. Гр. Канкринъ.

---

* Императрица Александра Ѳеодоровна, какъ разсказываютъ, подарила однажды Крылову чашку, а потомъ вспомнивъ, что эта чашка была ей подарена императрицею Маріею Ѳеодоровною, приказала потребовать ее назадъ. Когда приказаніе было сообщено Крылову, то онъ отвѣчалъ: «Доложите Государынѣ, что потому я и не отдамъ чашки, что она принадлежала покойницѣ». Отвѣтъ былъ переданъ Императрицѣ, которая сказала: «Что дѣлать со старикомъ? Пусть она у него останется». (Сообщено А. В. Никитенкою). По всей вѣроятности, въ настоящемъ письмѣ рѣчь идетъ именно объ этой чашкѣ.

Отъ Гр. Канкрина, 1838 г. 30-го августа.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Сверхъ доставленной уже вамъ золотой медали, установленной съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, въ честь заслугъ, оказанныхъ вами россійской словесности и воспоминаніе 50-лѣтія совершеннаго вами на семъ поприщѣ, Государю Императору согласно всеподданнѣйшему моему докладу, благоугодно было назначить вамъ еще десять бронзовыхъ медалей, для врученія ихъ друзьямъ вашимъ.

Поспѣшая съ особеннымъ удовольствіемъ исполнить сію Высочайшую волю, я имѣю честь препроводить къ вамъ означенныя десять бронзовыхъ медалей для удовлетворенія желанія друзей и почитателей вашихъ *.

Съ отличнымъ почтеніемъ *и проч.* Гр. Канкринъ.

Отъ Загоскина (безъ означенія числа).

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Иванъ Андреевичъ, благодарю васъ отъ всей души за медаль, которую, еслибы можно, я сталъ носить на шеѣ. Я удивляюсь, что не получили *Искусителя*. Я отправилъ его вмѣстѣ съ другими экземплярами къ Сенковскому съ просьбою о доставленіи вамъ.—Прощайте, мой милый, любезный и искренно уважаемый сослуживецъ. Любите и не забывайте меня. Вашъ М. Загоскимъ.

P. S. Я теперь пишу кой-что, гдѣ идетъ рѣчь и объ васъ.

Записка Гр. Канкрина, 1838 г. 5-го ноября.

Министръ финансовъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе его высокородію Ивану Андреевичу, имѣетъ честь препроводить при семъ частнымъ образомъ копію съ Высочайше утвержденной въ 7 день октября сего года записки о стипендіи, въ честь его имени учрежденной.

---

* Въ ноябрѣ 1883 г. Крыловъ, согласно его желанію, получилъ отъ директ. департ. горныхъ и соляныхъ дѣлъ списокъ лицъ и мѣстъ, которымъ, по распоряженію Государя, доставлены были медали. Изъ этого списка видно, что золотыхъ медалей было отчеканено 35, серебряныхъ 29 и бронзовыхъ 69.

Записка Гр. Канкрина, представленная Государю Императору, 1838 года 7-го октября.

Вашему Императорскому Величеству министръ финансовъ имѣлъ уже счастіе всеподданнѣйше донести, что для Крыловской стипендіи распоряженіями его составлена значительная сумма.

Она заключается въ слѣдующихъ статьяхъ:

a) На с.-петербурской биржѣ собрано чрезъ биржевой комитетъ	30500 р.
b) При откупныхъ торгахъ въ сенатѣ	13050 р.
c) Отъ чиновниковъ по министерству финансовъ изъ Москвы и разныхъ губерній получено. .	10223 р.
Итого собрано .	53773 р.

Сколько собрано по министерству народнаго просвѣщенія и дѣйств. тайн. совѣтн. Оленинымъ, не извѣстно, и быть можетъ, что еще нѣкоторыя деньги поступятъ изъ губерній, почему можно полагать, что всей суммы соберется 60 т. руб.; въ случаѣ же надобности можно бы было сдѣлать потребное дополненіе изъ казны.

Для окончанія сего дѣла по части министерства финансовъ, за изготовленіемъ и разсылкою медалей въ честь Крылова, полагалось бы:

1) вышеозначенныя деньги передать министерству народнаго просвѣщенія съ тѣмъ, чтобы онѣ находились въ кредитныхъ установленіяхъ для приращенія процентами или же были употреблены на покупку россійскихъ фондовъ, въ каковомъ случаѣ можно получить нѣсколько высшій годовой доходъ;

2) дальнѣйшее распоряженіе объ употребленіи ежегоднаго дохода предоставить министру народнаго просвѣщенія съ тѣмъ, чтобы онъ на устройство сей фондаціи испросилъ Высочайшее утвержденіе.

Еслибы министръ финансовъ могъ себѣ позволить какое-либо о семъ дѣлѣ мнѣніе, то онъ думалъ бы учредить двѣ стипендіи, изъ коихъ по каждой одинъ молодой человѣкъ былъ бы содержимъ въ С.-Петербургѣ въ гимназіи, а потомъ

въ университетѣ подлежащее число лѣтъ, съ посвященіемъ его окончательно такому разряду наукъ, къ которому чувствуетъ онъ въ себѣ наиболѣе наклонности, кромѣ однако медицинскихъ, для коихъ есть особыя заведенія. При семъ предоставить Крылову, доколѣ онъ будетъ въ живыхъ, назначать тѣхъ молодыхъ людей подлежащихъ сословій, которымъ онъ самъ пожелаетъ оказать благодѣяніе; въ послѣдствіи же выборъ сей будетъ зависѣть отъ министерства народнаго просвѣщенія. Впрочемъ министръ финансовъ не можетъ скрыть желанія своего, чтобы министерство народнаго просвѣщенія въ семъ случаѣ давало нѣкоторое преимущество сыновьямъ чиновниковъ, долго по министерству финансовъ служившихъ, такъ какъ почти вся сумма собрана чрезъ оное.

Кромѣ того прилично было бы посовѣтоваться о ближайшемъ назначеніи вышеозначенной суммы съ самимъ знаменитымъ баснописцемъ.

Сумма 60000 рублей * принесетъ въ годъ процентовъ по банковому размѣру до 2400 руб.; а если купить фонды, то,

---

* Изъ сохранившихся въ бумагахъ Крылова отношеній мин. нар. просвѣщ. С. С. Уварова, видно, что предположенія гр. Канкрина осуществились съ малымъ только измѣненіемъ относительно употребленія собранной суммы: за дополненіемъ изъ государственнаго казначейства составилась сумма въ 60000 р; на получаемые съ нея проценты, 2850 р. положено воспитывать по одному ученику въ трехъ гимназіяхъ: Ларинской, 2-й и 3-й с.-петербургскихъ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса они поступали въ университетъ. Первые стипендіады были избраны самимъ Крыловымъ: во 2-ю гимназію сынъ главной надзирательницы Сиротскаго института (нынѣ Николаевскаго) Оомъ. Со словъ Ѳедора Адольфовича Оома, нынѣ тайнаго совѣтника и секретаря Государыни Великой Княгини Цесаревны, могу присовокупить, что онъ и есть именно избранникъ И. А. Крылова; что поступивъ во 2-ю Спб. гимназію стипендіатомъ И. А. и по окончаніи курса въ оной въ 1846 г. получалъ ту же стипендію до 1850 г., когда окончилъ курсъ по камеральному отдѣленію юридическаго факультета, Спб. Университета. Мотивы, руководствовавшіе при этомъ избраніи И. А., были слѣдующіе: Ѳедоръ Адольфовичъ былъ его крестникомъ, а его мать, хотя и была главною надзирательницею столь важнаго учрежденія, по тогдашнему окладу получала весьма скудное содержаніе и не имѣла возможности помѣстить своего сына пенсіонеромъ гимназіи на свой счетъ. (Другія подробности, касающіяся этого предмета см. ниже). Не можемъ не принести нашей глубочайшей благодарности Ѳедору Адольфовичу за сообщеніе намъ этихъ извѣстій и дозво-

примѣрно по $4^3/_4\%$, до 2850 руб. въ годъ; слѣдовательно, достаточно для содержанія двухъ молодыхъ людей сперва въ гимназіи, по 800 руб., что и составитъ въ годъ 1600 р., а потомъ въ университетѣ 1200 руб. или въ годъ 2400 руб., изъ коихъ послѣднія выдавать имъ самимъ, какъ при стипендіяхъ бываетъ. Остатки за тѣмъ отъ процентовъ нынѣшней суммы и отъ тѣхъ денегъ, которыя сверхъ 60000 руб. поступить могутъ, можно сберегать для единовременнаго пособія окончившимъ курсъ въ университетѣ и на чрезвычайные случаи, или же, буде можно, и для посылки отличнѣйшихъ въ чужіе краи для дальнѣйшаго усовершенствованія.

О передачѣ вышеозначенной собранной суммы и дополненіи оной, въ случаѣ надобности изъ казны, министръ финансовъ имѣетъ счастіе представить на утвержденіе Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше докладывая, что онъ не оставитъ сообщить копію съ сей записки министру народнаго просвѣщенія.

(На подлинной собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: *«исполнить»*. Царское Село, 7-го октября 1838 г.).

VI.

Со времени послѣдней отставки до смерти.

Отношеніе министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова къ директору имп. публ. библіотеки Оленину, 1841 года, 17-го февраля * (копія).

Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу мо-

леніе ихъ напечатать: если могло высказаться въ литературѣ мнѣніе, бросающее тѣнь на нравственный характеръ одного изъ добросовѣстнѣйшихъ, честнѣйшихъ и талантливѣйшихъ представителей русскаго народа и его міросозерцанія, то на насъ лежитъ долгъ собрать все, что можно, дабы возстановить истинную нравственную физіогномію нашего почтеннаго старца, «нашу славу».—Въ 3-ю гимназію былъ избранъ сынъ дворянина черниговской губерніи Кобеляцкій, а въ Ларинскую сынъ тутул. сов. Мазуринъ. Какъ о г. Кобеляцкомъ, который, по словамъ Ѳ. А. Оома, тоже поступилъ въ университетъ, такъ о г. Мазуринѣ мы ничего не могли узнать.

* Отвѣтъ по высочайшему повелѣнію на представленіе Оленина, (см. II-е приложеніе къ статьѣ Я. К. Грота), *Сборн. II Отд. Им. А. Н.* т. VI.

ему вслѣдствіе отношенія вашего выс—ва, отъ 29-го декабря минувшаго года въ 15-й день сего февраля высочайше повелѣть соизволилъ: библіотекарю имп. публичн. библіот. статск. сов. Крылову, по уваженію долговременной службы, преклонныхъ лѣтъ и разстроеннаго здоровья, а также отличныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ отечественной словесности производить при отставкѣ въ пенсію изъ государственнаго казначейства, не въ примѣръ другимъ, полное содержаніе его по библіотекѣ, а именно, по 2486 р. 79 к. с. въ годъ, сверхъ пенсіи, получаемой имъ изъ кабинета его величества.

О таковой высочайшей милости сообщая вашему выс—ству для объявленія статск. сов. Крылову, покорнѣйше прошу сдѣлать распоряженіе объ увольненіи его отъ службы на законномъ основаніи и объ исполненіи сего увѣдомить меня для сношенія съ г. министромъ финансовъ о времени, съ котораго должно быть начато производство всемилостивѣйше пожалованной г. Крылову пенсіи.

Вмѣстѣ съ симъ обязываюсь покорнѣйше просить ваше выс—ство озаботиться пріисканіемъ на открывающуюся вакансію способнаго и надежнаго чиновника, который бы вполнѣ могъ содѣйствовать устройству по части библіотеки, состоявшей въ завѣдываніи г. Крылова*.

*Аттестатъ, данный Крылову при отставкѣ***, 1841 года 1-го марта.

Данъ сей изъ Императорской публичной библіотеки служившему въ оной библіотекаремъ статскому совѣтнику и кавалеру орденовъ: Св. Станислава 2 степени со звѣздою, св.

---

* Этою пенсіею Крыловъ сталъ пользоваться съ 1-го марта 1841 г., какъ видно изъ письма, адресованнаго къ нему Оленинымъ.

** Мы рѣшились помѣстить его вполнѣ, потому что, сколько намъ извѣстно, формулярный списокъ его утраченъ и потому, что этотъ документъ заключаетъ въ себѣ исчисленіе всѣхъ главнѣйшихъ фактовъ, необходимыхъ для правильно составленной біографіи.

Владиміра 3 и св. Анны 2 степени, имѣющему знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ, Ивану Андрееву сыну Крылову изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей, въ томъ, что онъ первоначально поступилъ на службу въ калязинскій уѣздный судъ 1781 года февраля 2; изъ онаго переведенъ былъ въ тверской губернскій магистратъ канцеляристомъ того же года декабря 4; по увольненіи изъ магистрата переведенъ тѣмъ же чиномъ въ с.-петербургскую казенную палату 1782 года генваря 10; въ оной произведенъ провинціальнымъ секретаремъ 1785 года апрѣля 6; изъ с.-петербургской казенной палаты по прошенію уволенъ и опредѣленъ въ кабинетѣ Его Императорскаго Величества 1788 г. марта 11; изъ кабинета уволенъ за болѣзнію 1790 г. декабря 7. По указу правительствующаго сената опредѣленъ къ рижскому военному генералъ губернатору князю Голицыну секретаремъ 1801 г. октября 5; произведенъ въ губернскіе секретари 1802 г. декабря 31; уволенъ былъ для опредѣленія къ другимъ дѣламъ 1803 г. сентября 26; опредѣленъ въ монетный департаментъ 1808 г. октября 6; по именному Высочайшему указу пожалованъ въ титулярные совѣтники того же года декабря 31. Отъ монетнаго департамента по прошенію уволенъ 1810 г. сентября 30; опредѣленъ въ Императорскую публичную библіотеку помощникомъ библіотекаря 1812 г. генваря 7; Высочайшимъ указомъ, даннымъ кабинету Его Императорскаго Величества, повелѣно производить ему изъ кабинета въ пенсіонъ по 1500 руб. ассигнаціями въ годъ того же года февраля 10; по именному Высочайшему указу во уваженіе отличныхъ дарованій въ россійской словесности пожалованъ въ коллежскіе ассесоры 1814 г. августа 14; опредѣленъ библіотекаремъ 1816 г. марта 23; Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 4 степени 1820 г. марта 27 и того же года, мѣсяца и числа Высочайшимъ указомъ, даннымъ кабинету Его Императорскаго Величества, повелѣно производить въ добавокъ къ пенсіону, получаемому имъ по указу 10 февраля 1812 года, еще по 1500 р. ассигнаціями въ годъ, съ которыми сей пенсіонъ составляетъ всего 3000 р.

въ годъ ассигнаціями; произведенъ въ надворные совѣтники со старшинствомъ съ 1819 г. декабря 31. Всемилостивѣйше пожалованъ въ коллежскіе совѣтники со старшинствомъ съ 1825 г. декабря 31, кавалеромъ ордена св. Анны 2 степени 1828 г. апрѣля 16, знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ 1830 г. августа 22; по именному Высочайшему указу произведенъ въ статскіе совѣтники того же года декабря 19; во уваженіе заслугъ, оказанныхъ отечественной словесности Всемилостивѣйше повелѣно производить ему сверхъ получаемыхъ окладовъ, добавочныхъ по 3000 руб. въ годъ ассигнаціями изъ государственнаго казначейства 1834 г. февраля 26; пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ 1834 г. августа 22; кавалеромъ ордена св. Владиміра 3 степени 1836 г. іюня 2; за отличные успѣхи и долговременные труды на поприщѣ отечественной словесности Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Станислава 2 степени со звѣздою 1838 г. февраля 2; пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ 1838 г. августа 22. Нынѣ же по прошенію его уволенъ въ отставку; но вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада господина министра народнаго просвѣщенія Высочайше повелѣно ему, Крылову, по уваженію долговременной службы, преклонныхъ лѣтъ и разстроеннаго здоровья, а также отличныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ отечественной словесности, производить при отставкѣ въ пенсію, изъ годасурственнаго казначейства, не въ примѣръ другимъ, полное содержаніе его по библіотекѣ, а именно 2,486 р. 79 к. серебр. въ годъ, сверхъ пенсіи, получаемой имъ изъ кабинета Его Величества. Во время служенія его при библіотекѣ, возложенную на его должность при отлично-хорошемъ поведеніи, какъ надлежитъ честному и благородному чиновнику исправлялъ съ усердіемъ, дѣятельностію и знаніемъ дѣла; въ штрафахъ и подъ судомъ, равно въ походахъ не бывалъ; въ 1824 году былъ уволенъ въ г. Ревель на 28 дней и изъ отпуска явился на срокъ; въ отставкѣ съ награжденіемъ чина не былъ, но былъ нѣсколько разъ увольняемъ отъ службы по прошенію за болѣзнію и для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, какъ о семъ выше показано

въ ономъ. Отъ роду ему (какъ значится по формулярному его списку) 73 годъ. Холостъ. Православнаго вѣроисповѣданія. Въ удостовѣреніе всего вышеписаннаго о службѣ статскаго совѣтника Крылова, сей аттестатъ подписанъ мною съ приложеніемъ печати Императорской Публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ, марта 1-го дня 1841 года.

Алексѣй Оленинъ.

Отъ президента Императорской академіи наукъ С. О. Уварова отношеніе. 1841 г. 25-го октября.

Государь императоръ по всеподданнѣйшему моему докладу въ 19-й день сего октября изволилъ всемилостивѣйше утвердить васъ, м. г., Императорской академіи наукъ ординарнымъ академикомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности *.

Отъ графа Толстаго **, 1842 г. 18-го февраля.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Великая княгиня Елена Павловна поручила предложить мнѣ отъ имени ея высочества вашему превосходительству принять участіе въ назначенномъ 24-го февраля маскарадѣ въ кадрилѣ знаменитыхъ поэтовъ въ костюмѣ русскаго боярина. Покорнѣйше прося васъ почтить меня отвѣтомъ***, съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть

Гр. А. Толстой.

1843 года 28-го апрѣля.

Этимъ числомъ помѣченъ дипломъ, присланный Крылову копенгагенскимъ обществомъ сѣверныхъ древностей на званіе члена по русскому отдѣленію.

---

* Къ отношенію приложено вновь изданное «Положеніе объ отдѣленіи русскаго языка и словесности при имп. акад. наукъ». Мы слышали, что императоръ Николай, подписывая упомянутое положеніе (въ Гатчинѣ 19-го октябрь 1844 г.), сказалъ министру: «Подписываю, но съ условіемъ, чтобъ Крыловъ былъ первымъ академикомъ». Преданіе вѣроятно, ибо не противорѣчитъ фактамъ.

** Графъ Александръ Николаевичъ, гофмейстеръ двора ея высочества.

*** Каковъ былъ отвѣтъ Крылова, не знаемъ; на подлинномъ письмѣ его рукою помѣчено: «Имя и отчество и чинъ»? Объ участіи Крылова въ этомъ маскарадѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Отъ Философова, 1844 г. 5-го августа.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Въ продолженіе всей святой недѣли вы не были у государыни императрицы. Ея величество сегодня изволили у меня спросить, не нездоровье ли ваше заставило васъ измѣнить старой вашей привычкѣ, и когда я отозвался незнаніемъ, государыня повелѣла мнѣ увѣдомить васъ, что отложенное вамъ яйцо ждетъ васъ съ перваго дня пасхи, что она желаетъ, чтобы вы за нимъ пріѣхали, естьли только силы ваши вамъ это дозволятъ.

Примите, м. г., Иванъ Андреевичъ, увѣреніе искренняго сердечнаго моего къ вамъ уваженія и нелицемѣрной преданности.

Алексѣй Философовъ.

Этимъ письмомъ оканчиваются наши матеріалы; намъ остается только присовокупить некрологи, которыми петербургскія газеты извѣстили Россію о кончинѣ чтимаго ею баснописца, послѣдовавшей 9-го ноября 1844 года въ исходѣ осьмаго часа утра.

Вѣдомости С.-П—ской городской полиціи № 249, пятница, 10 ноября 1844 г.

Сейчасъ получили мы прискорбное извѣстіе, которое съ сердечнымъ участіемъ приметъ вся Россія: Крылова не стало, нашего «дѣдушки» Крылова, у котораго учились русскому языку два поколѣнія русскихъ писателей и который останется на всегда неподражаемымъ баснописцемъ и истинно народнымъ русскимъ писателемъ. Маститый старецъ скончался 9-го числа въ исходѣ 8-го часа утра послѣ четырехдневной болѣзни.

(Далѣе слѣдуетъ объявленіе о выносѣ тѣла).

Русскій Инвалидъ, № 255, суббота 11 ноября 1844.

Русская литература понесла новую, великую потерю. Старѣйшій между русскими литераторами, нашъ знаменитый баснописецъ, И. А. Крыловъ скончался вчера 9-го ноября въ исходѣ 8 часа утра послѣ четырехдневной болѣзни. Пятьде-

сятъ семь лѣтъ славилось имя Крылова во всѣхъ концахъ грамотной Руси; нѣсколько поколѣній воспиталось по его баснямъ, учась въ нихъ и языку, и добру, и мудрости житейской. Мы сами, дѣти наши сохранили въ душѣ своей образъ и имя Крылова вмѣстѣ съ первыми нѣжнѣйшими впечатлѣніими дѣтства, и этотъ образъ, это имя сопутствовали намъ во всѣхъ путяхъ нашей жизни — чистые, свѣтлые, безукоризненные. Восьмидесятилѣтній старецъ, сходя въ могилу, могъ вполнѣ насладиться рѣдкимъ для какой бы то ни было славы счастіемъ: онъ не пережилъ самого себя! Послѣднія, недавнія его произведенія такъ же свѣжи, какъ и прежнія. Имя его, и въ послѣднюю минуту его жизни было такъ же громко, произносилось съ тѣмъ же искреннимъ, глубокимъ уваженіемъ, какъ и въ эпоху наибольшей его литературной дѣятельности. Оно сдѣлалось въ полномъ смыслѣ народнымъ, потому что всякій русскій человѣкъ, сколько-нибудь грамотный, уже знаетъ это имя и любитъ его: вѣрная порука за безсмертіе!... Если не ошибаемся, Крыловъ не оставилъ семейства; но мы всѣ — одна семья его; всѣ мы ученики его и воспитанники, должны собраться около его гроба и съ благоговѣніемъ проводить его до послѣдняго жилища. Выносъ тѣла И. А. Крылова назначенъ изъ церкви св. Исаакія Далматскаго (въ Адмиралтействѣ) 13-го ноября, въ понедѣльникъ въ 10 часовъ утра, а отпѣваніе въ Александро-Невской лаврѣ,—тамъ, гдѣ покоятся уже литературныя славы наши: Ломоносовъ, Карамзинъ, Гнѣдичъ, бывшій столько лѣтъ другомъ Крылова... Приглашаемъ всѣхъ, кому дорога честь слова русскаго, принять участіе въ этомъ погребеніи, которое должно быть нашимъ общимъ народнымъ дѣломъ,—послѣднимъ торжественнымъ выраженіемъ благодарности и уваженія къ нашему мудрому наставнику, доброму, снисходительному цѣнителю трудовъ нашихъ, и честному, благородному человѣку во всѣхъ поступкахъ его частной и общественной жизни. А. Краевскій.

Сѣверная Пчела, № 258, суббота 11 ноября 1844.

9-го ноября въ исходѣ 8 часа по полуночи скончался послѣ четырехдневной болѣзни первый въ просвѣщенномъ мірѣ бас-

нописецъ современной эпохи, старѣйшій и заслуженнѣйшій изъ русскихъ литераторовъ, Ив. А. Крыловъ, на 77-мъ году отъ рожденія (род. 2-го февраля 1768 г.). Теперь уже не осталось ни одного писателя вѣка Екатерины! Потеря горестная и незамѣнимая не только въ русской, но и во всемірной литературѣ! Покойный И. А. Крыловъ принадлежалъ къ тому малому числу геніяльныхъ мужей, которые своею славою озаряютъ эпоху своего существованія и, принадлежа всему человѣчеству, дѣлаютъ честь своей отчизнѣ. Въ самомъ скоромъ времени въ *Сѣв. Пчелѣ* будетъ помѣщено о жизни и литературныхъ трудахъ сего знаменитаго народнаго писателя. Въ послѣднія минуты жизни Иванъ Андреевичъ изъявилъ желаніе, чтобы всѣмъ помнящимъ о немъ было послано на память по экземпляру его басенъ. До сихъ поръ разослано уже до 800 экземпляровъ. Идея прекрасная, трогательная!

(Слѣдуетъ объявленіе о похоронахъ).

Сѣверная Пчела, № 260, вторникъ, 14-го ноября 1844.

13-го ноября происходилъ погребальный обрядъ знаменитаго народнаго писателя, Ивана Андреевича Крылова. Государю Императору, великодушному покровителю всѣхъ талантовъ, угодно было оказать послѣднее родительское попеченіе заслуженному мужу, неоставившему послѣ себя родственниковъ: Русскій Царь похоронилъ перваго русскаго писателя. Къ выносу тѣла, въ десять часовъ утра, собрались въ Адмиралтейскую церковь св. Исаакія Далматскаго государственные сановники, ученые, литераторы, дамы, сколько могли вмѣститься въ церкви. Викарій здѣшней епархіи, преосвященный Іустинъ, совершилъ литію, а протоіерей Исаакіевскаго Собора, Алексѣй Ивановичъ Маловъ, произнесъ краткую, но трогательную рѣчь. Гробъ вынесли изъ церкви и поставили на дроги Гг. военные генералы и первоклассные государственные чиновники, въ томъ числѣ генералъ отъ кавалеріи, генералъ-адъютантъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, генералъ отъ инфантеріи Иванъ Никитичъ Скобелевъ, генералъ-лейтенантъ А. Я. Ваксмутъ, генералъ-маіоръ и душеприкащикъ покойнаго

И. А. Крылова, Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ и другіе заслуженые и почтенные мужи. Будущее поколѣніе, знающее наизусть поучительные разсказы дѣдушки Крылова, студенты здѣшняго университета окружали гробъ, поддерживали балдахинъ и несли ордена. При сопровожденіи гроба въ Александро-Невскую лавру множество народа слѣдовало за печальною процессіею и встрѣчало ее на улицахъ. Отцы и матери провожали добродушнаго наставника своихъ дѣтей; дѣти оплакивали своего любимаго собесѣдника и учителя, весь народъ прощался съ *своимъ* писателемъ, равно для всѣхъ понятнымъ, занимательнымъ и поучительнымъ. Въ Лаврѣ, послѣ божественной литургіи, обрядъ отпѣванія совершалъ высокопреосвященный Антоній, митрополитъ новгородскій, с.-петербургскій, эстляндскій и финляндскій, съ преосвященнымъ Іустиномъ и преосвященнымъ Аѳанасіемъ, епископомъ винницкимъ. Бренные останки безсмертнаго народнаго писателя положены въ землю рядомъ съ могилою друга и товарища его Н. И. Гнѣдича (переводчика гомеровой Иліады). Много поэтическихъ идей излилось изъ геніальнаго ума И. А. Крылова и поэтическая идея озарила послѣднее прощаніе съ нимъ признательныхъ къ нему современниковъ. На головѣ покойнаго былъ тотъ самый лавровый вѣнокъ, которымъ благодарные соотечественники украсили его въ день юбилея пятидесятилѣтней литературной его жизни; на груди и на сердцѣ лежали цвѣты, которыя ея императорское величество государыня императрица Александра Ѳеодоровна, по особенной своей милости къ первому русскому писателю, благоволила иногда присылать ему и которые онъ сберегалъ какъ святыню; вмѣсто герба на траурныхъ принадлежностяхъ было изображеніе медали выченной для увѣковѣченія памяти о юбилеѣ Ив. Андреевича*, и при закрытіи гроба г. министръ нар. просвѣщ. д. т.

* Это не вѣрно. Покойный Изотовъ, который занимался устройствомъ похоронъ, доставилъ намъ черновой рисунокъ собственной его работы, украшавшій щитки на траурныхъ принадлежностяхъ, и при томъ сообщилъ, что Я. И. Ростовцовъ былъ въ затрудненіи, что помѣстить на этихъ щиткахъ, такъ какъ у Крылова не было герба; но найдя у покойнаго вѣнокъ, поднесенный ему на юбилеѣ, предложилъ Изотову нарисовать его, сказавъ: «это будетъ лучше всѣхъ гербовъ въ мірѣ».

сов. С. С. Уваровъ положилъ одну медаль въ гробъ. Общая и искренняя горесть была послѣднею данью незабвенному, которымъ Россія гордится по справедливости, и котораго имя будетъ до тѣхъ поръ повторяться съ сердечною хвалою, пока будетъ существовать языкъ русскій.

С.-Петербургскія Вѣдомости, № 262, среда, 17 ноября 1844*.

Крылова не стало!... Вѣсть объ этомъ горестномъ событіи уже несется теперь по всей Россіи и, конечно, во всѣхъ концахъ нашего неизмѣримаго отечества, гдѣ только читаютъ по-русски, принимается съ одинаковымъ, искреннимъ соболѣзнованіемъ. Велика наша утрата, но сокрушеніе о ней умѣряется мыслью утѣшительною: прекрасно жилъ, прекрасно и умеръ нашъ добрый «дѣдушка Крыловъ», по удачному выраженію кн. Вяземскаго. Семьдесятъ шесть лѣтъ жизни физической, пятьдесятъ шесть жизни литературной «всегда народной по своему духу, всегда чистой по своему нравственному направленію»** поприще, какое суждено пройти немногимъ. Поэтъ истинно самобытный, когда литература наша еще жила подражаніемъ, поэтъ по преимуществу народный, когда еще самое слово «народность» не употреблялось у насъ въ томъ значеніи, какое мы ныньче придаемъ ему, Крыловъ всегда имѣлъ успѣхъ, какимъ не пользовался никто изъ другихъ нашихъ поэтовъ, потому что Крыловъ былъ поэтъ чисто русскій — русскій по уму здравому, свѣтлому и могучему, русскій по неизмѣнному добродушію, русскій по игривой, безобидной ироніи, столь свойственной нашему народу, ироніи, которая всегда сопровождается улыбкою благорасположенія. Въ многочисленныхъ своихъ произведеніяхъ онъ говорилъ всѣмъ и каждому истины всегда мѣткія, всегда горькія, никому необидныя, именно потому, что онѣ запечатлѣны печатью доброжелательства, что въ насмѣшливости его не было ни капли желчи. Творенія Крылова, какъ яркое выраженіе духа народнаго и нравовъ нашего времени, не умрутъ, пока живъ

* Эта статья перепечатана въ *Рус. Инв.* № 260, 17-го ноября.

** Слова С. С. Уварова въ привѣтственной рѣчи на юбилеѣ.

языкъ русскій; пройдутъ тысячелѣтія, и *Басни* Крылова будутъ одними изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ *древней* русской литературы. Какъ человѣкъ, Крыловъ отличался тѣми же прекрасными качествами, которыя придаютъ такую высокую цѣну его твореніямъ. Умный, добрый, скромный, даже излишне скромный*, онъ во всю жизнь свою былъ окруженъ общею любовью, искреннимъ уваженіемъ, никогда не возбуждая низкаго чувства зависти, и умеръ—не переживъ своего таланта, умеръ тихо, спокойно, когда тѣло его еще не было обременено старческими недугами, а душа была также ясна, какъ въ лѣта юности: за нѣсколько часовъ до своей кончины онъ остроумно шутилъ — надъ самимъ собою..

Во все время, пока тѣло покойнаго оставалось въ его квартирѣ, не смотря на затруднительность сообщенія между берегами Невы**, скромное жилище его не пустѣло, посѣщенія не перемежались, многочисленные почитатели его таланта и характера безпрерывно слѣдовали одни за другими; отцы приводили къ его гробу дѣтей своихъ, чтобы внушить имъ уваженіе къ таланту и свѣтлой, безукоризненной репутаціи.

Прекрасная жизнь, какъ мы уже говорили, заключилась и кончиною прекрасною. На неизбѣжный переходъ отъ жизни временной къ вѣчной Крыловъ смотрѣлъ безтрепетно, спокойно, какъ философъ и христіанинъ. Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія по своему имуществу, онъ не забылъ и о своихъ похоронахъ. Оригинальный и тутъ, онъ хотѣлъ, чтобы пригласительные билеты сопровождались собраніемъ его басенъ,— приношеніемъ на память о немъ.

(Далѣе слѣдуетъ описаніе похоронъ, при чемъ сообщено, что на похороны Крылова была пожалована Государемъ особая сумма. Въ заключеніе прибавлено извѣщеніе, что министръ нар. просв. въ скоромъ времени имѣетъ открыть подписку на надгробный памятникъ).

* Необыкновенный успѣхъ своихъ произведеній онъ приписывалъ тому, что басни его даютъ въ руки дѣтямъ, а дѣти не умѣютъ беречь книгъ. *Пр. авт.*

** Крыловъ жилъ на Вас. Остр. въ 1-й линіи въ домѣ Блинова. Это четвертый домъ отъ Румянцовской площади, нынѣ Соловьевскаго сквера. *Прим. авт.*

VII.

Левъ Андреевичъ Крыловъ

(БРАТЪ БАСНОПИСЦА).

Левъ Андреевичъ Крыловъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ незначительныхъ людей, которые проходятъ свое земное поприще, не ознаменовавъ его никакимъ замѣтнымъ дѣломъ, не возвысивъ и не унизивъ своей скромной доли, и умираютъ, не оставивъ по себѣ «ни мысли плодовитой», ни даже слѣда своего существованія. О такихъ людяхъ человѣчество ничего не знаетъ, а близкіе къ нимъ товарищи и друзья забываютъ ихъ, чуть ли не у самой могилы. Если воспоминанія о нихъ иногда и сохраняется, то они обязаны этимъ своимъ невольнымъ отношеніемъ къ людямъ геніяльнымъ, озарявшимъ все, что ни соприкасалось съ ними. Таковъ былъ и Левъ Андреевичъ Крыловъ.

Всѣ наши свѣдѣнія о немъ мы почерпаемъ изъ его писемъ къ брату, которыя сохранились въ бумагахъ послѣдняго, принадлежащихъ нынѣ Имп. Акад. Наукъ.

Онъ началъ службу въ гвардіи и жилъ въ Петербургѣ, когда его братъ вмѣстѣ съ Клушинымъ издавалъ журналъ; но когда онъ перешелъ въ армію и по какой причинѣ, того изъ писемъ не видно. Время разлуки съ братомъ не ослабили въ немъ нѣжной, почти сыновней привязанности къ нему. «Любезный батюшка, братецъ Иванъ Андреевичъ», «милый тятенька», вотъ постоянныя обращенія, повторяющіяся въ каждомъ письмѣ. Въ нихъ Л. А. дѣлился съ своимъ геніяльнымъ братомъ и радостями своими и горемъ, навѣщавшимъ его не разъ. Конечно, такая искренность отношеній можетъ сохраняться только тогда, когда она взаимна. И. А. до послѣдней минуты жизни своего брата, умѣршаго гораздо ранѣе его, былъ его другомъ, покровителемъ и помощникомъ; постоянно входилъ въ мельчайшія его нужды, интересовался его служебнымъ положеніемъ, его знакомствами, образомъ жизни, занятіями, расходами. Отвѣты Л. А-ча на его вопросы рисуютъ до мельчайшихъ подробностей бѣдную картину жизни

сначала армейскаго, а потомъ гарнизоннаго офицера, ибо Л. А. по болѣзни перешелъ въ гарнизонъ.

Чтобы не утомлять вниманія читателей, мы воздерживаемся отъ перепечатыванія всѣхъ писемъ и ограничимся только извлеченіями и небольшими выдержками изъ нихъ.

Первое письмо по времени написано въ 1800 году 11 или 12 января и получено И. А. Кр. (какъ видно изъ его собственноручной замѣтки) *1800 г. генваря 17 дня*. Приводимъ начало его, потому что оно, на нашъ взглядъ весьма характерично:

«Богу одному извѣстно, сколько сердце мое чувствуетъ радости, читая твое пріятное письмо, которое я получилъ сего Генваря 11 дня, совложеніемъ ста рублей асигнацій; и сколько я ни думалъ описать тебѣ мою благодарность, но наконецъ увидѣлъ, что слабый умъ мой никогда не можетъ сыскать словъ, чтобы живо выразить оную. Мнѣ кажется, что сильныя дѣйствія сердца только можно чувствовать, а описать никогда.... Ты говоришь, любезный тятенька, что живешь весело и доволенъ своимъ состояніемъ, по милости князя Сергія Федоровича Голицына. Слава богу! желаю тебѣ отъ всего моего сердца и прошу Бога, чтобы ты и всю свою жизнь провелъ весело. Увѣряю тебя, любезный мой, что меня ничто не можетъ больше веселить, какъ твое доброе состояніе»...

Далѣе въ отвѣтъ на вопросъ брата, требовавшаго, чтобы Л. А. описалъ ему весь свой «*экипажъ*», онъ перечисляетъ все свое скудное имущество, въ которомъ книги занимаютъ первое и весьма значительное мѣсто; скрипка, взятая И. А—чемъ у какого то Сафонова, также «много прогоняла скуку» Л. А—ча.За тѣмъ слѣдуетъ счетъ денегъ, заключающійся слѣдующими восклицаніями: и такъ видишь ты любезный тятенька, имѣю я больше 200 рубл., чего у меня никогда не бывало и которыхъ, думаю, на долго станетъ, ибо я въ карты не играю, столъ имѣю всегда хорошій... передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ рюмка водки, поутру чай...

Послѣ того Л. А. разсказываетъ о своемъ походѣ. 1799 г. 12 Января, войска, находившіяся въ Херсонѣ, получили приказаніе отъ генерала Германа немедленно выступить въ

походъ; «но какъ была нѣкоторая неисправность въ разсужденіи обоза да и офицеровъ у многихъ ни лошадей, ни повозокъ, то и промѣшкали до 22. Сего числа поутру въ 8 часовъ съ помощію божіею выступили. Надобно сказать тебѣ напередъ, что у меня передъ этимъ временемъ не было ни полушки денегъ, а кормили меня товарищи, съ которыми я жилъ въ одной казармѣ. Хотя у меня и была маленькая повощенка, но лошади и ничего больше; а безъ денегъ въ походѣ пренегодно. Занялъ я 30 рублей у батальоннаго начальника въ счетъ жалованья и, такимъ образомъ, кое какъ собравшись, потащился, самъ пѣшкомъ и во весь походъ шелъ пѣшій.... Вообрази себѣ, любезный тятенька, что я не ходивши никогда, и 20 верстъ пѣшкомъ! А тутъ съ утра была оттепель, снѣгу выпало по колѣно»... потомъ сдѣлался жестокій морозъ, «я же шелъ въ штиблетахъ, повозки всѣ отправили впередъ; мнѣ кажется, я бы совсѣмъ околѣлъ, если бы къ щастью моему повозка моя не остановилась; однакоже я совсѣмъ тѣмъ, такъ сильно отморозилъ ноги, что до самого Бору болѣли, цѣлый мѣсяцъ».— Въ Бору генералъ Германъ сдѣлалъ смотръ войскамъ, послѣ чего они продолжали путь до Гусятина; здѣсь расположились они по деревнямъ и поступили подъ начальство князя Дмитрія Михайловича Волхонскаго. Подъ командою князя Волхонскаго они совершили весь походъ. Авторъ письма останавливается на описаніи Львова и Пешта, гдѣ наши войска были встрѣчены принцемъ Іосифомъ и гдѣ имъ былъ оказанъ самый радушный пріемъ, что также описано въ письмѣ весьма кратко: обѣдъ, балъ, музыка и т. п.

Изъ послѣдующихъ писемъ видно *, что Л. А. велъ журналъ во время всего Италіанскаго похода и по частямъ доставлялъ его брату; къ сожалѣнію, онъ не весь сохранился. Небольшой отрывокъ (одинъ почтовый листъ) даетъ однакоже понятіе, о томъ въ какомъ родѣ былъ этотъ журналъ. Онъ по изложенію напоминаетъ хожденіе игумена Даніила. Въ этомъ отрывкѣ весь маршрутъ отъ Новіи, гдѣ происходило

* Изъ Серпухова, 1802 г. апрѣля 3-го дня.

16-ти часовое сраженіе, въ которомъ войска, гдѣ находился Л. А. не участвовали, потому что опоздали, ибо пошли не тою дорогою, — до Кастель-Флорентино «небольшаго селенія на высокой горѣ; здѣсь означены время всѣхъ переходовъ, мѣстечка, города, нѣсколько общихъ замѣчаній сдѣлано о каждомъ, но ничего нѣтъ, что бы могло заинтересовать читателя въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Слѣдующее письмо, отъ 26 дек. 1801 года* писано, какъ видно, изъ Серпухова, вокругъ котораго расположились войска, возвратившіяся изъ похода. Въ немъ Л. А. поздравляетъ брата съ новымъ годомъ и благодаритъ за присланные ему 50 р. асигнаціями.

Изъ писемъ, отосланныхъ изъ Серпухова въ 1802 г. сохранилось только два; первое (безъ означенія числа) не смотря на краткость, не лишено интереса. Приводимъ его въ извлеченіи. Поблагодаривъ брата за письмо, полученное 24 января, Л. А. продолжаетъ: «сказка твоя о Марфушкѣ (?) меня удивила. Я право полагалъ, что она давно на волѣ, а она бѣдная терпѣла черезъ твою безпечность. Однакожъ теперь я очень радъ и благодарю тебя, что ты за все претерпѣніе ее наградилъ; покрайней мѣрѣ она теперь сыщетъ гдѣ нибудь пристанище и не будетъ бояться тюрьмы, которой прежде всякій разъ ожидала». Пожалѣвъ, что не имѣетъ свѣдѣній о своихъ прежнихъ товарищахъ, Л. А. восклицаетъ: «что вздумалось Клушину твоему жениться, да еще и съ такимъ богатымъ приданнымъ, и вѣрно на актрисѣ? Я бы никогда отъ него этого не ожидалъ!» Не лишено интереса и слѣдующее замѣчаніе: «Конечно вы съ нимъ не въ ладу, что такъ въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, а не имѣете переписки»**. Въ этомъ же письмѣ сообщается новость: Л. А—чу удалось въ Серпуховѣ открыть родственницу «дядюшки Якова

* Это единственное письмо, на которомъ сохранился адресъ. Передаемъ его буквально: Его Благородію Крылову Милостивому Государю моему Ивану Андреевичу, секретарю при Его Сіятельствѣ Князѣ Сергія Федоровича Голицына, въ Ригѣ.

** Дѣйствительно ли Ив. Андр. разошелся съ Клушинымъ вслѣдствіе какихъ либо неудовольствій, или развели ихъ обстоятельства, я не имѣлъ возможности узнать.

воображаетъ, что онъ въ арміи, забывая, что въ гарнизонѣ одни калѣки и старые люди». Отсюда же узнаемъ, что Л. А. въ 1806 году произведенъ въ капитаны «и успѣлъ подъ Туркою быть въ пяти сраженіяхъ, »но слава Богу«, не раненъ; а за болѣзнью въ 808 году переведенъ въ гарнизонъ». Въ концѣ письма онъ проситъ брата прислать ему свои сочиненія, которыя онъ «весьма желалъ бы прочесть, а особливо басни, которыя и здѣсь (въ Каменцѣ-Подольскомъ) въ славѣ».

Но на это письмо Л. А. долго не получалъ никакого отвѣта и въ письмѣ отъ 19 авг. 1816 г. теряется въ предположеніяхъ, что бы могло значить это молчаніе. Онъ извѣщаетъ брата, что назначенъ асессоромъ въ коммиссіи военнаго суда, что служба его хотя и гарнизонная, но тягостная, что онъ «не выходитъ изъ мундира, который самъ съ плечъ валится», а сшить новый онъ не рѣшается потому, что «хоть и есть у него немного деньжонокъ, но онъ боится, что израсходовавъ ихъ, ему ѣсть нечего будетъ». «Прошу еще тебя, любезный тятенька, заключаетъ онъ, сдѣлай отеческую милость, не забудь любящаго тебя брата; признаюсь мнѣ очень совѣстно безпокоить тебя своими нуждами, но я надѣюсь на твое великодушіе»...

Послѣднюю просьбу брата Ив. Андр. исполнилъ тотчасъже: на оборотѣ этого письма его рукою сдѣлана слѣдующая надпись: «Получено 10 сентября, 11 отправленъ отвѣтъ и 200 р. асигн. Записано на почтѣ 11 сентября № 33».

Въ слѣдующемъ письмѣ, 9-го декабря того же года, Л. А. повторяетъ свои усиленныя просьбы писать къ нему и между прочимъ увѣдомить, получилъ ли онъ 6 фунтовъ турецкаго табаку, посланные при письмѣ отъ 4 октября; это письмо до насъ не дошло, хотя, какъ видно изъ другихъ писемъ, благополучно достигло вмѣстѣ съ табакомъ по назначенію.

Въ мартѣ 1817 г. И. А. исполнилъ просьбу брата, повторявшуюся неоднократно въ прежнихъ его письмахъ: прислалъ ему экземпляръ своихъ басенъ, двѣ комедіи и неизбѣжныя 150 р. ас. Вотъ что по этому поводу пишетъ Л. А. (отъ 17 марта): «Благодарю тебя, любезный мой тятенька, что ты *меня не позабылъ* и исполнилъ свое обѣщаніе. Безпримѣрныя

твои басни я пробѣжалъ, и могу сказать, что не даромъ ты ими прославился, да и Государь Императоръ удостоилъ ихъ назвать пріятными и полезными... Я никогда не сомнѣвался, чтобъ ты не употребилъ свои божественныя дарованія въ пользу общаго блага, и нахожу, что нѣтъ ничего достойнѣе благородной души, какъ совѣтами и самыми легкими доказательствами отвращать отъ порока и привлекать къ добродѣтели. Повѣрь, любезный тятенька, что примѣры твоей добродѣтели и всѣ твои слова, слышанныя мною еще въ младенчествѣ, въ сердцѣ моемъ останутся неизгладимы до конца моей жизни».—Не лишены интереса замѣчанія Л. А, о портретѣ брата, приложенномъ къ баснямъ. Онъ находитъ его вовсе не похожимъ и не вѣритъ, чтобы человѣкъ могъ такъ помолодѣть. Въ этомъ и самъ И. А. легко могъ убѣдиться, сравнивъ портретъ при басняхъ съ прежнимъ *.

Отъ разсужденія о портретѣ Л. А. переходитъ къ разсказу о томъ, какъ проводитъ время и какъ живетъ, о чемъ спрашивалъ его И. А. Отъ 5 часовъ утра до 9 онъ занимался дѣлами своей роты: читалъ бумаги, составлялъ отчеты, бесѣдовалъ съ фельдфебелемъ; съ 9 до часу исполнялъ обязанности судьи. Въ часъ обѣдалъ: «ѣлъ щи да кашу, по праздникамъ и жаркое, и рюмку водки выпивалъ». Время до 7 часовъ опять посвящался ротѣ. Только вечеръ принадлежалъ ему. Тогда онъ весь предавался своей скрипкѣ. «Изъ этого, продолжаетъ онъ, ты можешь заключить, что я мало скучаю праздностію, и если бы ты, любезный тятенька, былъ со мною, такъ я бы полагалъ себя наисчастливѣйшимъ изъ смертныхъ... Знакомыхъ здѣсь я никого не имѣю, съ кѣмъ бы могъ раздѣлить пріятно время. Да городъ здѣсь маленькій, набитъ жидами и поляками, а съ поляками мнѣ совсѣмъ не свойственно дружиться». Но онъ умѣлъ быть и этимъ доволь-

* Здѣсь ясно говорится о томъ портретѣ, на которомъ Крыловъ изображенъ еще молодымъ человѣкомъ и который приложенъ къ Собранію его сочиненій, изд. въ 1848 году. Что же касается до другаго, по словамъ Л. А., непохожаго портрета, то онъ вѣроятно истребленъ вмѣстѣ съ изданіемъ 1815—16 годовъ; при двухъ же экземплярахъ этого изданія, извѣстныхъ намъ, портрета вовсе нѣтъ.

нымъ: «Живу я по своему состоянью довольно хорошо», заключаетъ онъ.

Изъ этого же письма узнаемъ, что Л. А., уже находясь въ гарнизонѣ, въ 1813 году участвовалъ въ походѣ въ Пруссію, «а теперь», продолжаетъ онъ, «сижу уже на мѣстѣ, какъ ракъ на мели. Вотъ теперь меня можно назвать *сивымъ старцемъ*, какъ меня въ молодости друзья называли».

Спустя мѣсяцъ (11-го апрѣля) Л. А. пространно сѣтуетъ на брата, что онъ, требуя отъ него подробныхъ отчетовъ, о себѣ молчитъ и ничего не сообщаетъ о своихъ обстоятельствахъ. Среди скуки и однообразія жизни онъ теперь находитъ новое развлеченіе въ его басняхъ: «скажу тебѣ, любезный тятенька, басни твои меня такъ утѣшаютъ, что я многія изъ нихъ наизусть вытвердилъ, и читать ихъ никогда не наскучитъ». Изъ всѣхъ басенъ особенно понравилась ему *Сочинитель и Разбойникъ*; такъ что онъ откровенно сознается, что «въ жизни ничего лучшаго не начитывалъ. Да и всѣ твои басни, прибавляетъ онъ, безпримѣрны».—Я бы желалъ прочесть и другія твои сочиненія, и я увѣренъ, что они должны быть безподобны». Но Л. А. не зналъ, какъ его желаніе не исполнимо!

Письмо заключается слѣдующею весьма часто повторяющеюся просьбою: «прошу тебя, голубчикъ мой, пожалуйста, удѣли полчаса времени, не полѣнись, напиши ко мнѣ попространнѣе».

Почти тѣми же словами начинается слѣдующее письмо отъ 2-го іюня: «Ты мнѣ пеняешь, что я лѣнюсь къ тебѣ писать, а самъ, вотъ уже три мѣсяца прошло, ни строчки ко мнѣ не напишешь». Далѣе Л. А. извѣщаетъ брата, что онъ находится въ безпрестанныхъ трудахъ и заботахъ, что къ прежнимъ занятіямъ прибавилось новое, поглощающее много времени, именно: счетъ книгъ каменецкаго провіантскаго магазина; къ тому же увеличились заботы и по ротѣ, потому что баталіонъ ходитъ занимать караулы.

Но и сентябрь наступилъ, и Л. А. еще разъ послалъ брату 6 фунтовъ турецкаго табаку, а онъ все молчитъ; уже *въ октябрѣ* дѣлаетъ предположеніе, не вздумалось ли И. А.

прокатиться въ Москву, куда, какъ слышно было въ Каменцѣ-Подольскомъ, отправился Государь и гвардія, неизвѣстно, по какой причинѣ.

Какъ ни страннымъ должно было показаться И. А. такое предположеніе, однакожъ онъ сохранилъ молчаніе до самого декабря. Между тѣмъ Л. А. успѣлъ написать и четвертое письмо, въ которомъ снова пеняетъ на его лѣнь и умоляетъ написать хоть пять строкъ, ибо, говоритъ онъ: «я все-таки не думаю, чтобы ты меня забылъ, а полагаю, что ты все откладываешь за лѣнью, чѣмъ меня крайне безпокоишь». Тутъ же Л. А. извѣщаетъ брата, что есть слухъ, будто Государь пріѣдетъ въ Каменецъ въ апрѣлѣ будущаго года, а онъ промотался—сшивъ себѣ сюртукъ, за который 80 р. ас. долженъ былъ заплатить; между тѣмъ у него нѣтъ серебрянаго шарфа и витишкетовъ къ смотру. «Деньгами же я, продолжаетъ онъ, до назначеннаго отъ тебя, голубчикъ мой, жалованія, какъ нибудь перебьюсь».

Ив. Андр. предупредилъ просьбу брата: 5-го декабря онъ отослалъ къ нему письмо со вложеніемъ 250 рубл. ассигн., которое тотъ получилъ 31 декабря. Отвѣтъ на это письмо (отъ 15 янв. 1818 г.) открываетъ еще одну черту въ отношеніяхъ между братьями. Ив. Андр. не ограничивался одною высылкою денегъ къ назначенному сроку; онъ сверхъ того желалъ быть поближе къ брату и, какъ видно, серьозно о томъ подумывалъ. Но на эти мечты его пусть лучше отвѣчаетъ самъ Л. А. »Ты меня, голубчикъ, весьма много обрадовалъ, что желаешь какъ нибудь перетащить меня поближе къ себѣ. Я не могу изъяснить, сколь велико желаніе мое быть съ тобою вмѣстѣ, или хотя въ недальнемъ разстояніи отъ тебя; но ума не приберу, какимъ образомъ можно бы это сдѣлать. Ты пишешь, что твои пріятели могутъ сыскать или достать мнѣ мѣсто комендантское или плацъ-маіорское въ какомъ нибудь уѣздномъ городкѣ поблизости Петербурга; но эти мѣста штабъ-офицерскія, а я только капитанъ. Плацъ-адъютантомъ хотя бы я и могъ быть, но это мѣсто весьма хлопотливо да и *надобно знать по бумагамъ*; а я при огнѣ даже читать, а особливо рукопись совсѣмъ не могу; ибо гла-

зами я очень слабъ, и потому, сколько мнѣ ни желательно быть чаще съ тобою вмѣстѣ, но остаюсь безъ всякой надежды по своему здоровью. Развѣ ты, голубчикъ, посовѣтуешься съ твоими почтенными пріятелями, можетъ быть, они что придумаютъ. И если они найдутъ спокойное и несуетливое мѣсто, сверхъ моего чаянія, по моему слабому и *безоружному* здоровью, и могутъ мнѣ доставить, то пожалуйста, любезный тятенька, поскорѣе. Въ разсужденіи же штатскихъ должностей, я никакъ не сроденъ и не способенъ, служа съ малолѣтства вотъ уже 32-й годъ въ военной службѣ«... «Ахъ, какъ, голубчикъ мой, заключаетъ Л. А., желаю тебя видѣть и обнять тебя и лично поблагодарить за твои ко мнѣ благодѣянія. Клянусь тебѣ, что все мое благополучіе поставляю въ томъ, если бы я могъ съ тобою вмѣстѣ жить или хоть часто тебя видѣть».

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 13 февр. 1818 г.) опять повторяются укоризны брату, что онъ залѣнился и опять со дня на день откладываетъ, между тѣмъ какъ Л. А. нетерпѣливо ожидаетъ отвѣта на его послѣдніе вопросы, которые его въ особенности занимали, тѣмъ болѣе, что самъ И. А. подалъ къ нимъ поводъ. »Я нетерпѣливо желаю тебя видѣть, говоритъ онъ: мы никогда не были столь долго съ тобою въ разлукѣ. Вотъ уже 12 съ половиною лѣтъ какъ мы съ тобою разстались, а у насъ никого больше родни нѣтъ. Божусь тебѣ, любезный тятенька, меня это весьма крушитъ, что мнѣ кажется, что я умру невидѣвши тебя«. Далѣе, по обыкновенію, Л. А. доноситъ, что онъ по милости брата ни въ чемъ нужды не терпитъ и всѣмъ совершенно доволенъ, а въ заключеніе проситъ прислать ему сочиненія, если есть новыя.

Но мечты о перемѣщеніи и свиданіи съ братомъ были прерваны самымъ неожиданнымъ и непріятнымъ событіемъ, которое бѣдному гарнизонному офицеру должно было угрожать совершеннымъ разореніемъ. Вотъ какъ объ этомъ пишетъ Л. А. (отъ 27 марта 1818 г.): поздравивъ брата съ наступающимъ праздникомъ Воскресенія Христова, что онъ дѣлалъ ежегодно, продолжаетъ: «я, слава Богу, здоровъ и по *милости* твоей нужды не терплю. Мы теперь, любезный тя-

тенька, имѣемъ уже маршрутъ путешествія Государя Императора. Онъ сюда прибудетъ непремѣнно 25-го апрѣля на ночь, а 26-го здѣсь будетъ обѣдать, и уже дѣлаютъ приготовленія для угощенія Государя. Мы также приготовляемся: нашъ гарнизонный караулъ Ему будетъ, и для того баталіонный командиръ всѣмъ офицерамъ въ счетъ жалованія купилъ весь приборъ серебряный, т. е. шарфы, темляки, витишкеты, эполеты, и строитъ всѣмъ новые мундиры съ панталонами единообразные, что все будетъ стоить около 250 р. ассигн. на каждаго..., а если хорошій приборъ то и въ 400 р. не вогнали бы. И такъ теперь я долженъ быть почти цѣлый годъ безъ жалованія. Но я надѣюсь на тебя, голубчикъ тятенька, что ты меня не оставишь и не допустишь до нищеты... Прошу тебя, голубчикъ тятенька, помоги!» Письмо оканчивается безпрестанно повторяющеюся просьбою не лѣниться писать и прислать свои сочиненія.

Слѣдующее письмо (отъ 4 мая 1818 г.), какъ и должно ожидать, заключаетъ въ себѣ разсказъ о пребываніи Государя въ Каменцѣ-Подольскомъ. Описавъ обычную встрѣчу Государя духовенствомъ и дворянствомъ, Л. А. продолжаетъ: «скажу тебѣ, любезный тятенька, Государь во все время присутствія тутъ былъ весьма веселъ, любезенъ, и доволенъ; многихъ наградилъ. Баталіономъ нашимъ былъ весьма доволенъ, ибо нашъ баталіонъ во время государева пріѣзда стоялъ въ караулѣ. Баталіоннаго начальника нашего, подполковника Бурнашева, на другой же день произвелъ въ полковники и приказъ подписалъ. И могу сказать, что баталіонъ былъ одѣтъ очень хорошо; офицеры всѣ въ новыхъ мундирахъ и серебряномъ приборѣ, что для насъ немножко непріятно въ разсужденіи, что цѣлый годъ или болѣе должны выплачивать: каждый мундиръ съ серебрянымъ приборомъ стоитъ 234 руб. ассигн... Прошу тебя, любезный тятенька, не оставь, голубчикъ. Я на тебя надѣюсь, какъ на каменную гору. Да и на кого же мнѣ болѣе и надѣяться?»

Само собою разумѣется, что Ив. Ан. не заставилъ брата повторять свою просьбу. 18 мая 1818 г. Л. А. писалъ къ нему въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ нашелъ 250 р.

ас.: «Тысяча разъ благодарю тебя, голубчикъ мой, за твои ко мнѣ отеческія милости. Рѣдкіе и отцы столь щедры къ своимъ дѣтямъ, какъ ты ко мнѣ». Видно Ив. Ан. все еще помышлялъ о переводѣ брата куда нибудь поближе къ Петербургу, потому что въ этомъ же письмѣ находимъ слѣдующее замѣчаніе Л. А.: «Мнѣ весьма пріятно, любезный тятенька, что ты заботишься о перемѣщеніи къ себѣ поближе. Божусь тебѣ, голубчикъ, что я нетерпѣливо желаю тебя видѣть и обнять тебя». Онъ предоставляетъ брату и его пріятелямъ избрать для него мѣсто служенія, только проситъ, чтобы это мѣсто было или въ Гарнизонѣ, или въ Инвалидѣ».

Въ іюнѣ того же года Л. А. и безъ участія брата попалъ въ инвалидъ, по распоряженію батальоннаго командира полковника Бурнашева, который назначилъ его командиромъ Винницкой инвалидной команды и вмѣстѣ съ тѣмъ депутатомъ при слѣдствіи надъ кондрабандистами. Такимъ образомъ Л. А. получилъ въ нѣкоторомъ родѣ самостоятельное положеніе, съ которымъ, конечно, сопрягалось много заботъ и пропасть письма, что особенно устрашало его, уже давно страдавшаго глазами. «И такъ, любезный тятенька, заключаетъ онъ: я всѣ службы постепенно перешелъ: былъ въ гвардіи, въ арміи, въ гарнизонѣ, а теперь за дряхлостію въ инвалидъ попалъ, и не знаю буду ли имѣть въ ономъ покой». (Письмо отъ 22-го іюля, 1818 г. изъ Винницы).

Мѣсяца черезъ полтора (6-го авг. 1818 г.) Л. А., осмотрѣвшись на своемъ новомъ мѣстѣ, увидѣлъ, что о переводѣ его поближе къ брату необходимо пріостановить хлопоты, «ибо можно черезъ это огорчить начальство. Начальникъ же сдѣлалъ такое назначеніе во уваженіе его службы и поведенія». Матеріальное его положеніе не только не ухудшилось, напротивъ измѣнилось къ лучшему: сверхъ прежняго жалованья и деньщиковъ, онъ сталъ получать квартиру и дрова. «Можетъ быть и здѣсь будетъ хорошо», думалъ онъ. Тутъ у него явилась и другая мысль, которую онъ также сообщилъ брату: «хотя, говоритъ онъ, я ни въ чемъ нужды не терплю, по милости твоей; но хотѣлось бы, такъ какъ я теперъ совершенно на одномъ мѣстѣ живу, имѣть маленькую лачужку

и огородъ, а также завести корову и птицъ, что здѣсь очень выгодно... Да то бѣда, что денегъ на обзаведеніе нѣтъ.

Изъ письма, отъ 24-го сент. 1818 г. видно, что Ив. Ан. самъ былъ въ затруднительномъ положеніи и жаловался на петербургскую дороговизну: «Радуюсь, писалъ Л. А. въ отвѣтъ на его письмо отъ 11-го сент., что ты, любезный тятенька, здоровъ, только жаль, что ты обезденежалъ. Но Богъ милостивъ, опять будутъ деньги, лишь бы Богъ далъ здоровье». За тѣмъ онъ сравниваетъ Винницкія цѣны на съѣстные припасы съ петербургскими: «слѣдовательно, заключаетъ онъ, фунтъ говядины у насъ стоитъ только 8 коп., а не 30, какъ ты пишешь; и Богъ тебѣ надоумѣлъ, что ты меня не перевелъ въ Ораніенбаумъ, а то бы кромѣ безпокойства, я дѣйствительно нужду большую съ этими деньгами могъ претерпѣвать».—Между тѣмъ въ надеждѣ на будущія блага Л. А., не дожидаясь пособія отъ брата, купилъ за 100 р. ас. хуторокъ, чтобы впослѣдствіи обзавестись на немъ хозяйствомъ. Къ этому подстрекало его, во первыхъ; то, что масло, молоко, сыръ будутъ свои; во вторыхъ, птицы и яйца будутъ тоже не купленныя, а для птицъ приволье большое, потому что хуторъ окружонъ водою; къ тому же огородъ такъ великъ, что зелени и овощей съ него на цѣлый годъ достанетъ, да и работника не искать стать: «деньщика я имѣю одного женатаго, пишетъ онъ, который еще взятъ мною изъ арміи; онъ у меня живетъ уже 11 лѣтъ, я его довольно знаю и надѣюсь на него»... «Теперь задумалъ я, жувучи совершенно на мѣстѣ, завестись хозяйствомъ; мало по малу и птица свиваетъ себѣ гнѣздо. Только прошу тебя, любезный тятенька, если будешь имѣть деньги, не оставь въ теперешнемъ моемъ положеніи: жалованья я получилъ только 17 р. ас., а прочее все вычли за обмундировку, какъ я тебѣ прежде писалъ. И такъ я теперь, любезный тятенька, остался хотя не въ долгу, но въ весьма скудномъ состояніи; однако я совершенно на тебя, голубчикъ, мой надѣюсь; ты меня не допустишь до крайности»...

Покупка хутора и кое какія издержки на обзаведеніе должны были совершенно разстроить денежныя дѣла Л. А. Въ половинѣ ноября онъ, повторяя свои прежнія просьбы и надеж-

ды, извѣщалъ брата, что размѣнялъ уже послѣднія 25 р. ас., а жалованіе можно будетъ получить не раньше, какъ въ февралѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 3-го дек. 1818 г.) онъ, поздравляя брата съ наступающимъ праздникомъ и новымъ годомъ, умоляетъ его помочь ему, ибо «уже и въ долгъ захватилъ» и подумываетъ, не продать ли енотовую шубу, которую получилъ въ подарокъ отъ брата; но не рѣшается, потому что «боится холоду, какъ яду».

Изъ собственноручной надписи И. А. на этомъ письмѣ видно, что онъ предупредилъ эти просьбы. «Письмо съ деньгами (200 р. ас.), отмѣтилъ онъ, послано декабря 2-го, стало онъ получитъ декабря 20-го». Изъ отвѣта на это письмо видимъ, что И. А. укорилъ брата за неразсчетливость и желалъ знать, что за хуторъ, который его разорилъ, и что на немъ есть. Л. А. старается оправдаться и увѣряетъ брата, что лучшей и выгоднѣйшей покупки и сдѣлать не могъ. »Божусь тебѣ, говоритъ онъ, что еслибы не дорога изъ Каменца до Винницы, гдѣ я издержалъ на починку брички, и не поѣздка въ городъ Брацлавль для производства слѣдствія, то я бы до такой нужды не дошелъ. Прости меня, милый мой тятенька, что я тебя огорчилъ—единственно отъ моего слабаго ума». Описавъ подробно свой хуторъ и все находившееся на немъ имущество, и представивъ свои блестящія планы и надежды на будущее, Л. А. продолжаетъ: «Теперь прошу тебя, голубчикъ мой, сдѣлай милость, пришли свои сочиненія; въ моемъ монашескомъ уединеніи это меня весьма утѣшаетъ. А также, если хочешь меня одолжить, пришли мнѣ, если можно газеты, или *Инвалидъ*. Какъ я ужъ теперь и самъ инвалидный, это меня много займетъ; а то я здѣсь, признаться, въ такомъ городишкѣ, никого почти не знаю, да и не съ кѣмъ имѣть знакомства; ибо съ поляками я не сроденъ имѣть знакомство, да и онѣ какъ-то съ русскими на политикѣ, что для меня всего противнѣе».

Высочайшій приказъ объ утвержденіи Л. А. въ должности командира Винницкой инвалидной команды придалъ ему еще больше охоты заняться своимъ хозяйствомъ и утвердилъ его въ намѣреніи остаться навсегда въ Винницѣ. Онъ проситъ

брата (въ письмѣ отъ 25-го января 1819 г.) познакомиться съ его начальникомъ, полковникомъ Бурнашевымъ, уѣзжавшимъ въ это время въ Петербургъ. Хозяйство его постепенно расширялось; онъ даже купилъ лошадь, и подумывалъ о коровѣ; но не рѣшался покупать, потому что къ Пасхѣ могъ остаться безъ денегъ, «а этотъ праздникъ любитъ деньги». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ брату, что всѣ его басни вытвердилъ наизусть и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ новыхъ, и повторяетъ просьбу прислать ему «Инвалидъ»: «это ты для меня выиграй въ бостонъ», совѣтуетъ Л. А.

И. А. немедленно исполнилъ просьбу брата. Въ письмѣ отъ 26 апрѣля 1819 г. онъ благодаритъ его за присылку «Инвалида», который вмѣстѣ со скрипкою и хуторомъ увеселяютъ его и занимаютъ. Хозяйство на хуторѣ съ наступленіемъ весны значительно расширилось: «Я купилъ, пишетъ Л. А., двѣ коровы за 100 р. ас., цыплятъ у меня и гусенятъ до 50, огородъ огородилъ и вскопалъ, деревья въ саду распускаются,—будетъ чѣмъ потѣшиться...» «Одно только печально, прибавляетъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ, что нѣтъ надежды скоро съ тобою увидѣться».

Заботы о хозяйствѣ, наполнявшія жизнь Л. А., И. А. одобрилъ; не одобрилъ лишь покупки лошади; а потому письмо отъ 27-го мая наполнено доказательствами, что лошадь въ хозяйствѣ необходима и содержаніе ея не дорого обходится.— Это письмо, какъ и три предыдущія, заключаются просьбою о присылкѣ новыхъ сочиненій, что уже было прежде обѣщано. Надо замѣтить, что И. А. уже въ концѣ 18-го года готовилъ новое изданіе басенъ, которое вышло въ началѣ 1819 года.

Остальныя пять писемъ ,относящіяся къ этому году, не заключаютъ въ себѣ ничего достойнаго вниманія: тѣже просьбы писать чаще, не лѣниться, благодарности за присланныя деньги и извѣщенія о хозяйствѣ на хуторѣ, которое было, къ великому утѣшенію Л. А., въ прекрасномъ состояніи. И. А. съ своей стороны исполнилъ обѣщаніе: выслалъ брату экземпляръ басенъ, вышедшихъ въ свѣтъ новымъ изданіемъ. «А басни, пишетъ по этому поводу Л. А., тѣже, что ты прежде мнѣ прислалъ, съ прибавленіемъ только нѣсколькихъ новыхъ;

а я полагалъ, что по крайней мѣрѣ еще столько же ихъ написалъ. Однакожъ хотя не много, за то прекрасныя!»

Въ 1820 году Л. А. постигли два несчастія. Вотъ какъ онъ о первомъ разсказываетъ въ письмѣ отъ 24-го января: «Пожалѣй обо мнѣ: хуторъ мой сгорѣлъ сего января 15-го дня, въ 7 часовъ вечера. Деньщичья дочь 9-ти лѣтъ ходила въ сѣни съ огнемъ взять прядева и нечаянно зажгла. При этомъ сгорѣло: двѣ повозки, куръ 15, и гусей 10; а коровъ и лошадь успѣли вывести; двѣ коровы немного опалились, а сѣно, хотя и подлѣ самой хаты стояло, но вѣтеръ былъ въ противную сторону,—уцѣлѣло. Теперь деньщикъ живетъ въ чужой хатѣ... Лѣтомъ надо стараться поставить новую хатишку». Затѣмъ Л. А. извѣщаетъ брата, что онъ постоянно занятъ бумагами, ибо ожидаетъ съ часу на часъ батальоннаго начальника, который намѣревается смотрѣть его команду.

И. А. выразилъ сожалѣніе не только словомъ, но и дѣломъ. Слѣдующее письмо Л. А. (отъ 23-го марта 1820 г.) начинается такимъ образомъ: «Здравствуй, голубчикъ тятенька! цѣлую тебя мысленно тысячу разъ... Письмо твое получилъ я 20-го сего марта съ 300 р. ас. Благодарность мою за отеческія твои ко мнѣ милости можно только чувствовать, но не описать. Мнѣ весьма чувствительно, любезный тятенька, что при всемъ твоемъ недостаткѣ, какъ ты пишешь, прислалъ мнѣ 300 р. Я полагаю, что ты у себя отнялъ послѣднее или занялъ, хотя я не писалъ тебѣ о недостаткѣ своемъ, ибо я дѣйствительно, по милости твоей, до крайности не доходилъ, да и писалъ къ тебѣ отъ 9-го сего же мѣсяца *, что я уже купилъ хату за 50 р. ас. Но теперь я сдѣлался богачемъ и прошу тебя обо мнѣ не безпокоиться...» За тѣмъ, отвѣчая на вопросъ брата, Л. А. продолжаетъ: «Мнѣ странно, любезный тятенька, что ты думаешь, будто я владѣю хуторомъ безъ всякихъ на него бумагъ. Я купилъ его формально и утвердилъ крѣпостью на гербовой бумагѣ, за подписомъ магистрата; слѣдовательно, онъ и потомству нашему принадлежать будетъ, котораго, видно, у насъ никогда не будетъ. По желанію тво-

* *Это письмо не сохранилось.*

ему, планъ хутора я пришлю тебѣ, миленькій тятенька, только не прежде, какъ на Ѳоминой недѣлѣ, потому что теперь очень грязно и черезъ рѣку Бугъ не можно переѣхать... Ты увидишь, что мѣстоположеніе хутора очаровательно». — Въ припискѣ къ этому письму Л. А. проситъ брата извѣстить его, не произведенъ ли въ чинъ и не получилъ ли какого ордена. Объ этомъ Л. А. и прежде спрашивалъ брата нѣсколько разъ, но, видно, не получалъ никакого опредѣленнаго отвѣта.

Любопытство его вскорѣ было удовлетворено: въ апрѣлѣ 1820 г. онъ прочелъ въ Инвалидѣ, который получалъ постоянно, что И. А. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. и подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія написалъ слѣдующее: «Я до безпамятства обрадовался, увидя въ Инвалидѣ, что ты награжденъ... Дай Богъ, отъ всего сердца желаю тебѣ, болѣе и болѣе, чтобы я видѣлъ тебя въ голубой лентѣ. Умъ и добродѣтель твоя заслуживаютъ всѣхъ почестей на свѣтѣ». (Письмо отъ 24 апр. 1820 г.).

13-го апрѣля Л. А. послалъ брату планъ своего хутора; но изъ этого плана не только нельзя заключить ничего объ очаровательности мѣстоположенія, но и о количествѣ принадлежащей ему земли можно составить весьма смутное понятіе. Въ этомъ же письмѣ Л. А. говоритъ о своихъ безпокойствахъ: онъ съ часу на часъ ожидаетъ смотровъ, потому что есть слухъ, что Государь намѣревается смотрѣть армію.

Эти безпокойства продолжались весьма долго, какъ видно изъ письма отъ 5-го мая, въ которомъ Л. А. между прочимъ поздравляетъ брата съ новою наградою: «Твое письмо, пишетъ онъ, отъ 15 апрѣля, меня до крайности обрадовало. Поздравляю тебя, мой милый тятенька, съ великою монаршею милостью. Теперь я увѣренъ, ты не будешь больше имѣть нужды...» Эта награда состояла въ удвоеніи пансіона, который Крыловъ получалъ съ 1812 года изъ кабинета его величества.

1-го іюня сбылись опасенія Л. А. и при томъ самымъ непріятнымъ образомъ. «1-го іюня смотрѣлъ баталіонный командиръ полковникъ Бурнашевъ и меня такъ огорчилъ, что я

и теперь хожу какъ сумащедшій», писалъ онъ 15-го іюля. «Ему не показалось, что люди не такъ доведены въ обученіи, какъ въ арміи; но людей старыхъ, изувеченныхъ и поступающихъ въ инвалидъ совершенно ни къ какой службѣ неспособныхъ, мучить ученіемъ кажется все равно, что убивать и укрощать послѣдній остатокъ жизни ихъ; да и я самъ не въ силахъ доводить до совершенства, котораго требуютъ. Нѣкоторые мундиры, построенные мною, показались командиру не хороши. Они довольно просторны, и я ни мало не имѣлъ намѣренія на счетъ покройки интересоваться, какими нибудь 10 или 15 аршинами толстаго сѣраго сукна. Къ тому же, какъ сукно присылается изъ баталіона, то я полагалъ, что оно моченое, и по спросѣ моемъ, мочутъ ли здѣсь сукно, старые унтеръ-офицеры отвѣчали, что суконъ при командѣ никогда не мочили, да и въ прочихъ командахъ я узналъ, что суконъ не мочатъ, а такъ кроятъ, какъ присылаютъ изъ баталіона. Потому батиліонный командиръ отказалъ мнѣ отъ командованія, а поручилъ прапорщику другой команды. Изъ этого ты можешь судить, любезный тятенька, въ какомъ я теперь нахожусь огорченіи. Божусь, что насилу собрался къ тебѣ написать. Баталіонный командиръ думаетъ, что я весьма много интересуюсь отъ команды; но я клянусь тебѣ, голубчикъ тятенька, какъ брату, отцу и другу, что кромѣ жалованія ни на грошъ никогда не интересовался отъ команды. За грѣхъ и стыдъ почиталъ и почитаю чѣмъ нибудь непозволительнымъ пользоваться, черезъ что могъ бы потерять честь и доброе имя. Да и на что мнѣ? Я по милости твоей нужды ни въ чемъ не терплю. Прости, голубчикъ, силъ моихъ болѣе не достаетъ писать. Будь здоровъ и счастливъ. Остаюсь въ нетерпѣливомъ ожиданіи отъ тебя отвѣта».

И. А. дѣйствительно не замедлилъ отвѣтомъ. Чтобы читатели могли составить себѣ понятіе о смыслѣ этого отвѣта, приводимъ цѣликомъ письмо Л. А. отъ 24 іюля 1820 г. тѣмъ болѣе, что оно характеризуетъ отчасти самого автора и его служебное положеніе. «Письмо твое, отъ 4-го іюля, получилъ я, мой милый тятенька, сего іюля 23 дня, и весьма жалѣю, *что я писалъ* тебѣ о моемъ неудовольствіи, которое тебя такъ

огорчило. Ты мнѣ пишешь, любезный тятенька, что я будто бы не училъ людей экзерциціи; но я божусь тебѣ, что ученіе происходило, только много было препятствій: армейскіе стояли въ то время въ лагерѣ и инвалидные занимали по всему городу караулъ; къ тому же арестантовъ провожали безпрестанно инвалидные же, такъ что людей очень мало на лицо оставалось. Что же касается до немоченія суконъ, то во всѣхъ командахъ сукно не моченое, и я здѣсь первый разъ сдѣлалъ постройку мундировъ и полагалъ, что сукно мочено при баталіонѣ; но совсѣмъ тѣмъ мундиры очень хороши, и г-нъ полковникъ приказалъ сдѣлать пробу — намочить одинъ мундиръ, который, когда высохъ, то почти непримѣтно, чтобы ссѣлся. Я надѣюсь, голубчикъ тятенька, что меня г. полковникъ проститъ: онъ вчера смотрѣлъ команду и былъ очень доволенъ (представлялъ ему прапорщикъ), ибо команда недѣли три по два раза въ день училась, потому что нынѣ опять армейскіе занимаютъ всѣ караулы, и учить было способно. Впрочемъ я увѣренъ, что г. полковникъ обо мнѣ худыхъ мнѣній сердечно не имѣетъ. Я ему всегда былъ покоренъ, да и служа 34 года, съ малолѣтства научился повиноваться и всегда былъ начальниками любимъ, какъ ты и самъ былъ очевидецъ, когда пріѣхалъ ко мнѣ въ полкъ; и въ Каменцѣ командовалъ ротой при полковникѣ три года безотлучно... Ты мнѣ пишешь, голубчикъ тятенька, чтобы я съѣздилъ къ г. полковнику извиниться. Но онъ службу мою знаетъ, и я сму изъяснялся въ своей неумышленной винѣ. Я увѣренъ, что это все пройдетъ. Горячіе люди вообще всѣ добрые и разсудительные, и онъ меня проститъ со временемъ. Прошу тебя, голубчикъ мой, не безпокойся обо мнѣ: твое безпокойство болѣе меня будетъ мучить. Богъ милостивъ!» и проч.

Въ этомъ дѣлѣ Л. А. занималъ главнымъ образомъ вопросъ: донесетъ ли баталіонный командиръ высшему начальству о его неисправности и своемъ распоряженіи, или нѣтъ. Наконецъ черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ онъ узналъ отъ своего частнаго начальника, маіора Колтовскаго, который, по его выраженію, былъ ему больше другъ, чѣмъ начальникъ, что Бурнашевъ и не думаетъ доносить. Не смотря на то, Кол-

товской совѣтовалъ ему перейти въ неслужащій инвалидъ. Мысль эта очень понравилась Л. А.: «хотя мнѣ, пишетъ онъ (отъ 7 августа 1820 г.), полковникъ и отдастъ команду, то кромѣ хлопотъ я ежедневно долженъ опасаться подпасть подъ штрафъ; нынѣ же весьма строго взыскиваютъ за самую малость, особливо за побѣги арестантовъ. Не служащимъ же офицерамъ жалованье тоже, какъ и служащимъ... И такъ я ожидать буду отъ тебя, любезный тятенька, совѣта, подать ли мнѣ въ неслужащіе и въ какой городъ». Впрочемъ Л. А. тутъ же прибавляетъ, что оставаться въ Винницѣ ему удобнѣе: во первыхъ, привычка быть въ этомъ краю привязывала его къ этому городу, во-вторыхъ, дешевизна, и наконецъ, хуторокъ. «Впрочемъ, какъ ты, любезный тятенька, посовѣтуешь, такъ и сдѣлаю—изъ твоей воли ни на шагъ...»

Слѣдующее письмо (отъ 21 августа) принесло И. А. утѣшительное извѣстіе. 10-го августа Государь снова посѣтилъ Винницу и былъ всѣмъ доволенъ. Вѣроятно, это обстоятельство было причиною, что полковникъ Бурнашевъ «умилостивился» и возвратилъ команду Л. А., о чемъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ сообщаетъ брату.

И. А. отвѣчалъ ему на это извѣщеніе; но какого рода былъ этотъ отвѣтъ, судить нѣтъ возможности, потому что въ двухъ слѣдующихъ письмахъ, относящихся къ этому году, читаемъ только укоризны, что И. А. пишетъ очень мало, и просьбы писать подробнѣе и обстоятельнѣе. Что же касается до Л. А., то обычная жизнь, возмущенная описаннымъ выше происшествіемъ, снова вошла въ свое прежнее теченіе и хозяйство на хуторѣ, Инвалидъ и книжка басенъ снова поглотили все его вниманіе.

19-го декабря И. А. послалъ брату 150 р. ас. при письмѣ, содержаніе котораго отчасти опредѣляется отвѣтомъ Л. А., отъ 7 янв. 1821 года: «съ великимъ удовольствіемъ вижу изъ твоего письма, что ты имѣешь такого добраго начальника, который такъ къ тебѣ расположенъ, какъ къ родному. Желаю ему и всему его семейству всѣхъ благъ, которыми человѣкъ можетъ насладиться въ здѣшней жизни и въ будущей... Мнѣ *весьма пріятно* слышать, что императрицы къ тебѣ такъ бла-

госклонны, но не удивляюсь, зная твой разумъ, добродѣтель и счастливый характеръ. Я увѣренъ, что кто тебя разъ увидитъ и насладится твоимъ разговоромъ, тотъ конечно всѣмъ сердцемъ къ тебѣ прилепится и пожелаетъ быть съ тобою неразлучно. Только жалѣю очень, любезный тятенька, что твоя муза такая сонливая и лѣнивая», и проч.

Въ концѣ февраля (23-го) Л. А. извѣщалъ брата, что былъ опасно боленъ геммороемъ; на что И. А. отвѣчалъ соболѣзнованіемъ и добрымъ совѣтомъ воздерживаться отъ крѣпкихъ напитковъ, а сверхъ того интересовался состояніемъ хозяйства на хуторѣ. Поэтому слѣдующее письмо заключаетъ подробное перечисленіе всего имѣнія Л. А. Къ гусямъ, циплятамъ, огороду и прочему, въ настоящемъ случаѣ прибавляются пчелы, которыя «тоже подаютъ хорошую надежду».

Содержаніе остальныхъ одиннадцати писемъ, относящихся къ этому году, весьма однообразно и не представляетъ ничего особенно интереснаго. Во всѣхъ ихъ повторяются однѣ и тѣ же темы: отчетъ о состояніи хозяйства, просьбы отвѣчать на письма, и прислать свои сочиненія. Въ одномъ письмѣ отъ 19 ноября Л. А. извѣщаетъ брата, что вслѣдствіе командировки въ городъ Балту для производства слѣдствія о дракѣ мѣстнаго гарнизоннаго начальника съ какимъ-то гражданскимъ чиновникомъ, онъ совершенно разорился, ибо прогоновъ на такія поѣздки не выдаютъ; разумѣется, что И. А. немедленно же вывелъ брата изъ затруднительнаго положенія, пославъ ему 150 р. ас.

1822 годъ Л. А. началъ тѣмъ же, чѣмъ кончилъ 1821: благодарностію за присланныя деньги. Но на сей разъ къ выраженіямъ благодарности присовокупляются оправданія. «Благодарю тебя отъ всего моего сердца за твою братскую и отеческую ко мнѣ любовь и неоставленіе», пишетъ Л. А. 4 янв. 1822 г. «Божусь тебѣ, голубчикъ, что меня до глубины сердца пронуло, что я тебя опечалилъ моею просьбою о присылкѣ на сертукъ 100 р. ас. И дѣйствительно, я много предъ тобою виноватъ и неблагодаренъ. Мнѣ бы можно было поддержаться съ такою просьбою, ибо я не въ такой крайней нуждѣ находился, потому что у меня и изъ 150 р. твоихъ

денегъ оставалось къ празднику рублей 70, а къ тому жъ я взялъ жалованье передъ новымъ годомъ 117 р. ас., а съ присланными 200 р. у меня теперь съ излишествомъ денегъ». Извѣстивъ брата о полученной снова командировкѣ для произведенія слѣдствія, Л. А. прибавляетъ: «Ты, можетъ быть, думаешь, голубчикъ, что я мотаю и во зло употребляю твои ко мнѣ милости. Но скажу тебѣ, что я уже старъ и дряхлъ, то и мотать мнѣ не кстати; да ты и самъ знаешь, что я смолоду не былъ мотомъ, а коли есть, не люблю себя морить и быть противъ другихъ свиньей...»

Ту же мысль продолжаетъ развивать Л. Андр. въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 18 янв.): Онъ сшилъ себѣ сюртукъ «прекрасный и прочный», который стоилъ ему 111 р. ас. Отдавъ въ этомъ отчетъ, онъ продолжаетъ: «Обо мнѣ не безпокойся, голубчикъ. Въ деньгахъ я не нуждаюсь, а если буду имѣть нужду, то напишу тебѣ. Я знаю, хотя ты немного и разсердишься, а все-таки пришлешь и не оставишь единоутробнаго братишку. На матовство, право, не употребляю твоихъ милостей...»

Однакожъ черезъ два мѣсяца Л. А. пришлось опять просить денегъ, впрочемъ обѣщанныхъ братомъ въ началѣ года. Къ тому побудили его два обстоятельства: во-первыхъ у него пала корова, которая стоила 50 р. ас., а во-вторыхъ, онъ немного промотался—купилъ себѣ серебряные часы и заплатилъ за нихъ 100 р. ас. «У меня часовъ не было, пишетъ онъ; я не помню, писалъ ли я тебѣ, что твои золотые часы съ эмалію еще 1813 въ году, подъ городомъ Пултускомъ, когда велъ плѣнныхъ французовъ до г. Минска, одинъ фрунцузскій поручикъ укралъ ихъ у меня».

Послѣ этого письма Л. А. заболѣлъ горячкою, почти въ тоже время лишился и другой коровы, предмета его особенной заботливости, обманулся въ своихъ ожиданіяхъ на счетъ урожая въ огородѣ и сѣнокоса, потому что все погибло отъ засухи; разочаровался въ «Академическихъ Вѣдомостяхъ», которыя въ этомъ году получалъ вмѣсто *Инвалида* и которыя его вовсе не удовлетворяли, потому что помѣщали извѣстія *о торгахъ*, продажахъ и подрядахъ и проходили молчаніемъ

интересныя для Л. А. извѣстія о производствахъ и повышеніяхъ. Обо всемъ этомъ онъ въ свое время писалъ къ брату и не получалъ отъ него ни слова въ отвѣтъ. Онъ терялся въ разнаго рода предположеніяхъ, думалъ даже, что И. А. совсѣмъ оставилъ Петербургъ и забылъ о существованіи брата, но ничто не могло прервать молчанія И. А. Наконецъ 22-го ноября онъ написалъ къ брату письмо, о содержаніи котораго нѣтъ возможности составить себѣ ни малѣйшаго понятія, и послалъ ему 200 р. ас., которыя были весьма кстати, потому что Л. А. уже давно побаивался, что къ празднику придется занимать.

Второе письмо (отъ 21 янв.) въ 1823 году было отослано съ уѣзжавшимъ въ Петербургъ прапорщикомъ уфимскаго полка, квартировавшаго въ Винницѣ, Ляховичемъ, чрезъ котораго Л. А. просилъ прислать книгъ. 6-го января 1823 г. Л. А. получилъ письмо отъ брата со вложеніемъ 200 р. ас. Отвѣтъ на это письмо (отъ 10 янв. 1823 г.) заключаетъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній, а потому мы приводимъ его съ малыми исключеніями: «Я несказанно радуюсь твоему увѣренію со мною дѣлиться, чѣмъ Богъ послалъ. Да наградитъ тебя Всевышній долголѣтнимъ здравіемъ и всякимъ благополучіемъ. Ты подлинно говоришь, какъ великодушный человѣкъ, что насъ только двое и послѣ насъ наслѣдниковъ никого не останется; но только не всѣ такъ думаютъ, а однѣ высокія благороднѣйшія души. Мы же теперь оба уже становимся старики, ибо мнѣ скоро 46 лѣтъ кончится (а въ службѣ 37 съ сентября пошелъ), а тебѣ, голубчикъ тятенька 54 скоро минетъ, а въ разлукѣ мы уже $17^1/_2$ лѣтъ. Но конечно, такъ Богу угодно. Будь его святая воля, онъ знаетъ, что дѣлаетъ». Далѣе Л. А. извѣщаетъ брата, что онъ здоровъ, «но только, продолжаетъ онъ, такъ изнуряюсь службою, которая мнѣ совершенно становится тягостна, что хотѣлъ бы отъ командованія удалиться. Глаза мои, чѣмъ далѣе, тѣмъ становятся слабѣе, и если ты хочешь, любезный тятенька, сдѣлать мнѣ величайшую милость и тѣмъ продолжить мою жизнь, то прошу тебя со слезами попроси гр. Комаровскаго или дежурнаго при немъ генерала-маіора Мухина, чтобы сдѣлали

*

предписаніе г. полковнику Бурнашеву удалить меня отъ командованія; ибо есть молодые люди въ гарнизонѣ и въ инвалидахъ совершенно праздные; а старому, слабому и трудами изнуренному человѣку покою нѣтъ. Хотя я просилъ полковника Бурнашева, чтобъ онъ меня уволилъ отъ командованія, но онъ никакъ не согласился; а отъ инвалидовъ нынѣ весьма много требуется. Повѣришь ли, голубчикъ тятенька, мнѣ отпускаютъ на канцелярскіе расходы 50 р. ас. въ годъ, а выходитъ 100, и писать все таки некому: писаря не положено, а письма столько со всѣхъ сторонъ, что голова кружится, и я думаю, что я отъ него долженъ буду кончить жизнь, если меня не уволятъ отъ командованія или не переименуютъ въ неслужащіе... Кромѣ бумагъ требуется солдатъ доводить до совершеннаго познанія службы—и кого жъ?—старыхъ калѣкъ, глухихъ и слѣпыхъ. И такъ ты, любезный тятенька, изъ этого можешь судить о моемъ горькомъ положеніи...»

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 3 февр., онъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ этомъ прапорщикѣ: «онъ самъ вызвался доставить письмо И. А., какъ человѣку, котораго немного знаетъ, потому что недавно выпущенъ изъ 1-го кадетскаго корпуса». Здѣсь же Л. А. поздравляетъ брата съ полученіемъ отъ академіи золотой медали: «Я вчера начиталъ въ «Инвалидѣ», № 14, что истекшаго января 14 было въ академіи большое собраніе и съ неизрѣченною радостію увидѣлъ, что тебѣ и г. Карамзину за отличныя ваши сочиненія всѣ единодушно согласились поднести золотыя медали; а особливо тебѣ, голубчикъ тятенька, — самъ президентъ поднесъ медаль и съ рукоплесканіемъ всѣхъ присутствующихъ, чтó мнѣ тѣмъ болѣе радостно и лестно слышать, что всѣ ученые люди сердечно признали тебя достойнымъ. Теперь мнѣ весьма желательно знать, кто такой президентъ, а такъ же и другіе.... Пожалуйста, увѣдомь меня, голубчикъ, какое изображеніе на медали и надпись, и на какой лентѣ, и не полѣнись, срисуй мнѣ ее и пришли, чѣмъ много меня обрадуешь».

И. А. въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ *предупредилъ* просьбу брата въ своемъ письмѣ, отъ 28 января.

Вотъ отвѣтъ Л. А. на это письмо: «Письмо твое, отъ 28 января, получилъ я съ живѣйшимъ чувствомъ восторга и радости, съ благодареніемъ Всевышнему за Его къ тебѣ великія милости; и молю Его да наградитъ тебя по твоей истинной добродѣтели и здравому разуму, которые единодушно признаны всею почтеннѣйшею публикою. Ты, любезный тятенька, говоришь, что не могъ не прослезиться, получая чистосердечныя признанія твоего достоинства отъ всей публики. И дѣйствительно, какое бы каменное сердце могло удержаться отъ волненія и чувства благодарности, которое ты въ то время чувствовалъ... Ты предупредилъ меня, любезный тятенька, объясненіемъ церемоніи и исчисленіемъ присутствующихъ важныхъ особъ, а также и присылкою снимка съ полученной тобою медали...» Далѣе Л. А. благодаритъ брата за намѣреніе перевести его въ неслужащій инвалидъ, которое онъ думалъ привести въ исполненіе при содѣйствіи какого-то его стараго пріятеля Щулепникова. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ полковникъ Бурнашевъ, непосредственный начальникъ Л. А., получилъ изъ Петербурга письмо, вслѣдствіе котораго предложилъ ему подать прошеніе на Высочайшее имя о переводѣ въ неслужащій инвалидъ и представить лѣкарское свидѣтельство. Въ письмѣ отъ 17 марта 1823 года онъ благодаритъ брата за содѣйствіе и проситъ поторопить дѣло, если оно пойдетъ по начальству и дойдетъ до главнаго начальника графа Комаровскаго.

29 марта Ив. А. снова писалъ къ брату и послалъ ему 300 р. ас. Отвѣтъ на это письмо показываетъ, что И. А. интересовался состояніемъ хозяйства на хуторѣ (которое, замѣтимъ кстати, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ пришло въ упадокъ); но ни слова не писалъ о прапорщикѣ Ляховичѣ, продолжительное пребываніе котораго въ Петербургѣ возбуждало сомнѣніе не только Л. А., но дяди его, полковаго командира уфимскаго полка.

Въ маѣ И. А. исполнилъ просьбу брата о книгахъ, а потому письмо отъ 9 іюня 1823 года посвящено преимущественно сужденіемъ о присланныхъ сочиненіяхъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ, полагая, что въ нихъ обнаружился не

одинъ личный взглядъ Л. А., но взглядъ огромнаго большинства, къ которому онъ принадлежалъ: «Читалъ я, пишетъ онъ, басни г. Измайлова; но въ сравненіи съ твоими, какъ небо отъ земли; ни той плавности въ слогѣ, ни красоты нѣтъ, а особливо простоты, съ какою ты имѣешь секретъ писать, ибо твои басни грамотный мужикъ и солдатъ съ такою же пріятностію можетъ читать, хоть не понимая смысла оныхъ, какъ и ученый... Читалъ и сочиненія г. Жуковскаго, но онъ, какъ мнѣ кажется, пишетъ только для ученыхъ, и болѣе занимается вздоромъ, а потому слава его весьма ограничена. А также г. Гнѣдичъ, человѣкъ высокоумный и щеголяетъ на поприщѣ славы между немногими.—Но какъ ты, любезный тятенька, пишешь — это для всѣхъ: для малаго и для стараго, для ученаго и простаго, и всѣ тебя прославляютъ... Басни твои—это не басни, а апостолъ».—Въ числѣ книгъ, посланныхъ И. А. былъ и французскій переводъ его басенъ. О самомъ переводѣ Л. А. отзывается сухо; но ему особенно пріятно было прочитать предисловіе: «Оно привело меня въ восторгъ, говоритъ онъ: онъ (авторъ) сердечно признается, что ты самыхъ отличныхъ талантовъ, и всякая бы просвѣщенная нація за честь себѣ поставила бы имѣть тебя своимъ соотечественникомъ. Этого, я думаю, еще никогда никто въ Россіи не слыхалъ».

Почти весь іюнь Л. А. проболѣлъ и обязанъ былъ выздоровленіемъ доброму пріятелю своему и сосѣду, уѣздному доктору Прокоповичу. Донося объ этомъ И. А—чу уже 20 іюля, онъ укоряетъ его за то, что онъ не отвѣчаетъ на его письма. Но Л. А. не зналъ, что И. А. былъ въ то время боленъ, и что ему угрожала не меньшая опасность, отвращенная единственно заботливою попечительностію сначала семейства Олениныхъ, а потомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Оправившись отъ болѣзни И. А. немедленно сообщилъ брату о постигшемъ его несчастіи и о послѣдовавшихъ за нимъ событіяхъ, извѣстныхъ читателямъ изъ біографіи, написанной Плетневымъ. Извѣстіе это и обрадовало, и огорчило Л. А. «Письмо твое отъ 17 августа, пишетъ онъ, несказанно меня *обрадовало*. Благодарю Всевышняго Творца, что ты теперь

по милости его и попеченіями милосердной нашей Императрицы выздоровѣлъ. Мнѣ пріятно и лестно Государыни нашей и всего Августѣйшаго дома къ тебѣ благорасположеніе. Молю Создателя о здоровьи твоемъ и благополучіи и всей царской фамиліи, а также о твоемъ почтеннѣйшемъ начальникѣ г. Оленинѣ. Болѣзнь твоя была очень опасна и меня глубоко тронула; но, слава Богу, я теперь спокоенъ». — Къ письму, какъ видно, былъ приложенъ списокъ басни: *Василекъ*, о которой Л. А. выражается такимъ образомъ: «Басня твоя *Василекъ*, которую я вытвердилъ наизусть безпримѣрна и очень кстати написана: въ ней ты умѣлъ весьма тонко и серьезно изъявить свою благодарность великой нашей Императрицѣ... Басню эту я почитаю въ родѣ оды, весьма тонкой и хитрой, не имѣющей въ себѣ ни почерка грубой и постыдной лести, что во многихъ одахъ примѣтно».—И. А. въ своемъ письмѣ разсказывалъ, какъ проводилъ время въ Павловскѣ; это подало поводъ къ забавному недоразумѣнію: «Ты пишешь, любезный тятенька, что ты былъ всегда за столомъ Императрицы и участвовалъ во всѣхъ играхъ, и игралъ роль въ твоей баснѣ Фоки, а князь Голицынъ Демьяна, а г-жа Ушакова жену его. Пожалуйста, голубчикъ, объясни мнѣ: развѣ сдѣлалъ ты изъ басни оперу, ибо говоришь, что на оную сочинена музыка; но я объ этомъ нигдѣ не находилъ въ газетахъ. Сдѣлай милость, если ты изъ басни сдѣлалъ оперу, пришли мнѣ ее, голубчикъ. Она должна быть чрезвычайна»...

Въ этомъ письмѣ Л. А. увѣдомляетъ брата, что прошеніе его о переводѣ въ неслужащій инвалидъ графъ Комаровскій возвратилъ, потому что «неслужащіе уничтожены, а слѣдовательно и прошеніе не можетъ быть представлено Государю. «И такъ, заключаетъ онъ, видно, Богу угодно, чтобы я еще тянулъ службу, хотя и черезъ силу».

Слѣдующія два письма не представляютъ ничего особенно интереснаго. Оба они посвящены отчетамъ о хозяйствѣ, которое осенью значительно поправилось, и объ образѣ жизни, въ которомъ не произошло никакихъ перемѣнъ; только здоровье Л. А. стало замѣтно слабѣть, такъ что въ письмѣ, отъ

12 января 1824 г., онъ сравниваетъ себя съ термометромъ, на которомъ отражаются всѣ перемѣны погоды.

12-го марта онъ отвѣчалъ брату на короткое письмо, заключавшее въ себѣ 500 руб. ас.—Ив. А. интересовался его хозяйствомъ, образомъ жизни и здоровьемъ. Поблагодаривъ брата за деньги, Л. А. сообщаетъ, что, по милости его, живетъ совершенно хорошо, значительно потолстѣлъ, такъ что приходится шить новый мундиръ, и въ заключеніе проситъ прислать ему экземпляръ новыхъ басенъ, о скоромъ выходѣ которыхъ было объявлено въ «Инвалидѣ».

Въ апрѣлѣ Л. А. заболѣлъ довольно сильно вслѣдствіе быстраго перехода отъ строгаго поста къ скоромной пищѣ. Извѣстивъ объ этомъ И. А., онъ проситъ его не лѣниться, написать хоть десять строкъ, тѣмъ болѣе, что скоро наступитъ время, когда онъ обыкновенно уѣзжаетъ въ деревню со своимъ начальникомъ, Оленинымъ. Ив. А. исполнилъ эту просьбу черезъ мѣсяцъ. Вотъ отвѣтъ на это письмо:

«Письмо твое отъ 20 мая я получилъ 5-го сего мѣсяца съ неизреченною радостію. Благодарю Бога, что ты здоровъ и что онъ наградилъ тебя такимъ почтеннѣйшимъ, добрымъ и любезнымъ начальникомъ, каковъ твой благодѣтель г. Оленинъ. Докладъ его государю о наградѣ тебѣ, любезный тятенька, я читалъ съ великимъ восхищеніемъ. И подлинно, неудивительно, что твой почтенный благодѣтель умѣетъ быть любимымъ государемъ. Докладъ написанъ чрезвычайно хорошо». Л. А. снялъ себѣ съ него копію, а подлинный возвратилъ брату.

Въ послѣдующихъ двухъ письмахъ не находимъ ничего достойнаго вниманія: тѣже безпрестанно повторяющіяся извѣстія о смотрахъ и просьбы писать чаще. Наконецъ 11-го августа И. А. извѣстилъ брата, что ѣздилъ въ Ревель да еще и моремъ. Это весьма обезпокоило стараго воина: «Благодарю Бога, что ты благополучно совершилъ свое путешествіе, и радуюсь сердечно, что ты здоровъ. Но если бы я прежде узналъ, то бы мнѣ это не дало спокойствія, покамѣсть не узналъ бы о твоемъ благополучномъ возвращеніи, ибо я, какъ тебѣ извѣстно, испыталъ сію непостоянную стихію: шесть

мѣсяцевъ не сходилъ съ корабля и видѣлъ всѣ ея проказы. И такъ ты теперь, любезный тятенька, можешь назваться мореходцемъ, только совѣтую впередъ безъ нужды не отдаваться прелестямъ сей обманчивой стихіи. — Мнѣ весьма пріятно и лестно слышать, любезный тятенька, о благорасположеніи къ тебѣ нашей Государыни и всего августѣйшаго дома. Да будетъ надъ ними навсегда благодать Божія». О себѣ не доноситъ онъ ничего особеннаго и въ заключеніе письма проситъ прислать ему новый портретъ, который печатается по просьбѣ Оленина. Тѣже просьбы повторяются и въ письмѣ отъ 29-го октября.

Ровно черезъ мѣсяцъ И. А. снова получилъ изъ Винницы письмо, но уже писанное чужою, незнакомою рукою. «Съ душевнымъ прискорбіемъ», пишетъ авторъ этого письма, ближайшій начальникъ его брата, маіоръ Колтовской,—«берусь за перо, чтобъ начертать Вамъ нѣсколько строкъ о потери брата Вашего Льва Андреевича. Онъ оставилъ сей свѣтъ по кратковременной болѣзни, ноября 25-го, поутру въ 8 часовъ. Пять дней былъ онъ боленъ сильною горячкою, а въ шестой скончался. Послѣднее письмо Ваше онъ получилъ 22 ноября, но не могъ уже онаго читать и попросилъ прочесть оное находящагося при немъ штабъ-лекаря уфимскаго полка, и наконецъ поцѣловавъ портретъ Вашъ, сказалъ въ слезахъ: «Ахъ, любезный братъ, ты не знаешь, какъ я боленъ!»

За тѣмъ м. Колтовской сообщаетъ, что тѣло покойнаго предано землѣ въ оградѣ Благовѣщенскаго дѣвичьяго монастыря, причемъ отдана ему послѣдняя воинская почесть тремя ружейными залпами, «возвѣстившими конецъ всѣмъ мірскимъ суетамъ». Послѣ похоронъ Колтовской опросилъ команду, которая не изъявила никакихъ претензій на бывшаго командира и передалъ ее старшему въ командѣ офицеру.

«Съ наличными оной команды г.г. офицерами, продолжаетъ онъ, сдѣлалъ я опись всѣмъ вещамъ и деньгамъ *, оставшимся послѣ его смерти, которую на разсмотрѣніе ваше и распоряженіе при семъ препровождаю. Подъ священною

* Эта опись хранится въ бумагахъ К. С. Савельева.

клятвою доношу Вамъ, что болѣе показаннаго въ реестрѣ вещей и денегъ ничего не осталось. Я только осмѣлился взять себѣ одну изъ книгъ, римскую исторію, для своего сына и портретъ Вашъ, присланный при послѣднемъ письмѣ, въ знакъ памяти, и тотъ не иначе оставлю у себя, какъ съ позволенія Вашего».

Сверхъ того авторъ письма упоминаетъ о нѣкоторыхъ лицахъ особенно близкихъ къ покойному. То были: казенный деньщикъ, служившій у него 18 лѣтъ, старшій унтеръ-офицеръ его команды Усатовъ и отставной подполковникъ Шкуринъ, который былъ съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, нѣкоторое время читалъ самъ надъ нимъ псалтирь и заботился объ устройствѣ печальной церемоніи до прибытія въ Винницу Колтовскаго.

И. А. немедленно сдѣлалъ распоряженіе. Изъ благодарственныхъ писемъ, полученныхъ имъ изъ Винницы, видно, что хуторъ со всѣмъ строеніемъ, принадлежащими къ хозяйству вещами, а также двѣ коровы съ телятами, и 75 р. ас. онъ отдалъ во владѣніе деньщику, Василью Гаврилову; всю рухлядь—унтеръ-офицеру Усатову; сверхъ того женѣ подпоручика винницкой инвалидной команды, Марьѣ Михайловнѣ Ступиковой въ память о своемъ братѣ, при которомъ она находилась во время его болѣзни, — двѣ серебряныя столовыя ложки, одну чайную, ситце, тобакерку и стаканъ, также серебряные.

Въ письмѣ своемъ къ Колтовскому И. А. высказалъ желаніе узнать, кто такой Шкуринъ, и выразилъ ему благодарность за участіе, которое онъ принималъ въ его братѣ до прибытія Колтовскаго. На это Шкуринъ отвѣчалъ Ив. Анд. пространнымъ письмомъ, отъ 6 января 1825 г.; изъ него приводимъ только начальныя строки, которыя вмѣстѣ съ обстоятельствами упоминаемыми ниже, обнаруживаютъ, что за человѣкъ былъ этотъ отставной подполковникъ Шкуринъ:

«Милостивый государь, Иванъ Андреевичъ, письмо Ваше, полученное Колтовскимъ, я читалъ! Вы желаете знать о подполковникѣ Шкуринѣ. Я живу въ Винницѣ, не желая слышать ни отъ кого, ни за что благодарности!» — Далѣе онъ

рекомендуетъ И. А-чу разныхъ лицъ, заслужившихъ отъ него «подарка» своимъ вниманіемъ къ его брату. Письмо, о рѣзкости и брюзгливости тона котораго можно заключить изъ приведенныхъ выше строкъ оканчивается слѣдующею просьбою: «Всегда пользовался я присылаемыми отъ Васъ къ брату въ Винницу газетами. Прошу васъ и на сей годъ на счетъ мой выписать С.-Петербургскія газеты, въ коихъ болѣе пишутъ политическаго, какъ въ Инвалидѣ. Деньги за оныя съ первою почтою получите». За тѣмъ онъ совѣтуетъ И. А. успокоиться и «не убиваться» и въ постскриптумъ прибавляетъ: «Любовь брата вашего дороже мнѣ всего. Рота инвалидная знаетъ это. За добро, — правило есть мое, — платить онымъ». Къ чему относится послѣднее замѣчаніе, рѣшить трудно.

Этимъ переписка однакожъ не кончилась. Въ концѣ августа И. А. получилъ еще письмо отъ Колтовскаго, который проситъ увѣдомить его, получены ли двѣ купчія крѣпости на хуторъ и 300 р. отосланные ему до полученія его распоряженія. Первыя были необходимы, чтобы ввести деньщика во владѣніе отданнымъ ему хуторомъ; изъ послѣднихъ же нужно было возвратить въ артель 115 р., взятые на похороны Л. А. Въ концѣ письма Колтовской прибавляетъ, что Вас. Вас. Шкуринъ въ ночь съ 13 на 14 марта неизвѣстными людьми былъ убитъ и ограбленъ до послѣдняго. «Онъ имѣлъ въ вещахъ и деньгахъ порядочное состояніе, но отъ излишнихъ повидимому разсчетовъ нанималъ квартиру у одной крестьянки вдовы въ деревнѣ въ двухъ верстахъ отъ Винницы, не имѣлъ при себѣ даже служителя. Хозяйка и два работника содержатся въ тюрьмѣ по подозрѣнію, однако ни вещей, ни денегъ тоже ни малѣйшаго слѣда не отыскано».

На этомъ письмѣ рукою Ив. Андр. отмѣчено: «Отвѣтъ посланъ авг. 31 д. со вложеніемъ 120 р.». *

* Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время, къ которому относится вся эта переписка, имѣющая въ виду преимущественно матеріальные вопросы, самъ И. А. Крыловъ еще не пользовался тѣми благами міра, какими въ послѣдствіи осыпала его прихотливая фортуна. Послѣ смерти брата И. А. нашелъ другое лицо, съ которымъ могъ дѣлиться своими избытками;—это лицо была та дама, о которой въ біографіи, написанной Плетневымъ,

Теперь читателямъ интересно будетъ узнать, какъ принялъ И. А. извѣстіе о кончинѣ своего брата. Смерть, постигающая хотя по родству и близкаго, но вдали живущаго и давно невиданнаго человѣка, разлука съ которымъ уже вошла въ привычку, конечно, не можетъ такъ поразить, какъ утрата тѣхъ, съ кѣмъ сближаютъ ежедневныя личныя сношенія и одинаковые интересы. Однако жъ, отъ В. А. Олениной мы слышали, что внезапное извѣстіе о смерти брата сильно подѣйствовало на И. А. Онъ сдѣлался молчаливъ и мраченъ, хотя не измѣнилъ ни въ чемъ своего образа жизни: по прежнему онъ посѣщалъ клубъ, проводилъ вечера у Олениныхъ. Друзья его терялись въ предположеніяхъ, но не рѣшались спрашивать. Елисавета Марковна была единственное существо, имѣвшее право на его откровенность; но и она выжидала удобнаго случая. Такъ прошло недѣли три. Наконецъ И. А. повидимому сталъ приходить въ свое нормальное состояніе. Елисавета Марковна, улучшивъ минуту, спросила его: «что съ вами было Крылочка? Вы на себя не походили?» — У меня, Елисавета Марковна, было на свѣтѣ единственное существо, отвѣчалъ Крыловъ, связанное со мною кровными узами; у меня былъ братъ. Недавно онъ умеръ. Теперь я остался одинъ». Елисавета Марковна постаралась утѣшить его и съ тѣхъ поръ разговоръ объ этомъ предметѣ никогда не возобновлялся. — Искреннее чувство безмолвно...

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ прибавить, что, не смотря на опасеніе наскучить читателямъ мелочными подробностями, мы старались не упустить изъ виду ни одного факта, ни одной черты, которая могла бы служить къ уясненію отношеній между братьями. Эти отношенія открываютъ новую, нетронутую біографами сторону въ жизни Крылова и много способствуютъ къ возстановленію правильнаго взгляда на него, какъ человѣка. Характеристика его, написанная Вигелемъ,—

сказано: «Крыловъ, знавшій ее почти съ дѣтства, до смерти своей сохранилъ къ ней то уваженіе и дружбу, которыя внушаются прекрасными качествами сердца, высоко образованнымъ умомъ и наилучшимъ воспитаніемъ». (Объ этомъ свидѣтельствуетъ Ѳ. А. Оомъ).

произведеніе, по нашему мнѣнію, столько же блестящее, какъ и требующее строгой повѣрки,—не могла не оказать своихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что авторъ ея, отдавъ справедливость уму баснописца и сознавшись; «что если самъ имѣетъ сколько нибудь ума, то много около него набрался»,—заставляетъ читателя вѣрить ему безусловно. Даже Плетневъ, лично знавшій поэта и глубоко его уважавшій, не могъ не увлечься этой характеристикой и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ біографіи намекаетъ на тѣ черты, которыя такъ рѣзко очерчены Вигелемъ. Смѣемъ думать, что изложенные нами факты значительно измѣнятъ то понятіе о Крыловѣ, которое составляется по *Воспоминаніямъ* Вигеля. Мы же, съ своей стороны, не колеблясь, рѣшаемся примѣнить къ нему его же собственныя слова въ полной ихъ силѣ:

Кто добръ поистинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ.

Замѣтка *. Въ книгѣ, напечатанной въ типографіи при Академіи Наукъ 1869 года: «**Чтенія 2-го февраля 1868 года, въ память И. А. Крылова**, съ приложеніями», въ числѣ послѣднихъ, именно въ матеріалахъ, собранныхъ В. Ѳ. Кеневичемъ (на стр. 291), между прочимъ, сказано, что отецъ нашего баснописца И. А. Крылова, Андрей Прохоровичъ Крыловъ «**происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей**. Самъ же баснописецъ И. А. Крыловъ, какъ сказано на стр. 317, въ аттестатѣ объ отставкѣ его, данномъ 1-го марта 1841 года, показанъ «**изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей**». Далѣе, на стр. 324 и 325, въ перепискѣ Льва Андреевича Крылова съ роднымъ братомъ его баснописцемъ, выражено, что Левъ Андреевичъ «принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые проходятъ свое земное поприще, не ознаменовавъ его никакимъ замѣтнымъ дѣломъ, не возвысивъ и не унизивъ своей скромной доли и умираютъ, не оставивъ даже слѣда своего существованія». О проис-

* Настоящую замѣтку мы получили отъ почтеннаго Г. Н. Александрова уже тогда, какъ почти вся книга была отпечатана; а потому, не имѣя возможности сдѣлать необходимыя измѣненія и дополненія, помѣщаемъ ее цѣликомъ; причемъ приносимъ нашу искреннюю благодарность уважаемому ея автору. *В. К.*

хожденіи же его ничего не сказано. А вообще о службѣ его г. Кеневичъ говоритъ, что «Л. А. началъ службу въ гвардіи... потомъ **перешелъ въ армію, но по какой причинѣ, изъ писемъ не видно»**.

Мы сочли долгомъ восполнить здѣсь нѣкоторыя, не совсѣмъ ясныя и точныя мѣста и выраженія, въ его изложеніи *.

Изъ имѣющихся въ Московскомъ отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба послужныхъ списковъ Л. А-ча видно, что его честная жизнь прошла несовсѣмъ безслѣдно, и что относительно трудовъ его въ общей служебной іерархіи, безъ всякаго преувеличенія, могутъ быть приведены изъ басни знаменитаго брата его: **«Орелъ и Пчела»** слѣдующія слова:

«А я, родясь труды для общей пользы несть,
«Не отличать ищу свои работы,
«Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
«Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть».

Эта прекраснѣйшая, поучительная для всѣхъ классовъ народа, басня какъ будто нарочно, для утѣшенія бѣднаго, но кроткаго и добраго брата Л. А., написана. Она появилась въ свѣтъ въ 1813 году, когда Л. А. служилъ въ Подольскомъ внутреннемъ гарнизонномъ баталіонѣ и лишенъ былъ возможности участвовать въ славныхъ подвигахъ нашихъ войскъ въ войну съ Наполеономъ I.

Вотъ вкратцѣ служба Л. А. Крылова, показанная по формулярному его списку **за 1823 годъ**: Винницкой команды служащихъ инвалидовъ капитанъ Л. А. Крыловъ отъ роду 48 лѣтъ, изъ дворянъ; крестьянъ не имѣетъ. Службу началъ въ 1786 году, фурьеромъ, Л. Гв. въ Измайловскомъ полку и продолжалъ ее въ ономъ въ званіяхъ: подпрапорщика, каптенармуса и сержанта. Въ январѣ 1797, выпущенъ изъ гвардіи, подпоручикомъ, въ Орловскій мушкетерскій полкъ, въ коемъ служилъ по мартъ 1808. Въ мартѣ этого года, въ чинѣ капитана, переведенъ, за болѣзнію, въ Нижегородскій внутренній гарнизонный баталіонъ, изъ коего въ 1810, въ Хотинскій, а изъ сего, въ 1811, въ Подольскій гарнизонный баталіонъ. Наконецъ, въ 1818, въ Виницкую команду служищихъ инвалидовъ.

Участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ: въ 1799, съ Суворовымъ, противъ Французовъ въ Италіи и при трудномъ переходѣ

* Къ сожалѣнію, мы ранѣе не имѣли случая ознакомиться съ напечатанными г. Кеневичемъ свѣдѣніями о Крыловыхъ; поэтому и замѣтка наша является поздно.

чрезъ Альпійскія горы. Въ 1806 и 1807, противъ Турокъ въ Молдавіи и Валлахіи. Въ штрафахъ и отпускахъ не бывалъ, холостъ. Къ повышенію аттестовался достойнымъ.

.. Такимъ образомъ оказывается, что Л. А., пройдя честно путь своего служенія, внесъ въ общую жизнь народа и свою каплю меда, не ища себя отличать, по совѣту брата, высокимъ и славнымъ полетомъ.

Выше сказано, что отецъ И. и Л. Крыловыхъ показывался **изъ оберъ-офицерскихъ**, сынъ И. А. **изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей**, а меньшій изъ нихъ Л. А. **изъ дворянъ**. Это по существу хотя не важное дѣло, требуетъ однакожъ разъясненія. До извѣстной всѣмъ дворянской грамоты, 1785 года, дѣти офицеровъ, не имѣвшихъ ни вотчинъ, ни помѣстій своихъ и не записанные ни въ одной изъ губерній въ дворянскія родословныя книги, считались вообще оберъ-офицерскими дѣтьми. По грамотѣ же, данной дворянству Екатериною II-ю, въ 1785 году, всѣ лица, «состоявшія въ военной службѣ и пріобрѣтшія въ оной чинъ армейскаго офицера, считались потомственными дворянами со всемъ снисходящимъ поколѣніемъ.» На этомъ основаніи Левъ Андреевичъ и показывался по формулярнымъ спискамъ все время его служенія **изъ дворянъ**. Тѣмъ болѣе на это имѣлъ полное право и старшій его братъ И. А., славный баснописецъ. Но, вѣроятно, по характеру его, не легко подвижному, онъ на такую разность въ происхожденіи съ братомъ меньшимъ не обращалъ вниманія, такъ какъ по самому духу его нравоученій, напримѣръ, въ баснѣ «**Гуси**», въ глазахъ его, собственно не дворянство, а внутреннее достоинство человѣка имѣло важное значеніе.

Г. Кеневичъ, какъ сказано выше, не могъ объяснить по какой причинѣ Л. А. вышелъ на службу изъ гвардіи въ армію. А это объясняется очень просто. По именному указу Петра I, состоявшемуся 1-го января 1719 года (Пол. Соб. Зак. № 3265), «**никто изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей и дворянъ, не бывшихъ солдатомъ въ гвардіи, въ офицерскій чинъ не производился**». Въ силу этого закона, всѣ дворяне и оберъ-офицерскія дѣти должны были сперва пройти военную школу въ гвардіи, а потомъ уже, смотря по способностямъ, выпускались изъ оной, какъ впослѣдствіи изъ кадетскихъ корпусовъ, а нынѣ изъ военныхъ юнкерскихъ училищъ, въ армію и другія мѣста служенія. Выпуски такіе дѣлались большею частію въ радостные дни праздниковъ; напр. въ новый годъ, въ Пасху, Рождество Христово и въ дни рожденія и тезоименитствъ

царствующихъ особъ. Такимъ образомъ и Л. А., пробылъ въ Измайловскомъ полку столько, во сколько времени могъ подготовиться къ службѣ офицера въ арміи; былъ въ оную выпущенъ не за вину какую либо, а по существовавшему порядку, какъ бѣдный офицеръ, не имѣвшій ни состоянія содержать себя въ гвардіи, ни особыхъ покровителей.

Григорій Александровъ.

7 ноября 1875 года.
г. Москва.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

* Въ текстѣ опечатка: слѣдуетъ Куникомъ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

БАСЕНЪ КРЫЛОВА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

1814.

1815.

1816.

СТРАН.

(margin)

6 —